

ПОГРАНИЧНИКИ

Сборник

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЖИЗНЬ
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

ОСНОВАНА
В 1933 ГОДУ
М. ГОРЬКИМ

ВЫПУСК 10

(532)

Сборник

ПОГРАНИЧНИКИ

Издание третье, исправленное.

МОСКВА
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1977

**60-ЛЕТИЮ ПОГРАНИЧНЫХ ВОЙСК
ПОСВЯЩАЕТСЯ**

**Составители:
Г. АНАНЬЕВ и М. СМЕРНОВ**

**НИКОЛАЙ БЫСТРЫХ
АНДРЕЙ КОРОБИЦЫН
ИВАН МАСЛЕННИКОВ
ГРИГОРИЙ СТЕПАНОВ
КУЗЬМА СИНИЛОВ
ТИМОФЕЙ СТРОКАЧ
АЛЕКСЕЙ ЛОПАТИН
СЕРГЕЙ ГУСАРОВ
ЯКОВ РЕЗНИЧЕНКО**

П $\frac{70302-290}{078(02)-77}$ без объявл.

В личном деле Николая Михайловича Быстрых прежде всего бросается в глаза обилие анкет и маддатов. В этом, однако, нет ничего удивительного. То суровое время накладывало свой неповторимый отпечаток и на людей, и на документы. Революция хотела точно и достоверно знать, кто становится в строй ее борцов и защитников. Строки анкет, торопливо заполненных в окопах гражданской войны, в коридорах революционных штабов, в перерывах между чрезвычайными заседаниями, — эти строки анкет сразу же проходили суровую, беспощадную проверку. Миллионы бойцов за новую жизнь с честью выдержали революционный экзамен. В их числе и Быстрых.

Об анкетах времен революции можно было бы написать увлекательнейшую книгу. Те из них, что пощадило время, хранят в себе драгоценные штрихи эпохи.

В одной из анкет, заполненной 22 сентября 1920 года, на вопрос: «Ближайшие задачи по переживаемому моменту?» (как видим, анкетой проверялась и политическая зрелость бойца!) Н. М. Быстрых ответил: «Укрепить тыл, разбить Врангеля и польскую шляхту и зажечь пожар мировой революции».

В этом ответе весь Быстрых, его революционный романтизм, неукротимый энтузиазм, несгибаемая воля. В нем ярко проявились прекрасные черты того отважного поколения, которое символически представляется нам в виде бойца, держащего в одной руке винтовку, а в другой — серп и молот: нужно было одновременно и сражаться с врагом, и строить «светлое царство социализма».

Размышляя о незаурядной личности Николая Михайловича Быстрых, просто невозможно не вспомнить колоритное ядреное слово «самородок». Да, самородок, ибо как не подивиться тому, что простой паренек с Урала вдруг стал революционером, чекистом, организатором.

В 1912 году, когда девятнадцатилетний Николай Быстрых, рабочий-металлист Мотовилихинского завода на Урале, был арестован за распространение большевистской

«Правды», пожилой жандарм мрачно взглянул на юношу, прочитал неизвестное ему дотоле название конфискованной газеты.

— Ишь ты, «Правда», — пробасил жандарм. — Правды, стервец, захотел. Попробуй найди ее на этом свете! И заруби себе на носу: нет ее, одной правды-то.

— Есть, — упрямо ответил Николай. — Есть одна правда — большевистская.

— Есть, значит? — Жандарма взбесила непокорность парня. — Ну и полезай в кутузку — авось найдешь!

— А я уже нашел! — задорно ответил Николай, радуясь, что разъярил жандарма.

Николай Быстрых тогда еще не состоял в партии большевиков — он вступил в нее позднее, но душой, мыслями, делами он уже был с большевиками, с Лениным.

Николай Михайлович Быстрых родился 26 января 1893 года в Мотовилихе Пермской губернии. Отец его работал на пушечном заводе токарем по металлу, получил два увечья и вынужден был уйти на пенсию. Впрочем, слово «пенсия» в данном случае звучит слишком громко. Это были гроши — десять рублей в месяц. А в семье десять ртов, всех надо не только накормить, но и обути, одеть, выучить! Отец пытался прирабатывать пением в церкви, и все же жилось впроголодь, тяжело и беспросветно.

Едва Коле Быстрых исполнилось 14 лет, он бросил двухклассное училище и пошел на завод подручным. Работа была тяжелой, кровавые мозоли не сходили с детских рук, но Николай рад был тому, что ушел из семьи. Доведенный до отчаяния лишениями отец часто бил детей.

Мотовилихинский завод стал для Николая Быстрых истинной школой революционной закалки. Он писал в своей автобиографии:

«...на заводе меня окружала исключительно рабочая среда, и я воспитывал в себе исключительно рабочий дух. Я так полюбил свою профессию металлиста, что меня не тянуло ни на какую другую работу. Мои товарищи по станку были старыми революционерами, от которых я получил политическое воспитание».

Да, Николаю, можно сказать, повезло: вместе с ним работали большевики Василий Сивилев, Николай Гамов, Иван Бажков, братья Гребневы — Николай и Алексей. Особую роль в закалке Николая Быстрых сыграл Василий Максимович Сивилев, возвратившийся к тому времени из

ссылки. Он одним из первых рассказал Николаю о большевистской правде, о цели жизни. Здесь Николай познавал сущность таких слов, как «революция», «классовая борьба», «партия». Он усердно выполнял поручения Сивилева: распространял листовки, предупреждал рабочих, собравшихся на сходки, о появлении полиции.

Трудно было бы, пожалуй, найти лучшую школу для революционной закалки, чем Мотовилиха. Промышленные центры и заводские поселки Урала в предреволюционный период, а затем и в ходе революции были надежным оплотом большевистской партии. Достаточно сказать, что к началу 1918 года Уральская большевистская организация насчитывала свыше 35 тысяч членов, а в такой партийной организации, как Пермская (совместно с Мотовилихинской), состояло до 3 тысяч человек.

Революционная работа для Николая Быстрых стала жизнью. Не было ни одной забастовки на Мотовилихинском заводе, в которой не принимал бы он участия. Его увольняли с завода, трижды арестовывали.

С началом первой мировой войны Николая вместе с его сверстниками взяли в солдаты. Быстрых попал в 194-й Троицко-Сергиевский полк, затем был переведен в 107-й запасной и, наконец, в 3-й Саратовский пулеметный полк. И здесь Николай Быстрых ведет среди солдат большевистскую пропаганду. После Февральской революции его избрали членом полкового комитета.

В царской армии Быстрых дослужился до старшего унтер-офицера, его послали в школу прапорщиков, но путь в офицеры был закрыт напрочь: ему ли, сыну рабочего, неблагонадежному, вручать золотые офицерские погоны!

В июне 1917 года Быстрых, как специалист, был откомандирован на завод.

Накануне Октября он был принят в члены Российской социал-демократической рабочей партии (большевиков). Рекомендовала его вся Мотовилихинская партийная ячейка.

Мотовилиха жила предчувствием великих революционных событий, готовилась к новым боям. Быстрых участвует в подготовке вооруженного восстания, разоружает казахи эшелоны, возвращающиеся с фронта.

В октябре 1917 года большевики создали в Мотовилихе красногвардейский отряд. Быстрых был назначен начальником его пулеметной команды.

В декабре 1917 года была образована Всероссийская Чрезвычайная Комиссия по борьбе с контрреволюцией.

Партия зорко следила за тем, чтобы ряды ВЧК пополнялись прежде всего за счет коммунистов, чтобы все в составе ВЧК в центре и на местах — от руководителей до рядовых сотрудников — были бы истинными пролетарскими якобинцами — верными, храбрыми, неподкупными людьми, по определению Дзержинского, «с холодной головой, горячим сердцем и чистыми руками».

Как Николай Михайлович Быстрых стал чекистом? Чем объяснить, что именно на этом поприще особенно полно и всесторонне развернулись его незаурядные способности?

В. И. Ленину принадлежат слова, ставшие афоризмом: «Всякая революция лишь тогда чего-нибудь стоит, если она умеет защищаться»*.

Уметь защищаться... Уметь защищаться, когда на тебя, на твою только что обретенную в жестоких боях молодую Республику Советов идут полчища белогвардейцев и иностранных интервентов. Уметь защищаться, когда у них танки и самолеты, отличное вооружение, добротные, английского сукна, шинели, а у тебя десяток заржавленных патронов в подсумке, шинелишка, подбитая ветром, заплесневелый сухарь.

Уметь защищаться... Чтобы эти слова превратились в реальность, в строй защитников революции вставали все новые и новые бойцы — преданные, верные, готовые до последнего дыхания выполнять свой долг. В одну шеренгу с этими бойцами встал и Быстрых.

Кандидатура Николая Быстрых отвечала всем требованиям партии, предъявляемым к чекистам. Потомственный рабочий, он подчеркивал в одной из своих анкет: «Рабочий-пролетарий, весь век живу своим трудом».

В мае 1918 года Николай Михайлович Быстрых становится чекистом.

Это было удивительное, неповторимое время — бурное, сложное, требовавшее, чтобы на самых боевых постах находились люди, беззаветно преданные делу коммунизма.

Их учила жизнь, революция. Отсутствие опыта заменяли пролетарское, классовое чутье, самоотверженность, революционный энтузиазм. Да и опыт в огне боев приобретался во сто крат быстрее. Активных «штыков» недо-

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 37, с. 122.

ставало, работы было невпроворот. И потому нет ничего удивительного в том, что Быстрых волею партии перебрывался в этот период с одного участка на другой. Порой было и так: примет дела, доложит по инстанции, а ему уже вручают телеграмму: назначается на новый пост, срочно, без промедления убыть к новому месту службы. Но неизменным оставалось одно: всегда назначали туда, где пуще всех других качеств требовалась, как отмечено в его характеристике, «железная пролетарская выдержка».

В мае 1919 года, после работы в уездной Оханской ЧК Пермской губернии, а затем в Вятской губернской ЧК, Быстрых получает мандат начальника активной части особого отдела 3-й армии Восточного фронта.

Назначение было очень ответственным.

К началу 1919 года Восточный фронт стал наиболее тревожным. Колчак, поддерживаемый интервентами, нанес удар на северном участке фронта, чтобы в районе Пермь — Котлас соединиться с английскими и американскими войсками и совместно идти крестовым походом на Москву.

Армии Колчака удалось зажать в полукольце красноармейские части, защищавшие Пермь, и в конце декабря 1918 года захватить этот город. Дальнейшее наступление Колчака таило в себе серьезную угрозу для судьбы революции.

ЦК РКП(б) образовал комиссию для расследования причин сдачи Перми и поражений на Восточном фронте. В ее составе был и Ф. Э. Дзержинский. Среди причин катастрофы под Пермью комиссия ЦК назвала слабость армии и тыла, отсутствие твердого командования, засоренность штабов классово чуждыми элементами.

Дзержинский особой критике подверг штаб 3-й армии, в которой несколько позднее предстояло работать Быстрых. В штаб 3-й армии проникла группа белогвардейских офицеров, которые, пользуясь беспечностью командования, передавали в штаб Колчака ценные сведения о состоянии, дислокации и намерениях наших частей. Блокнот Дзержинского испещрен пометками: «Засилье чуждых элементов», «Не было верховного командования», «В одном из боев под Селянкой захватили адъютанта штаба дивизии противника, нашли у него карту дислокации наших войск...»

ЦК партии принял экстренные меры, которые привели к упрочению положения на Восточном фронте. В част-

ности, лучшие кадры коммунистов были направлены в 3-ю армию. Весной 1919 года наши войска начали наступление на Восточном фронте.

С этими событиями и совпадает назначение Быстрых. И хотя положение в 3-й армии было в основном выправлено, предстояла еще длительная борьба с агентурой противника.

Колчаковская агентура буквально наводнила тылы.

Начальником автомобильного управления армии был некий Каргальский, бывший царский полковник. На этом посту Каргальский чувствовал себя весьма вольготно: специалистов по автоделу в ту пору, естественно, можно было пересчитать по пальцам, и ему не стоило большого труда вводить в заблуждение командование. Не жалея красок, он рисовал отрадную картину состояния автотранспорта, а сам через доверенных и близких людей делал все, чтобы выводить из строя машины, столь необходимые фронту.

Прикрываясь своим авторитетом, Каргальский сколотил подпольную контрреволюционную группу, подкупами, обманом и шантажом вовлек в нее сотрудников ряда управлений штаба фронта и с их помощью добывал ценные сведения о частях.

Раскрыли вроде бы случайно — шофер, возивший Каргальского, однажды ночью замешкался у подъезда дома, где он жил, и стал невольным свидетелем его встречи с неизвестным в кожаной куртке. Каргальский, видимо, не ожидал прихода незваного гостя и начал зло отчитывать его, но тут же, вспомнив о шофере, перешел с русского языка на французский. Шофер сделал вид, что ничего не услышал, поспешно уехал, но через час обо всем знал Быстрых.

Установили наблюдение, выявились новые факты, и вскоре Каргальский и его подручные давали показания военному трибуналу.

Еще более сложным и значительным было дело полковника Кукова, поручиков Ельцова и Карагодина. Эти колчаковские офицеры сумели проникнуть в святая святых штаба 3-й армии — в ее разведотдел.

Располагая всеми видами связи, агенты передавали в штаб Колчака сведения о каждом нашем разведчике, отправлявшемся в тыл белых, заранее обрекая его на гибель. Они в короткий срок парализовали разведку 3-й армии, но были разоблачены и обезврежены.

Это лишь конечные результаты операций, которые

провел Николай Михайлович Быстрых в первые годы своей работы в ЧК. По ним же можно судить, насколько нелегок чекистский хлеб, сколько стоит за этими результатами бессонных ночей, адски нервного напряжения, сколько было решено сложнейших головоломок, какого невероятного труда потребовало каждое следственное дело.

Своего рода заключительным аккордом работы Быстрых в особом отделе 3-й армии была операция по выявлению агентуры Колчака среди пленных белых офицеров.

Красная Армия наступала, отвоевывала у Колчака Сибирь. Среди пленных колчаковцев было много белогвардейских офицеров. Многие из них до сих пор мечтали о восстановлении старых порядков, тешили себя надеждой на временный характер поражений. Колчаковцы готовились при благоприятной ситуации ударить в спину Красной Армии. Быстрых вовремя распознал эту опасность. Чекисты выявили организаторов заговора и предотвратили мятеж.

Меньше года проработал Быстрых в 3-й армии. 3 апреля 1920 года ему вручают новый мандат — начальника особого отдела Екатеринбургской губчека.

Здесь Быстрых руководит разгромом контрреволюционной организации в Тюмени.

А было так. Отступая под ударами Красной Армии, войска Колчака бежали из Тюмени. Но в городе по заданию белогвардейского штаба были оставлены в глубоком подполье колчаковцы. Среди них и супружеская чета Бенер. Аполлон и Анна Бенер, выходцы из богатой помещичьей семьи, охотно взялись выполнять задания колчаковского штаба. Бенеры жили уединенно, но слыли хлебосолами, часто принимали у себя гостей. Это облегчило им выполнение задания: никто не придавал особого значения тому, что в дом Бенеров то и дело наведывались люди. Постепенно Бенерам удалось собрать вокруг себя большую группу офицеров, которые намеревались поднять мятеж.

Однако и Бенеры, и их подручные вскоре были арестованы.

Между тем война еще не закончилась. Красная Армия разгромила Колчака, но на повестку дня снова встал штык — в апреле 1920 года буржуазно-помещичья Польша вторглась в Белоруссию и на Правобережную Украину.

Партия бросает все силы на Западный фронт, проводит новую общепартийную мобилизацию. В части дей-

ствующей армии влились тысячи коммунистов. На Западный фронт были посланы Ф. Э. Держинский, И. С. Уншлихт, А. Ф. Мясников, С. И. Аралов, Н. И. Горбунов и многие другие руководители партии и видные военные работники. Командующим Западным фронтом был назначен М. Н. Тухачевский.

В разработке плана разгрома белополяков непосредственное участие принимал В. И. Ленин. Главный удар предстояло нанести в Белоруссии, севернее Полесья.

Именно здесь, под Белостоком, находилась 16-я армия, в которую был послан и Николай Михайлович Быстрых. В этот напряженный период Быстрых (начальник особого отдела армии) постоянно на передовой. И неудивительно: май 1920 года выдался крайне тяжелым. Белополяки заняли Киев, продолжали наступать.

Вскоре после приезда Быстрых в 16-ю армию им была организована сложная чекистская операция.

Началось с того, что артиллерия белополяков стала вести исключительно точный прицельный огонь по позициям наших войск. Принимались все возможные меры, чтобы сбить с толку подозрительно сверхметких пушкарей противника: чаще, чем обычно, менялись огневые позиции, из одних окопов в другие перемещались подразделения, строились ложные огневые точки. И все тщетно: артиллеристы противника будто своими глазами видели все это. Снаряды как бы теряли интерес к опустевшим окопам. Огонь артиллерии обрушивался на новые, только что занятые нашими частями позиции, не проявляя никакого «внимания» к оставленным или ложным.

Дело дошло до того, что противник подверг артиллерийскому обстрелу штаб 10-й дивизии, во время которого погибли начдив и ряд сотрудников штаба.

Было ясно, что агентура белополяков, окопавшаяся в нашем тылу, снабжает свои штабы шпионскими сведениями и, более того, корректирует стрельбу артиллерии.

Быстрых собрал чекистов на экстренное совещание. Агенты врага представляют огромную опасность. И до тех пор, пока мы не выявим шпионскую сеть, нечего и думать об успешных боях против белополяков. Наступление наших войск было под угрозой.

Чекисты взялись за работу. Как-то одному из них крестьянка рассказала о том, что на базаре в Волковыске она слышала от своей знакомой: если победят красные, всех мужиков угонят в рабство в Сибирь... Чекисту удалось

узнать, кто пустил этот нелепый слухок, явно рассчитанный на то, чтобы вбить клин между Красной Армией и белорусским крестьянством. Звено за звеном, человек за человеком — и обнаружилась целая цепочка. Она привела к прихожанам, слушавшим проповеди в костеле, а от них к ксендзу Кляму, оказавшемуся матерым шпионом, руководителем контрреволюционной организации, в которой состояло до ста человек. Заодно с ним орудовала помещица Вольская. Их агенты сеяли ложные слухи, собирали секретные сведения о частях Красной Армии, готовили восстание.

Вскоре арестованные агенты выдали и тайну сверхметкости польских артиллеристов. Оказалось, что в Брест-Литовске на телефонной станции действует корректировщик. Он точно направлял снаряды противника, летевшие через Западный Буг.

После этого Быстрых вместе со своими чекистами начал поединок с известным в то время белопольским контрразведчиком поручиком Клецем. Этому опытному резиденту удалось создать в прифронтовой полосе разветвленную шпионскую сеть. Ее участники собирали информацию, взрывали железнодорожные мосты, склады с боеприпасами и другие военные объекты. Кроме того, резиденты разведок противника действовали в Минске, Седлице, Брест-Литовске.

Успех на фронте... Порой он представляется лишь как результат наступления мощной лавины войск и техники. Такое представление слишком прямолинейно. Не было бы этой мощной лавины, если бы и чекисты не вложили в подготовку победы свои силы, не смогли бы разгадать замыслы врага.

На фронте Быстрых не только разрабатывал чекистские операции, но и руководил ими.

Сохранился интересный документ — рапорт Быстрых на имя председателя особого отдела ВЧК:

«Сообщаю, что согласно заданию члена Реввоенсовета 16-й армии выехать с отрядом особого назначения на реку Наревка под Белосток для задержания отступающих частей нашей армии и водворения порядка в тылу наших войск я 20 августа выехал по направлению Волковыск — Белосток по железной дороге. Не доезжая 7—8 верст до Белостока, наш эшелон потерпел крушение благодаря разобранного пути и был обстрелян во время крушения ружейным и пулеметным огнем. Разобран путь был для от-

ступающего в то время из Белостока бронепоезда «Воля», на который также 21 августа сего года утром в 9—10 часов было сделано нападение и бронепоезд начал отходить по направлению на Волковыск, но путь ему был прегражден свалившимся нашим эшеломом под откос. Бандитами в количестве 200 человек с 3 пулеметами... было на месте крушения сделано вторичное нападение на бронепоезд, где часть команды была перебита и ранена, и бронепоезд попал в руки белополяков. Но благодаря принятым мерам (наш отряд был приведен в боевой порядок и повел наступление, а также был вызван вспомогательный поезд) белополяки были отогнаны и бронепоезд был спасен. Бой за сохранение бронепоезда продолжался в течение 8 часов, ремонт же пути 4 часа. Раненых было с нашей стороны 60 человек, убитых 15 и без вести пропавших 3 человека.

Начальник особого отдела 16-й армии Быстрых. 30 августа 1920 г.».

Когда читаешь рапорт, не можешь отделаться от мысли, что все это («отряд был приведен в боевой порядок и повел наступление») происходило стихийно, само по себе, без какого-либо влияния со стороны Быстрых, без особого напряжения. Лишь данные о количестве убитых и раненых, приведенные в конце рапорта, говорят о горячей схватке.

Конечно же, все было гораздо сложнее. Поезд потерпел крушение, теплушки пошли под откос. Выскочившие из них бойцы, еще плохо соображавшие, что произошло, тут же попали в засаду и залегли под огнем противника. Среди бойцов началось замешательство, нашелся и паникер, готовый обратиться в бегство. Но Быстрых первый оторвался от земли и повел бойцов в атаку. Расправились с паникером. Порядок был восстановлен. Восемь часов длился неравный бой — на стороне противника было и численное превосходство, и выгодная местность, и внезапность нападения, но чекисты выстояли, а затем и погнали врага, и спасли бронепоезд. Кроме того, после боя восстановили путь и бронепоезд.

За героизм, проявленный в этом бою, Быстрых был награжден орденом Красного Знамени. В наградном листе в графе «Мотивы награждения» отмечалось, что «четырёхлетняя деятельность тов. Быстрых в чекистских органах полна самоотверженной борьбы со всеми видами контрреволюции, борьбы, требовавшей и умения, и неис-

сяжаемой энергии, и революционной преданности. И тов. Быстрых с честью оправдал возлагавшиеся на него задачи».

С Западного фронта Быстрых перебрасывают на Крымский, где он принимает участие в разгроме врангелевских войск, находясь на посту начальника особого отдела 6-й армии. В ноябре 1920 года он прибывает в освобожденный Симферополь, где решением Крымревкома назначен начальником особого отдела ВЧК Крыма.

Наиболее примечательным событием в этот период была его работа в комиссии по фильтрации оставшейся в Крыму группы белых офицеров. По своему составу это была разношерстная масса — тут были и лица, занимавшие у Врангеля ответственные посты, и специально оставленная шпионская агентура. Были и колеблющиеся, которые уже расстались с иллюзиями и хотели связать свою судьбу с Советской властью. Быстрых и его аппарату предстояла большая и кропотливая работа: искоренить притаившихся контрреволюционеров и привлечь силы честных военных специалистов на службу революции.

Много сил и энергии вложил Быстрых и в разгром махновщины.

Махновские части в Крыму повели яростную анархистскую агитацию среди населения, стремясь восстановить его против Советской власти. Они все больше скатывались к прямому бандитизму. Командование Красной Армии отдало приказ об аресте штаба махновцев. Провел эту операцию Быстрых. В ночь с 26 на 27 ноября все сотрудники махновского штаба, включая его начальника Гавриленко, были арестованы. На рассвете 27 ноября Быстрых уже докладывал предревкома Крыма о выполнении задания.

Особая роль принадлежит Быстрых в следствии по делу полковника Евстафьева — резидента штаба Врангеля. Подрывная деятельность его группы охватила довольно обширный район — территории Одесской и Николаевской губерний. Евстафьев, вступив в прямой контакт с петлюровцами, создавал повстанческие отряды, поддерживал связь с Константинополем.

Четыре месяца вели чекисты невидимую схватку с врангелевской агентурой и одержали победу.

Чекистская деятельность Быстрых, прошедшего, по существу, все основные фронты гражданской войны, была по достоинству оценена — золотые часы с надписью:

«Честному воину Рабоче-Крестьянской Красной Армии».

В этом же году Ф. Э. Держинский наградил Быстрых почетным оружием — серебряной пашкой, на которой была выгравирована памятная надпись: «Николаю Михайловичу Быстрых за храбрость в борьбе с врагами Советской республики от Феликса Держинского».

Молодому Советскому государству необходимо было организовать надежную охрану и оборону границ. Законодательным актом, провозгласившим создание советских пограничных войск, был декрет Совета Народных Комиссаров об учреждении пограничной охраны, подписанный В. И. Лениным 28 мая 1918 года.

Пограничным войскам вменялось в обязанность пресекать контрабанду и нарушение границы, защищать богатства территориальных вод от расхищения, осуществлять надзор на пограничных реках за соблюдением правил международного судоходства, защищать население приграничья от нападения банд.

Декрет точно определил политическое, экономическое и военное значение охраны границ.

И после окончания гражданской войны государственная граница продолжала оставаться ареной ожесточенной классовой борьбы.

На заседании Политбюро ЦК РКП(б) 14 мая 1921 года, на котором присутствовал В. И. Ленин, слушается вопрос «Об охране границ». Чтобы государственная граница республики была неприступной для врагов, постановили «принять меры». Одной из этих мер было: «усилить пограничные войска коммунистами».

В самые критические периоды гражданской войны партия не раз проводила партийные мобилизации и благодаря им восстанавливала положение. Коммунисты цементировали ряды воинов.

Обобщая опыт гражданской войны, В. И. Ленин подчеркивал, что в более опасные моменты мы сосредоточивали лучшие наши партийные силы в Красной Армии, мы прибегали к мобилизации лучших из наших рабочих, мы обращались за поисками новых сил туда, где лежит наиболее глубокий корень нашей диктатуры.

Это же относится и к пограничным войскам.

«Усилить пограничные войска коммунистами»...

У многих тогда коммунистов рядом с партийным билетом лежал мандат: «Направляется в пограничные войска».

Этот мандат был вручен и Быстрых. В октябре 1923 года его назначают начальником пограничных войск ГПУ УССР.

Еще в 1921 году Совет Труда и Оборона принял постановление о создании специальных войск ВЧК, на которые возлагалась охрана границ РСФСР. 7 сентября 1923 года ЦИК Союза ССР утвердил Положение об охране границ СССР. Охрана сухопутных и морских границ во всех отношениях (за исключением чисто военной обороны) возлагалась на ОГПУ.

Реорганизация и укрепление пограничной охраны входила составной частью в мероприятия, осуществлявшиеся Коммунистической партией и Советским правительством в Вооруженных Силах и получившие название военной реформы.

Быстрых с головой уходит в новую для него работу. К февралю 1924 года произошла реорганизация охраны границы на основе объединения пограничных оперативных органов и пограничных войск. Были введены единая войсковая организация от округа до заставы, принципы единоначалия. Вместе с тем всемерно повышалась роль политорганов как проводников линии партии в войсках. Быстрых постоянно выезжает на самые боевые участки границы, организует пограничную службу, взаимодействие отрядов, заботится о наиболее целесообразной расстановке кадров.

27 сентября 1922 года Совет Труда и Оборона принял решение создать Отдельный пограничный корпус и передать его в полное ведение ГПУ. В феврале 1924 года были созданы пограничные округа, в том числе Западный (позднее Белорусский), Украинский и Крымский.

В Украинском округе, в котором начал работать Н. М. Быстрых, на охрану границы встали восемь пограничных отрядов: 19-й в Олевске, 20-й в Славуте, 21-й в Ямполе, 22-й в Волочиске, 23-й в Каменец-Подольском, 24-й в Могилев-Подольском, 25-й в Тирасполе, 26-й в Очакове. Пограничные отряды, преобразованные затем в отдельные комендантуры, были созданы также на Черноморском побережье и в Крыму.

Разумеется, создать отряды — это лишь первый шаг,

важно было обеспечить их службу, в трудных условиях ускорить процесс становления. Служба у пограничников западных рубежей была напряженной. Это не пугало Быстрых.

Будучи по натуре человеком исключительно требовательным, беспощадным к недостаткам, Николай Михайлович в то же время покорял людей своей самоотверженностью, личным обаянием, выдержкой и скромностью, умением принять наиболее правильное решение в самой сложной ситуации.

В период становления пограничных войск все эти качества имели чрезвычайно важное значение. Пограничным войскам ОГПУ Украины предстояло сравнительно малыми войсковыми силами перекрыть пути шпионам, диверсантам и контрабандистам, постоянно повышать боевую готовность застав.

В этой напряженной работе он опирался на помощь опытных, прошедших стальную закалку в огне гражданской войны командиров и политработников.

Среди них К. Ф. Телегин, пришедший на границу из Перекопской дивизии, будущий герой обороны Москвы в 1941 году, член Военного совета ряда фронтов, генерал-лейтенант.

Каменец-Подольский пограничный отряд возглавлял Иосиф Станиславович Киборт, рабочий, член партии с 1917 года, активный участник Октябрьской революции и гражданской войны. Он заслуженный чекист, начальник особых отделов легендарной 15-й Сивашской дивизии и 2-го конного корпуса червоного казачества, которым командовал прославленный герой гражданской войны Г. И. Котовский. Назначение Киборта в Каменец-Подольский не было случайным: отряд нес службу на исключительно ответственном участке, на стыке границ белопапанской Польши и боярской Румынии.

Много добрых слов можно сказать и об Иване Александровиче Воронцове, начальнике пограничных войск округа, который прошел до этого путь, весьма схожий с путем Быстрых, — был начальником особых отделов 12-й армии Киевского военного округа, работал в ОГПУ.

Таков был и личный состав пограничных войск. После гражданской войны для охраны границы были выделены лучшие части Красной Армии из прославленных дивизий легендарных народных полководцев М. В. Фрун-

зе, В. И. Чапаева, Н. А. Щорса, Г. И. Котовского, А. Я. Пархоменко.

В частности, на охрану западных границ встали части 12-й имени Петроградского Совета, 15-й Сивашской, 24-й Краснознаменной Железной Самаро-Ульяновской, 40-й Богучарской, 44-й Киевской и 51-й Перекопской стрелковых дивизий.

Только за один месяц 1921 года на участке границы, который охраняли части 24-й Краснознаменной дивизии, было задержано 68 нарушителей, 154 контрабандиста, изъято на 580 миллионов рублей контрабанды.

Максимум внимания сосредоточил Быстрых на том, чтобы приумножать боевые традиции, политически закалять личный состав, воспитывать у него чекистское мастерство. Часто бывая на границе, он постоянно напоминал пограничникам слова Ф. Э. Дзержинского, высказанные им в приветствии к делегатам II съезда политработников войск ГПУ в 1923 году:

«Перед вами стоят две важнейшие задачи: во-первых, продолжить и развить до наивысших пределов работу по воспитанию наших войск в духе и направлении деятельности органов ГПУ и, во-вторых, сделать из красноармейцев пограничной охраны железных и сознательных стражей советских границ.

...Вопрос об охране границ стоит в данный момент особенно остро. Граница СССР должна быть закрыта для контрреволюционеров и контрабандистов во что бы то ни стало. Пограничники охраняют экономическую независимость Советов и оберегают советскую землю от проникновения бандитов и шпионов. В итоге вашей политработы это должен уяснить себе каждый красноармеец. Это ваша цель, и без этого мы не обеспечим границ».

Рассматриваемый период полон героических примеров мужества, отваги, подлинного чекистского мастерства, проявленного пограничниками Украины. Только на участках пяти пограничных отрядов западной границы в 1922—1925 годах было задержано 2742 нарушителя границы, из них 655 являлись агентами империалистических разведок.

На одной из застав западной границы Быстрых узнал о подвиге пограничника Потени.

...Потения шел по делам службы с заставы в комендатуру. Стояла поздняя осень. Тропка вела пограничника по лесу. Пыхтели багрянцем уцелевшие после холодных ветров листья кленов. Вокруг было тихо, безлюдно.

Неожиданно у спуска в овраг Потения столкнулся с неизвестным мужчиной. На первый взгляд никаких подозрений он не вызывал: и по одежде, и по манере держаться типичный местный житель. Добрая улыбка на лице...

Однако Потения остановил неизвестного.

— Заблудился вот, — сказал он. — Не знаете, какой дорогой быстрее дойти до комендатуры?

— А я их не мерил, — насторожился незнакомец. — Знаю, что версты через две они вместе сойдутся.

Потение стало ясно: ничего себе местный житель, дороги не знает!

— Ловкач, — усмехнулся Потения. — Врешь — глазом не моргнешь. Предъяви документы!

Прохожий выудил из кармана поношенной куртки сложенный вчетверо листок бумаги. В удостоверении было сказано, что его предьявитель — ленинградский лесовод, командирован в здешнее лесничество. Все было в ажуре: штамп, печать, подписи...

— Извиняться придется, — нагло ваят съязвил лесовод. — Да я человек не гордый, обойдусь.

И зашагал было дальше.

— Стой! — Потения чувствовал неладное. — А как фамилия лесника? Где он живет?

— Да ты что, очумел? — возмутился тот. — Пойдем в комендатуру, разберемся...

И стремительно сунул руку в правый карман.

Потения рывком бросился ему под ноги. «Лесовод» выхватил револьвер, но не успел выстрелить. Завязалась борьба. Потения навалился на «лесовода». Подоспевшие лесорубы помогли схватить нарушителя.

Как выяснилось, задержанный оказался белогвардейским полковником, возглавлявшим разведывательно-террористическую организацию. Им были созданы шпионские группы и сеть явочных квартир. Полковнику удалось даже учредить «представительства» в Москве и Ленинграде. Потения задержал его в тот момент, когда он намеревался перейти границу.

Пограничникам Украины приходилось вступать в боевые схватки и с вражескими бандами, которые сколачивались за кордоном, вооружались до зубов, а затем прорывались через нашу границу, чтобы творить черные дела.

Разгром одной из таких банд связан с именем И. С. Киборта.

В конце 1925 года Быстрых получил тревожную теле-

грамму — на Подолии орудует новая банда: останавливает поезда, грабит пассажиров, расправляется с партийными и советскими работниками, не дает житья местным жителям. Быстрых знал, что во главе банды стоят бывшие петлюровцы, братья Овчаруки — Григорий и Евгений, и что они крепко связаны с польской разведкой. Банда, опираясь на пособников из местного кулачья, то и дело уходила от погони.

Быстрых принял решение: разгром банды Овчаруков поручить Киборту. В приказе, который был ему вручен, содержались конкретные меры, выполнение которых могло способствовать успеху операции.

Киборт прежде всего включил в группу самых отважных бойцов, таких, как Крючков, Костырко и Гаврилюк. Крючков в первую мировую войну был полным георгиевским кавалером. Впоследствии стал пограничником.

Чекистам удалось узнать, что банда скрывается у местного кулака в приграничном селе. Нужно было действовать смело и решительно.

Темной морозной ночью пограничники окружили село. Гаврилюк с местной жительницей-проводницей вошли в дом, где укрылись бандиты. Согласно разработанной легенде они должны были получить контрабанду.

Вскоре показался Гаврилюк. Он сообщил, что бандиты все пьяны и спят.

Пограничники внезапно вошли в дом. Евгений Овчарук, главарь банды, еще пытался стрелять, но было поздно.

Евгений Овчарук был схвачен, а чуть позже и его брат Григорий.

Совершенствованию пограничной службы Быстрых подчинил все — волю и опыт командиров, партийно-политическую работу, деятельность тыловиков. Он не терпел застоя мысли, равнодушия и косности. Личным примером стремился пробуждать у людей инициативу, желание вносить все новое, передовое в организацию охраны границы.

А надобность в этом была исключительно большая. В тактике войск преобладала так называемая линейная охрана, при которой наряды выслались лишь на линию границы, без эшелонирования в глубину. При такой тактике действий противник мог без особого труда изучить систему охраны границы и ващупать в ней уязвимые места. Если при этом нарушителю удавалось благополучно

миновать зону заложения пограничных нарядов, то он без особого риска получал возможность углубиться в наш тыл.

Быстрых понимал, что среди множества задач необходимо выделять главнейшую, неотложную. Такой задачей являлась организация пограничной службы.

Быстрых требовал, чтобы пограничные войска, восприняв все лучшее, ценное из того, что накоплено боевым опытом Красной Армии, в то же время неустанно овладевали чекистским мастерством, искусством высокой бдительности. В тактике действий пограничников, по мысли Быстрых, особенно велика потребность в таких чертах, как мобильность, маневренность, внезапность действий, высокая эффективность огневых и ударных средств, способность пограничников скрытно и одновременно появляться в нескольких пунктах, чтобы упредить нарушителя границы. Именно Быстрых был горячим приверженцем так называемых летучих отрядов (прообразы будущих маневренных групп), которые могли бы, даже будучи оторванными на длительное время от ядра пограничного отряда, успешно вести бой с диверсантами и вооруженными группами противника.

В начальный период становления войск нередко велись горячие споры: какими им быть? При этом одни ратовали за то, чтобы копировать армейскую тактику, другие утверждали, что пограничникам важнее сугубо чекистские методы.

Быстрых в этом вопросе проводил совершенно четкую и определенную линию: пограничник должен быть подготовлен и как первоклассный боец, владеющий общевойсковой тактикой, и как бдительный чекист, знающий специфику пограничной службы.

Поэтому, находясь в частях, Быстрых никогда не упускал возможности лично побывать на занятиях по боевой подготовке, требовал, чтобы каждое такое занятие было максимально приближено к реальной боевой ситуации, вероятной в условиях приграничья. Он не терпел формализма и шаблона в боевой учебе.

Как-то на занятиях по тактике его обеспокоило то обстоятельство, что начальник заставы не подвел итогов действий бойцов.

— Это называется: провели занятие и разошлись, — внушал он начальнику заставы. — А как же разбор, анализ? Запомните: командир не имеет права уходить с по-

левых занятий до тех пор, пока не указал на их сильные и слабые стороны, не отметил лучших бойцов.

Пограничная служба немыслима без всестороннего знания противника, его замыслов и методов действий. Быстрых постоянно побуждал своих подчиненных, весь личный состав войск хорошо знать обстановку в сопредельных странах, уметь делать из нее правильные и своевременные выводы, действовать так, чтобы нарушители не могли застать пограничников врасплох.

На одной из застав, которая охраняла участок границы с белопапской Польшей, Быстрых пошел вместе с пограничниками на службу.

— А где поляки, где расположен их наряд? — спросил он у бойцов.

Те растерянно молчали.

— Так нельзя, — сказал Быстрых. — Противник изучает нас, стремится выведать, где несут службу наши наряды. Так разве мы можем проявлять беспечность? Без знания противника охрана границы превращается в пустой звук.

Позднее, вернувшись из командировки, он рассказал об этом факте работникам своего аппарата, командирам частей.

Факты притупления бдительности, беспечности и ролевого возмущали Быстрых.

Однажды, побывав на днестровском участке границы, он был крайне возмущен тем, что здание заставы стоит на тактически невыгодной местности: все, что происходит на ее территории, видно с сопредельной стороны.

— Кто выбрал место для этой заставы, тот работал на противника, — со всей прямоотой и определенностью оценил этот факт Быстрых и принял меры к передислокации заставы.

Известно, что с самых первых шагов охраны границы родилась прекрасная традиция — крепкая, нерасторжимая дружба пограничников с местным населением.

Ф. Э. Дзержинский придавал большое значение вопросу завоевания пограничниками симпатий и доверия населения. В свое время он подчеркивал, что «лозунг партии «лицом к деревне» должен быть наиболее полно осуществлен в погранполосе, и это в большой мере ложится на погранохрану.

Доказывая на деле, что пограничник-чекист — неподкупный страж рабочих и крестьян, стоящий на передо-

вых позициях, помогающий примером и советом крестьянину строить его жизнь, вы добьетесь практического осуществления этой важнейшей для Советского Союза задачи.

С другой стороны, завоевывая симпатии населения, вы будете иметь лучших помощников в деле охраны границ и подготовите в случае войны решающее условие для победы».

Н. М. Быстрых понимал, что потребность в помощи народа в охране границы при малочисленности пограничных застав особенно велика. Участки были большими, совершенно отсутствовала инженерная и сигнализационная техника.

Нужно создать такую базу со стороны местного населения, со стороны бедноты, середняков, колхозников, чтобы у нас граница являлась ненарушимой, — так сформулировал эту важнейшую задачу Быстрых, выступая с докладом на первой окружной партийной конференции погранвойск Украины в июле 1934 года.

Он рассказал о том, как трудящиеся приграничья спешат на помощь воинам в зеленых фуражках, когда того требует обстановка.

Когда ночью на одной из застав прозвучал сигнал тревоги, активисты соседнего села устремились на помощь пограничникам. Они перекрыли все дороги, послали к начальнику заставы своих связных за получением дальнейших указаний. На другом участке того же отряда не прошло и пяти минут после тревоги, как местные жители и лесники верхом на лошадях прискакали на заставу и предложили свою помощь.

В селе Каменки крестьяне-бедняки не только сообщили пограничникам о готовящейся перейти границу большой группе кулаков, но и добровольно участвовали в их задержании.

Н. М. Быстрых стремился всячески поощрять тружеников приграничья, активно помогающих пограничникам. Вот один из приказов ГПУ УССР от 10 ноября 1926 года:

«26 августа с. г. по дороге из м. Олевск на с. Каменка благодаря содействию местного гражданина Ревуцкого были задержаны и доставлены в управление пограничного отряда двое вооруженных, перешедших границу с целью совершения террористических актов.

Отмечая этот случай как проявление сознательного и серьезного отношения местного пограничного населения

к охране государственной границы, ГПУ УССР выражает гражданину Ревуцкому революционную благодарность и награждает его плугом с надписью: «От ГПУ УССР гражданину Ревуцкому за оказанное им содействие пограничной охране к задержанию двух вооруженных нарушителей границы».

Рост индустриальной мощи СССР создал необходимые условия для того, чтобы и на границу пришла новая техника. В части и подразделения начинали поступать улучшенные образцы стрелкового оружия, различное инженерно-техническое оборудование, отечественные автомобили. Шел процесс постепенной моторизации войск. Разрабатывался перспективный план внедрения радиотехники, зарождалась пограничная авиация. Теперь уже не только добрый конь да свои надежные, натренированные ноги выручали бойца-пограничника.

Трудно было, пожалуй, найти в пограничных войсках Украины такого энтузиаста и борца за техническое оснащение границы, как Быстрых. Он без устали ратует за изучение техники, за овладение техническими знаниями прежде всего командным составом.

В предвидении того, что новая техника и оружие с каждым годом все в больших масштабах будут поступать в войска, Быстрых резко критикует и развенчивает доводы маловеров, вопрошавших: «Зачем изучать новую технику, когда ее пока что раз-два, и обчелся?»

Быстрых заботится о том, чтобы в войсках регулярно выписывали журналы «Наука и техника», «За рулем».

В связи с технизацией войск Быстрых выступает против былой разобщенности стрелковых и пулеметных отделений, которая ослабляла их боеспособность. Он отдает много сил проблеме создания так называемого унитарного отделения, сочетающего огневую мощь с ударной силой. В состав такого отделения входили два пулеметчика, два гранатометчика, шесть стрелков, два стрелка-истребителя, стрелок, вооруженный винтовкой с оптическим прицелом. Такое отделение, размещенное на грузовике, могло быстро маневрировать, вести бой даже в отрыве от главных сил.

Как-то среди комсостава зашел разговор о шоферах.

— Кто такой шофер? — включился в дискуссию Быстрых. — У нас он пока что не более чем извозчик за рулем. Умеет только привезти и отвезти. А знает ли он местность? Может ли действовать в боевой обстановке?

К сожалению, нет. А надо во что бы то ни стало добиться, чтобы техникой каждый боец владел в совершенстве.

Быстрых был инициатором стрелковых соревнований, эстафет, физической подготовки бойцов и командиров. Не случайно Украинский пограничный округ завоевал первенство на всесоюзных снайперских стрельбах. А за победу на всеармейских соревнованиях пограничникам Украинского округа в 1930 году были вручены два всесоюзных переходящих приза — имени Реввоенсовета СССР и Центрального Совета Осоавиахима.

Н. М. Быстрых всегда тянулся к знаниям. Человек, не получивший полного и систематического образования, он любил книгу. Читал много.

Может быть, именно поэтому он горячо поддержал идею о шефстве советских писателей над пограничниками.

В Москве, в Музее пограничных войск, есть весьма примечательный в этом отношении документ — красноармейская книжка, датированная 2 января 1933 года. В графе «Фамилия, имя, отчество» проставлено: «Горький Максим (А. М. Пешков)». Вверху четко выстроились слова: «Почетный пограничник», а ниже название части — «Каменец-Подольский пограничный отряд».

Это было большим событием в жизни пограничников Украины. Бойцы и командиры отряда обратились к великому пролетарскому писателю с письмом, в котором обещали отдать все свои силы и знания тому, чтобы он «мог гордиться своей частью как одной из передовых частей наших войск».

В 1931 году закончилась боевая служба Н. М. Быстрых на Украине. Итоги ее скупы, но достаточно четко оценены в одной из аттестаций: «Н. М. Быстрых поставил на должную высоту охрану украинской границы. Испытанный боевой чекист. Знает и любит военно-чекистскую работу. Обладает инициативой. Прекрасный товарищ».

Путь, которым ему довелось пройти, был тернист, на этом пути он и побеждал, и испытывал горечь поражений. Была у него, как рассказывают люди, близко знавшие его, и слабость: уж слишком любил фотографироваться. Что это — признак тщеславия? Видимо, нет — иначе бы тщеславие проявилось в поступках. Напротив, был он до щепетильности скромнен.

Одна из дочерей Н. М. Быстрых, В. Н. Сибирякова, и ныне живущая в Перми и работающая на машиностроительном заводе имени В. И. Ленина, и сейчас помнит трогательные подробности о своем отце. Дети видели его редко, но иногда он приезжал домой, и тогда детским восторгам не было удержу. Очень любил пельмени. Время было трудное, но как-то удалось достать муки. Нагрывул отец. И сам начал стряпать свое любимое блюдо. Дров не оказалось. Как сварить пельмени? Все же нашли выход — сварили на спиртовке.

Помнит Вера Николаевна и свою единственную елку — глубокой ночью (чтобы было сюрпризом!) наряжали ее. Помнит, как ехали с матерью к отцу в Харьков в теплушке, груженной углем, и как он, встречая их, не смог сдержать слез.

В 1931 году Николай Михайлович Быстрых выдвигается на должность начальника Главного управления пограничной охраны и начальником Главной инспекции ОГПУ по милиции по совместительству. Два года проработал он на этом посту. Здесь, в Москве, были уже иные масштабы — на плечи Быстрых легла ответственность за всю советскую границу.

В то время на стол начальника ГУПО каждый день стопкой ложились тревожные донесения из Средней Азии. В эти годы в пограничных районах Таджикистана, Узбекистана и Туркмении ожили банды басмачей. Они совершали разбойничьи налеты на нашу территорию из-за кордона, бесчинствовали, убивали партийных работников, жгли дома, грабили население.

Для борьбы с басмачеством вместе с другими работниками партия направляет в Среднюю Азию и Н. М. Быстрых.

С именем Н. М. Быстрых и командира сводного отряда Хорезмского полка войск ОГПУ И. И. Масленникова связана самая крупная операция по разгрому последней крупной банды басмачей в песках Каракумов в мае 1933 года.

Главари басмачей Дурды-Мурт и Ахмед-Бек были прямыми агентами английского империализма.

Восемь суток продолжалась погоня пограничников за басмачами. Пески, жажда, бойцы выбивались из сил. Тем, кто видел кинофильм «Тринадцать», нетрудно предста-

вить себе, в каких условиях совершал свой героический переход отряд. И все же пограничники успешно выполнили боевой приказ: настигли басмачей и вместе с добровольческими отрядами дехкан разбили их.

Части, охранявшие государственную границу с Ираном и Афганистаном, в 1930—1933 годах разгромили и ликвидировали более 66 басмаческих банд.

Именами героев-пограничников Григория Мезенцева, Антона Оношко, Леонида Кравченко, Давида Ярошевского, Ивана Поскребка, Василия Кондюрина, Андрея Бесценного, Гавриила Самохвалова, Степана Карпова и Илариона Кононенко названы пограничные заставы, на которых они служили.

За умелое руководство боевыми операциями против басмачей Н. М. Быстрых был награжден вторым орденом Красного Знамени и вторым нагрудным знаком «Почетный чекист». А когда исполнилась 15-я годовщина пограничных войск, на груди Быстрых засиял третий орден — Красной Звезды.

...Быстрых был всегда требователен, но не признавал разнососов. Он буквально покорял подчиненных своей выдержкой. Немногословный, с мягким украинским говором, Быстрых работал весело, с огоньком, умел вдохновлять людей.

Коренастый, с характерной походкой прирожденного кавалериста, он любил выехать на границу, обойти все владения инспектируемого отряда. Особенно следил за конной подготовкой бойцов и командиров — ведь без коня в пустыне пропадешь. Часто был инициатором интересных и полезных соревнований по стрельбе, рубке, строевой подготовке.

Помощником Быстрых работал Иван Иванович Ламанов, прославившийся в операции по разгрому банды курбаши Бердыева. В бою Ламанов погиб. Бойцы на собранные средства построили самолет пограничной авиации и назвали его «И. И. Ламанов». В Туркмении есть колхоз, который тоже носит его имя.

Быстрых и Ламанов работали дружно, согласованно. У них было нерушимое правило: обязательно беседовать с каждым командиром, прибывшим с границь.

Это был удивительно веселый, любящий острое слово, шутку человек. У него был чудесный голос. Любил в компании друзей спеть украинскую песню.

Немного их осталось — тех людей, которые лично зна-

ли Быстрых, но все они единодушны в его оценке — настоящий был человек.

После разгрома басмачества в Средней Азии Н. М. Быстрых снова в Москве. Его последняя должность — главный инспектор пограничной и внутренней охраны, а затем заместитель начальника Главного управления милиции НКВД.

Николай Михайлович Быстрых, как и его современники, человек своей эпохи. Эпоха отложила неповторимый и несхожий с другими отпечаток даже на его лицо: одухотворенное, устремленное к заветной мечте, прекрасное лицо большевика. Пронзительно-чистые глаза, по взгляду которых безошибочно чувствуешь, что в груди человека бьется пламенное сердце патриота.

Анатолий Марченко

Речушка, поросшая осокой, вьется меж извилистых берегов. Прибрежная трава толста, сочна и пахуча. Луга здесь обильные и цветистые, и хорошо ходят по ним косы. Лесом одеты влажные и серые низины, лес карабкается и по склонам холма, чтобы вновь сползти вниз, и скрывает лес в недрах своих болотные, ржавые, замерзающие зимой воды. А понизу расставлены пограничные столбики.

Это граница. Если кто шагнет через нее — оживет ближайший ольшаник, и винтовка часового, отрезая путь назад, остановит тотчас. Винтовка обращена дулом в тыл, чтобы не залетела случайно пуля на ту сторону. Вьется граница на север и на юг — болотами, лесами, полями.

До лета еще не скоро. Но уже мартовское весеннее солнце греет землю, и мешается снег с водой. Скоро совсем стает снег, и разольется все вокруг, ручьи, растекаясь и вновь сливаясь в один гремящий поток, с шумом ринутся по склонам поросшего сосной и елью холма, и начнет веселеть и зеленеть земля.

Из лесу на той стороне вышла молодая женщина в полушубке и высоких сапогах. Голова ее повязана коричневым шерстяным платком. С охапкой хвороста в руках она показалась из-за деревьев, глядя на шагающего по дозорной тропе нашего часового. Каких-нибудь тридцать шагов отделяли от него.

Часовой не обернулся. Тем же ровным шагом дошел он до ближайших кустов, исчез за ними и тотчас же присел, затаился. Отсюда он следил за каждым движением неизвестной женщины. Вот она, веселая и оживленная, приблизилась к самому берегу, осторожно ступая по рыхлому, мокрому снегу, вглядываясь в том направлении, где скрылся часовый. Постояв так у берега, она повернулась и вновь удалилась в лес.

Здесь она бросила ненужную вязанку и быстро двинулась от границы.

Очерк печатается с сокращением.

Громадный, плечистый человек в ушастой меховой шапке и тулупе поджидал ее, сидя на широком березовом пне и покуривая папироску. Он спросил кратко:

— Видели?

— Видела, — ответила женщина и прибавила насмешливо: — Хорошенький, молодой...

Голос у нее был грудной, певучий.

— Заманите, — сказал мужчина, — и будет вам награда. Денег дадим.

Женщина засмеялась, и ямочки на щеках сделали ее еще красивой и моложе.

— А вы правду говорите, что эти из наших мест, вологодские?

— Так точно. Новички пришли. Этот вологодский, и еще несколько земляков с ним.

Женщина помолчала, потом улыбка вновь осветила ее лицо. Без слов понятно было, что она согласна.

Часовой опять вышел на дозорную тропу и тут явно слышно услышал — уже не с той стороны, а с нашей — хруст, словно кто-то наступил на сучок.

— Стой! — тихо, почти шепотом окликнул он. — Кто идет?

Из-за деревьев показался начальник заставы, тонколицый, остроносый, чуть сутулый, в длинной кавалерийской шинели.

— Товарищ начальник заставы, на участке ничего не замечено. На сопредельной стороне ходила к берегу девица, несла хворосту охапку. Часовой Коробицын.

Говорил он тихо. Это был чернобровый парень, с прямым носом на большом румянном лице. Щеки у него были такие гладкие, словно он и не брился никогда.

Начальник заставы зашагал дальше проверять посты и секреты, то исчезая за деревьями и кустами, то вновь выходя на дозорную тропу. Он уже пять лет, с двадцать второго года, служил на этой границе, и каждая кочка, каждый кустик были знакомы ему.

В эти дни он особенно тщательно проверял участок: у недавно прибывших новичков последнего призыва еще нет достаточного опыта. К их приезду застава по-праздничному украшена, было собрание всех бойцов, увольняемые делились опытом, он сам рассказал об успехах и недостатках их работы, демонстрировал диаграммы по всем видам подготовки, увольняемые торжественно пере-

давали новичкам винтовки, и, конечно, каждый считал свою винтовку самой лучшей.

Затем старые пограничники повели молодых по участку, рассказывая им о гайнах лесов и болот.

Но полностью люди узнаются на практической работе — так считал начальник заставы. Привычная осторожность удерживала его от поспешных суждений о вновь прибывших бойцах.

Сам он стремился в действиях своих к той точности и четкости, без которых невозможна пограничная работа. Малейшая ошибка в таких делах, как расстановка постов, рассылка обходов, своевременная смена часовых, может повлечь за собой самые скверные последствия — нарушитель воспользуется тотчас же. А участок этот был активный, и всего лишь несколько десятков километров отделяло этот отрезок границы от Ленинграда.

Командиры на учебном пункте оказались правы: граница мало чем отличалась от тех деревенских просторов, из которых прибыло большинство бойцов. Здесь было, правда, поярче и поцветистей, чем в родной деревне Коробицына, но разобраться во всех этих зарослях все же невелика наука для лесного человека, и не так уж трудно соревноваться на стрельбище охотнику, с берданкой ходившему на медведя. Лесные шорохи, болотный плеск, щебетанье птиц — все это с детства живет в крови, и неужели слух не различит в этих привычных шорохах и голосах человеческий звук? Неужели зрение ошибется даже в темноте? И все-таки везде и во всем виделся и слышался вначале нарушитель, особенно в первую ночь. Когда Коробицын впервые вышел ночью в паре с опытным товарищем на пост, все в нем ходуном ходило. То и дело брал он винтовку наизготовку и каждой падающей сосульке шептал:

— Стой!

Собственные шаги он готов был принять за вражеские.

Он так вглядывался во все, что от напряжения у него даже глаза заболели.

— Все кажется, — жаловался он потом.

Земляк его Болгасов — тот прямо потом сознался:

— Трусость была, что упустишь. Птица встряхнулась, а я мечтаю, что человек, — забурился, перевалился через бугор, упал...

Командир отделения Лисиченко особо занимался по-

вичками. Он был не очень складный человек — длинный, с неожиданно широкими плечами, с головой яйцом. Он ходил от поста к посту, от одного новичка к другому, и, чуть появлялась рядом его спокойная фигура, стыдно становилось за все свои страхи. Лисиченко давал в пару новичкам опытных пограничников и старался не тревожить страшными рассказами о нарушителях, изо дня в день обучая и воспитывая бойцов. Спокойствие и уверенность придут вместе с полным овладением знаниями. И рассказы его вначале были тихие.

— Был у меня в отделении года два назад боец. Фамилия ему Плохой, а сам он стал потом хороший, — рассказывал он, например. — Раз было: пришел ночью с участка, винтовку поставил и не почистил оружия. Сам заснул. Гляжу — винтовка холодная, грязная. Будить я его не стал, пусть отоспится. Дал почистить другому — Кобзарю по фамилии. А потом вызываю его (когда уж он поспал) и захожу беседу. Сначала про него все спрашиваю: что мешает? Нравится ли служба? Что трудно дается? Ознакомлен ли хорошо с участком? Нет ли трусости? А потом: «Винтовку почистил?» И вот солгал человек. Говорит: «Почистил». Тона я не повышаю, только разоблачил его лживость. «Как тебе, — говорю, — не стыдно! Ведь государственной важности дела делаем. Не всякому такой почет дается, а ты безопасность границы своевременно не обеспечиваешь». Надо тут стыд в человеке вызвать — самих ведь себя охраной границ обеспечиваем, не бар каких-нибудь. И стал он, хоть по фамилии и Плохой, а по всем показателям хороший боец. Одному доброе слово сказать надо, а на другого и покричать.

Рассказывал он такие истории как бы случайно, незначай, но они запоминались и действовали.

Сам он был до призыва бригадиром каменщиков, работал на мартене, а на пограничной службе остался сверхсрочно.

— Опыт у меня образовался, обучать могу, и сам я тут очень полезный человек, — объяснял он спокойно.

Даже Болгасов — а он оказался одним из отсталых — быстро по привычке с таким командиром к новой службе и все реже птицу или рысь принимал за человека.

Потом Лисиченко стал рассказывать и о нарушениях:

— Первый раз так задержание было. Послан я был в секрет. Слышу — сучок треснул, трава прошумела. Винтовку взял, а из куста не вышел, жду. Вижу — наиско-

сок фигура мелькнула. «Стой! Кто идет?» Не отвечает. И шороха нету. «Стрелять буду!» А он: «Тыше, тыше». По голосу не наш. «Руки вверх!» — «Есть, есть». Зашевелилась трава. Выходит небольшой, в болотных сапогах, шапка-кубанка, а сам в пиджаке. «Опускай руки вниз, ложитесь». Дал тревогу. Прибежали тут с собакой. Так он дрожит, умоляет: «Только собаку не применяйте». Очень собак боялся. Сам уж сознается: «Заграница». А то бывает, что заблудился действительно или перебежал от худой жизни. Только наше дело, конечно, всякого на землю ложить, тревожным передать — и на заставу. В штабе ошибки не будет. Врут нарушители много. «Заблудился, перебежал», — а сам потом шпион оказывается. Доверия быть не должно. Было и такое, что вышел прямо на бойца один — золотые браслеты, деньги в руках. Сует: «Пропусти». Лег он на землю со своими драгоценностями. Этого у нас не бывает. Это только у них так можно. Потом повели его на заставу.

Эти рассказы тоже очень запоминались. И каждому мечталось поскорей задержать нарушителя. Но зимой нарушители больше любят залив. Там ведутся и шпионские дела, и контрабанда. К весне лесная граница оживляется. К весне больше шорохов, и тают болота, и наблюдают тайно с той, сопредельной стороны враги за нашими бойцами. Но и зимой, конечно, бывает немало нарушений и задержаний.

Коробицын вернулся с поста к трем часам дня. Одежда не вымокла, и в сушилку сдавать было нечего. Коробицын почистился, умылся, фыркая и полоскаясь с большим удовольствием (он мылся всегда шумно и звонко), отошел, растираясь полотенцем, надел гимнастерку, стянул ее туго поясом, обровнял и отправился в столовую.

Повар, человек худощавый и хмурый, с длинными, ниже подбородка спускающимися усами, выдал ему обед. Обед был хорош: борщ, мясо. Хлеб вкусный, ржаной. Чаю Коробицын выпил два стакана.

Вошел веселый боец по фамилии Серый, получивший прозвище «Бирюлькин», тоже вернувшийся только что с наряда.

— Дым-то у тебя на кухне, — сказал он повару. — Противогаз надень.

Физической подготовки повар остерегался. По осталь-

ным видам подготовки шел хорошо, а химической обороной увлекался почему-то особенно. Он так изучил это дело, что даже иной раз обучал новичков, показывая, например, как надо надевать противогаз.

— Не надо торопиться, надо делать быстро, — объяснял он своим хриплым, но громким голосом. — Каждый боец надевает шлем под бороду, натягивает, а фуражку не сбрасывает, а зацепляет пальцами...

И если новичок все-таки сбрасывал фуражку и совал ее между колен, он показывал сам. Однажды он обучал так Болгасова, объяснив, что если закрыть клапан, то человек задохнется. И когда он надел противогаз, Болгасов захохотал и закричал:

— Пробку-то заткни! Пробку заткни!

Повар снял противогаз, поглядел на Болгасова и промолвил:

— И сырой же ты, хлопец!

Но Болгасов, настойчивый в том, что уже однажды развеселило его, повторял свою удачную, как ему казалось, остроу и всякий раз хохотал при этом.

Повар даже не улыбнулся. Он отвечал на эти насмешки молчаливым презрением.

Коробицын не любил насмешек. Он сделал тогда замечание земляку:

— Ты что рот разеваешь? Человек тебе на помощь пришел, а ты что? Гляди у меня...

Коробицын Болгасов уважал. Он и повара уважал, но отчего же не посмеяться?

Коробицын изготовил хорошую скворечню из найденной во дворе старой ступицы и готовился прикреплять ее сегодня на верхушку самого высокого дерева в саду.

Дом заставы помещался на горюшке, в запущенном небольшом саду, который похож был просто на огороженный забором кусок леса. Дом был двухэтажный, некрашенный. Коробицын выбрал сосну у самой ограды и полез на нее. Он сильными, умелыми бросками, вытягиваясь на коленях, быстро взобрался до первых нижних ветвей, пошел все выше и выше, и снег таял на его гимнастерке и штанах. Теперь уже, наверное, придется посушить одежду. Ему самому захотелось петь.

С поста он возвращался каждый раз несколько возбужденный. С каждым новым нарядом он убеждался, что спокойствие и уверенность вселяются в него. Уже нет прежних страхов, участок знаком весь, ухо и глаз не обма-

ывают больше. Хорошо бы только, если б Зина тут была с ним, помощницей на границе. При начальнике заставы вся семья здесь, даже сынок. И жена ходит не барыней, а как простая, — сама, наверное, тоже деревенская. И каждому бойцу поможет, за одеждой следит, моет, чистит заставу, кухню проверяет. Такой женой ему будет и Зина, когда он сдаст на командира. И, посвистывая, он прикреплял скворечню к самой верхушке сосны. Внизу он видит ставший совсем маленьким садик, фигурки товарищей в нем и деревянную крышу дома.

«Крышу починить надо, — подумал он по-хозяйски и решил поставить еще одну лавку у крыльца. — И перилы у крыльца тоже палатить надо — шатаются». Он с удовольствием предвидел много дела здесь. Земляки — Болгасов и Власов — помогут, они его слушаются. Да и другие бойцы возьмутся. Свободных часов немало.

Неожиданно он вспомнил девушку с той, сопредельной стороны и поглядел вокруг. Лесами закрыта земля, и хоть похожи они на родные, как везде, дебри, но есть в них вот там, недалеко, черта, словно другой цвет начинается. Там чужие леса, чужая жизнь. Оттуда ходит враг, но пусть не мечтает повернуть жизнь по-своему. И, посвистывая, Коробицын подергал, крепко ли прибита скворечня.

Начальник заставы, вернувшись с участка, услышал треск над собой и поднял настороженно голову. С ели на ель вдоль ограды с необычайной ловкостью перебирался, цепляясь за ветки, по самым верхушкам какой-то красноармеец. Начальник заставы, несколько пораженный, удивления своего не обнаружил. Он окликнул:

— Кто шалит там?

Красноармеец затих. Потом донесся виноватый голос:

— Коробицын, первого отделения, товарищ начальник заставы.

Тут начальник заставы заметил, что внизу, в сторонке от группы наблюдающих за Коробицыным бойцов, стоит его пятилетний, смуглый, как мать, сынишка. Закинув голову и открыв рот, в страшном напряжении, мальчик неотрывно глядел вверх на молодого красноармейца. Он смотрел с глубочайшим интересом и уважением. На отца он и внимания не обратил, когда тот окликнул его.

Коробицын с такой быстротой спустился наземь, что начальник заставы не удержался и промолвил, качая головой:

— И ловкач же вы!

А мальчик подошел к Коробицыну и спросил:

— Ты что там, наверху, делал?

— Скворцов приваживал, — ответил ему Коробицын.

— А ты как приваживал? — спросил мальчик, с трудом повторяя длинное слово.

Начальник заставы усмехнулся и замечания Коробицыну не сделал, хотя тот был весь мокрый.

...Большинство призывников пришло из деревни. Эти парни призыва двадцать седьмого года, преимущественно из бедняков, несли в себе все возможности будущих строителей колхозной жизни.

Сам из рабочих, начальник заставы знал и любил деревню. Его даже Болгасов не смущал. Всякого человека можно научить и воспитать. Он знал это по себе. Он тоже говорил некогда: «Не генерал я книги читать». А теперь без книг жить не может.

В Коробицыне, неразговорчивом, всегда внимательном на занятиях, спрашивающем обо всем, что было непонятно в книге или газете, он видел обыкновенного хорошего парня, каких много в стране. Молчалив он только бывает, тяжеловат в словах и солиден так иногда, словно большой бородой оброс.

День кончился. В мартовских сумерках у крыльца расположилось несколько свободных от наряда бойцов. Светились огоньки сигарок и папирос. Толпа слей, сосен, берез, темнея, все глубже уходя в ночь, покачивала на ветру своими мохнатыми лапами. Облака в небе таяли и чернели, как снег на земле. Чувство больших и опасных пространств охватывало здесь, на сквозном ветру пограничной заставы.

Слышался голос Бирюлькина:

— Получаю я печально повесточку — в армию призвали. С этого получается, что приступаем мы к охране границы. Я и рад. Я из такой деревни... что ни лето — то горит. Честное мое слово. И собаки оттого все бешеные. На собак у нас с волками охотятся. Приведешь волков из лесу и пойдешь собак травить...

Кто-то даже взвизгнул от удовольствия, что так врет человек. Все засмеялись.

Рассказчик сохранил полное хладнокровие.

— Волки у нас тоже бешеные, — продолжал он. — Раз было, — и по вдруг изменившемуся тону его ясно стало, что сейчас он говорит правду, — паренек один упился, домой не дошел, так и заснул при дороге, и козырек

торчит, вроде как нос длинный. Так бешеный волк прибежал, хватать — откусил козырек и дальше. А паренек не проснулся даже. Потом рассказали ему, что случилось, как козырек потерял, — так заикаться стал. Честное слово.

И Бирюлькин, предвидя, что ему и в этом не поверят, заранее обижался:

— Вот уж это правда! Был бы бог — перекрестился бы, что правда! Бога вот только нету — попы выдумали!

Но про бешеного волка ему поверили:

— Бывает. В Вятской губернии могло случиться.

Завидев Коробицына, к нему подошел Бичугин, ленинградский кожевник:

— Со смены пришел, не спал еще?

— Ночью отосплюсь, — отвечал Коробицын солидно.

— А если тревога будет?

Человек тонкой кости, Бичугин казался таким хрупким, что вот-вот сломится. Но был он мускулистый, ловко прыгал через кобылу, проделывал легко, не хуже Коробицына, сложнейшие упражнения на турнике и брусьях, строевым учением овладел быстро, только на стрельбище отставал от Коробицына. Зато по общим знаниям, по политической подготовке стоял одним из первых. Сдружились они еще на учебном пункте, особенно после того, как Коробицын подал заявление в комсомол. В этом его поступке немалую роль сыграли и беседы с Бичугиным. Сам Бичугин был коммунист.

Послышалась песня. Известно, кто повел первый, кто подтянул, но уже пели все — медленно и заунывно. Песню эту непонятно откуда привез все тот же веселый вятский парень Серый, по прозвищу Бирюлькин. Она, похожая на переделанный, склеенный из разных кусочков романс, понравилась почему-то, привилась и пелась наряду с боевыми песнями.

Бойцы пели:

Когда на тройке быстрого
Под звук валдайского звонка
Завьешь ты пыль большой дороги,
То вспомни, вспомни про меня...

Песня была любовная, и в ней с особым выражением выпевалось:

Когда завидишь берег Дона,
Останови своих коней.

Я жду прощального поклона
И трепетной слезы твоей...

Коробицыну думалось о Зине.

Познакомился Коробицын с Зиной Копыловой на учебном пункте — она из ближайшей к пункту деревни.

Зине не исполнилось и восемнадцати лет, когда ее избрали членом сельсовета. Нашлись, конечно, в деревне и такие, которые считали, что девушка в сельсовете — это позор обществу, но понемногу и они примолкли, только называли Зину всегда по имени и отчеству, наотрез отказываясь звать просто Зиной. Они величали Зину так почтительно из уважения к себе, а не к ней.

С красноармейцами с учебного пункта деревня жила в дружбе. Иной раз бойцы помогали и в деревенских работах. Собрались на учебном пункте с разных концов страны разные люди — все одного возраста, одного призыва, — и деревенские и городские, с заводов и фабрик. Деревенским особенно нравилась зеленая фуражка, и они вначале смеялись, поглядывая друг на друга. Потом привыкли и носили фуражку уже с важностью.

С Зиной познакомила Коробицына учительница, дававшая бойцам книжки. И вот зачастил к Зине Коробицын.

Когда трудно давалось ему учение, она утешала его:

«Я тоже, бывало, сижу на занятиях в школе, ничего не пойму, приду домой и реву».

Каждый раз, получая увольнительную записку, он шел к ней. Он шел снежным полем, по которому невозбранно гулял ветер, и уже издали узнавал огонек в ее избе, отличая его от всех других огоньков деревни.

Горько было прощаться с Зиной перед отправкой на границу. Она поплакала, конечно. Но они поженятся, когда он вернется со службы.

Стихла песня.

...Бирюлькин собирался в наряд.

В наряд посылались бойцы не все сразу, гурьбой — так с той стороны могут заметить, — а парами и в одиночку. Каждому свой час.

Бирюлькин теперь был уже серьезен, хмур, не шутил, приказ начальника заставы выслушал внимательно и повторил его. И вот сначала шедший впереди парный его,

затем и он исчезли во мраке пограничной ночи, слились с влажной и сырой тьмой. Вернутся ли они? Нельзя заранее знать все, что случится на границе. Враг не спит.

Андрей Коробицын знал болотную гать и лисий след лучше грамоты — за грамотой он бегал всего только год или два в школу, а лесной науке обучался всю свою жизнь с младенческих лет. Вырос он под Куракинской горой, что куполом возвышается над смиренной стайкой бревенчатых хат. Взойдешь на гору — и видишь, как редки и разбросаны здесь людские жилища.

Суровый край!

Никогда не выезжала сюда, в этот уголок Вологодской губернии, великокняжеская охота. Не мчались, гремя бубенцами, разгульные тройки вологодских пьяных и богобоязненных купцов. Монастыри не отхватывали лучших покосов и пашен, не было и помещичьих усадеб, потому что далека и неудобна куракинская земля. Все это — звонкое и городское — не шло дальше Лисьей горы, здесь селения не следовали одно за другим, и хаты с высоко забранными оконцами, с прирубками и пристройками не теснились одна к другой. Из Куракина долго надо было пробираться древними путями и тропами — на дрогах или на одреце, пешком или верхом, — прежде чем достигнуть деревень и сел, где можно встретить человека не в домотканой, а в фабричной одежде.

Далеко отсюда и до Двины, и до Сухоны. Нет озер. Только Вага выплывает из болотистых ручьев, побеждая стоячие воды. А болота здесь обширны и коварны. Трясина вдруг окружает человека, ржавая вода раздвигает мшистые покровы, вязнет нога, и напрасен крик польстившегося на морошку и клюкву — ответит только эхо да встретится птица.

Зимой мерзнут болота. В снежные одежды одеваются необозримые леса, и только стук топора изредка врывается в их ледяную могучую тишину. Ослепительно бело становится вокруг. Сугробы наметает к заборам и хатам. Спит медведь, гоняет зайцев лиса, голодные волки забегают под самые окна. Летом — зелено, но не цветисто, и колюча дорожная пыль. Весна и осень, размывая и заливая все пути, отрезает людей от мира.

Суровый край! Над чахлыми кустами полей, над тор-

фом и глиной, над неприбранной дикой щетиной вековых лесов распростерлось небо, бледно-зеленое, северное, то и дело заплывающее жирным салом идущих с Ледовитого океана облаков. Бывало, мелькнет далекий пожаром, в огненных столбах и пламенных вихрях, северное сияние — редко случалось оно в этих, не полярного севера небесных просторах, но запоминалось надолго.

Жили здесь скудно. Жгли и рубили лес, отвоевая землю на пахоту. Боролись за овес и лен, за пшеницу и картофель, за ячмень и рожь. Шли на лесные промыслы по заготовке и сплаву, гнали деготь, охотничали, уходили в города на любые работы, занимались в парходные команды. Бабы сбивали к осени масло, готовили на продажу ягоды, солили и сушили грибы.

Лес был хорош, особенно летом, полный шумов и шелестов, щебета и стрекотанья, пахучий, украшенный полянами, обрываемый внезапными просеками. Андрей Коробицын и мальчишкой не пугался вступать в дремучие дебри, в темноту стволов и сплетение ветвей, туда, где кроны деревьев, сходясь поверху, поселяют вечный сумрак. Родная толпа могучих сосен, берез, осин, колючих елей, распускающих свои раскидистые ветки до самой земли, окружала его здесь. Каждая рябина, каждая ольха имела для него, как человек, свое отличие, свою примету и указывала верный путь. Он знал, как горячей берестой отпугнуть медведя и по деревьям уйти от волка. Коробицын, как, впрочем, и все в Куракине, — лесовик.

В лесу лучше, чем дома.

Дома дымно и угарно. Маленькое оконце, неровно прорубленное, заменяло трубу. Потолок и стены черны от сажи. Была лошаденка, чтобы возить сено да дрова, была даже корова, были куры. Но хлеб надо было добывать на стороне. Жучке и коту Филину тоже голодно. Глядя на них, брат Александр говорил, возвращаясь с работы:

— Питаться хитро.

Брат был на четырнадцать лет старше Андрея.

Когда брата взяли на войну, Андрей бросил школу и пошел подмастерьем к деревенскому сапожнику, старому бобылю и молчальнику. Щетинистый и неласковый, тот так умел при случае закрутить ухо, что никак нельзя было удержать крик. Был он так молчалив, что даже внушал людям некоторый страх. Казалось, уж если он скажет слово, то слово это будет окончательное и все объ-

яснит. Андрей все ждал от него такого слова. Но старый сапожник молчал.

В те годы мать, маленькая, высохшая, остроносая, но по-молодому быстрая, совсем заработалась и оробела. О чем бы ее ни спросить, все равно она ответит не сразу, а сначала откликнется, выставив вперед ухо:

— Эй?

И лицо у нее при этом такое, словно всю жизнь все только и делали, что пугали ее.

Раньше она еще умела укорять. Когда Андрей шестилетним мальчишкой запел по-птичьи на похоронах отца, она промолвила ласково: «Что песенки попеваешь? Ведь отец помер».

Теперь она ни в чем никогда не укоряла и только पुше прежнего била лбом в церкви, в самом белом, в самом веселом строении на всю округу. Она, когда и не нужно, всякому готова поклониться, рукой по-старинному касаясь земли. И молча, темными, как на старинной иконе, глазами провожала она каждого нового калеку, возвращенного войной в деревню.

...В семнадцатом году деревня Куракино, не веря шедшим из широкого мира слухам, продолжала жить по-старому.

...В восемнадцатом году, в самом начале, Александр Коробицын вернулся в Куракино живым и здоровым. Он подарил брату берданку, матери — платок, жене — козынку, детям — гостинцы. Привез он и денег, и была при нем винтовка со штывком. И хоть рассказывал Александр мало и осторожно, предпочитая молчать, но все же с его слов окончательно стало ясно, что царя действительно уже нету, что Манташевскую дачу действительно пожгли и что почтарю, державшему лошадей для великокняжеской охоты, будет худо.

Через Куракино в недалеое Рубцово проскакал прибывший из-за Лисьей горы отряд с комиссаром во главе и усмирил поднятых урядником мужиков. Урядника убили. Куракино в эти дела не вступало. В Куракине выбрали председателем хилого, негодного в солдаты мужика.

Братья Коробицыны вместе ходили к Ваге на медведя и вместе строили новую, светлую избу.

Дождливым осенним утром Андрей Коробицын оставил родные места — пришла пора идти в армию.

Прощай, мамаша! Прощай, брат Александр!

Вместе со сверстниками-призывниками Андрей гулял, как голагается перед отходом. Вместе и пошли с котомками, вещевыми мешками, корзинками.

У Болгасова в руках гармонь, с ней веселей месить грязь до самой Тотьмы босыми ногами (сапоги за плечами).

Прощай, нерадостная Куракинская гора! Будет и тебе когда-нибудь счастье!

Пекконен был ингерманландец. Сын богатого лобазника, он сражался в Карелии в девятнадцатом году и тогда же обнаружил большие способности разведчика и стойкую ненависть к большевикам. Громадного роста, силач, отличный спортсмен, он не имел пощады к врагу. Ему случалось убивать людей простым ударом огромного своего кулака по черепу, и он ничего плохого не видел в этом. Он имел образование — кончил шестиклассное училище и специальное военное. Работал он с увлечением. Он был не только хорошим разведчиком, но и отличным вербовщиком, — у него был особый нюх на человека, и он имел верных людей в Советской стране.

В двадцать третьем, двадцать четвертом, двадцать пятом, двадцать шестом годах он не раз переходил границу, бывал в Ленинграде и не чувствовал себя одиноким в тылу у большевиков. Купцы, спекулянты, ресторанные расстратчики, деревенские кулаки и торговцы, и мало ли еще кто — все эти с ним и за него. Еще хорош спрос на контрабанду, и можно найти помощников в тылу у большевиков. Но из года в год тень ложилась на все это, и это надо было учесть. Надо было учесть всю силу большевиков и вербовать в их учреждениях людей, вербовать, вербовать...

В этом, двадцать седьмом, году Пекконен еще ни разу не переходил границы. Он был практический работник и в общеполитических вопросах послушно руководствовался указаниями начальства. Но и в политике ему приходилось разбираться, чтобы правильно выбирать людей, переправлять через советскую границу. Он видел, что граница укреплялась с каждым годом все сильнее, люди на границе стали опытнее и злее, и он все чаще терпел неудачи — одного за другим задерживали его агентов при переброске через границу. Становилось трудней и трудней прокладывать дорогу крупным работникам, — развед-

чики слишком часто не возвращались. Расстановка постов все время менялась, и Пекконен напрягал свои способности, чтобы разгадывать диспозиции советских пограничников. Он готовил людей для считавшихся непроходимыми мест, но надо было выяснить — может быть, эти непроходимые пути уже освоены советскими пограничниками? Он хотел сам двинуться на разведку. Но это было ему запрещено пока. Было сказано, что ему поручается ответственной операцией по переброске людей к юбилейным праздникам в Ленинград и что он назначается начальником террористической группы. Сообщение он получил весной. Предстоял серьезнейший экзамен. Доверие начальства взбодрило его.

Пекконен тотчас же все внимание сосредоточил на предстоящей ему труднейшей операции. Он заблаговременно принялся готовить ее. Он выбирал людей, обучал их, проверял. Вновь и вновь изучал весь наизусть ему известный участок границы, подолгу, лежа в кустах с биноклем, наблюдал за той стороной, следя за движением часовых, за сменами, ища дыр, в которые можно было бы, хотя бы только рот выставив из болота, проползти. Он пускал в эти дыры агентов, как зонд в рану, испытывая возможность перехода. В себе он был уверен — он-то пройдет! Но как переправить целую группу людей, да еще вооруженных?

Двадцать седьмой год угрожал Советской стране войной. Это был год разрыва с Англией и убийства Войкова, год диверсий и террористических покушений. Враждебные силы всего мира усиленно сговаривались, чтобы раздавить страну большевиков. Но большевики вели народ к пятилеткам. Страна жила накануне решающих побед.

Пограничные заставы и посты были, как всегда, форпостами, сдерживающими ненависть врага, принимающими первые удары. Каждый боец знал и чувствовал, что нарушители, диверсанты, террористы, шпионы несут войну. Каждый подтягивался по всем видам подготовки, и сон на посту стал небывалым явлением. Но суеты не было. Каждый спокойно выполнял свои обязанности, охраняя жизнь и строительство родной страны, работая и отдыхая в полную меру.

На границе был свой быт, но люди границы жили одними чувствами и мыслями с теми, кто шел к пятилеткам в тылу. Войны не боялись, но не хотели ее.

О Пекконене знали и комендант, и начальник заставы, и бойцы как о главном своем враге на этом участке, опытным, сильным, умелом. Знали о Пекконене и по окрестным деревням, и крестьяне сами следили за каждым богатым мужиком, подозревая его в связи с ингерманландцем. Следили вообще за каждым сомнительным человеком, и незнакомцев, появившихся в тылу, тоже представляли на заставу, потому что и в тылу еще не разгромлен окончательно враг.

Пекконену приходилось трудно. Ему не удавалось связаться со своими людьми на советской стороне, и он имел далеко не достаточное представление о теперешнем положении на границе. Советские люди работали все лучше и лучше — Пекконен явственно видел это по своим неудачам. И когда он слушал любовные и боевые песни бойцов, он злобно сжимал кулаки, потому что это ничего не обозначало, — пока одни пели, другие сторожили границу. Потом эти будут петь, гулять, а те сторожить. Но Пекконен и не думал унывать. Его, профессионально диверсанта, трудности только возбуждали. Он не сомневался в успехе. Он жил близ границы в лесной избе, просторной, теплой и светлой. Особых удобств он не любил — разбалуешься. Избу эту он называл, впрочем, дачей. При нем жила огромная овчарка по кличке Тесу, он любил ее так же, как свой парабеллум, с которым никогда не расставался.

С большим опозданием вернулся наконец муж той женщины, которой Пекконен предлагал сманить Коробичина.

— Пять раз пытался — на шестой раз прошел, — объяснил он. — В отличную вьюгу — и то не удалось. Пробрался ночью по ледоходу. Лед ломается под ногой, сколько раз в полынью окунулся, был мокрый снег, гадость... Не понимаю, как жив остался... Наш рыбак на берегу подсушил — и сразу я к вам.

Пекконен оставил его с женой и только на следующий день повел с ним подробный разговор.

Они сидели в светлой горнице на плетеных стульях, пили коньяк и беседовали. Особенно ценных сведений агент не привез.

Покончив с деловой информацией, Пекконен спросил:

— А вообще-то жизнь как?

Агент поморщился:

— Бьют торговцев налогами, вой идет. Кооперация, совхозы... Промышленность укрепились... Все заводы дымят...

Вывода он не делал. Это был невысокий мужчина, темноволосый и темноглазый, с никогда не улыбающимся лицом, и две резкие черты у маленького рта его, как шрамы, стягивали кожу на его щеках. В сером свитере, без пиджака, он сидел, угрюмый и жесткий, и пил коньяк. Он был одним из разведчиков и работал также по контрабанде. В контрабандных делах он опытен. Был он из белых офицеров.

— Ваша жена должна сманить хоть одного часового, — сказал Пекконен.

Агент подумал.

— Пусть попробует, — отвечал он коротко.

— Ведь она вологодская?

— Оттуда родом. Просила родную словую ветку привезти ей. Я привез. Скучает. Но через границу я ее не пущу. Сам готов всегда — пожалуйста, а ее лучше не трогайте.

Последние слова он произнес угрожающим тоном.

— Для этого она и не годится. — отвечал Пекконен, усмехнувшись. — Сам не пущу. Каждого человека надо использовать по назначению.

Пекконен ушел с биноклем и парабеллумом к границе, а его агент вновь улегся спать — на этот раз без жены, которая готовила обед на кухне.

Странно было думать агенту, что каких-нибудь два дня назад, в этот самый час, он сидел еще в Ленинграде, напряженный, в любой момент готовый к отпору и нападению.

...В ту ночь по ломающемуся льду агент прорвался через границу.

Он даже насморка не получил. Закаленный своей работой, он никогда не болел. Здоровый, привычный к любой опасности, он, может быть, заболел бы только тогда, когда его убрали бы с этой работы. Он был, как и Пекконен, профессионал и дело свое любил. В тех целях, которые он преследовал, он, как и Пекконен, сомнений не знал. В деникинской армии он был незаменим при допросах. Мысль Пекконена относительно его жены не очень понравилась ему. Но если это полезно для дела, пусть будет совершена эта попытка.

Коробицын проснулся и тотчас же вскочил, поспешно хватая и натягивая сапоги, как при тревоге. Ему привиделось, что он задержал нарушителя и ведет его на заставу. Но никого не было. Храпел Козуков, присвистывал Власов, сопел Еремин — все, как Коробицын, с ночной смены. Остальные четыре койки чисто прибраны: их хозяева провели ночь на границе. И так всегда во всех комнатах: на одних койках спят, другие прибраны уже. Внизу, в полукилометре отсюда, строится новый дом. Там будет еще веселей.

В распахнутые окна обширной, на восемь коек, комнаты старого, в щелях, дома заставы врываются запахи трав, цветов, смолы, птичий гомон, человеческие звонкие голоса. Невозможно спать в такое прелестное утро.

Под окнами знакомый голос Лисиченко внушал кому-то:

— Боец должен и пешком и конником быть всегда ко всему готовым. А для того и газету полезно почитать. В положенный час спи, отдыхай, гуляй, а газетку все-таки не забудь. В газете про весь мир узнаешь. Слышал, что вчера товарищ комендант и товарищ начальник заставы рассказывали про международное положение? Международное положение — оно у нас вот тут, рядышком, оно к нам через границу рвется. При таком основании начинаешь оценивать события горячеей. Поднялся ты рано, а в ленинскую комнату не зайдешь. Силком я тебя не потащу, только каждый гражданин сейчас становится сам интересующимся, решающим свою судьбу.

— А вот, товарищ начальник отделения, хотел я вас спросить про Китай...

— Вот пойдем на беседу, потолкуем, вместе газету прочтем, — отвечал Лисиченко, и голос его стал удаляться. — Мы к грамоте с революцией пришли, загоняли нас в невежество и необразованность, так уж теперь учись и учись, чтоб врагу отпор дать. Большие события идут в мире. Нам все знать надо. Мы — граница. Чужой мир — вот он, рядышком...

Голос стих.

Донеслась команда из второго отделения:

— На пле-чо!

Несколько свободных часов впереди у Коробицына. Можно погулять. Упреков Лисиченко Коробицын на свой счет не отнес: он читал и газеты и книжки и во все лю-

бил вдумываться. Погуляет и пойдет в ленинский уголок. Отдых помогает работе.

Граница уже с весны жила в войне — непрерывной и тайной. Враг нападал, выскивал слабые пункты, плохо защищенные места. Враг нападал настойчиво и упрямо, пытаясь прорваться в тыл. Бойцы ожесточались и закалялись в постоянных тревогах и уже бранили всякого, кто пустит острогу вроде: «Кончу службу — лесником стану, ель от сосны различать научился».

Ежедневное учение приобрело тот практический смысл, который на учебном пункте еще не всем был ясен.

Враг нападал. Советская граница, усиливая охрану, оборонялась.

Коробицын, проходя мимо пирамиды, заметил, что винтовки Бичугина нет. Значит, он на стрельбище или в наряде. А очень хочется погулять с ним вместе.

Среди новичков Бичугин уже имел задержание. Он задержал разведчика, шедшего к Первомайским праздникам. Имели задержание и Новиков, и Козуков, и Шорников, и другие. Но у Коробицына, как и у большинства бойцов, задержаний не было. Один только раз, в самую смену, он заметил пришедшую с того берега на наш луг корову и пригнал ее на заставу. Корову передали обратно, совершив все полагающиеся при этом процедуры.

Ночью, когда взошла луна, опять выходила к берегу девица, та самая, которая уже несколько раз улыбалась ему с той, не нашей стороны. Она приманивала его и глазами, и пальцами, и шепотом, и он опять рапортовал о ней начальнику заставы. Теперь носила она красный ситцевый сарафан, а голову покрывала косыночкой. От нее жарко становилось, и руки крепче обычного сжимали винтовку, а зрение и слух напрягались.

— Гадюка, — жаловался он товарищам. — Шепчет все, что вологодская...

И написал о ней Зине...

Но совсем не думать о ней не мог.

И сейчас она ворвалась в его отдых.

— Гадюка, — бормотал он. — Черт ее поймет...

Его потянуло в лес: там мечтается просторней. Он не сразу заметил, что сын начальника заставы побежал за ним.

Мальчик привязался к Коробицыну с той минуты, как

увидел его высоко на дереве. Коробицын беседовал с мальчиком всегда солидно, как с равным себе взрослым человеком. Они гуляли важно и серьезно, как два товарища, и Коробицын обучал мальчика всему, чему обучался сам. Показывал ему и винтовку, учил разбирать ее, чистить, но на охоту с собой не брал — тут равенство нарушалось. Мало ли что может случиться на охоте, это не для маленьких.

Когда Коробицын чинил крышу или ограду или вообще выстрегивал, выпиливал что-нибудь, мальчик всегда был с ним и выполнял все его поручения с энтузиазмом, крича на весь двор: «Дяде Коробицыну топорик! Дяде Коробицыну... Что тебе нужно, дядя Андрюша? Я за был!»

Мальчик, чувствуя, что всегдашний спутник его в лесных прогулках не склонен сегодня к длинным разговорам, играл сам с собой и сам с собой разговаривал. Коробицын шел тихо, поглядывая на мальчика, но думал о своем, сдвинув в напряжении свои густые черные брови. Брат Александр, Зина, девица в красном сарафане — все смешалось в его голове. Наконец он присел к дереву, притянул к себе мальчика, чтоб тот не убежал, и сам не заметил, как заснул. И мальчик, склонив голову ему на колени, тоже заснул.

К часу дня жена начальника заставы хватилась, что мальчика нет.

Муж не спал две ночи подряд, совершая очередное обследование участка вместе с комендантом. Истомленный, он прилег вздремнуть. Жена заглянула к нему в комнату, но мальчика там не нашла. Она пошла по всем комнатам казармы, но никто из бойцов не видел мальчика. Повар тоже ничего не мог сказать.

Жена начальника заставы, смуглая, тихая женщина, привыкшая к опасностям пограничной жизни, на этот раз взволновалась. Когда муж долго не возвращался с операции, она успокаивала себя работой. Дел у нее было много. Но куда мог пропасть мальчик? Если он ушел с Коробицыным, то почему же так долго они не возвращаются? Коробицын, как ей рассказывал повар, завтракал в десять часов утра и сразу ушел. Увязался ли с ним мальчик, повар не видел. Но Коробицын так долго с мальчиком никогда не гулял.

И тут ей припомнился случай, рассказанный однажды мужем. Она забыла, где и когда произошло это. Она еще

подумала тогда, что муж нарочно пугает ее, чтоб она осторожней была с сыном на границе, внимательней следила за ним. Муж рассказывал такой случай: маленький мальчик купался в пограничной реке в разрешенном месте, и его утянуло течением на ту сторону, за границу. Он стал тонуть, звать на помощь, а наш часовой не знает, что делать: нарушить границу нельзя — конфликт будет немедленный, отношения были с сопредельным государством напряженные. А вражеские часовые с того берега смотрят, как тонет мальчик, смеются, спасать и не думают. Пока наш часовой дал сигнал, поднял тревогу, мальчик утонул. Наверное, это выдуманно. Но женщина верила сейчас, что рассказ от начала до конца правдив. Она решила объездить все окрестности в поисках сына и уже пошла седлать коня, когда услышала знакомый звонкий голос.

Сразу явились успокоение и радость.

Сконфуженный Коробицын спустил мальчика с плеч. — Извиняюсь, Наталья Кирилловна, — говорил он. — Я как в ночной смене был, сразу пошел, ну и заснул...

— Как же так можно! — сказала женщина, забирая сына и улыбкой смягчая строгость своих слов.

Тот отбивался от нее:

— погоди, мама! Да погоди же!

И настойчиво повторял странные слова:

По лесам несутся скачья,
Птичья по ветвям сидят...

— Это я сочинил! Я!..

В этот день отличился Болгасов. Он был в утренней смене. Нарушитель поднялся перед ним во весь рост и пригрозил:

— За мной еще семнадцать идут!

— А хоть бы и все сто семнадцать! — отвечал Болгасов и уложил нарушителя наземь.

Оружие применять не понадобилось. Болгасов дал тревогу, отправил нарушителя на заставу и остался с товарищем ждать остальных семнадцать.

Начальник заставы благодарил его и объяснил, что своими семнадцатью нарушитель хотел напугать его.

Подвиг свой Болгасов совершил на том самом посту, на котором сменил Коробицына, спустя каких-нибудь полчаса после смены. Коробицыну явно не везло.

Болгасов, впрочем, и до того обнаруживал в лесной науке немалое остроумие. Нашел он раз, например, дыря-

вое ведро и привесил его в проходе меж рядами колючей проволоки, там, где граница отходила от речушки. Не прошло и пяти ночей, как зазвенело в лесу, и подбежавший часовой нашел заграничного человека, лежавшего ничком почти в беспомощности от страха. Неожиданный звон так напугал его, готового в крайнем напряжении ко всему, кроме этого непонятного колокола, что он упал чуть ли не в обморок.

Болгасов не дрался, но вид имел такой страшный, что нарушитель ложился немедленно. Занимался он с таким упорством, что видно было: готовит себя человек на большие дела.

Слушая о подвиге Болгасова, Коробицын смотрел на земляка с неожиданным для себя уважением. Коробицын привык и в деревне, на учебном пункте, и здесь, на заставе, к Болгасову относиться покровительственно, поучать его, — он действительно и гораздо грамотней, и понятливей своего земляка и товарища. Теперь оказывалось, что Болгасов собой готов пожертвовать ради дела охраны границы не задумываясь. Как не распознал его еще в деревне Коробицын!

Утром к семи часам Коробицын вышел на береговой пост. Утро было сырое, мокрое: ночью прошел дождь. Росистый туман еще не сошел с берегов. Прозрачной дымкой он стлался над высокими, сочными, еще не скошенными травами, медленно поднимаясь кверху и рассеиваясь. И опять встала на том берегу девица в красном сарафане. Рукава ее закатаны чуть ли не до плеч, шея голая. Непристойная девка. Коробицын глядел мимо нее. Лицо его было неподвижно. Исключив женский голос, он вслушивался в шелесты и шорохи влажного росистого утра. Явственно распознав шуршание, он и виду не подал, что учуял врага. Он даже стал косить глазом на девицу, словно только ею и занят. А когда шорох прошел в тыл, он вдруг повернулся в том направлении, преграждая нарушителю путь обратно, и в голосе его была болгасовская злоба, когда он окликнул:

— Стой! Стрелять буду!

Женщина бросилась в испуге к лесу — ее бег понял Коробицын, не оборачиваясь к ней.

Через минуту Коробицын сдал Лисиченко бритого человека в косоворотке и высоких мужицких сапогах.

Нарушитель, подняв руки кверху, молча, исподлобья глядел на красноармейца злыми рыжими глазами.

Так Пекконен потерял еще одного разведчика.

А за Коробицыным было отмечено первое задержание, и начальник заставы благодарил его.

Коробицын мечтал теперь только о том, что будет. То представлялось ему, как останется он на сверхсрочной, сдаст на командира и, женившись на Зине, будет служить на границе.

То воображал, как после службы вернется он в Куракино поворачивать жизнь по-новому. Хотелось и того и другого. Но согласится ли Зина ради него оставить свой сельсовет? Может быть, ему жить в ее деревне? И это неплохо. Граница, Куракино, Зинина деревня — все теперь окончательно соединилось в мыслях Коробицына. Везде одна борьба. Коробицын мечтами своими устремлен был в будущее.

К осени Коробицын задержал еще двух разведчиков Пекконена. Он был послан в наряд, в тот пункт, который еще два года назад считался непроходимым. Неопытного человека тут действительно легко могла засосать трясина.

Коробицын, тщательно замаскировавшись, таился среди болотных кочек. Часов в одиннадцать вечера должна была взойти луна. А пока темно. Вдруг он почувал плеск, но не шелкнулся, выждал и увидел промелькнувший плащ. Плеск был почти неслышный, легко ступает человек. А потом снова плеснуло, но уже сильнее, значит, идет второй, в тяжелых, должно быть, ботинках. Коробицын пополз за ними, окликнул, испугал, остановил, дал тревогу. И пес Фриц, огромный, злой, страшный, встал уже над нарушителями. Проводником при Фрице был один из старых пограничников — Матюшин.

В один из октябрьских дней Коробицын и Бичугин сидели в тускнеющем саду при заставе на лавке, поставленной Коробицыным, и беседовали, как это часто случалось у них в свободный час.

— Я понимаю, — говорил Коробицын, — что мы худо жили раньше, а теперь нам свобода пришла. Я это понимаю. Только ведь и на той стороне, да и везде по миру люди живут худо. Ведь сами видим: перебегают, жалуются. Что же они терпят? Почему не сговорятся? И им хорошо, и нам помощь. Так я это понимаю.

— А у себя в Куракине ты что понимал? — спросил Бичугин.

— У себя в Куракине я мало понимал, — отвечал Коробицын.

— То-то, что мало. А ты думаешь, они, заграничные, все должны понимать?

— Нет, — отвечал Коробицын, — они, видно, темные еще.

— Причин тут много есть, — продолжал Бичугин. — Только я тебе скажу, что главное: большевистская партия у них не сильна еще. Тебя из черной избы кто вынул и человеком сделал? Большевики. А меня? Тоже большевики. И вот весь наш народ так, кроме, конечно, враждебных элементов — кулаков там, нэпманов и прочих. Тем пусть все хуже и хуже будет. Мы у себя строим социализм, так? А получается, что это мы не только себе в помощь делаем, а и за границу обучаем, этим самым мы им на помощь идем. Понятно? Мы им показываем, как надо бороться, что надо делать. А каждый народ волен свою судьбу определить. Нарушителей мы задерживаем — этим мы свою Родину обеспечиваем, мирное строительство наше, но и заграничным беднякам помогаем. Нас бы не было — надежды люди липились бы? Так?

— Это я понимаю, — отвечал Коробицын. — А вот брат мой Александр так, я думаю, недопонимает.

— А ты ему разъясняй. — предложил Бичугин. — Каждый каждому должен быть в помощь. Землякам своим — Болгасову да Власову — ты помогаешь? Вот и брату помоги.

— Он меня не послушает, — отвечает Андрей. — Он старшой.

Они помолчали.

— Да, я тогда в Куракине много недопонимал, это правда, — промолвил Андрей. — Темная у нас деревня, и народ темный. Теперь знаю... Обучился...

И вдруг они услышали отдаленный выстрел.

Тотчас же раздалась команда:

— В ружье!

Со всех сторон бросились бойцы к винтовкам, на ходу туго стягивая поясами гимнастерки. Вмиг опустела пирамида.

Коробицын мчался к назначенному ему посту.

Стрельба на том берегу началась неожиданно. На советскую сторону пули не ложились. Стреляли с того берега в тыл сопредельной стороны. Может быть, перебеж-

чиков задержали? Убьют и трупы перекинут на советский берег.

Стреляли и в тыл той стороны, и вдоль реки. Никогда еще не было такого.

Перестрелка не прекратилась и к тому времени, как прискакал комендант, низкорослый, с круглым туловищем полнолицый человек, у которого, когда он снимал фуражку, сразу вставали волосы на голове.

Если начальник заставы наизусть знал каждую травку на своем небольшом участке, то комендант держал в своей круглой голове обширный кусок протяжением в несколько десятков километров.

Стрельба не вызвала на берег никого из таившихся в секретах бойцов. Советский берег был тих и спокоен. И тогда выстрелы прекратились.

— На основании практической работы скажу, что это Пекконен, — промолвил начальник заставы. — Большой наглец.

— Провокация, — кратко отвечал комендант. — Хотели внести замешательство, приманить неумного бойца, опять внимание отвлечь...

— Кроме того, у нас новички, — добавил начальник заставы.

— Расчет на нервность, — отвечал комендант. — После смены я проведу с бойцами беседу.

Они пошли вверх на холм по извилистой тропе. Зеленый, тонконогий, похожий на кузнечика начальник заставы с трудом применял свой шаг к короткому шагу шедшего впереди коменданта.

— За грибами все лето хотел, — сказал комендант, — да куда тут до грибов! Уж и подосиновики сошли...

— А мои бойцы ходили, — отозвался начальник заставы, — и по грибы и по ягоды. Есть у меня боец Коробицын...

— Знаю, знаю.

— ...вот он любитель грибы и ягоды собирать. Раз полное ведро морошки принес. Всю заставу кормил. Сыншкку моего приучил тоже.

Они говорили о мирных делах, но в каждой кровинке их жила настороженность. Разбор операции врага еще предстоял, и они не торопились высказывать окончательные свои соображения и планы по этому поводу. Комендант готовил в уме своем срочный рапорт в штаб отряда. Желтые и красные сухие листья шуршали под ногой. Зем-

ля оголялась, оголялись кусты и деревья, только ели большими и яркими зелеными пятнами торжествовали в коричнево-золотистой дымке свернувшихся, но еще не опавших листьев, продолжали лето в печальном осеннем лесу.

Вернувшись со смен, бойцы обсуждали событие.

— Это они к юбилейным праздникам готовятся, — говорил Лисиченко, идя с другими на беседу в ленинский уголок. — Мы по-своему, а они по-своему. Тепер бдительность надо хранить — во! К Ленинграду рваться по всей границе нашей будут. Ложи наземь всякого. Ври не ври, а ты есть нарушитель, раз границу перешел. Это всегда помнить надо.

При первых заморозках Ленинград уже готовился праздновать десятилетие Советской власти. Юбилейная сессия ЦИК созывалась в городе Ленина, в городе, в котором родилась Советская власть. Ленинград украшался, строились трибуны, готовилась небывалая иллюминация. Вожди партии и правительства приедут в Ленинград на юбилейные дни. Город жил возбужденно. По заводам и фабрикам повсеместно готовили в подарок стране новые достижения.

Для границы это означало усиление охраны, бессонные ночи, напряжение и зоркость. Каждый, соревнуясь с товарищами, помнил: «Границу — на замок».

Из штаба отряда, из управления наезжали чаще обычного, обследуя, проверяя, инструктируя. Граница жила напряженно.

Диаграмма на стене в ленинском уголке демонстрировала наглядно успехи бойцов. Общие показатели были хорошие.

— А ведь знаешь, — разглядывая диаграмму, сказал Коробицын, — может, на самый опасный пост в самый юбилейный день пошлют?

Бичугин не возразил — не хотел разочаровывать товарища. Этой чести добивались все, но все-таки, думалось Бичугину, опыта для этого надо иметь больше, чем у Коробицына. По трудным пунктам станут старые пограничники. Молодежь вряд ли.

Пекконен понимал, что пришел срок, когда решительными действиями надо выудить у советских пограничников новые тайны охраны тихого советского берега. От этого зависит успех операции, самой ответственной из всех, которые когда-либо поручались ему.

Зина писала Коробицыну, что торопиться с решением нет причин. Времени впереди еще много, чтобы обдумать, жить ли им на границе, если Андрей останется на сверхсрочной, или поворачивать жизнь в деревне. Сама же она границы не боится. А любит она его по-прежнему и просит срочно сообщить, любит ли ее по-прежнему и Андрей.

Письмо Коробицын получил к вечеру и ответить решил завтра после смены.

Назавтра, 21 октября, в четыре часа утра он получил приказ от начальника заставы — двигаться по границе от 215-го пограничного столба до 213-го и обратно. Он не должен был маскироваться, он должен был идти открыто, демонстрируя спокойствие советской границы, охраняя тайны лесов и болот. Для нарушителей заготовлено достаточно сюрпризов в глубине леса.

Обход Коробицына начинался с полуразрушенного сарая, гнившего на берегу реки. Стог сена желтел невдалеке от этой дырковой постройки.

В желтом сумраке Коробицын шагал по дозорной тропе, не сводя глаз с той стороны, но держа винтовку дулом к тылу. Инеем была подернута земля. Утренняя осенняя свежесть холодила щеки, и несильный ветер гудел по опушке леса, чуть колебля ветки и наземь бросая последние, еще цеплявшиеся за жизнь листья.

В шесть часов начальник заставы проверил Коробицына и остался доволен: Коробицын выполнял задачу добросовестно. Начальнику заставы подумалось, что Коробицын никогда еще не заявлял никаких жалоб. На обычные вопросы перед инструктажем и посылкой в наряд — здоров ли? хорошо ли отдохнул? — он всегда отвечал утвердительно: «Здоров, товарищ начальник заставы. Отдохнул хорошо». И при осмотре оружия все у него всегда оказывалось в порядке. Задержания производил храбро. Но начальник заставы все еще не спешил с окончательным мнением о каждом из бойцов. Окончательных мнений, впрочем, он вообще не любил. Окончательное мнение — точка, конец, а человек развивается, живет, изменяется.

Медленно яснило утро. День устанавливался сухой, ясный, и стих ветер. Коробицын ходил дозорным уже шестой час, но ничего подозрительного не увидел и не услышал. Совсем посветлело, когда он, пройдя березу, выступившую из леса почти к самому берегу, пропустив кусты, приближался в который уж раз к черневшему

одинокое сарая, с тем чтобы вновь повернуть отсюда обратно.

Вдруг он увидел прямо навстречу ему вставших людей. Один был громадного роста, на голову выше Корибицына, с сумкой через плечо, и в руке его был парабеллум, наставленный прямо на Корибицына. Другой, невысокий, черный, с двумя шрамами на щеках, пошел на Корибицына справа. Третий выскочил слева, из-за сарая. И три дула глядели на Корибицына.

— Сдавайся! — не крикнул, а сказал громадный мужчина, и была в его голосе большая сила. — Сдавайся — или убьем!

Никогда еще не был Корибицын в такой опасности, как сейчас. Все такое привычное — дырявый сарай, стог сена — вмиг стало чужим, незнакомым, враждебным. Смертоносным вздохом войны пахнуло в лицо Корибицыну, и жарко ему стало в это холодное осеннее утро.

С отчаянной силой сопротивления он вскинул винтовку к плечу, выстрелил, но винтовка шатнулась, потому что сзади его вдруг ударило по ноге. Он не видел, как из-за кустов подобрался к нему сзади четвертый человек, одетый не по-летнему, как стоявший перед Корибицыным не признающий холода Пекконен. Четвертый был в овчинном тулупе и зимней серой кепке.

Корибицын упал на колено и выстрелил еще раз. Три пули впились в его тело, и он упал наземь. Он не чувствовал боли. Необычайное возбуждение захлестывало его. Решалась жизнь. Лежа на земле, не выпуская винтовки из рук, он прицелился в громадного мужчину, которого сразу же признал вожаком. На остальных, жаливших его, он и не глядел. В ногах было мокро, кровь.

Его окружали.

Его окружали, чтобы уволочь на тот берег.

Корибицын выстрелил и вскрикнул радостно, увидев, что вожак пошатнулся и упал. Он выстрелил еще раз, и еще, и уже услышал, что бегут товарищи ему на помощь. Он пустил еще пулю вслед врагам.

— Я вам! — крикнул он в невыразимой злобе и радости, и туман застлал ему глаза.

Дело длилось несколько секунд. Но когда прибежала подмога, трое мужчин уже несли четвертого через речушку. Задержать их было невозможно: пуля ляжет на ту сторону.

Корибицын очнулся на бугре в лесу. Его донес сюда

красноармеец Шорников. Увидев себя в кругу знакомых лиц, он ощутил такую радость, какой никогда еще не испытывал. Все было привычное и родное вокруг — земля, осенний лес и люди, товарищи.

— Как вышло? — спросил он возбужденно.

— Вышло хорошо, — отвечал начальник заставы, уже прискакавший сюда. — Задание вы выполнили, врага отбросили, товарищ Корибицын.

— Сволочи, — сказал Корибицын. Слова рвались из него, как никогда. Он, обычно молчаливый, был сейчас непохож на себя. — Трое их...

— Четверо их было, — поправил начальник заставы.

— Ну, я одного ссадил. Попомнят.

Возбуждение не проходило. Он не сомневался, что раны у него легкие. И все снова и снова он радовался родной земле, родному воздуху, родным лицам. Все здесь обещало жизнь и счастье.

Подскакал комендант с лекпомом.

Продели палки в рукава шинели и на эти самодельные носилки положили Корибицына.

Он не застонал, но лицо его дрогнуло, и черные брови сдвинулись в напряжении.

— Болит? — спросил начальник заставы, склонившись над ним.

— Ногу больно, — отвечал Корибицын.

— Ничего. Пройдет.

Нога в подъеме горела и ныла.

— Одного я ссадил, — повторял в непрекращавшемся возбуждении Корибицын, пока его несли к заставе. — Оправлюсь — узнают еще меня. Покажу я им, как к нам лазить!

И этот момент, когда он бился против четверых, казался ему самым радостным в его жизни, словно он впервые по-настоящему узнал себя в полной мере.

На заставе уже ждала докторша из соседней больницы.

Докторша спокойно и внимательно осмотрела его. Три раны в ноге она не признала опасными, только в подъеме ноги пуля застряла.

Корибицын не стонал и при осмотре, выдерживая боль с неожиданной легкостью. Только попросил:

— Пулю-то выньте. Не хочу ихней пули в себе.

О четвертой ране докторша ничего не сказала Корибицыну. Четвертая рана была в живот.

— Надо отправить в Ленинград, — сказала она. — В центральный госпиталь.

И, отведя начальника заставы в сторону, прибавила тихо — так, чтобы Коробицын не слышал:

— Сегодня же отправить надо. С первым поездом.

Она сделала укол, и запахло как будто спиртом.

— Вот давно не пил, — засмеялся Коробицын. — Вот хорошо!

Он лежал на своей койке, куда сразу, как принесли, положили его, и за окном слышалась ему родная жизнь заставы. И когда он узнал, что лежать ему не в деревенской больнице, где его навещали бы товарищи, а в Ленинграде, он взмолился:

— Разрешите, товарищ докторша, возьмите к себе. Куда мне так далеко? Рана-то легкая...

— Зато Ленинград увидите, — утешала докторша, — Октябрьские праздники там увидите.

— А сколько дней лежать-то там? Неделю? Больше?

Ему все не верилось, что привычная жизнь его на заставе прервана. Ему казалось, что вот он встанет и пойдет сейчас. Неужели враг, гад, сволочь, так сильно саданул?

К крыльцу уже подкатила рессорная тележка, и начальник заставы вышел поинтересоваться, откуда это.

— Из деревни крестьяне прислали, — важно отвечал безбородый, но очень серьезный финн. — Я больного на станцию повезу.

Начальник заставы поблагодарил — он только собирался еще послать в деревню за телегой.

Положили много соломы, чтобы мягче было ехать, и уложили Коробицына в тележку. Лекпом присел сбоку. Коробицын прощался со всеми, кто окружал его. Вдруг он взволновался:

— А не смеется кто, что я отбросил, да не задержал? Что Болгасов говорит? А Бичугин?

Болгасов и Бичугин оба были в наряде. Но за них ответил начальник заставы:

— Гордятся тобой бойцы, товарищ Коробицын.

— Винтовку мою передайте Бичугину, — успокоенно сказал Коробицын. — Пусть бережет. Скоро вернусь. Покажу им еще, как к нам лазить!

Начальник заставы был так же, как и Коробицын, уверен, что тот поправится, хотя он знал о ране в живот. На-

чалник заставы видел эту рану — маленькая дырочка и немного крови.

Через четыре дня начальник заставы, получив отпуск до четырех часов, ранним утром отправился в Ленинград навестить Коробицына. Праздничный вид города взбодрил его. Он зашел в гастроном и купил Коробицыну винограду и сладостей. Затем сел в трамвай и поехал к раненому.

В вестибюле, просторном и пустом, дежурная сестра строго сказала ему:

— Прием с четырех. Сейчас к больным нельзя.

Но так как она тотчас же и ушла куда-то, он спокойно прошел к раздевалке и, увидев брошенный кем-то на стул халат, снял хладнокровно, как имеющий право, шинель, повесил ее, надел халат и направился в палаты. А если человек в халате, то тут уж никто такого не оставит.

Он путался по коридорам, спрашивая, где тут хирургическое отделение.

Подойдя к операционной, он увидел, как пронесли отсюда кого-то, с головой накрытого простыней.

Больниц и госпиталей он не любил. Его начинало уже мутить от этих запахов. Он остановился у хирургического кабинета. Здесь он ждал кого-нибудь, чтобы навести справки. Когда вышла наконец сестра, он обратился к ней:

— Тут к вам доставлен раненый пограничник...

— Коробицын? — торопливо перебила сестра. — Он сейчас умер после операции. У него был перитонит. Очень тяжелое ранение.

И, взглянув в лицо ему, осведомилась уже не так поспешно:

— А вы кто ему будете? Товарищ? Или родственник?

Начальник заставы никогда потом не мог вспомнить, как это он ехал обратно. Но на границу он вернулся вовремя.

У крыльца, когда он сошел с коня, ждавшего его на станции, нетерпеливо и недовольно подбежал к нему сын.

— А где дядя Андрюша? — спросил он строго. — Ты же обещал привезти его.

Начальник заставы тут только, в приучающей к вниманию обстановке, заметил, что нет при нем ни винограда, ни сладостей — потерял где-то. Ничего не ответил

мальчику, он прошел в ленинскую комнату, где Лисиченко вел занятия, и сказал:

— Умер наш Корибицын, товарищи. Скончался от ран.

Была одержана важная победа: Корибицын вывел из строя Пекконена, опаснейшего врага. План переброски террористической группы к юбилейным праздникам в Ленинграде был сорван.

Еще до того, как застава, на которой служил Корибицын, была названа его именем, до того, как имя Корибицына стало знаменитым у пограничников, почта доставила на заставу в одно тихое зимнее утро письмо красноармейцу Андрею Ивановичу Корибицыну.

Все имущество Корибицына было отправлено его родным в Куракино вместе с подробным сообщением о его подвиге и назначением пенсии матери. Родные горевали в Куракине, писали в отряд, но это письмо было не от них. На этом синем, простой бумаги конверте стоял не куракинский штампель.

Это было письмо от Зины. Начиналось оно так:

«Андрюшенька, милый мой, что так долго не пишешь? У меня сердце болит — не случилось ли что с тобой? Или разлюбил ты меня?..»

Как и на предыдущих письмах, адреса своего Зина не обозначила. Адрес ее знал один только Андрей Корибицын.

Михаил Слонимский

Герой Советского Союза генерал армии Иван Иванович Масленников, сын стрелочника, семнадцатилетним юношей вместе с группой большевика З. С. Петрова разоружал жандармов в Февральскую революцию, восемнадцати лет участвовал в ликвидации белоказацкого мятежа в Астрахани, в дни боев за Уральск обеспечивал связь с Чапаевской дивизией. Затем командовал кавалерийским полком, бился с частями Врангеля, вел в атаку кавалерийские бригады в степях Кубани и предгорьях Кавказа. В этих боях И. И. Масленников девять раз был ранен.

Молодой человек двадцати двух лет вышел из горнилы гражданской войны с боевым опытом полководца, вынес классовую ненависть к врагам революции, политическую закалку и негибкую волю.

После окончания кавалерийских курсов в Новочеркасске И. И. Масленникова послали, как одного из лучших командиров, на границу в Среднюю Азию. Именно здесь, на необозримых просторах жгучих песков Каракумов и Кызылкума, решался государственной важности вопрос: быть или не быть социалистическим Туркменистану?

Среднеазиатский коммунистический университет И. И. Масленников окончил заочно в 1934 году. А в 1935-м — Военную академию имени М. В. Фрунзе.

В тридцать шесть лет И. И. Масленников — начальник боевой подготовки погранвойск в Закавказье, затем — командующий войсками НКВД Белорусского округа, в тридцать девять лет — заместитель паркома внутренних дел, в сорок — командарм. В самое трудное для Родины время — летом 1942 года — он командует Северной группой войск Закавказского фронта, а в 1943 году — Северо-Кавказским фронтом.

Под его руководством была организована оборона Кавказа, а затем стремительное наступление, в ходе которого была освобождена территория от Орджоникидзе — Моздока до Азовского моря.

С мая по август 1943 года генерал-полковник Масленников — заместитель командующего Волховским фрон-

том. С августа по ноябрь 1943 года — заместитель командующего Юго-Западным и 3-м Украинским фронтами. Командовал 8-й гвардейской армией, форсировал с нею Днепр. С ноября 1943 года по март 1944-го — командующий 42-й армией, которая в январе 1944 года прорвала оборону противника под Ленинградом. С апреля 1944 года — командующий войсками 3-го Прибалтийского фронта. Победам этого фронта Москва салютовала шесть раз.

В годы Великой Отечественной войны И. И. Масленников был еще четыре раза ранен, дважды из них — тяжело.

В июне 1945 года — заместитель командующего советскими войсками на Дальнем Востоке. За умелое руководство боевыми действиями в разгроме Квантунской армии генерал армии И. И. Масленников удостоен звания Героя Советского Союза.

В 1945—1947 годах — командующий Бакинским, а затем Закавказским военными округами. В 1946 году был избран депутатом Верховного Совета СССР, а в 1952 году на XIX съезде партии — кандидатом в члены ЦК КПСС.

С мая 1948 и до апреля 1954 года — заместитель министра внутренних дел СССР.

Среднеазиатскому периоду деятельности, когда И. И. Масленников командовал 11-м Хорезмским кавалерийским полком ОГПУ, разгромившим в пустыне Каракумы объединенную группировку банд Дурды-Мурта, Ахмед-Бека, Бады-Дуза, посвящается этот очерк.

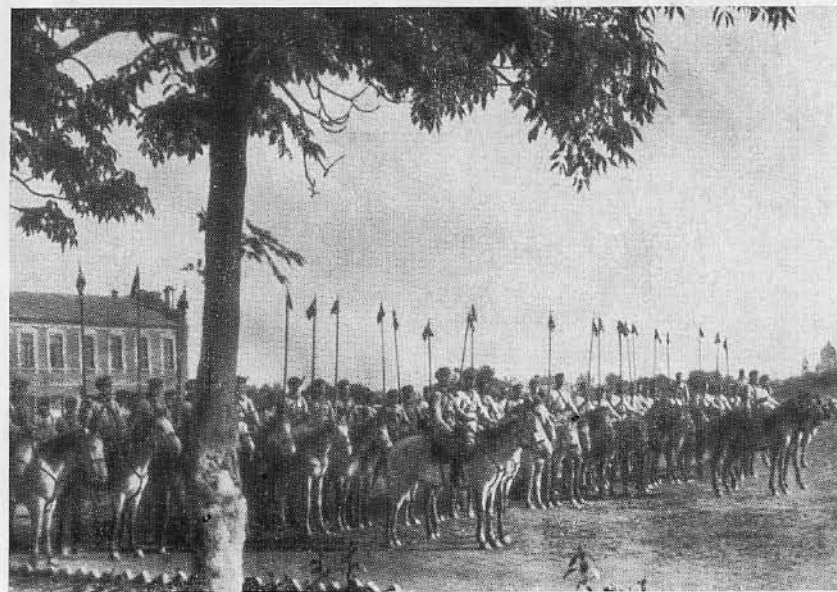
Белое раскаленное солнце. Свистящее дыхание лошадей. В горле сухо. Шершавый, будто распухший, язык задевает такие же шершавые, растрескавшиеся, кровоточащие губы. Кожу на скулах стянуло, и кажется, что еще немного, и она от иссушающего, горячего, как из жерла печи, суховея вот-вот лопнет. Едкий пот и мелкие песчинки режут глаза. Мучительно хочется пить. Кажется, все бы отдал только лишь за один глоток воды.

Вода есть у каждого красноармейца во фляге, есть она и в бочатах на идущих вслед за отрядом верблюдах, но пить запретил командир полка, отдавший строжайший приказ на протяжении всех ста двадцати километров марша не притрагиваться ни к флягам, ни к бочатам: и на тактических учениях песчаный полк должен привыкать к самым тяжелым условиям боя.

Таковыми были первые погранзаставы и посты.

Маневренная группа пограничного отряда. Дальний Восток. 1928 г.

Герой-пограничник Андрей Иванович Коровицын.

На привале. Средняя Азия. 1928 г.

В наряде. Младший командир погранзаставы Ф. А. Калининский.

Стрельба из бортового пулемета по воздушным целям.

Группа пограничников заставы «Сатаново». Украинский округ. 1922 г.

Николай Михайлович Быстрых. 1932 г.

Красноармейцы — отличники боевой и политической подготовки комсомольцы Н. И. Антипов и В. В. Горич.

ВСЕРОССИЙСКИЙ
ЦЕНТРАЛЬНЫЙ
ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ
КОМИТЕТ.

7 - Марта 1930.

№ 226

Л. Сидор
Копия

57 Хабаровскому Пограничному
Отряду.

Неожиданный разлив рек районов Амурского и Уссурийского бассейнов в 1927, 1928, 1929 годах причинил огромные материальные убытки государственной и общественной организациям, а также и местному населению. Наводнение захватило преимущественно шлоловую полосу Хабаровского округа.

Неожиданный разлив рек потребовал героических усилий и мероприятий по быстрейшей эвакуации и спасению населения, имущества и скота.

В этом отношении исключительную, самоотверженную работу продела весь личный состав 57 Хабаровского Пограничного Отряда ОГПУ.

Отличая самоотверженную работу 57 Хабаровского Пограничного Отряда, выразившуюся в энергичной помощи населению и местным государственным и общественным организациям по борьбе со стихией, по охране, спасению и эвакуации имущества населения в государственной по установлению по затопленным и угрожаемым участкам Язовой железнодорожной, телеграфной и голубиной связи, а также и по участию в работах по ликвидации последствий наводнения в пострадавших районах. — Президиум Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета в заседании своем от 30 января 1930 года постановил: награждать 57 Хабаровский Пограничный Отряд Орденом Трудового Красного Знамени.

Председатель Всероссийского Центрального
Исполнительного Комитета

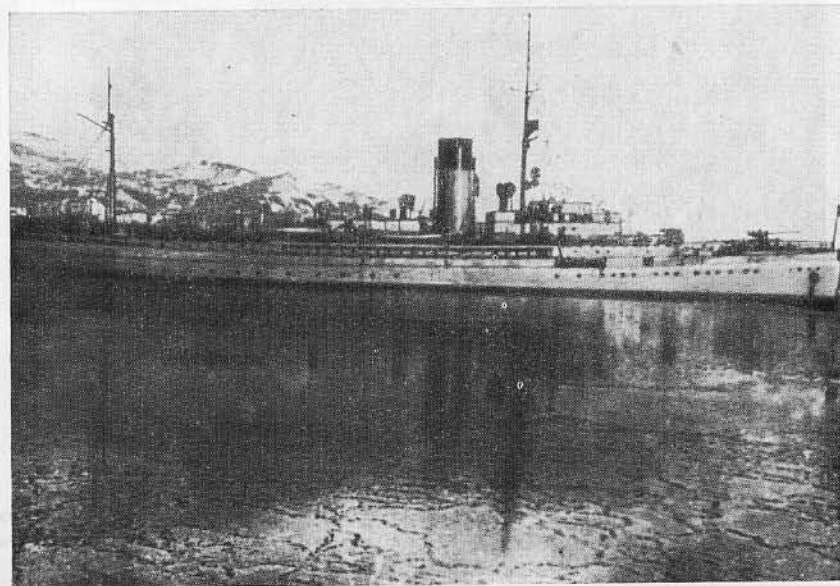
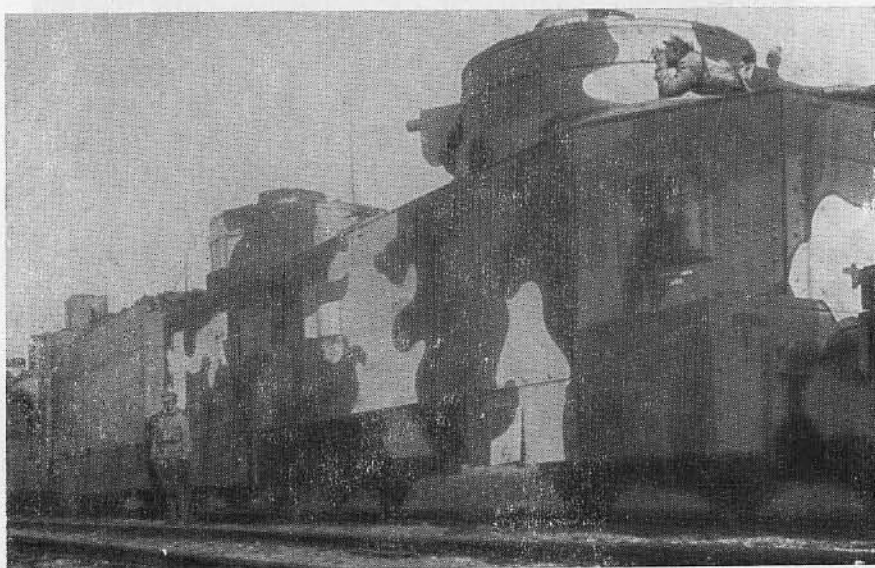
Постановление
ВЦИК
о награждении
Хабаровского
пограничного
отряда
орденом
Трудового
Красного
Знамени.

Бронепоезд
пограничных
войск.

В наряде на собачьей упряжке. Дальневосточная граница.

Пограничный корабль «Воровский». Пограничная охрана на Тихом океане.

Штаб по руководству майской боевой операцией в Северных Каракумах. 1933 г. На фото в первом ряду второй слева — командир 11-го Хорезмского кавполка И. И. Масленников.

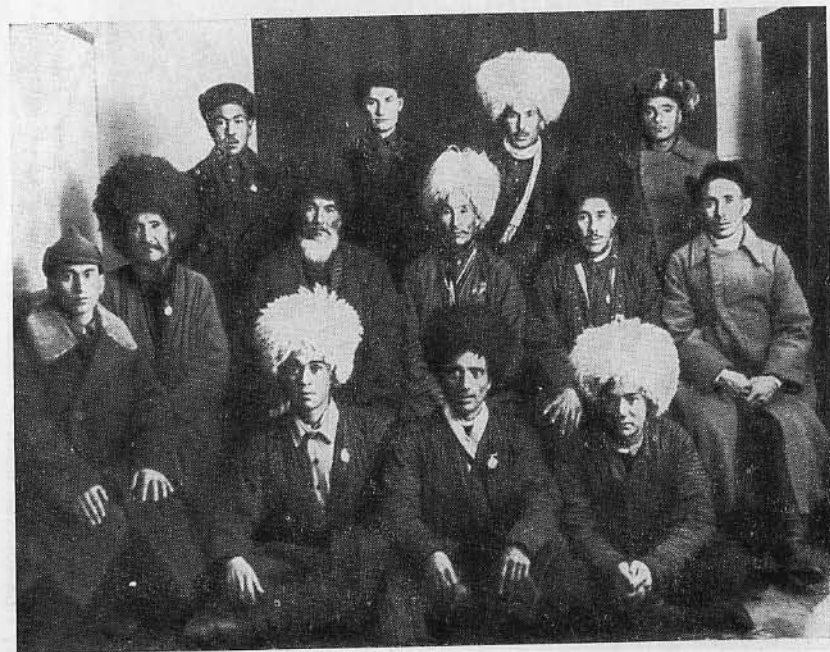

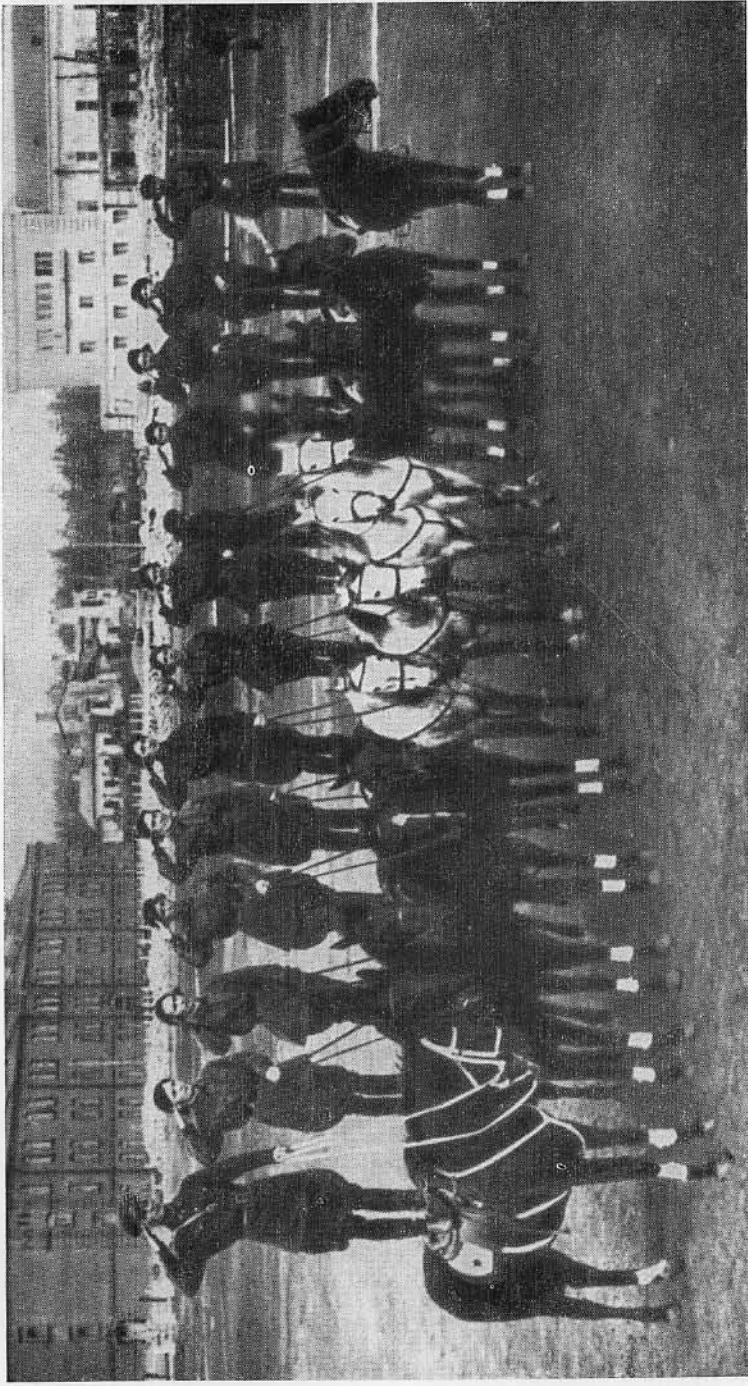
Герой Советского Союза генерал армии И. И. Масленников.

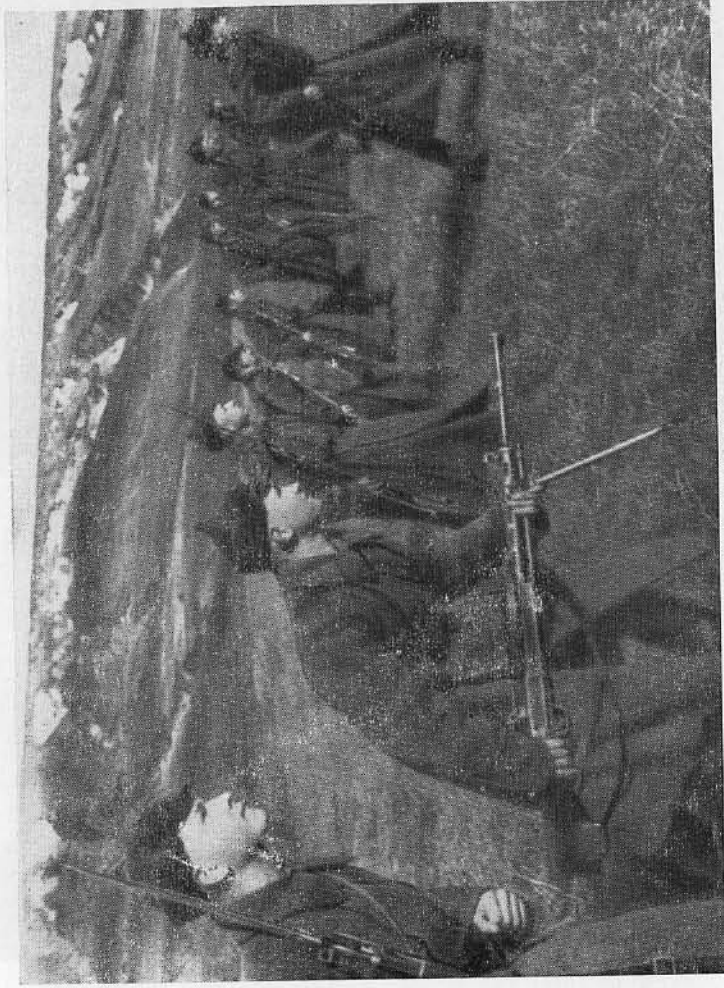
Командир Таджикского добровольного отряда Мукум Султанов — один из участников задержания басмаческого главаря Ибрагим-бека. 1931 г.

Колхозники Туркменской ССР Нияз Казыев, Сахат Баба Оглы, Мамед Бабаджан Оглы и другие, награжденные правительственными наградами за активное участие в охране границы.

Конноспортивные выступления жен офицеров Ново-Петергофского пограничного военного училища имени К. Е. Ворошилова — участниц конного пробега по маршруту Приморский край — Москва. 1935 г.

На тактическом учении.

М. И. Калинин в группе награжденных пограничников-хасановцев. Рядом с М. И. Калининым сидят: Герой Советского Союза П. Ф. Терешкин и его жена Е. П. Терешкина, награжденная орденом Красной Звезды. 1938 г.

Герой Советского Союза
Г. А. Батаршин.

Герой Советского Союза
В. М. Виневитин.

Герой Советского Союза
А. М. Махалин.

Герой Советского Союза
И. Д. Чернопятко.

Пограничный дозор.

В ленинской комнате заставы.

На огневом рубеже. Пограничники А. С. Махов, К. П. Черногубов и А. Н. Воронин.

Путевой обходчик приграничной станции Кривин Юго-Западной железной дороги Алексей Васильевич Артемов с семьей задержали 172 лазутчика. Отец и сын награждены орденами, жена и дочери — ценными подарками.

Конный дозор. 1930 г.

С бархана на бархан движется отряд, то поднимается на гребни, то опускается во впадины между бурными песчаными холмами. Однообразное движение укачивает, как мертвая зыбь мертвого песчаного моря, застывшего под испепеляющими все живое лучами беспощадного солнца.

Правда, неизвестно, что труднее — идти ли в такую жару, как сейчас, или в декабре совершать стокилометровый марш-бросок от Хорезма до колодца Чарышлы, когда ветер, не встречающий препятствий на огромных открытых пространствах, бросает в лицо снег с дождем, забивает дыхание. Лошадей кормили на ходу; не сходя с седел, питались сами; и люди поверили в свои силы, сделав более ста километров за один переход. Не легче было и во время недавнего девяностокилометрового марш-броска на колодец Аджикую в условиях небывало тяжелой для весеннего времени жары.

Цель нынешнего похода — район старинной крепости Змукшир, где удобно развернуть боевые порядки, проверить не только выучку бойцов, но и возможности артиллерии, слаженность всех подразделений. С остатков гигантского крепостного вала хорошо видна вся округа, удобно наблюдать и руководить «боем».

С бархана на бархан идет и идет отряд, переваливается через гребни, скрывается в низинах.

Масленников придержал своего Пирата: с той стороны, где шло передовое охранение, возвращался рысью, приподнимаясь в седле, секретарь партбюро полка Быба.

— Товарищ командир полка, — доложил он, — через пески фаланга идет!.. В жизни не видел столько этих басмачей!..

Скомандовав отряду продолжать движение, командир полка вместе с помполитом Иваном Адамовичем Масько и старшим врачом полка Хорстом выехали вперед.

Удивительное зрелище предстало перед их глазами. Со зловещим шорохом, переваливаясь с увала на увал, наискось поднимаясь из низины на гребень соседнего бархана, бежали сплошной, изредка прерывающейся лентой отвратительные паукообразные фаланги, достигающие размером шести-семи сантиметров каждая, с толстыми, покрытыми волосками членистыми лапами, с мощными челюстями, способными заразить при укусе трупным ядом.

Что заставило такое несметное количество этих волосатых жителей пустыни переселяться с места на место, собравшись в целое войско? Но то, что Быба назвал фа-

ланг басмачами, никого не удивило: басмачи у всех были первой темой, ради встречи с ними совершались эти утомительные марши, тактические учения.

— Зачем так громко? — заметил командир полка.

Быба не понял, почему он должен говорить тихо, с удивлением оглянулся.

— Зачем фаланг с басмачами сравнил? — пояснил Масленников. — Услышат — обидятся.

Шутку приняли, слышались реплики, смех.

— Фаланга не басмач, первая нападать не будет, — заметил врач полка Хорст. — Однако, — добавил он, — поостеречься следует...

— Продолжайте движение, — скомандовал Масленников, — передать по отряду: быть внимательнее!.. А если в бою или во время преследования противника попадет на пути такая нечисть, что ж, стоять будем?..

Командир полка, а вместе с ним и Хорст и Быба придерживали лошадей, оставаясь на месте, пропуская мимо себя подразделения, всматриваясь в почерневшие от зноя лица, с беспокойством отмечая про себя крайнее утомление лошадей, спотыкающихся в сыпучке, с хриплым дыханием преодолевающих бархан за барханом.

Выставив флажки у того места, где путь отряда пересекали мигрирующие фаланги, командиры подразделений подали команды взводам, отделениям и звеньям кавалеристов, понукая лошадей, с ходу брали это непредвиденное препятствие.

Никто не мог объяснить, в том числе и сам он, командир полка, в каком направлении и зачем бегут по пескам собравшиеся сюда чуть ли не со всей пустыни фаланги, но зато очень хорошо знал, в каком районе Каракумов и в каком количестве собрались фаланги совсем другого сорта, с винтовками и пулеметами, объединившиеся в крупную бандгруппировку под командованием очень известных приспешников Джунаид-Хана, таких, как Дурды-Мурт, Ахмед-Бек, Бады-Дуз, и заблуждением было бы считать их тактически не подготовленными к упорным боям с регулярными частями Красной Армии.

Командиру полка хорошо было известно, как, например, проходил бой в районе колодца Чагыл 13—14 сентября прошлого, 1932 года.

Два кавалерийских полка совместно с мотоотрядом наступали на банду, насчитывавшую до шестисот хорошо вооруженных басмачей, с которыми были и семьи, и ка-

раван верблюдов с продовольствием и фуражом. Наступление поддерживали танкетки и самолеты.

Появившиеся на поле боя танкетки вызвали замешательство среди бандитов только в первый момент. Освоившись, басмачи повели грамотную борьбу и с танкетками. Одна из них попала в заранее вырытую яму и была сожжена, вторую встретили ураганным пулеметным огнем. По самолетам били из винтовок залпами, из четырех самолетов один повредили, ранили летчика.

Показали басмачи и умелое построение боевого порядка, эшелонированного в глубину, расчлененного по фронту, с использованием командных высот, с заменой убитых в стрелковых ячейках.

Для сбора сведений о наших частях засылали мелкими группами переодетых бандитов.

При боевых столкновениях нападали неожиданно, наваливаясь всей массой, стремясь сковать огнем с фронта, а главными силами ударить во фланг нашего расположения, обходя и охватывая боевые порядки отрядов ОГПУ.

Умели бандиты выбрать заранее удобный для принятия боя рубеж, располагаясь на нем полукругом, с целью заманить наши части в заранее подготовленный и пристрелянный огневой мешок. Устраивали, особенно в горных районах, засады, в бою старались поразить в первую очередь командиров, тут же умело используя малейшее замешательство рядовых. Стремилась вывести из строя, так же как командиров, автоматическое оружие, пулеметы и не боялись организовывать отдых в ночное время, считая, что части войск ГПУ не умеют действовать в темноте.

Пропуская мимо себя отряд истомленных зноем, находящихся в пути уже более десяти часов красноармейцев, командир полка оценивал своих бойцов, меряя их возможности только одной меркой: выдержат ли они испытания, когда придется бороться не только с изнуряющим зноем, но и в такую же жару вести бой?

С бархана на бархан передвигается отряд. Оттуда, куда ушло передовое охранение во главе с секретарем партбюро Быбой, прискакал связной:

— Товарищ командир полка, в полутора километрах видны развалины старинной крепости Змухшир. Докладывает красноармеец Осипов.

— Командиров подразделений ко мне! — скомандовал

Масленников. Коротко объяснив условную обстановку, приказал: развернуться в боевой порядок.

Казалось бы, после столь длительного непрерывного марша надо было бы дать бойцам отдохнуть, вдоволь напиться воды, приготовить обед. Но ничего этого командир отряда не разрешил: в бой с басмачами придется вступать с ходу, сразу после марша. Ни Дурды-Мурт, ни Ахмед-Бек чаевничать или обедать не дадут, жестоко накажут за малейшее промедление.

Командир полка отдавал приказания, принимал донесения, руководил «накапливанием» подразделений на исходных рубежах, наблюдал, как ведут себя отдельные бойцы и начальники. Вот красноармеец Широков с пересыхающим от жажды ртом сливает остатки воды из фляги в котелок, отдает задыхающемуся от жажды коню. Рядом с ним последнюю воду отдает коню боец Счастливцев. Широков и Счастливцев едут в дозор: противник может ввести в бой резервы.

Объезжая боевые порядки отряда, командир полка видит все ту же картину: жажда достигла предела. Некоторые бойцы, прополоскав рот остатками воды, впрыскивают ее в рот лошадям, а те, отлично зная назначение фляг, тянутся к ним, трогая пересохшими черными губами иссушенные солнцем чехлы.

Строжайший приказ остается в силе: ни личному составу, ни лошадям ни капли воды: в бою всё, а главное, жажда, будет неизмеримо тяжелей...

Один за другим отрапортовали командиры дивизионов Воробьев и Самохвалов о готовности своих подразделений, и Масленников, приняв рапорты, еще раз прикинул, смогут ли вынести главную нагрузку эти два командира.

Оба не один год прослужили в Средней Азии, неторопливые, опытные. Но и у них силы на пределе. Воробьев должен был ложиться на операцию, у него грыжа. Ему тем более нелегко, но окажись басмачи здесь — разбираться не будут, кто здоров, а кто болен. Командир полка, лишь взглянув на Воробьева, не стал спрашивать о самочувствии, а коротко повторил задачи подразделений на учении.

Суровое, героическое время!.. Время, в котором главную роль в достижении побед играла классовая убежденность, партийность, помноженная на нестигаемую человеческую волю: слишком ограничены были технические средства боевых подразделений, невелик еще боевой опыт

полков и отрядов, проводивших операции в невероятно тяжелых условиях пустыни Каракумов.

В те беспощадно-строгие дни огромную роль в подготовке боевых частей играли политотделы. Они готовили оперативные отряды к выполнению труднейших задач с минимумом технической оснащенности и, как всегда, с максимумом политической и военной ответственности.

11-й Хорезмский полк И. И. Масленникова отличался исключительным вниманием командования к политработе. Командир полка Масленников и помполит Масько перед началом боевых операций сами следили за тщательным отбором бойцов в отряды, с тем чтобы в каждом взводе, в каждом отделении была цементирующая партийно-комсомольская прослойка, чтобы регулярно проводился инструктаж командиров, секретарей партийных и комсомольских ячеек, партторгов, редакторов «ильичевки», отдельных активистов. В совещаниях начсостава всегда участвовали секретари партийных и комсомольских организаций. Старались на летучих митингах знакомить красноармейцев с обстановкой и задачами операции, с обязанностями каждого в походе и в бою.

Снова и снова прикидывал Масленников, направив коня на высокий крепостной вал, так ли разворачивается «операция», слаженно ли действуют подразделения. Учебную атаку следовало оценивать с «небольшими» поправками на яростное сопротивление бандитов. Каково оно будет, это сопротивление? Какие загадки предложат ему главари басмачей Дурды-Мурт и Ахмед-Бек? Будет ли их крепость более серьезным орешком, чем эти остатки старинных укреплений крепости Змукшир?

После учений, медленно проезжая вдоль крепостного вала, принимая рапорты расположившихся на отдых подразделений, командир полка определял по виду своих утомленных походом и учениями бойцов, много ли еще у них осталось сил, достаточен ли запас прочности у отряда для того, чтобы выдержать в будущем неизмеримо более тяжкие испытания.

Масленников понимал: для того чтобы победить такого противника, как объединенная банда басмачей, надо не только подготовить к боям в песках свой отряд, но и хорошо знать силы и тактику противника, психологию и

характеры главарей, таких, как Ахмед-Бек, Дурды-Мурт, Бады-Дуз.

Психология и характеры главарей банд складывались на протяжении всей истории развития феодально-байской верхушки — истории предательств и разбоя, деспотической власти ханов, многовекового угнетения народа, задавленного шариатом и адатами, религиозными и бытовыми предрассудками, уходящими в глубину веков.

В октябре 1918 года, когда в России вовсю разгоралась гражданская война, сын Джунаид-Хана Ишен-Хан со свитой в восемнадцать джигитов прибыл в Хиву и убил правившего там хана Аспендиара.

Джунаид-Хан занял хивинский трон, посадив на него послушного ему брата убитого Аспендиара Сеид-Абдуллубая, именем которого стал проводить свою националистическую политику, огнем и мечом подавляя узбекское влияние, ничем не облегчая участь беднейших туркмен.

Кровавый террор Джунаид-Хана был остановлен лишь частями Красной Армии, которые направил в Хорезм командующий Туркестанским фронтом Михаил Васильевич Фрунзе.

Власть Джунаид-Хана была свергнута, сам он бежал в пески. 28 апреля 1920 года народ объявил Хиву Хорезмской народной советской республикой. Но республика была объявлена, а национальная борьба осталась. В правительственном аппарате стали брать верх узбеки, ханские чиновники, духовенство.

Туркмены стали объединяться вокруг своих вождей-феодалов, находившихся под непосредственным влиянием Джунаид-Хана.

В марте 1921 года руководство Хорезмской народной советской республикой перешло к Временному революционному комитету. Эту дату и следует считать началом действительного советского влияния в Хорезме.

Мастерски используя промахи хивинского правительства, прикрываясь разговорами об исламе и утраченной свободе туркменского народа, все тот же Джунаид-Хан, уйдя в глубь песков, направляя в антисоветской деятельности бандитские группировки из «обиженных» Советской властью людей, сумел в начале 1924 года объединить буржуазию и духовенство, заблокироваться с туркменскими вождями-феодалами и под лозунгом борьбы с узбеками и Советским правительством сделал попытку прямого

восстания против Советов, стремясь вернуть себе хивинский трон.

Частями Красной Армии он был разгромлен и бежал в Афганистан, но продолжал и оттуда руководить басмаческими группами на территории Хорезмского оазиса.

Матерый враг Советской власти и не думал ограничиваться подобной деятельностью. Отлично зная, насколько сильно влияние националистических группировок в Курултае, он в конце 1924 года снова перешел на нашу территорию и обратился к 1-му Всетуркестанскому съезду Советов с ходатайством об амнистии. Съезд удовлетворил его просьбу, предоставив право жить в песках, иметь при себе оружие, рассылать своих джигитов на базары, фактически брать с населения налоги.

Таким образом, Джунаид-Хан получил «прописку» на территории Хорезмской республики и, опираясь на все ту же национальную рознь и антисоветские настроения среди кулацко-байской части населения, умело используя незавершенность социального переустройства, малочисленность частей Красной Армии, провел тщательную подготовку басмаческих групп к активным действиям рядом грабежей и террористических актов, распространяя слухи о том, что при поддержке англичан завладеет Ташаузским округом и восстановит свое бывшее ханство.

К этому времени относится начало деятельности и бандитской шайки ставленника Джунаид-Хана, крупного бая Ахмед-Бека, с бандой которого и бандами Дурды-Мурта, Бады-Дуза и предстояло в будущем встретиться в бою в глубине песков отряду Масленникова.

В сентябре 1927 года банда Ахмед-Бека вела упорный бой с отрядом 83-го кавполка у озера Дайди-Куль и под давлением отряда отступила в глубь песков, объединившись с бандами Шалтай-Батыра и Хан-Пармака, грабя и терроризируя население.

Героическая 8-я Отдельная кавбригада в районе колхозов Чарышлы и озера Орта-Кую при активной помощи трудящихся Хорезма разгромила бандитское объединение Джунаид-Хана. Входящие в его состав шайки частично были разбиты, частично разогнаны по пескам, а сам Джунаид-Хан с остатками своих приближенных бежал в Иран, а оттуда в Афганистан. Но он и на этот раз не сложил оружия, по-прежнему направляя басмаческую деятельность верных ему бандитских групп, еще надеясь восстановить ханский трон.

После разгрома объединенной группировки Джунаид-Хана Ахмед-Бек вернулся на свои насиженные места в районе колодцев Аджи-Кую, Халыбай и Такыр, избрав объектом нападения и фуражировок Ильялинский и Каахкинский районы, грабя кооперативы, уничтожая школы, терроризируя советских и партийных работников.

В 1932 году, зарвавшись, Ахмед-Бек вступает в открытый бой с отрядами 83-го и 84-го кавполков, от которых терпит сильнейшее поражение и, потеряв более ста пятидесяти человек, бежит в район колодца Орта-Кую, где, собрав остатки банды, ведет уже более осторожную политику, избегая столкновений с частями Красной Армии.

В этот же период острейшей классовой борьбы в Средней Азии неуклонно росло влияние новой Советской власти, вставшей на защиту беднейшей части населения независимо от национальности.

Борьба за советский хлопок, за орошение полей, упразднение аксакальства и замена его выборами трудящихся дехкан в Советы, совершенствование партийного и советского аппаратов — наглядные примеры этого.

Волею трудящихся по всей Средней Азии одновременно с Советами были созданы первые национальные воинские формирования, которые сразу же проявили истинный героизм в борьбе с контрреволюцией.

Программу этих формирований с трибуны III съезда Советов развернул Михаил Васильевич Фрунзе. Славную страницу в историю гражданской войны вписали эти формирования и в песках Каракумов, и в Хорезмском оазисе, пройдя путь от принципа добровольности до закона об обязательной военной службе, от мелких партизанских отрядов до прекрасно вооруженных, хорошо обученных воинских соединений.

Эти национальные части дали кишлакам и аулам десятки тысяч борцов за новый, советский строй.

Лицо Хорезма менялось, но нельзя забывать, что если в других республиках советское строительство началось с 1918 года, то Хорезмский оазис и в первые годы коллективизации находился еще во власти национальной розни и распри, подвергался набегам банд, а кое-где был еще и под ханской плеткой.

Первые успехи коллективизации, развитие наряду с хлопководством шелководства, появление школ, повышение общей культуры — все это не давало покоя быв-

шим главарям родов — ханам и баям, ярим приверженцам феодально-родового строя.

Все это, как болезнь, оттягивало силы, мешало развитию республики.

Первые вести о коллективизации пришли в Среднюю Азию из Казахстана. Зимой 1930/31 года стали откочевывать вместе с хозяйствами бай-казахи в Туркмению к племени помудов. Бай-помуды поняли, что скоро раскулачивание дойдет и до них: органами Советской власти уже проводились определенные ограничения.

Экономические трудности, недостаток транспорта, нерегулярное снабжение, задержка выдачи товаров дехканам, сдавшим законтрактованную шерсть, — все это создавало благодатную почву для нарастающего недовольства, подогреваемого активной антисоветской пропагандой. Были и перегибы, допускаемые представителями власти на местах, когда по отношению к середнякам проводили ту же политику, что и к феодалам.

На складах было все, что предназначалось населению за поставки сельхозпродуктов, хлопка и шерсти. На станции Кара-Тенгир стояли вагоны муки. Не было транспорта. Затруднения с мобилизацией верблюдов преднамеренно провозгласили бай, выполнившие план всего на 18 процентов, в то время как бедняцко-средняцкие хозяйства дали стопроцентное количество верблюдов. И получилось, что основная тяжесть мобилизации транспорта легла на бедняков и середняков.

К этому же времени райжпвсоюз из-за экономических затруднений не мог удовлетворить районы в кормах.

Чувствуя, как накаляется атмосфера, из Афганистана прорвался с бандой ставленник Джунаид-Хана — Ишик-Хан.

В районе Каймата в апреле 1931 года появился видный джунаидовский пособник Анна-Мирза.

С их появлением начались грабежи складов и кооперативов, причем организаторы грабежей стремились вовлечь в беспорядки как можно больше населения, раздавая продукты дехканам, с тем чтобы иметь как можно больше сообщников.

Многие, конечно, тут же одумались и готовы были идти с повинной, но их запугивали возможными репрессиями Советов, распространением слухов о захвате Та-

шауза Ишик-Ханом, о «помощи Англии» вооруженными силами, о широком движении банд из-за кордона.

Грабежи продолжались. В апреле 1931 года был разгромлен поселок Ходжа-Су, бандой Атаджанова разгромлен кишлак Соили. Немало осложняли и без того накаленную обстановку профессиональные бандиты, учуявшие поживу, зарекомендовавшие себя как ярые противники Советов еще со времен гражданской войны.

На стыке территории Мервского и Алийского округов, прорвавшись из-за кордона, орудовала банда в шестьдесят всадников под командой Мамеда-Али-белуджа и Абды-Хана. Оба — старые сподвижники Керим-Хана, известные по грабежам не только у нас, но и в Иране и Афганистане.

Шайка, состоявшая из шестидесяти хорошо вооруженных закоренелых бандитов, имея отлично тренированных лошадей, делала громадные переходы, долгое время оставаясь почти неуязвимой для наших частей.

При таком положении бандам удалось создать легенду о своей неуязвимости, тем более что в беспорядки была вовлечена часть населения.

В это трудное время и возникли добровольческие отряды, действовавшие в районах Хорезмской республики.

К началу 1932 года наученный горьким опытом Ахмед-Бек, потерпевший разгром от двух кавалерийских полков Красной Армии, объединил свои силы с такими же прославившимися своей жестокостью и непримиримостью к Советской власти курбаши Дурды-Муртом и Бады-Дузом. Эта объединенная банда представляла собой настолько серьезную угрозу, что ликвидация ее представляла задачу первостепенной важности.

Отряды 126-го дивизиона под командованием Сотникова и Борисенко в стычках с ней успеха не имели, главным образом из-за своей малочисленности и недостаточной обеспеченности.

Несколько недель преследовал по пескам банду Дурды-Мурта добровольческий отряд под руководством уполномоченного ОГПУ Классовского, в задачу которого входило сдерживать продвижение банды, содействовать отрядам частей ОГПУ в проведении операций.

Вполне понятно, что для ликвидации басмачества, принявшего такие масштабы в Средней Азии, требовались самые решительные и координированные действия всех воинских частей ОГПУ. Но главный удар по объединен-

ной банде должен был наносить наиболее подготовленный песковый отряд. Таким был признан 11-й Хорезмский полк под командованием Ивана Ивановича Масленникова. Начальником Центральной оперативной группы (ЦОГ) был назначен председатель ГПУ Туркмении Бабкевич.

В инструктивном письме своим подчиненным начальник ЦОГ писал: «...На сегодня банды находятся в районе Сухого озера, движутся дальше, отрывая нас от продфуражных баз. Нам надо идти крупными отрядами, но банды будут уходить еще дальше, чем мы поставим наши части в тяжелое положение с продфуражом...»

...Создаются три опергруппы: Северная — Куны-Ургенч, восточная — Серный завод, южная — Кизыл-Арват...»

В этом же письме Бабкевич говорит о необходимости проведения целого комплекса мер, а именно: «...Усилить политраблиту в скотоводческих районах, широко мобилизовать население для борьбы с басмачеством. Организовать отряды самообороны краснопалочников, усилить боеспособность существующих отрядов.

Обеспечить бесперебойный завоз хлеба, промтоваров, немедленно ликвидировать задолженность, повести решительную борьбу с перегибами, провести немедленную решительную чистку районов культполосы от всяческих пособнических элементов.

Если пока что брали только баев и духовенство при малейших данных, а бедняка только уговаривали и изымали лишь злостных рецидивистов, то на сегодня намечается: самое решительное изъятие социально чуждого элемента (бан, ишаны, духовенство), изъятие всех пособников без различия социального положения, выселение всех басмаческих семей, как внутренних, так и закордонных, в другие районы республики, активнейшая чистка колхозно-совхозного аппарата; хищников, растратчиков, перегибщиков, бездельников — решительно, немедленно судить. Дать ряд показательных процессов с привлечением широких масс скотоводов...» «...Крайне необходимо, чтобы вокруг наших гарнизонов появилось и осело население. Для этого необходимо провести соответствующую работу среди скотоводов, дать нужные директивы по линии ЦК и правительства...»

Действиями Керкинской мангруппы из Ербента, отряда Гавриса из Серного и отряда в 65 сабель 11-го полка

И. И. Масленникова с северо-востока намечается ликвидация группировки...»

И командир специально сформированного 11-го Хорезмского полка И. И. Масленников стал готовить свой полк к боям. В эти дни он пишет письмо, адресованное в полномочное представительство ОГПУ в Средней Азии Залину.

«Добрый день, т. Залин!

Пользуясь данным Вами разрешением (при посещении полка) о товарищеских письмах, решил повторить мою точку зрения на проводимую в данное время операцию...

Вот мой вариант.

На севере и юге создается по одному участку, участок разбивается на районы, в каждом районе один истребительный, один летучий отряд и база (при рациях). Их функции: истребительному отряду границ нет. Действует он до физического изнеможения. Летучий же отряд действует в черте своего района.

Для облегчения ориентировки участок разбит на 25-километровые нумерованные квадраты с координатами. В каждом районе иметь подвижную базу в 45 верблюдов (выбрасывается как особая крайность). У меня на севере районы Нер-Бугунский и Хатибский могут обслуживаться автобазами, для чего требуется полку 10 штук полторатоннок Форда. Забросив продфураж, они могут использоваться как дозорные машины по освещению местности».

Показательна докладная записка инспектора политотдела тов. Рекстина, в которой он говорит: «Действующий отряд Масленникова доносит радиограммой, что за время похода в песках после 10.XII с. г. принято в партию 40 человек».

Начальник ЦОГ в обзоре борьбы с басмачами, отмечая недостаток опыта некоторых командиров, высоко оценивает военно-политическую подготовку Масленникова. Говоря о нескольких отрядах, он пишет: «...Бойцы дерутся хорошо. Управление же подразделениями в бою со стороны командиров зачастую отсутствует, бой развивается стихийно. Исключением из этого является отряд Масленникова...»

Очевидно, именно поэтому командиру 11-го Хорезмского полка и была поручена главная роль в решении такой нелегкой и в то же время совершенно необходимой задачи, как ликвидация басмачества в Туркменистане.

Докладывая начальнику УПО и войск ПП ОГПУ в Средней Азии тов. Горбунову о том, что банда Ахмед-Бека объединилась с бандами Дурды-Мурта и Бады-Дуза в районе Мирза-Чале, начальник ЦОГ тов. Бабкевич делает вывод: «Ташаузский отряд 11-го Хорезмского полка Масленникова надо бросать немедленно...»

После возвращения с учений, проведенных в районе крепости Змухшир, 11-й Хорезмский полк Масленникова готовился к выходу в летние лагеря, в районе которых были назначены тактические учения.

В лагере на берегу мутного арыка Шават красноармейцы полка разбивали линейки, устанавливали коновязи, размечали участки.

По арыку на каюке перевозили кирпич и доски для летних кухонь, очагов. Старшины хлопотали, формируя команды землекопов, печников, плотников. Повсюду, и на зимних квартирах, и на месте будущих лагерей, шли, казалось бы, мирные работы.

Но командир полка прекрасно знал, что все это до поры до времени: выход в лагерь будет лишь после завершения всей операции в песках. Масштабы готовящихся по всему Туркменистану военных действий не позволяли хотя бы одному дивизиону, не говоря уже о такой боевой единице, как полк, остаться вне дела.

Подав специальный рапорт, Масленников надеялся, что именно его полку доверят нанести главный удар по басмачам. К этому он готовил все десять месяцев со дня организации свой полк, сформированный в июле прошлого, 1932 года, к этому готовился сам.

Что он знал и что обязан был знать о своем противнике? Знал лишь предположительно, что объединенная бандгруппа Дурды-Мурта, Ахмед-Бека, Бады-Дуза в течение декабря и января отсиживалась где-то в районе южного берега Сухого озера, о чем можно было строить лишь догадки: ни действовавшие в песках наши отряды, ни авиаразведка не могли установить точно ее местоположение. Безусловно знал он и то, что для предотвращения движения банд на фуражировку в южной и западной части Каракумов, а также в целях прикрытия пунктов, расположенных глубоко в песках, созданы песковые гарнизоны.

Объединенная банда давала о себе знать дерзкими на-

летами крупных — до ста, ста пятидесяти всадников — фуражировочных групп.

Все случаи ограбления аулов свидетельствовали о хорошо поставленной разведке у Ахмед-Бека и Дурды-Мурта. А это значило, что в случае получения приказа выйти в пески для ликвидации банды маскировка и конспирация должны быть безукоризненными.

Добровольческие отряды — Мударский, Ербентский и Сернозаводский — в стычках с мелкими разведывательными партиями захватили в плен нескольких бандитов, из показаний которых и выяснили состав банды и ее местонахождение.

Потеряв за один лишь март тринадцать басмачей убитыми, троих ранеными и еще двоих, попавших в плен, Дурды-Мурт и Ахмед-Бек свернули свою фуражировочную деятельность, а это значило, что едят они сейчас скот и остатки продовольствия, награбленного в начале 1933 года.

Для Масленникова, державшего полк на протяжении всего периода подготовки к боям в повышенной готовности, не был неожиданностью полученный приказ: «Выступить, настичь и уничтожить». Приказ был получен 9 мая 1933 года, в разгар подготовки полка к выходу в летние лагеря. Общее руководство операцией поручалось войсковому начальнику всех действующих частей погранохраны, милиции и добротрядов — начальнику УПО ВОГПУ тов. Масловскому.

Добровольческому отряду Классовского была поставлена задача найти банду в песках, неотступно преследовать ее, не давая уходить в глубь Каракумов, на север, и навести на банду отряд Масленникова, а во время боя выполнять роль сковывающей группы, оттягивая на себя значительные силы басмачей.

Решено было также выбросить из Хивы на колодец Холыбай в двадцати километрах юго-восточнее колодца Сагаджа два взвода милицейского дивизиона под командованием командира дивизиона Приданникова с задачей закрыть колодец и тоже активно действовать против банды.

Все действующие в песках части с этой минуты подчинялись непосредственно командиру 11-го Хорезмского полка И. И. Масленникову.

Приказ был получен полком 9 мая 1933 года в 10 часов утра, а уже в 17 часов отряд, состоящий из 114 са-

бель (против 250 сабель басмачей), с двумя станковыми и одиннадцатью ручными пулеметами при одном оружии, во главе с помощником командира полка по политической части И. А. Масько выступил в Хиву, имея с собой двухдневный запас пролфуража.

Командир полка Масленников, инспектор Политотдела ОГПУ Карпов, уполномоченный Особого отдела Г. И. Тепцов за час до выхода отряда выехали в Хиву на машине, чтобы организовать караван верблюдов с проводниками, способный поднять суточный запас воды и трехсуточный запас пролфуража.

Мчась в автомобиле по дороге в Хиву, куда должен был прийти отряд, Масленников, глотая дорожную пыль и наблюдая привычный ландшафт пустыни, перебирал в памяти весь последний период подготовки отряда, те несколько месяцев, какие были ему отведены на сколачивание боеспособной, подчиняющейся железной дисциплине с высоким чувством ответственности воинской части.

Пришла пора держать экзамен на зрелость, пожинать плоды кропотливой повседневной работы. Порядок движения отработан во время учебных походов. Старшим врачом отряда Хорстом и командирами эскадронов проводился инструктаж о водной дисциплине: бойцы не должны пить без разрешения командиров. У каждого бойца — индивидуальные пакеты, эвакуация раненых предполагалась на тех самых верблюдах, караван которых он, командир полка, ехал организовывать в Хиве.

Не беспокоило Масленникова и состояние лошадей и отношение бойцов к коню. Учебные выходы хотя бы к той же крепости Змухшир доказали, что о своем четвероногом боевом друге красноармейцы заботятся больше, чем о себе: без коня в пустыне боец не боец. Седла подгоняли под непосредственным наблюдением командиров, тщательно проверяли растяжку потника, прикрепление вьюка. Вьюк облегчили до минимума, взяв лишь норму двухсуточного запаса фуража на каждого коня. Изношенные торбы для ячменя отремонтировали, спили из мешков новые. И все-таки командира полка точило сомнение: в условиях песков, где маневренность и подвижность банд требуют энергичных, быстрых действий, кони должны быть совсем освобождены от груза. И получалось, что от состояния каравана, который он должен сформировать в Хиве, от фи-

зического состояния верблюдов во многом зависит успеха операции.

Двугорбый верблюд-тяжеловоз может нести во вьюках пятисуточный запас продфуража и трехсуточный запас воды. Идеально было бы иметь еще быстроходных одногорбых верблюдов: тогда боец мог бы садиться на коня только в момент активных действий, а остальное время вести коня в поводу, сохраняя ему силы. Идеально, но осуществимо ли?..

Мчится и мчится вперед машина. Человеку, дни и недели проводящему в седле, скорость ее кажется равной скорости самолета, но ехать надо еще быстрее: слишком мало времени — меньше суток — отведено на формирование каравана.

Снова и снова перебирает в уме командир полка, все ли сделано, все ли предусмотрено.

Отобрано политпросветимущество, проинструктирован руководящий партсостав, проведены занятия по вьючке полным вьюком, проверены радиостанции. Особенно тщательно подготовлено оружие: пулеметы, диски, ленты, капсюли гранат и сами гранаты. Проведен специальный семинар пулеметчиков, специальные тактические занятия с целью сколотить отделения. Проведены занятия в общевойсковом масштабе с увязкой взаимодействия подразделений, отработана одиночная подготовка бойца, проведены дневные и ночные стрельбы, проведено обшивание подсумков, тренчиков, патронташей, разных чехлов, фляг. Приобретены бидоны, кунганы, веревки. Казалось бы, все учтено, все колесики сложного механизма, все его части точно подогнаны друг к другу и хорошо смазаны, но... многое может зависеть от того, как решится примитивный, прозаический вопрос: удастся ли в Хиве, Ханке и Ташаузе организовать полноценные караваны верблюдов?

Вот и жемчужина Средней Азии Хива.

Встретил Масленникова и его сопровождающих начальник отдела ОГПУ Илвицкий; появив суть задачи, коротко сообщил: «Два дня назад сто верблюдов мобилизовал для своего отряда командир милицейского эскадрона Приданников».

«Нужны еще сто, и немедленно», — так же коротко сказал Масленников, отлично понимая, что о качестве «второй очереди» мобилизованного транспорта нечего и

думать. Но если у командира полка в момент этого разговора еще оставались какие-то надежды, что удастся отыскать в Хиве сколько-нибудь удовлетворительный транспорт, то, когда благодаря усилиям начальника отдела ОГПУ Илвицкого верблюды были собраны, у Масленникова и сопровождавших его командиров уже не оставалось никаких иллюзий.

Состояние мобилизованной сотни верблюдов даже с большой натяжкой нельзя было назвать «средним». В большинстве своем выпряженные из чигирей, истомленные весенними перевозками, исхудавшие из-за линьки верблюды мало отвечали требованиям форсированного движения по пескам. Сколько раз на ответственных совещаниях и Масленников, и другие командиры полков говорили о том, что воинская часть, действующая в пустыне, должна иметь свой верблюжий фонд, составленный как из двугорбых тяжеловозов, так и одногорбых, быстроходных, породы нары, чтобы в любую минуту поднять и груз, и достаточное количество бойцов-кавалеристов.

Дорого тогда обошелся некачественный транспорт отряду 11-го полка. Забегая вперед, следует сказать, что в боевых операциях в Каракумах по ликвидации объединенной бандгруппировки Дурды-Мурта и Ахмед-Бека было занято 464 верблюда, пало 135 этих признанных «кораблей пустыни» — от быстрого движения, высокой температуры, достигавшей 60—70 градусов, отсутствия воды... Люди выдержали...

Стараясь не показывать своих самых мрачных предчувствий, командир полка распорядился еще сто верблюдов мобилизовать в селении Ханка. Но и прибывшие из Ханки верблюды были не лучше хивинских. Других не было. Надо было с этим транспортом выполнять боевую задачу. Несколько успокоили местные знатоки, порекомендовавшие группу проводников-верблюдовожатых во главе с «королем песков», отлично, как заверили Масленникова, знающим Каракумы, по имени Кабул. Прищуренный глаз и прыгающая бровь делали его приметным среди остальных, таких же прокаленных солнцем проводников в ватных стеганых халатах и высоких бараньих шапках-тельпеках. По манере держаться он тоже выделялся среди других, видимо, ревниво оберегая свое высокое звание.

Десятого мая отряд, сделав за один переход девяносто километров, отдохнув до вечера, в 18 часов в сопровождении хивинского транспорта выступил из Хивы в юж-

ном направлении на колодец Холыбай, где должен был дожидаться его со своими двумя взводами милицейского дивизиона комэскадрона Приданников.

Первую половину пути прошли ночью, сберегая силы, через сорок километров сделали привал. За второй ночной переход сделали еще сорок километров и двенадцатого мая в девять часов утра пришли на колодец Холыбай.

В первые же сутки песчаного пути командир полка воочию убедился, насколько тормозит движение караван. Делая четыре-пять километров в час, ташаузский транспорт в 250 верблюдов с основным грузом был только на пути от Ташауза к Хиве. Особенно трудно было двугорбым «кораблям пустыни» тащить орудие, которое должно было сказать свое весомое слово в решающий момент боя.

Но одно, казалось бы, незначительное происшествие все-таки позабавило не слишком весело настроенного начальника отряда.

Присматриваясь к своему старшему проводнику, проверяя все время путь по компасу и карте, Масленников заметил, что Кабул с прищуренным глазом и прыгающей бровью, если и считал себя королем песков, то словно бы попал в чужое королевство.

Выслав вперед дозор, командир отряда спросил главу проводников: «Как считаешь, Кабул, сколько будет еще километров до колодца Холыбай?»

Тот с важным видом подумал и заявил, что до колодца еще пятнадцать километров.

Надо же было так получиться, что как раз в этот момент на гребне соседнего бархана показался высланный Масленниковым передовой развед под началом командира взвода Криюлина.

— Товарищ командир полка, — доложил, подъехав, Криюлин, — колодец Холыбай в трех километрах. Командир милицейского дивизиона товарищ Приданников производит водопой, ждет вас!..

Общий хохот, к немалому смущению Кабула, понявшего, о чем речь, заглушил слова Криюлина.

Командиру полка было не до веселья: идти на сближение с объединенной бандой придется не только без транспорта, но и без проводников: Кабул и его помощники признались, что эту часть пустыни не знают. Еще хуже дело с транспортом: теперь-то уже не оставалось никаких сомнений, что и на ташаузских верблюдов, так же как на хивинских и ханкинских, надежд никаких нет.

Невысокий, но плотный, в выгоревшей на солнце гимнастерке красноармеец Панченко из дивизиона Воробьева, ведя в поводу верблюда, от чересседельника которого тянулась веревка, уходившая в глубину колодца, отмерял ровно шестьдесят шагов, на минуту останавливался, пока второй боец — Усенко — не подхватывал показывающееся из зияющего провала ведро, не выливал воду в котелки и ведра. Снова с верблюдом — к колодцу, опять от колодца, и так, будто маятник, туда и обратно, туда и обратно, меняясь с товарищами, при пятидесятиградусной жаре.

Вокруг, куда ни посмотри, барханы и барханы из наносных сыпучих песков, которые во время «афганца» так поднимаются в воздух, что неба не видно: от пыли стоит сплошная мгла, и барханы меняют очертания, переползают на другое место, чтобы сбить с пути караван, путешественника, оказавшегося в этих гиблых местах.

Жестокая природа, жестокое место. Вокруг песок и песок. Горы песка, грядами, как волны, идущие друг за другом до самого горизонта, покрытые редким, казалось, высушенным до звона костлявым саксаулом.

Шестьдесят шагов красноармейца Панченко — это что-нибудь сорок — сорок пять метров глубины колодца. Триста ведер до прихода отряда Масленникова вычерпал Приданников. Воды хватило лишь по одному котелку на человека и по одному ведру на коня, в то время как нормально конь пьет несколько ведер сразу.

Еще подходя к колодцу, командир полка разрешил открыть фляги и некоторое время наблюдал, как бойцы и командиры его отряда, едва отпив два-три глотка, отдавали воду коню, точно так же, как это было на тактических учениях, последний раз — в районе Змукшира.

Он и сам, спешившись, протянул своему Пирату флягу с отвинченной крышкой, и тот стал тянуть из нее воду, как из соски, хотя в другое время, осмелся кто-нибудь предложить ему флягу, тут же перекусил бы.

Как ни поворачивай дело, а приходилось ждать караван. Но и караван, отдав воду отряду, не мог здесь, на колодце Холыбай, пополнить запасы.

Вместе с командирами дивизионов Воробьевым и Сомохваловым, секретарем партбюро полка Быбой Масленников обошел бивак, выслушал рапорты.

Только отделенный командир Черевко доложил:

— Товарищ командир полка, в первом пулеметном все

здоровы. Происшествий нет. Есть один легкий набой, сделал беспартийный Голобородько.

— А если беспартийный, — спросил Быба, — выходит, можно коню спину набивать?

— Никак нет, — ответил Черевко. — Мы уже взяли Голобородько в оборот. Отвечаем за него всем отделением, потому что он весь дивизион назад тянет.

— Что ж... И ответите. Полной мерой ответите, — не очень-то приветливо пообещал Масленников, хорошо зная Голобородько как бестолкового и расхлябанного бойца.

Черевко ничего не сказал, только еще больше вытянулся по стойке «смирно».

В других отделениях и взводах набоев не было, больших тоже — значит, не зря прошли месяцы тренировок, выходов в пески.

Вернувшись к колодцу, где бойцы продолжали гонять взад и вперед верблюда, добывая горько-соленую, но такую драгоценную воду, командир отряда созвал совещание начальствующего состава, развернул карту.

Отправленная Приданниковым разведка доложила, что означенный на карте колодец Хан-Кую в четырнадцати километрах к югу не найден.

— Позовите Кабула, — приказал Масленников и, когда старшина проводников подошел, спросил его: — На карте колодец Хан-Кую есть, на месте его нет. Что можешь сказать?

— Выходит, я плохо знаю пески, — все еще переживая свой конфуз с выходом к колодцу Холыбай, начал было проводник (бровь его запрыгала чаще), но командир полка сделал нетерпеливый жест:

— Давай по делу. Скажи, что знаешь о колодце Хан-Кую? Почему на карте он есть, а в пустыне его нет?

После долгих объяснений Кабула наконец установили, что колодец называется, по его словам, не Хан-Кую, а Бал-Кую — это означает «Медовый колодец», настолько там была прекрасная питьевая вода. Но только лишь «была». Пять или шесть лет прошло, как колодец засыпали басмачи. Других колодцев поблизости нет.

— Товарищ командир полка, радиогамма! — доложил, подбежав к совещающимся начальникам, радист Веленгуро. — От командира добротряда Классовского! «Банда Ахмед-Бека, Дурды-Мурта засыпала колодец Докуз-Аджи, ушла на северо-запад. Колодец восстановил, выхожу по следу банды. Классовский».

— Ну вот, теперь легче, — сказал командир отряда. — По крайней мере, напали на след. Так что будем делать, товарищи командиры?

Все молчали, зная, что без воды много не навоюешь. Транспорт, придя на Холыбай, и за сутки не пополнит запасы.

Участники совещания понимали, что, задавая вопрос, командир полка уже принял решение.

Решение он действительно принял.

— Вам, Приданников, — приказал он командиру милицейского дивизиона, — вести непрерывную разведку колодцев на юго-восток и юго-запад... Красноармеец Веленгуро, передайте начальнику тыла... — Командир полка набросал текст радиогаммы:

«Начальнику тыла тов. Рекуну, командиру взвода Голованенко (оба вели основной ташаузский транспорт — караван из двухсот пятидесяти верблюдов). На Холыбае не задерживаться. Пустые бочата заполнить водой, напоить верблюдов и направляться по моим следам. Обращать внимание на выставленные стрелы-указатели из саксаула и на вехи с записками на господствующих сопках. Движение вести из расчета пять километров в час, двигаться непрерывно четырнадцать часов в сутки, останавливаться на десять часов для кормления верблюдов». И размашисто подписал радиогамму: «Масленников».

— А теперь, — обратился он к Масько и Быбе, — собирайте людей. Подведем первые итоги марша.

В который раз уже он подумал, что все было бы иначе, если бы отряд располагал караваном полноценных верблюдов. Сейчас же получалось, что он должен рассчитывать только на тот запас, какой могут взять конники с собой, да еще на «энзэ» в двенадцать литров, которые вез с санчастью старший врач полка Хорст.

В течение нескольких минут бойцы были собраны, митинг открыл помполит Масько. Слово взял командир полка, он же командир отряда.

— Первые дни марша показали, — сказал он, — что только строжайшая водная дисциплина, сохранение коней, сбережение оружия позволят нам выполнить боевую задачу. Без разрешения командиров ни одного глотка воды, ни одного сухаря, тем более ни одной банки консервов!..

После командира полка говорил помполит Масько:

— Мы ведем борьбу с басмачами в тревожное время. Классовая борьба разгорается не только у нас, в Средней

Азии, но и во всем мире. Если здесь все еще пытаются действовать недобитые контрреволюционеры, байско-ханское охвостье, то на Западе поднимает голову молодое, но уже требующее крови и жизненного пространства, самое уродливое детище империализма — фашизм. В Германии льется кровь. Тюрмы забиты коммунистами. Наши немецкие товарищи по классу ведут неравную борьбу против ставленников мирового капитала. Поэтому, товарищи, я предлагаю, взяв на себя самые высокие обязательства, называть наш отряд имени Германского пролетариата.

После того как единогласно было принято это предложение, выступал Быба, другие командиры и бойцы, врач полка Хорст. Слушая выступления командиров и бойцов, Масленников думал, как обеспечить отряд водой перед боем. И едва ли он думал о том, что не пройдет и десяти лет, как ему придется возглавить не полк и не бригаду, а дивизию, армию, фронт и насмерть биться в сражениях огромного масштаба с тем самым германским фашизмом, о котором говорил сейчас на митинге в пустыне комполит Масько. Все его мысли были направлены на одно, такое незаметное в обычной повседневности и такое необходимое для жизни вещество, как вода.

После митинга, так и не дождавшись каравана, выступили в направлении колодца Бал-Кую. Положение резко изменилось: Классовский напал на след банды, а это значило, каждый час может начаться бой, и еще это означало, что положение с водой становилось все опаснее.

Из отверстия колодца с таким обнадеживающим названием, как «Медовый», подозрительно несло зловонием, доносилось приглушенное покашливание, словно у спустившегося туда верхом на палке, обвязанного веревкой под мышками старшины проводников Кабула першило в горле. Дернув за веревку, он дал сигнал поднимать его вверх, хотя спустился всего на какой-то десяток метров, и очередной погонщик, как бойцы в шутку называли — «верблужий шофер», погнал «тягло» от колодца.

Сначала в черной дыре, над которой кто-то еще в давние времена положил на козлах толстый ствол саксаула, показалась тибетейка, ловко сидевшая на вытянутой вверх седой голове Кабула (папаху-тельпек Кабул предусмотрительно снял перед тем, как спускаться в колодец), затем и сам знаменитый проводник, «король песков» Кабул.

Стоявшие поблизости красноармейцы бросились, чтобы помочь старику выбраться на поверхность (Быба удерживал

другой конец веревки, подстраховывал его), но проводник с неподдельным ужасом замахал руками, давая понять, чтобы все отошли подальше.

С помощью переводчика Масленников понял: проводник боится, что старый колодец, который несколько лет никто не ремонтировал, обвалится и похоронит его на сорокаметровой глубине вместе с «кизил-аскерами».

— Отойдиге от колодца, — скомандовал Масленников и сам помог Кабулу встать на ноги.

Тот отряхнулся, с брезгливым видом понюхал рукав халата и, только водрузив на голову баранью папаху-тельпек, безучастно сказал:

— Су ёк.

Всем и без переводчика было ясно: «Воды нет».

— Ёк-то ёк, — передразнил Кабула Быба, — а почему ты не полез до самого дна? Чуть опустился и давай веревку дергать, чтоб тащили наверх?

— Воздух плохой, можно задохнуться. Если ты такой смелый, сам полезай, — ответил Кабул.

Быба тут же принялся сбрасывать с себя гимнастерку, отдал поясной ремень и документы, всякую карманную мелочь стоявшему тут же командиру дивизиону Самохвалову, а Масленников исподволь окинул взглядом свое расположившееся вокруг колодца в некотором отдалении, истомленное зноем и жаждой войско: исхудавшие, почерневшие от зноя и ветра лица, налитые кровью глаза, потрескавшиеся, кровоточащие губы, тяжелое, прерывистое дыхание. Лошади стояли, опустив головы, под палящими лучами солнца, раскрывая от жажды пасти, высунув набок черные вспухшие языки. Его собственный Пират смотрел такими печальными глазами в лицо, тянулся сухими губами к фляге, что командир полка не выдержал, отвел взгляд. Бойцы, а глядя на них, и кони разрывали песок у основания стволов саксаула, там он был хоть немного влажным и прохладным.

Быба уже обвязывал себя веревкой, усаживался на перекладины.

— Су ёк, бу майды, — снова сказал проводник.

— Воды нет и не будет, — перевел Быба. — К вечеру, старина, будешь пить из этого колодца чистую су.

— Я тридцать лет вожу караваны в пустыне, — с достоинством сказал Кабул. — Не знаю случая, чтобы колодец отрыли за три дня. Надо восемь дней.

— Это вам надо восемь дней, а нам надо скорей, восемь часов, — уже спускаясь в колодец, парировал Быба. — Знаешь, как наш любимый вождь сказал? Нет таких трудностей! Вот мы и оправдаем его слова!

— Скажи, Кабул, — спросил Масленников, — что легче, этот колодец откопать или новый вырыть?

Старик подумал и сказал:

— Этот скорей...

На лицах проводников унылое равнодушие, никто не верит в успех дела. От ближайшей рощицы саксаула донесся возглас:

— Врача!

Уже с третьим или четвертым случился солнечный удар: запрокинутые назад головы, останавливающееся дыхание, все тело сотрясают судороги.

Распоряжения отдавать не надо: там уже хлопочет Хорст с лекпомом Павликовым... А ведь еще не только в бой не вступали, до противника не дошли.

Масленников приказал радисту связаться с Классовским, запросить Ашхабад.

Из Ашхабада поступил встречный запрос: «Почему вышли на Хан-Кую? Ваше направление к северо-востоку от Холыбая».

— Товарищ командир полка, — доложил Веленгуро, — радиограмма от Классовского.

Масленников расшифровал текст. Классовский сообщал: «Ваше движение на Докуз-Аджи нецелесообразно: разойдетесь с бандой. Иду от Докуз-Аджи на северо-восток, прошел двадцать пять километров, следы банды идут северо-восточнее».

«Тут вообще, пока не будет воды, никуда не выйдешь», — невольно подумал командир полка.

— Самохвалов, — вызвал он командира дивизиона, — что там с колодцем?

— Товарищ командир полка, — официально доложил Самохвалов, — первый взвод организовал ударную бригаду имени Героического германского пролетариата, вызвал на соревнование остальные взводы. Быба спустился на дно колодца, прислал записку: «На дне колодца двадохлых верблюда. Воды нет, но, считаю, открыть можно».

Как раз в это время всё с помощью той же веревки и тягла в виде верблюда бойцы вытащили из отверстия колодца дохлого собрата «корабля пустыни». Живот верблюда лопнул, вокруг распространился ужасающий смрад.

«Не задохнулся бы там Быба», — невольно подумал Масленников. Не успел он подумать, как второй верблюд, едва показавшись из отверстия, стянутый веревкой, лопнул прямо над колодцем, и вниз хлынула черная вонючая жижа. Смрад стал нестерпимым.

Масленников, чувствуя, что почва колеблется под ногами (вот-вот обвалится), наклонился к отверстию:

— Максим Николаевич! Как ты там? Живой?

— Ничего! Мимо пролилось! Чуть задело! — глухо донеслось из колодца. — Открыть можно!..

Командир полка видел, как истово молились проводники, оправдываясь, видимо, перед аллахом в таком святотатстве: колодец осквернен, как теперь пить воду?..

«Ничего, аксакалы, еще как будете пить, только бы очистить», — разозлившись на «бесплатное приложение» к отряду, подумал Масленников.

У колодца дело шло спору. Командир первого дивизиона Самохвалов с часами в руках точно засекал время, чтобы бойцы, принимавшие от Быбы ведра с черным вонючим песком, вовремя сменяли друг друга.

Командир полка, предоставив им выполнять работу, которой должно было хватить чуть ли не на полсуток, отправил дозор под командованием сверхсрочника командира взвода Крюлина с задачей наблюдать за местностью на дистанции в пятнадцать километров. Затем выслал отделение из взвода Бабичева с задачей «освещения» местности в радиусе тридцати километров. По радио отдал распоряжение бывшему где-то на подходе ханкинскому транспорту отобрать семьдесят лучших верблюдов и подготовить их для сопровождения разведотряда, который должен был выйти наперерез банде.

В разведотряд вошли два кавалерийских сабельных взвода, полувзвод стрелков, при нем станковый пулемет.

Вести разведотряд Масленников поручил командиру второго дивизиона Воробьеву.

Наблюдая, как идет дело у колодца, надеясь и боясь надеяться, что неутомимый Быба, который вот уже больше часа не поднимался на поверхность, в конце концов докопается до воды, Масленников ставил перед Воробьевым задачу, ориентировочно предполагая, что банда Ахмед-Бека и Дурды-Мурта выступила на северо-восток от колодца Докуз-Аджи, найти следы банды, настичь ее и задержать до подхода полка.

Если банда будет уходить в сторону культурной полосы, не допускать ограбления аулов.

— Ежедневно от двадцати одного часа до двадцати трех, — заканчивая инструктаж, сказал командир полка Воробьеву, — держать со мной радиосвязь. Белая ракета в направлении на Хан-Кую — немедленно возвращаться. Красная ракета — местонахождение отряда Хан-Дарьи — Классовского... В случае ухода отряда с Хан-Кую, — добавил он, — двигаться по моему следу.

На господствующих высотах отряд будет оставлять сложенные из саксаула стрелы. Острые стрелы покажет направление моего движения. На Хан-Кую оставим для вас в условленном месте двухсуточный запас продовольствия.

В вашем составе, — в заключение сказал Масленников, — для политобеспечения пойдет, как только закончит работу в колодце, товарищ Быба...

Командир полка снова подошел к колодцу, наклонившись, крикнул в зияющий провал:

— Максим Николаевич, живой?

— ...о-о-ой-ой, — донеслось из темноты, где-то далеко внизу мерцал слабый свет. — Живой! — повторил Быба. — Только чертовски замерз. Дьявольский холод! Я весь заоченел!

— Так вылезай, сейчас пошлем тебе смену!

— Не-е-ет, — возразил принципиальный Быба. — До воды я должен сам докопаться!

Из колодца все тянули и тянули черную вонючую грязь с запахом тухлых яиц. Командиры немного не уследили, и некоторые стали сосать через платки эту воду. Масленников тут же пресек это занятие.

У колодца шел спор. Спорили пулеметчик Звенигора и боец сабельного взвода Гомоляк, кому лезть вниз.

— Я член партии, я полезу после Быбы.

— Я беспартийный, так мне и в колодец нельзя?

Побывали в колодце и Звенигора и Гомоляк, каждый по часу, непрерывно подавая наверх ведра с жидкой грязью, затем снова туда опустил Быба, который оставался там тоже не менее часа, пока не подняли наконец первое ведро чистой питьевой воды. Хорст сделал анализ, вода оказалась лучше, чем в большинстве арыков и родников культурной полосы. Быба не преминул поднести кружку с таким трудом добытой воды через восемь с лишним часов непрерывного тяжелейшего труда старшине проводников Кабулу.

— Су якши... Бал су... — только и проронил тот, пораженный вместе со своими соотечественниками совершенным в их присутствии беспримерным подвигом.

Командир полка приказал начать раздачу воды с пулеметных взводов, а Самохвалову точно засечь время. За сорок пять минут успели дать воды по ведру лошадям, залить фляги взвода станковых пулеметов, двух кавалерийских взводов. Темпы были невысокие, но сейчас весь вопрос был лишь во времени: воду добыли, оставалось успеть запастись ею и напоить коней до выхода наперерез банде, преследуемой Классовским.

Разгадать замысел Дурды-Мурта и Ахмед-Бека было нетрудно: они стремились увлечь отряды Масленникова и вспомогательный — Классовского в глубь песков, измотать безводьем и с обессиленными расправиться.

Теперь-то была надежда, напоив бойцов и коней, со свежими силами продолжать преследование. Но верхом на коне много запаса не возьмешь, караваны — и хивинский, и ханкинский, и главным образом основной, в двести пятьдесят верблюдов, ташаузский — никак не могут догнать отряд. Где-то позади тащится оружие.

Часов около одиннадцати утра, когда солнце стояло уже высоко и жгло немилосердно, дежурный радист Осипов передал радиogramму от Классовского:

«46 километров северо-восточнее Докуз-Аджи веду бой с шайкой Дурды-Мурта. Шайка проявляет активность. Двигайтесь на помощь. Когда выступаете? Классовский».

Прочитав радиogramму, командир отряда вызвал к себе проводников, приказав радисту потребовать от Классовского точной градусной ориентировки от колодца Холыбай.

— Ну что, — обратился он к «королю песков», когда тот, заметно повеселевший после выпитой воды, подошел к командиру, — сможешь вывести нас точно в этот район? — Он указал пункт на карте.

Некоторое время Кабул, пытаясь удерживать прыгающую бровь, что, как теперь знал Масленников, означало волнение, всматривался в карту, как будто разбирался в ней, затем, вздохнув, признался:

— Начальник, этой местности мы не знаем...

Правду ли он сказал или не хотел вести отряд — дела это не меняло. Ничего не оставалось, как без проводников и без караванных троп, напрямик через пустыню

идти на сближение с бандой на помощь «вошедшему с нею в соприкосновение» добротряду Классовского.

Единственное, что его успокаивало: отпадала необходимость высылать разведгруппу, которая теперь вливалась в основной состав отряда. Ей уже дан был приказ на седловку. Классовский хоть и не мог самостоятельно разгромить двести пятьдесят джигитов Дурды-Мурта, но висел на хвосте у банды, наводя на нее основные силы, дожидаясь подхода Масленникова, рассчитывал, что Ахмед-Бек и Дурды-Мурт не станут сейчас останавливаться для того, чтобы разделаться с добровольческим отрядом, поскольку и хорошо поставленная разведка бандитов, и активность Классовского говорили о движении по пескам вслед за бандой крупного воинского соединения.

Но в том-то и состояла суть дела, что по пескам опять приходилось идти, преодолевая бездорожье, почти без воды, не успев даже напоить лошадей, сколько-нибудь отдохнуть самим. Радисты снова принесли сообщение Классовского: «Веду бой 60—70 километрах от Хан-Кую юго-юго-восток, градусы 115—120. Когда выступаете?»

Прочитав текст, Масленников приказал радисту:

— Зашифруйте и передайте Классовскому: «Выступаю в двенадцать ноль-ноль по указанному градусу. Слушайте меня в двадцать часов. Наступлением темноты выбросьте две ракеты, зажгите сигнальный костер».

Водопой, скомканный и торопливый, еще продолжался, когда командир полка с группой разведотряда, в первую очередь получившего воду, двинулся строго по азимуту, проверяя направления сразу тремя компасами, строго на восток.

Крутые песчаные перевалы с монотонным однообразием идущие поперек движению с юга на север, создавали серьезное препятствие, заставляя отряд то подниматься на гребни, то опускаться в низины. Бесконечное количество ям, черепаших нор, сыпучий, поглощающий ногу до середины голени песок, палящее полуденное солнце — все это как будто нарочно испытывало предел человеческих возможностей.

Сопка за сопкой, гребень за гребнем, снова в низину и снова на песчаный перевал, под хрипкое дыхание измученных лошадей, с мутящимся сознанием, то в седлах, то ведя коней в поводу, обжигая руки о металл, чувствуя и сквозь подошву сапог раскаленный песок,

отряд шел и шел, как будто это были не люди с живой плотью и кровью, не кони, падавшие от усталости и безводья, а одни лишь сгустки воли, державшиеся лишь всепобеждающим духом.

Пала одна, а затем и вторая лошадь. Их пристрелили. Потом — почти одновременно еще две. Бойцам пришлось пересесть на верблюдов, десятка полтора которых, получившие усиленный рацион и воду, несли только самое необходимое: пулеметы, боеприпасы, неприкосновенный запас.

Наступила ночь, сразу, как это бывает в Средней Азии, но и темнота не принесла облегчения. Непрерывное наблюдение за восточной частью горизонта не дало никаких результатов. Горизонт освещался лишь блеском звезд да желтым светом восходящей луны.

Воды оставалось всего по четверть фляги на человека, лошадей поить было нечем.

— Не ужинать! Ни в коем случае не есть консервов, — приказал Масленников.

Приказ разъясняли командиры взводов и отделений, пропагандисты отряда. Кусок мяса или сала дает котелок крепкого супа. Ясно, что для усвоения консервов бойцу необходимо дать этот котелок воды. Его нет...

Врач провел беседу с теми, кто мог его слушать, но не мог же он сейчас излагать свою точку зрения, что вместо мясных консервов, дающих много калорий, в пустыню лучше брать летом овощные, которые не вызывают такой жажды, так же как не мог дать из своего неприкосновенного запаса в двенадцать литров для раненых хотя бы глоток воды.

— Свяжитесь с Классовским, — приказал радистам командир полка.

Вскоре Веленгуро принес донесение командира добротряда: «Шайка ведет ночной бой. Проявляет настойчивость, атакует мой левый фланг. Воды не имею. Патроны на исходе. Дал две ракеты».

Значит, Ахмед-Бек решил разделаться с добротрядом, видимо разведав, что помощь Классовскому может подойти не скоро.

«Ваши ракеты не были видны с восходом луны, — передал он Классовскому, — продолжаю движение».

Снова тянущиеся поперек пути гряды сопки, ямы и сыпучка, черепаши норы, провалы и гребни холмов песка, снова изнуряющее, как по волнам, вверх и вниз,

вверх и вниз, с тяжким свистящим дыханием людей и животных движение.

Ехавший все время в головном охранении Быба при- слал связного, бойца пулеметного взвода Сабитова Хариса, удивлявшего даже командира полка своей выносли- востью: как будто не было вокруг пустыни, не было все сжигающего солнца, не было вот уже почти недели изну- ряющего пути.

— Товарищ командир полка, — доложил боец, — пе- ресекаем караванную тропу.

Как только вышел к тропе основной отряд, Маслен-ников немедленно подозвал к себе старшину проводни- ков Кабула, спросил, не узнает ли он место, куда они пришли.

— Я не знаю, куда вы меня завели, — честно при- знался Кабул. Ответ этот внес некоторое оживление, хотя для веселья было мало причин. И все же наличие караванной тропы, сам характер местности — все гово- рило о том, что где-нибудь поблизости могут быть колод- цы. Во всяком случае, хотелось этому верить — един- ственное, что еще оставалось у отряда.

Заброшенная караванная тропа могла быть скорей всего тропой, идущей с Питняка на Мерв. (Впоследствии предположение это подтвердилось.) Распорядившись сделать привал, командир отряда выслал разведку на север и северо-восток с одновременной задачей отыскать колодцы. Одного из проводников Масленников отправил встречать транспорт, написав записку начальнику его, командиру взвода Голованенко:

«Двигаетесь безобразно медленно. Срываете боевую операцию. Приказываю немедленно выделить 25—30 луч- ших верблюдов только с водой, направить ко мне. Про- водник — податель сего... Остальному транспорту про- должать движение по моему следу».

Созвав короткое совещание, распорядился:

— Завтракать категорически запрещаю.

Окидывая воспаленными глазами бивак, он понимал: критические минуты наступили. Сейчас он не мог вы- слать даже войсковую разведку: кони, получившие нака- нуне лишь ведро воды, отказывались от овса и травы, все поголовно лежали. Люди, получившие сутки назад на колодце Бал-Кую одну лишь флягу воды после изнури- тельной работы по восстановлению колодца и тяжелейше- го в течение суток перехода по изнуряюще пересеченной

местности, пытались скрыться от разящего солнца в жидкой тени саксаула, уподобляясь стрелке солнечных часов. Только забудется человек под чахлым деревцом, похожим скорей на скелет дерева, солнце, словно жесто- ко издеваясь, гонит его в тень, которая уже рядом. Ни саксаул, ни примитивные шалаши не давали защиты от зноя. Врач и лекпомы вскрыли неприкосновенный за- пас воды, взятый лишь на самый крайний случай. Такой случай наступил: у нескольких бойцов началось отравле- ние от безводья: конвульсивные судороги, хрипящее, останавливающееся дыхание, каменно обсохшие губы, прекращающееся сердцебиение — полная картина начи- нающейся агонии.

Командир полка видел, как, разрываясь на части, врач и лекпомы возвращают к жизни наиболее ослабев- ших, делают искусственное дыхание, впрыскивают кофе- ин, медленно, по каплям дают бесценную воду.

Из всего отряда боеспособным остался лишь взвод станковых пулеметов. Связи не было. Оба радиста были без сознания: и того и другого прямо у радиостанции на- стиг солнечный удар. Вода — вот что было сейчас самое главное, что могло вернуть боеспособность отряду.

Сцепив зубы, борясь с головокружением и шумом в ушах, командир полка сам взялся за ключ радиции, свя- зался с Ашхабадом, передал свои координаты, запросил корректирующий самолет. С тревогой настроил радию на волну Классовского. Тревога оказалась не напрасной:

«Двое суток не имею воды. Патроны на исходе. Когда подойдете?»

Классовский».

По чистоте и ясности передачи чувствовалось: радица Классовского недалеко, но где — установить невозмож- но, а обещанный самолет еще не вдруг будет.

Масленников передал Классовскому:

«С наступлением темноты дать ракету, зажечь сиг- нальный костер».

Он и сам чувствовал, что силы его на пределе. Нача- лись галлюцинации: то он качается в седле, преодолевая увал за увалом, то мучительно ищет на карте колодец, который мог бы дать воду. Бред, смешанный с явью, жуткий, все сжигающий зной, смешанный с песком.

Только к пятнадцати часам разведка, уходящая на

север, доложила, что в двух километрах найден заброшенный колодец. Отрыть его командир полка приказал «специалисту» по колодцам Быбе с наиболее сохранившимися силами бойцами.

Как они будут работать после изнурительного перехода и смогут ли отрыть колодец (всего сутки назад с более свежими силами на такое дело потребовалось восемь часов) — Масленников не знал.

Но перелом наступил. Он не мог не наступить. Гибель грозила всему отряду. Вскоре Воробьев прислал связного с известием: «Колодец отрыт, лабораторный анализ старшего лекпома показал: вода горько-соленая, с примесью сероводорода, содержит незначительные примеси органических соединений. После кипячения к употреблению пригодна».

Весть о том, что нашли воду, пусть горько-соленую, с примесью сероводорода, оживила лагерь. Спотыкаясь и пошатываясь, часто останавливаясь, к колодцу потянулись бойцы с брезентовыми ведрами, котелками, флягами. Несколько человек не выдержали и, несмотря на предупреждение, напились сырой воды, за что тут же поплатились мучительной рвотой. Но отряд был спасен. По примеру туркмен — проводников и верблюдовожатых, у которых очень стоило перенять обычай пить только хорошо прокипяченный горячий чай, бойцы жгли костры, грели котелки, кипятили спасительный дар.

Колодец оказался не очень щедрым благодетелем. Как и в прошлые сутки, кони получили лишь по одному ведру, люди — по котелку. С наступлением темноты, чтобы не демаскировать отряд, Масленников приказал погасить все костры, о чем по радио сообщил Классовскому, напомнив, что ждет его сигнала. Ровно в двадцать один час на юге, прорезая черноту ночи, взвились две ракеты, затем на далеком расстоянии появилось хорошо видимое зарево костра.

Масленников передал радиogramму Классовскому:

«Ваши ракеты, костер вижу в двадцати пяти километрах в южном направлении, выступаю к вам с восходом луны».

В это время Масько и Карпов проводили вместе с группой похода Быбой общий митинг. Выступал помполит, рассказывал о борьбе с басмачами, о тактике бандитов, о том, что трудности отряда в сравнении с теми, которые приходилось преодолевать старым большевикам, — нич-

тожны, а поэтому отряд должен показать большевистское упорство, большевистскую выдержку, достойные звания отряда имени Героического германского пролетариата.

С большим теплом и чувством благодарности думал командир полка о своих товарищах, о командирах и рядовых, но он не имел права говорить им сейчас о своих чувствах, о благодарности за стойкость и выдержку, потому что главные испытания были еще впереди. Перед боем он имел право сказать своим братьям по оружию лишь суровые, беспощадные слова. Собрав в двадцать два часа весь комсостав, отдав предварительные распоряжения о порядке выступления, о чистке и проверке оружия, поскольку с рассветом предполагалось начать боевые действия, в заключение своего выступления сказал: «В предстоящем бою мы или умрем, или победим. Ни одного труса, ни одного дезертира. К трусам приказываю применять оружие. Большевистским духом и воинской подготовкой мы сильнее бандитов, и мы победим!»

После совещания радировал Классовскому:

«Восходом луны зажгите костер. Атакую с севера по сигналу красной ракеты, одновременно атакуйте и вы. Ваши люди должны иметь опознавательную широкую повязку на левом рукаве, так как одеждой добротрядовцы, по существу, ничем не отличаются от одежды басмачей».

В бою участвуют станковые и ручные пулеметы, ручейные гранатометы. Орудие, вероятно, к бою не поспевает.

При отходе немедленно радируйте. Еще раз разъясните своим бойцам пароль «Сабля — Саратов». Через каждый час слушайте мою рацию. Масленников».

Несмотря на все усилия, водопой закончили только в четыре часа сорок пять минут.

Одного ведра воды на коня и одной фляги на бойца, конечно, было недостаточно, но по-прежнему командование отряда должно было требовать от личного состава нечеловеческих усилий: могучим союзником басмачей была жажда.

Рассказу о самом бое в записках старшего врача отряда Хорста предпослан эпитафия: «В это утро раннее солнце заливало кровью горизонт». Думается, что не констатация происшедшей семнадцатого мая кровавой битвы

выражает главную суть этих событий. В это утро каждый участник боя держал экзамен на звание советского солдата, выстоявшего в будущем в пожаре войны под Москвой, в окопах Сталинграда, на Курской дуге, в боях за Берлин, за освобождение Европы. В это утро рождался герой-командир, сумевший победить тогда, когда, казалось, отряду грозили разгром и гибель.

Посылая одного из проводников с запиской к начальнику каравана Голованенко, требуя немедленно выслать двадцать пять — тридцать самых лучших верблюдов с водой вслед за отрядом, Масленников не мог знать, что Голованенко сам догадался о такой необходимости и по своей инициативе выслал двадцать лучших верблюдов с водой вслед за отрядом.

В 4.30 утра с полуторасуточным запасом продовольствия и фуража, с десятью ведрами горько-соленой воды отряд выступил в направлении на юг по старой караванной тропе Питняк — Мерв.

Командира полка огорчало то, что все-таки нашлось несколько человек, а точнее — семь, не выдержавших жары. Среди них известный командиру полка своей расхлябанностью Голобородько, который, несмотря на строжайший запрет, съел полбанки консервов, за что едва не заплатил жизнью.

Конечно, командир полка понимал, что сейчас от личного состава полка он требует нечеловеческих усилий и что могут найтись «барышни», которым не по силам столь тяжкие испытания, стократно усиленные жаждой. Командиры отделений оставили этих «барышень» у колодца с приказанием быть маяками для орудия и транспорта, догонять основные силы.

Масленников распорядился также: прибывающим бочата заполнить водой и немедленно идти по следам отряда. Иметь боеготовность, так как во время боя отдельные группы банды могут прорваться и сюда, к колодцу.

Порадовала командира полка и инициатива начальника транспортного взвода Голованенко, догадавшегося самостоятельно всех лучших верблюдов с бочатами форсированным маршем отправить с колодца Бал-Кую вслед за главными силами.

Появление каравана из двадцати верблюдов с бочатами заметно повысило настроение бойцов.

Командир полка приказал остановить движение на

двадцать минут, чтобы перед боем дать коням еще по ведру и по четверти котелка людям.

Еще ни разу за все время движения не переливалась с такой осторожностью вода из бочат в котелки.

И снова командир полка с благодарностью подумал о Масько, Карпове, Быбе, о парторганах подразделений, которые, воспользовавшись раздачей воды, в который уже раз затеяли беседы о тактике басмачей, об условиях безотказного действия оружия.

Приподнятое настроение от близости противника, от того, что вовремя подоспела вода, стало заметнее, когда в небе послышался шум мотора и над отрядом появился самолет. В голову отряда был брошен вымпел, в котором руководитель боеоперации Масловский написал: «Направление вами взято правильно. Бандстановище в 12—15 километрах».

Несколько обидело командира отряда то, что Масловский упрекнул их в медлительности. Ну что ж, видимо, он не знал, как у них плохо обстоит дело с транспортом и водой. Насторожило и появление самолета перед самым боем: бандиты, безусловно, догадываются, что в такую глушь самолет зря не прилетит, — теперь они предупреждены о появлении отряда.

Ничего этого он, конечно, никому не сказал, собрав экстренное совещание командиров. План его был прост: максимально использовать возможности кавалерийского отряда.

Начальник сковывающей огневой группы командир дивизиона Воробьев должен стремительно наступать с севера и северо-запада.

Начальник ударной группы командир дивизиона Самохвалов кавалерийской атакой, сабельным фланговым ударом с северо-востока завершает разгром банды.

Усилив головное охранение отделением под началом командира взвода Бабичева, в 8.30 выступили на сближение с расположением противника.

Через полчаса из-за сопки по головному охранению был сделан первый выстрел басмачей. Донеслось ржание раненой лошади, редкая ружейная и пулеметная стрельба.

Командир отряда прищпорил коня, направив его на юг, откуда доносилась стрельба, в низине спешился для личной рекогносцировки, поднялся на гребень сопки, послав несколько западнее командира огневой группы Воробьева.

Все та же картина открывалась перед командиром

полка Масленниковым: до самого горизонта песчаные перекааты, видимость не далее чем на тысячу метров. Огневой рубеж виден как ряд сопков, покрытых саксаулом. До перекаата песчаные сопки и ямы образуют мертвое пространство, в котором можно укрыться даже на консе. На отдельных скатах господствующих сопков видны точки — басмачи.

Подошел вернувшийся из рекогносцировки командир огневой сковывающей группы Воробьев и доложил:

— Правее нас сильнопересеченная песчаная местность с песчаным перекаатом, протянувшимся с востока на запад. Параллельно нашему движению на расстоянии тысячи — тысячи двухсот метров тянется возвышенность с севера на юг, упирающаяся в перекаат...

Снова короткое совещание, командиры подразделений по результатам рекогносцировки получают приказ:

— Басмачи, судя по выстрелам, занимают огневой рубеж к югу от нас на расстоянии тысячи двухсот метров. Отряд Классовского наступает с юга и юго-востока. Отличительный знак добротрядовцев — белая повязка на левом рукаве. Огневой группе товарища Воробьева ставится задача — энергичным наступлением на юг подавить огневое сопротивление противника, уничтожая его и отбрасывая на восток. Ударной сабельной группе Самохвалова продвигаться уступом слева, выходя во фланг банде с северо-востока. Оставшемуся ручному пулемету — мой резерв — продвигаться за командным пунктом. Медпункт по мере продвижения идет за КП. Мой командный пункт — на левом фланге огневой группы.

К девяти тридцати отряд уже был развернут в боевой порядок.

Командиру отряда с командного пункта было видно, как пулеметчики, сбив басмачей с первого рубежа, начали продвижение дальше, но были встречены сильным винтовочным огнем со второго рубежа. Через связного Масленников отдал приказание вести огонь станковому пулемету, с удовлетворением отметил про себя, как бойцы с ручными пулеметами под его прикрытием продолжали накапливаться перед вторым рубежом.

Прискакал связной из группы правофлангового наблюдения, доложил:

— Нас обошли справа. До пятидесяти конных басмачей развертываются в атаку, с огневого рубежа их прикрывают до двадцати-тридцати винтовок.

Отметив, что и лобовой огонь по бойцам отряда, штурмующим второй рубеж, значительно усилился, Масленников приказал:

— Ручному пулемету из резерва, продвигаясь уступом справа до тысячи метров, обеспечить прикрытие отряда от внезапного нападения басмачей.

Бандиты, гикая, с клинками наголо бросившиеся было во фланг отряду, стали поворачивать обратно, некоторые слетели с седел, падая вместе с лошадьми, поднимая пыль, взметая песок.

Разрывающее душу предсмертное ржание, крики, гиканье, пулеметные очереди, винтовочная трескотня — все это слилось воедино, в привычные звуки боя, много раз входившие в его жизнь за последние четырнадцать лет.

«Вот и первый тяжелораненый, — подумал командир отряда, увидев, как боец Караульный, схватившись за живот, скорчился от боли. К нему подбежал лекпом Павликов, задрал гимнастерку, стал бинтовать. Доносился голос Караульного:

— ...Сволочи, не дали... Шел... Хотел драться... Убили, гады... — Пробегавшим мимо бойцам крикнул: — Докажите, ребята!..

Стиснув зубы, отгоняя от себя мысль о том, сколько еще будет сегодня раненых — таких же вот молодых, едва оперившихся ребят, а сколько навсегда останется в этих песках, командир отряда следил за развитием боя, передвижением от сопки к сопке своих групп.

Второй рубеж басмачей был взят, но не было известно никому, сколько еще осталось рубежей, насколько они укреплены басмачами, какие сюрпризы в этом ожесточенном бою приготовили ему Ахмед-Бек и Дурды-Мурт.

Приказав сопровождавшему его радисту Шаймарданову связаться с Классовским, продиктовал текст:

«Нанопу удар с севера — северо-востока и северо-запада. Энергично наступайте. Слышу ваши выстрелы, разрывы гранат».

— Кравченко, — окликнул он начальника штаба и артиллериста дивизиона, — что с ударной группой?

— С Самохваловым связь потеряна, — ответил Кравченко. — Выставленный на расстояние зрительной связи ваш коновод красноармеец Чебанок докладывает — группу не видит.

— Поезжайте лично, найдите ударную группу, потребуйте держать непрерывную связь со мной, прикажите

связных использовать по назначению. Атаку начинать по красной ракете.

Едва Кравченко ускакал, пробираясь низиной в том направлении, в каком должна была делать обход во фланг ударная сабельная группа, подскакала радист Шаймарданов, доложил: «Командир добротряда запрашивает, что значит «энергично наступать».

— Разъясните ему, — с досадой ответил командир полка. — Запросите, в чьих руках колодец, прибыл ли его транспорт от Докуз-Аджи.

Эта досада от неуместного вопроса Классовского перешла в тревогу, когда с той стороны, где должна была накапливаться для атаки ударная группа, донесли крики «ура!», беспорядочная винтовочная стрельба.

«Я же приказывал атаковать по сигналу красной ракеты! Еще не время! Заняли всего лишь третий рубеж басмачей. И неизвестно, сколько их будет при такой глубоко эшелонированной обороне! Но, может быть, обстановка позволила нанести внезапный удар? Самохвалов — опытный командир. С ним отсек партбюро Быба, так хорошо зарекомендовавший себя во время марша. Туда же выехал и Кравченко. Но почему ударная группа атаквала? Послали связного, и тот не доехал?»

Третий огневой рубеж басмачей с разбросанными по склонам окопами был взят бойцами. Остро чувствовалось отсутствие воды. Масленников видел, как станциулетчики расчета Кузнецова меняли воду в кожухе, пожертвовав ее для «максима» из своих фляг: слитую во фляги закапывали в сырой песок, чтобы хоть немного остыла, заливали в кожух побывавшую на глубине у корней саксаула. Бой длился уже три с половиной часа. Командир отряда до сих пор не знал, что с ударной группой.

Басмачи на четвертом рубеже занимали настолько удачные позиции на господствующих сопках, что могли бить даже по переползающим. Выбить их оттуда было трудно еще и потому, что кончились гранаты у ружейных гранатометчиков. Зной становился нестерпимым. Масленников видел, как пробегающий по склону сопки боец упал в полубморочном состоянии с пулеметом в руках и, только полежав несколько минут, уткнувшись в раскаленный песок, шатаясь, поднялся и, споткнувшись несколько раз, побежал дальше.

Приказав командиру взвода Кривову обойти с пулеметами укрепившихся басмачей с севера и северо-восто-

ка, Масленников распорядился усилить огонь станковых пулеметов, чувствуя, что только их огнем сможет выбить врагов из окопов. Он видел, что уцелевшая часть банды, используя мертвое пространство, расчетливо прикрываясь огнем, под интенсивным обстрелом ручных и станковых пулеметов, организованно отходит на юг и юго-восток.

По-прежнему ни от ударной группы, ни от поскакавшего к ней начальника штаба Кравченко не было никаких известий. Наконец Масленников увидел выметнувшегося на полном скаку старшего связного, сообщившего, что наткнулся на одиночек из ударной группы. В ту же минуту увидел подползающего без гимнастерки и без сапог, с двумя винтовками и двумя подсумками бойца из ударной группы, красноармейца Гарнаго.

Задыхаясь, шелестя пересохшими от жажды губами, Гарнаго в ответ на вопрос командира отряда «Где ударная группа?» доложил:

— Нет ударной группы... Осталось человек двадцать. Расстреляли в упор... Кони не донесли... Перед окопами встали...

Еще не до конца веря случившемуся, оставляя себе надежду, что это страшное известие не столько правда, сколько результат потрясения психики бойца ударной группы Гарнаго, командир полка пытался узнать у него под обности, подтверждение столь катастрофического поворота событий, ставящих под угрозу всю операцию и существование отряда. Но боец впал в глубокое беспамятство и ни слова больше не мог сказать.

Мгновенно в мозгу Масленникова возникли все возможные последствия неудачи.

Прежде всего резко менялось соотношение сил: двести пятьдесят сабель у Дурды-Мурта и Ахмед-Бека против ста четырнадцати у Масленникова, и то до гибели ударной группы. А сколько сейчас осталось и сколько останется всего через час, полтора? Наступающая сторона всегда несет большие потери.

Басмачи залегли в окопах. Они очень хорошо подготовились к встрече с красноармейцами. Кроме того, у бандитов наверняка было обеспеченное водой базовое становище — и почти полное отсутствие воды у отряда Масленникова, проделавшего столь тяжелый марш по пескам, — какие неравные условия боя!.. Нет ничего удивительного в том, что кони не донесли сабельников Само-

хвалова до окопов басмачей: после марша через пустыню им пришлось сделать еще многокилометровый обходный маневр по пескам, чтобы зайти во фланг врагам, по гребням увалов.

Строжайше приказав старшему связному не говорить никому о своих предположениях, Масленников продолжал руководить боем, чувствуя, как нарастает плотность огня противника, как с каждым отданным рубежом все меньше остается шансов атаковать в лоб. Да и как атаковать, когда пулеметчики, стрелки и гранатометчики, у которых кончился запас гранат, наступают в пешем строю? Басмачи же по-прежнему маневренны, по-прежнему, несмотря на ощутимые потери, их много. В любую минуту они могут контратаковать.

Тут Масленников увидел около десятка бойцов во главе с коноводом начальника штаба Кравченко, только накануне отправленного к Самохвалову, — красноармейцем Усенко.

«Вот все или почти все, что осталось от ударной группы», — подумал командир отряда и не ошибся.

— Товарищ командир полка, — начал было докладывать Усенко и, поняв, что тот уже все знает, замолчал.

— Вас кто-нибудь видел, говорили с кем?

— Видеть видели, а говорить не пришлось.

— О том, что случилось, никому ни слова. Поняли?..

А теперь рассказывайте.

Из рассказа Усенко понял, как все происходило: Кравченко и его коновод Усенко, выехав к Самохвалову, минут через тридцать увидели басмачей, спешились. Кравченко взял у своего коновода винтовку и открыл огонь. Через проезжавшего красноармейца передал Самохвалову, чтобы тот его подождал. Отбив басмачей, подъехали к Самохвалову как раз в тот момент, когда Быба предложил идти в атаку.

Кравченко ответил: «Нужно подождать». Самохвалов предложил напиться воды, скомандовал: «По коням!» Клинки не обнажили...

— Моя винтовка все время была у комбатра Кравченко, — продолжал рассказывать Усенко, назвав Кравченко «комбатром», поскольку тот командовал артиллерийской батареей, единственное орудие которой безопасно застряло где-то в обозе.

— Две сопки прошли галопом. Никто из наших не

был убит, хотя басмачи открыли сильный огонь. Слышу — команда: «В атаку!» Первого убило пулеметчика Осипова. Комбатра ранило. Он спешился, зарубил одного басмача. Комвзвода Бабичев заехал с фланга, зарубил второго. А третий — комбатра Кравченко — в упор. Наповал... Комдив Самохвалов перебежал на вторую сопку, кричит: «Готовьте гранаты!» Быбу и его — пулями в голову. Вижу, остались коноводы Шевченко и Мухин. Я кричу: «Шевченко, есть ли еще кто из командиров?» Слышу: «Нет!» Тут басмачи с фланга открыли сильный огонь, убили Шевченко, дали залп по коням, убили сразу двух. Мухин стал отводить остальных, я прикрывал. Заняли рубеж, целый час вели огонь. Патронов не осталось. Басмачи продвигаются. Стрельба с их стороны всюю. Говорит Мухину: «Давай на КП». Поехали низиной, видим, лежит под саксаулом в одном белье Голобородько и спит. Гарнаго и Богомоллов отбиваются от басмачей, собирают оружие. Скомандовал им: «По коням!» Гарнаго и Богомоллов сели, а Голобородько не стал. Лежит на песке и рассуждает: «Хоть туды пойду — убьют, хоть тут останусь — убьют». Наверное, помешался...

Дальше Масленников не мог слушать рассказ Усенко. Он понял, что, когда к Самохвалову прибыл Кравченко, передавший приказание начинать атаку по красной речке, Быбе показалось, что это задержит действия ударной группы, и он стал требовать начинать атаку немедленно. Ни Кравченко, ни Самохвалов не остановили его, дали команду.

Узнал он и о подвиге попавшего в окружение Панченко. С него уже сорвали гимнастерку, заломили назад руки, пытаюсь взять живьем, но он, сбив прикладом одного, застрелив другого, вырвался из окружения вместе с группой Усенко.

Каждого в отдельности командир отряда не мог упрекнуть ни в чем, как не мог упрекнуть теперь уж погибших Самохвалова, Кравченко, Быбу. Но ударной группы больше не существовало, фланговый удар, на что была ставка, не получился. И все-таки он должен быть, фланговый удар: эти увалы в лоб не возьмешь. Пусть кони не выдержали, но люди не могут не выдержать! Фланговый удар должны нанести пулеметчики.

Послышалась сильная ружейно-пулеметная стрельба на юго-западе — очевидно, бандиты пытаются прорваться через заслон добротряда Классовского. Надо было

напрячь все силы, чтобы не допустить этого и занять пятый рубеж обороны бандитов.

Когда он сказал об этом помполиту Масько, тот ответил: «Пойду к Воробьеву: ударим пулеметами с фланга».

Переноса свой КП на господствующую сопку четвертого рубежа, Масленников увидел, как, перебегая от укрытия к укрытию, Масько с двумя пулеметчиками и одним расчетом станкового непрерывно ведут огонь. Слева остатки защитников пятого рубежа под залповым прикрывающим огнем шестого рубежа, где, как догадался Масленников, судя по характеру господствующих над местностью сопки, и находился главный командный пункт банды, стали отходить, оказывая сопротивление нападающей группе пулеметов замполита Масько.

Масленников вызвал связного Хамонько, передал приказ начальнику огневой группы Воробьеву:

— Станковыми пулеметами и тремя ручными, маскируясь, двигаться полтора километра на запад и юго-запад. Обходя хорошо видимый командный пункт на шестом рубеже, держать его под огнем, соединиться с отрядом Классовского. Совместными действиями захватить шестой огневой рубеж, не допустить ухода шайки.

— Передайте Классовскому, — командовал он радисту Шемарданову. — «Выбросить заслон, закрыть восточное направление».

Он слышал, как сзади и слева заработал пулемет, прикрывавший его командный пункт, как вел за его спиной огонь Мансуров, но в то же время отмечал про себя, как все реже доносились выстрелы оттуда, где еще полчаса назад на шестом рубеже были басмачи.

Прошло еще минут пятнадцать, и все стихло. С бандой было покончено. Часов в 18 левофланговое наблюдение донесло, что видит группу басмачей в пятнадцать-двадцать человек пешими и на верблюдах, пробирающихся низиной, по ним открыли пулеметный огонь, преследовать последнюю горстку оставшихся в живых бандитов не было никаких физических сил.

Исход боя решил удар пулеметчиков во главе с помполитом Масько, зашедших во фланг становищу бандитов. На поле боя насчитали девяносто шесть трупов врагов, среди них опознали всех трех главарей: Ахмед-Бека, Дурды-Мурта, Бады-Дуза.

С басмачеством в Средней Азии вскоре было поконче-

но. Мелкие группы разбежавшихся по пескам бандитов выловили в течение полугода.

Дорого заплатил за эту победу отряд Масленникова, навсегда оставив в пустыне восемнадцать боевых товарищей. Среди них — командир ударной группы Самохвалов, командир артиллерийской батареи Кравченко, секретарь партбюро полка Быба, инструктор политотдела Карпов и еще двенадцать командиров и рядовых бойцов, отдавших свои жизни во имя победы советского строя.

В Музее пограничных войск СССР в центральном экспозиционном зале и сейчас висит алое бархатное знамя, на котором начертано золотыми буквами: «11-му Хорезмскому полку от трудящихся Ташауза». Это алое знамя — частица того омытого кровью знамени Родины, которое высоко нес в течение всей своей жизни Герой Советского Союза генерал армии Иван Иванович Масленников.

Анатолий Чехов

1 Мая 1945 года на Дворцовой площади состоялся парад войск Ленинградского гарнизона. Принимал парад маршал Говоров.

Небо над Ленинградом в ту победную весну было чистое. До налетов ли немцам: их группировка в Курляндии доживала свои последние дни. Солнце щедро изливало на громадную площадь, зажигая тысячи начищенных пуговиц и золото погон. Зимний дворец, однообразно покрашенный серой краской, весь в язвах от осколков, еще ждал обновления.

Войска выстроились фронтом к дворцу и Александрийскому столпу, на вершукше которого ангел попирает змею, олицетворявшую собою врагов России.

Командующий парадом генерал Степанов вдохнул чистый майский воздух, и над затихшей площадью гулко разнеслись слова команд:

- Равняйся!
- Смирно-о-о!
- Равнение на середину!

Маршал Говоров, как всегда подтянутый и мрачноватый, ехал вдоль фронта парада не на коне, а стоя в открытой машине, что было тогда невиданным новшеством.

Солдаты, матросы, курсанты, слушатели академий отвечали на его приветствия весело и четко. Довольная улыбка шевельнула седую щеточку маршальских усов...

Торжественным маршем проходили мимо трибуны академии и училища. Позванивая орденами и медалями, шли молодые, но уже заслуженные офицеры. Усердно печатая шаг, шла совсем еще зеленая молодежь. Степанов вглядывался в раскрасневшиеся, подрагивающие от напряжения лица и чувствовал, как его спину покалывает холодок восторга. Когда с ним поравнялся начальник Военно-морского пограничного училища контр-адмирал Садников, мысли Степанова вдруг воскресили ночь на 1 сентября 1941 года...

Тогда он провожал отряд моряков, сформированный из курсантов училища. Над городом гудели вражеские самолеты, слышались взрывы бомб. Капитан 2-го ранга Садников по личному приказу Ворошилова вел отряд занимать оборону на правом берегу Невы, у Ивановских порогов. Генерал смотрел на ровные шеренги морских пограничников, а видел тех, что уходили в ночь, застегнув наглухо бушлаты и надвинув покрепче бескозырки. Они не дали тогда немцам форсировать реку, а через месяц уже сами в составе морского десанта, высаженного в Шлиссельбург, прыгали в холодную воду и шли в атаку под шквальным пулеметным огнем. Их мало осталось в живых, но они захватили плацдарм и потеснили немцев.

В этот солнечный день, когда уже так близка была желанная победа, бессменному начальнику Ленинградского гарнизона Степанову вдруг стало больно за тех, кто никогда уже не увидит солнца. Неумолимая память разворачивала перед ним картины блокады, вызывала из небытия изможденные лица, отчаянные и мужественные глаза... А тихие стоны умирающих не могла заглушить даже бравурная музыка сводного оркестра... Очнуться от воспоминаний Степанова заставил рокот самолетов, пролетавших над площадью, по которой уже проезжала мотопехота, шли танки и самоходки. Да, армия не та, что в начале войны. Скоро войне конец, для большинства армейцев военные будни кончатся, но пограничники останутся на переднем крае.

Григорий Алексеевич Степанов родился 27 ноября 1897 года в деревне Звад, что затерялась в лесах и болотах между Новгородом и Псковом. Бедная была эта деревня, тщетно пытавшаяся прокормиться на торфяной, вечно мокрой земле, где сорные травы осинец и костер душили чахлые всходы ржи. «Осинец да звонец — так и жизни конец», — говорили мужики и занимались отхожим промыслом. В деревне гесали клепки, заготавливали дрова, клюкву и грибы для ненасытного Петербурга, заводы которого алчно поглощали и мужиков, с нужды менявших лесное раздолье на спертый воздух рабочих казарм.

Алексей Степанович Степанов вернулся в деревню горьким пьяницей, буйным во хмелю, бившим жену свою

Прасковью Сергеевну смертным боем, выгонявшим ее из избы вместе с детьми на мороз... Алексей Степанович свихнулся от пьянства и помер в какой-то из петербургских больниц в 1908 году.

Прасковья Сергеевна осталась с четырьмя малолетними сыновьями и приемной дочерью («воспитанкой», как говорят в тех краях), взятой в лучшие времена из детского дома. Так кончилось детство Григория Степанова, который успел кончить три класса земской школы. Стал он общественным пастухом, что помнят и по сей день престарелые жители деревни Звад, с гордостью и даже с каким-то удивлением воспринявшие восхождение своего земляка к генеральскому званию. На Егория, когда первый раз в году выгоняют коров на пастбище, напекли, по обычаю, пирогов для пастуха, да и потом наделяли его кто хлебом, а кто деньгами, что было большим подспорьем для обнищавшей семьи. Работал он и батраком у торговца из лежащего неподалеку большого села Вшели.

В канун войны Григорий тоже стал отходчиком, а затем пополнил армию столичного пролетариата. Сперва был чернорабочим, а потом молотобойцем в ортопедическом институте, пока в мае 1916 года его не призвали в армию и не отправили служить в финский город Вильмонстранд.

Военная служба Григорию Степанову понравилась. Уставный порядок, определенность положения после стольких лет полуголодного существования и неустроенности навсегда внушили ему привязанность к армии. И недавно генерал-лейтенант Степанов с большой теплотой вспоминал о начале своей службы:

«Мне лично пришлось пройти унтер-офицерскую школу в старой армии. Вспоминаю май 1916 года. Маленький город в Финляндии. В числе молодых, недавно прибывших солдат и я, рядовой 172-го запасного полка. В августе нас отбирают в учебную команду. В нее направляют лучших, наиболее выносливых и дисциплинированных. Программа учебной команды была невелика, но строго нацелена. Младший командир — унтер-офицер должен быть мастером огня, отлично знать уставы, строй, отработать командный голос, уметь вести хозяйство подразделения. Учились от зари и до зари...

С тех пор прошло уже более четверти века, но я и до сих пор помню то, чему меня учили в этой команде.

Нельзя сказать, что все обстояло там идеально. Однако надо признать, что качество воинской подготовки было высоким».

Не успел Степанов получить унтер-офицерский чин, как рухнули старые армейские устои. Свершилась Февральская революция, низвергнувшая царское самодержавие, поставившая рядом с офицерской властью выборную солдатскую власть. В июньские дни 1917 года Степанов оказывается в бушующем Петрограде, участвует в демонстрации, выступает на митинге тотчас после большевистского агитатора и поддерживает его от имени солдат. Он всей душой воспринял ленинские лозунги: «Вся власть Советам!», «Долой десять министров-капиталистов», «Вся земля народу без выкупа — немедленно!», призывы же керенских и «гоцлиберданов» отвергал. Но тогда же началось наступление на фронте, и многие поплатились за свои речи на митингах. Озверевшие буржуа избивали рабочих, в армии начали наводить порядок. О том, что случилось со Степановым в те дни, можно судить только по записи в служебном деле:

«За выступление против Временного правительства в июне 1917 года на митинге в городе Петрограде арестовывался и содержался под стражей 12 суток».

В конце августа унтер-офицера Григория Степанова в составе маршевого батальона отправили на фронт под Ригу, в 37-й Туркестанский полк. Там царил паника. Немцы теснили 12-ю армию. Генералы, утратившие власть, растерялись. Солдаты бежали целыми подразделениями. Не помогал и суровый приказ генерала Корнилова расстреливать бегущих на месте.

Фронт разваливался, и уже в августе Григорий оказался в родной деревне, благо до нее было недалеко. Тотчас после вооруженного восстания в Петрограде он съездил в столицу, где пытался устроиться куда-нибудь на работу. Но там было тревожно и голодно. Заводы не работали, питерских пролетариев посылали делать революцию на местах. Двадцатилетний крестьянский парень вскоре вернулся в деревню.

Все так же собирались парни и девки на «беседы»-посиделки то в одной, то в другой избе по очереди. Девушки пряли лен, парни сидели у стены. Иногда плясали. На престольный праздник, в михайлов день, никто не работал. Муж приемной сестры Сергей Федотов был

дорожный рабочий, а потому зажиточней других. Он одолжил Григорию пиджак и голубую рубаху. Малый в тот вечер на «беседе» был неотразим, и девушки сочли его завидным женихом, хотя их родители смотрели на Григория косо. «Из батраков», — говорили они.

Немало песен было попето. Немало стаивал у калитки с девушкой. Но так и не женился Григорий, и хорошо, наверно, сделал, потому что вскоре началась для него военная страда во всежигающем пламени гражданской войны.

31 июня 1918 года войска Антанты захватили город Онегу, а 1 августа — Архангельск. «Проводить «прежнюю» политику неразрыва с Антантой после Онеги — смешно»*, — писал Ленин.

Началась мобилизация в Красную Армию. Григория Степанова отправили в Петроград и зачислили в отдельный Василеостровский батальон, влившийся на Северном фронте в 1-й Рязанский полк.

Под Плесецкой англо-американский отряд полковника Гендерсона был остановлен. В тяжелых боях участвовал и взвод, которым командовал Григорий Степанов. В тридцатиградусный мороз, отражая атаки, рыли окопы. Плохо одетые, голодные, они не пропустили врага. 1 декабря прямо на позиции Степанов был принят в партию.

Степанову исполнилось ровно двадцать два года, когда он впервые увидел Ленина. Молодой помощник командира роты Новгородского полка обороны был послан на губернский съезд Советов, который избрал его делегатом VII Всероссийского съезда Советов рабочих, крестьянских, красноармейских и казачьих депутатов.

В Москве к вокзалу для встречи делегатов были поданы грузовики. Держась за кабину, Степанов рассматривал засыпанные снегом улицы столицы, покрытые копотью стены домов — из каждого окна торчала жестяная труба печки-«буржуйки», при помощи которой можно было на несколько минут согреть комнату даже таким скудным топливом, как газета. Трамваи не ходили. Обовшивевшее население терзал тиф.

5 декабря 1919 года в числе 1300 делегатов съезда, одетых в основном в военные шинели, Степанов пришел в Большой театр. Когда Михаил Иванович Калинин объявил, что слово для доклада ВЦИК и Совнаркома пре-

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 50, с. 134.

доставляется Ленину, он восторженно аплодировал вместе со всеми, враждебно поглядывая на царскую ложу, где сидели бундовцы и меньшевики во главе с Мартовым.

Степанов смутно помнил потом, что происходило на съезде, не умея по молодости выделить главное. Но Ленина он запомнил навсегда. Запомнил быстрые движения, картавость, доверительный тон выступлений — вождь обращался к нему, и только к нему. И удивительный оптимизм. Все верили в то, что говорил Ленин. В конце разрухи, в прекрасное будущее, когда люди перестанут воевать и начнут работать.

«...Позади лежит главная полоса гражданских войн, которые мы вели, и впереди — главная полоса того мирного строительства, которое всех нас привлекает, которого мы хотим, которое мы должны творить и которому мы посвятим все свои усилия и всю свою жизнь...»*

Гражданская война приближалась к концу. Войска Западного фронта вели бой уже под Гродно. Помощнику командира 54-го стрелкового полка Григорию Степанову приказали поднять в атаку залегшую роту. Но он так и не дошел до цепи. Артиллерия белополяков вела шквальный огонь по всему фронту наступающих. Взрывная волна подбросила Степанова и швырнула на землю. Пришел в себя он уже в госпитале.

Молодые поправляются быстро. Через несколько месяцев зажила рана, отпустила контузия, и Степанов стал слушателем Высших военных курсов Западного фронта, открытых командованием Красной Армии в городе Смоленске.

— Рота, подъем! Боевая тревога! Боевая тревога!

Григорий проснулся не сразу. Крик дневального казался ему продолжением кошмаров, которые мучили его после контузии головы.

— Вставай, Гриша, подъем! — кричал сосед по нарам, толкая его в плечо.

Степанов очнулся. Через секунду он уже натягивал штаны, наматывал портянки... Бегом к пирамиде. Схватил трехлинейку, щелкнул затвором...

— Рота, становись! — уже слышалась новая команда.

* В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, с. 407.

Это было 9 марта 1921 года. Еще не рассвело, но уже отчетливо просматривался плац, роты в строю, пар от дыхания сотен людей.

Митинг был коротким.

— Товарищи курсанты! — сказал комиссар курсов. — При поддержке мирового империализма в городе Кронштадте контрреволюционные элементы подняли мятеж. Во главе контрреволюционеров стоит бывший царский генерал Козловский. Контрреволюционеров активно поддерживают меньшевики и эсеры... Для маскировки цели мятежа и его организаторов создан ревком во главе с эсером Петриченко...

Вопросов не было. На курсах учились бывалые воины — от командиров рот до командиров и комиссаров полков. Все шестьсот человек получили дополнительное оружие — по нагану и по две гранаты. Сытно поели. Впоследствии Степанов даже записал для себя: «Первое и второе блюда были приготовлены из конского мяса, а это было по тому времени отличным питанием...»

Петроград, придавленный серым небом, был пустынен. Из двух с половиной миллионов жителей в нем осталось семьсот тысяч. Редкие прохожие равнодушно скользили взглядом по отряду, направлявшемуся разоружать флотский экипаж в казармы на Крюков канал.

В казармах курсантов встретили неприязненно, но мирно.

— Ну, морячки, сдавайте оружие!

— Берите, коли надо...

На моряхах были все такие же широченные клеши. Некоторые «для красоты» нашили на них перламутровые пуговицы. Революционным духом здесь и не пахло. Да и не было уж среди моряков тех, кто в семнадцатом году брал Зимний и утверждал революционный порядок.

— За отказы подчиниться Советской власти экипаж будет расформирован. Стройся — и на вокзал...

— А мы не против Советской власти...

— Мы за Советы, да только без коммунистов!

Выкрикнувшего мятежный лозунг взяли под караул как зачинщика. Но в общем обстановка была непонятная. Бывшие офицеры — командиры экипажей — отсиживались по домам Галдевших морячков посадили в тот же эшелон, на котором приехали курсанты, и отправили куда-то на юг.

С Лисьего Носа форты Кронштадта были видны как на ладони, но взять их оказалось непросто. Уже отбито несколько атак, предпринятых по льду Финского залива, уже деморализованы некоторые части, сконцентрировавшиеся в районе Сестрорецка и Ораниенбаума... Новый удар готовился тщательно. Курсантов из Смоленска и Витебска свели в бригаду. В части прибыли триста делегатов X съезда партии во главе с К. Е. Ворошиловым.

Степанову дали взвод и отправили в разведку к 7-му форту. Главное было узнать, не взорван ли лед вокруг укреплений.

Две ночи подряд Степанов с товарищами, одетые в белые халаты, подползали к самому форту, слышали разговоры и ругань часовых. Время от времени из форта били наугад пулеметы. Пули, визжа, рикошетили об лед. И тогда разведчики замирали. Нет, лед у форта не взорван, он толст и надежен, проволочных заграждений нет...

В три часа ночи на 17 марта цепи двинулись к 7-му форту. Они прошли уже половину пути по льду, когда заговорили пулеметы мятежников. Снаряды крепостной артиллерии стали крошить лед, который, разлетаясь со страшной силой, валил с ног бойцов, увечил и убивал их.

Вскоре стало светло. Наступление захлебнулось, цепи залегли в полутора километрах от фортов.

Делегат X съезда, комиссар 6-й стрелковой дивизии Смирнов встал и бросился вперед, увлекая бойцов. Степанов служил в этой дивизии во время польской кампании. На его глазах Смирнова скосила пуля. Но порыв уже был подхвачен, бойцы ворвались в 7-й форт.

Мятежники отступали к 6-му форту. Их по пятам преследовали курсанты, обегая громадные полыньи, пробитые снарядами...

Когда взяли 6-й форт, Григорий Степанов едва не свалился с ног от усталости. Но его послали доложить командующему П. Е. Дыбенко о том, что бригада взяла форты и выступает в направлении Кронштадта. И снова лед, лед, скользят ноги, болит каждая мышца. Из Кронштадта доносились пулеметные очереди и взрывы. Там уже шел уличный бой...

Впереди Степанов заметил залегшую цепь. В бинокль он увидел белые халаты. Свои! Но никто из бойцов не двигался. Подойдя ближе, Степанов увидел трупы. На голом

льду всю цепь скосила пулеметная очередь. Как шли, так и полегли один подле другого.

Бывший председатель Центробалта, лихой моряк и командир Дыбенко обрадовался известию о подкреплении. Он сказал Степанову, что в городе идет бой за каждый дом. Вскоре в город ворвался кавалерийский полк, прискакавший из Ораниенбаума. В уличных боях кавалерия помогла пехоте сломить сопротивление мятежников — среди них пронесся слух, что прибыла конница Буденного...

Григория Алексеевича Степанова за героизм, проявленный при подавлении кронштадтского мятежа, наградили боевым орденом Красного Знамени.

Впоследствии Степанов говорил, что кочующая из учебника в учебник фраза об атаке Кронштадта «по тонкому льду» неправильна. Лед был прочный вокруг Кронштадта в ту морозную ночь. И говорил со знанием дела — именно он, красный разведчик, был послан проверить состояние льда перед атакой.

Утром 19 марта курсы построились и по льду походным порядком ушли в Ораниенбаум.

В октябре того же года Степанов стал пограничником. Командиром роты.

Это было ровно через месяц после того, как Совет Труда и Обороны постановил: «Передать охрану сухопутной и морской границы РСФСР во всех отношениях в ведение ГПУ, для чего создать отдельный пограничный корпус войск ГПУ».

Степанов не прослужил и месяца в городе Сестрорецке, как его перевели на другой берег Финского залива, в Усть-Лугу. Ехать туда пришлось через город Кингисепп, бывший Ямбург. Ныне город, дважды побывавший у Юденича, лежал в развалинах. На руинах висели лозунги, призывавшие к борьбе с мировым империализмом. У обочины железной дороги валялись искореженные паровозы.

К месту службы Степанов добирался на лодке по реке Луге. Тяжела оказалась новая служба. Сняв клетушку у местных жителей, Степанов стал объезжать подчиненные ему кордоны.

«В кордоне насчитывалось не более 7 бойцов, — вспоминал Г. А. Степанов. — Поэтому приходилось нести службу по 14—16 часов в сутки. Отдельных зданий, где бы размещались кордоны, на первых порах не имелось:

хорошо, если кое-где удавалось самим оборудовать под дежурку старую баню, сарай. В 1923 году в деревне Мурамицы, недалеко от Псковского озера, был выстроен первый дом для кордона. Это был праздник... Продуктов получали тогда недостаточно, приходилось самим промышлять и охотой, и рыбной ловлей... В числе пограничников имелись малограмотные и даже неграмотные... Недавно, недосыпавшие, плохо одетые бойцы самоотверженно несли службу... При свете лучины (коптилки были далеко не всюду) молодежь сама училась грамоте: читала газету, книгу, изучала оружие, военное дело...»

К сожалению, не осталось никаких сведений о том, как проходила служба самого Степанова. Он был человек чрезвычайно скромный, и, если ему приходилось писать, он почти никогда не упоминал о себе, о своей роли в тех или иных событиях. А граница в те годы жила напряженной жизнью. Редкие кордоны пограничников всякий день подвергались опасности полного уничтожения. Их командир, сутками не слезавший с коня, ежечасно подвергался риску попасть в засаду...

В стране, разоренной гражданской войной, не хватало самого необходимого: хлеба, обуви, одежды, спичек, керосина, соли, мыла... Доставка контрабанды в Россию сулила громадную прибыль. Вдоль всей границы действовали «транзитные лавки», на которых по ночам зажигались красные фонари, служившие маяками для продавцов и покупателей контрабандных товаров. Обозы в первое время шли через границу почти в открытую, контрабандисты были прекрасно вооружены и готовы на все. Особенно много контрабанды доставлялось зимой по льду Финского залива. Обрато вывозилось золото, ценности.

Пользуясь контрабандистскими явками, шпионы всех мастей легко пересекали границу в обоих направлениях.

Степанов со своей ротой не раз вступал в настоящие бои с отрядами контрабандистов и вскоре отбил у них охоту к наглым попыткам пересекать границу. Тогда торговцы контрабандными товарами переменили тактику. Границу с Эстонией в свое время проложили наспех. Угодья некоторых деревень оказались за рубежом. Деревню Мертвицы, например, граница разрезала пополам, и поэтому для крестьян она не существовала. Об одном из

случаев применения контрабандистами новой «тактики» рассказывал сам Степанов:

«Глухой осенней порою по проселочной дороге медленно двигалась скорбная процессия. Старая кляча с усиленным тянула телегу с гробом. Хмурый возница шел рядом с пожилой женщиной, закутавшей лицо в платок. «Кормильца хоронят», — подумал шедший мимо пограничник Богданов. При виде его возница хлестнул лошадь, ускорил шаг, а женщина стала рыдать. Это насторожило пограничника. Документы были в порядке, и все же он потребовал открыть крышку гроба: вместо покойника там лежала ценная контрабанда».

Время от времени Григорий Степанов писал при неверном пламени копилки пространные письма. Он свертывал их треугольниками и отправлял в Сестрорецк. Ответа он всякий раз дожидался с нетерпением.

С Валентиной он познакомился на танцевальном вечере в сестрорецком клубе. Семнадцатилетней девушке приглянулся бравый, подтянутый командир, но не успела она узнать Григория поближе, как его перевели в далекую Усть-Лугу. И вдруг он появился снова в Сестрорецке, веселый и добрый, в новенькой гимнастерке, затянутый в поскрипывающие ремни. Валентине нравилось, что за ней ухаживает совсем «солидный», двадцатипятилетний мужчина, да еще награжденный орденом, что тогда было великой редкостью. Но она еще не думала всерьез о замужестве, и его предложение застало ее врасплох. Григорий сказал, что ему дали всего три дня отпуску, и просил решить его судьбу тотчас...

А через неделю молодожены уже пытались наладить быт в краю, где мало кто говорил по-русски, где не было никаких развлечений, где население пробаивалось только контрабандными товарами, с чем так непреклонно боролся командир-пограничник. Проводя иногда по несколько суток одна в комнатке, которую сняли молодожены, Валентина плакивала. Степанов очень боялся, что такая жизнь ей надоест и она уедет от него. Но Валентина справилась с собой, и они весело тянули бечевой против течения Луги лодку с пожитками, когда Степанов получил приказ о переводе под Кингисепп, на разезд Сала, куда его назначили комендантом участка.

Это было в то самое время, когда установилась новая структура пограничных войск: застава, комендатура,

отряд, округ. Коменданту подчинялись пять застав, и он приравнялся по должности к командиру батальона. Три комендатуры составляли пограничный отряд.

Новая должность Степанова была очень ответственной. Он сменил на ней знаменитого впоследствии Генриха Тедера, который по заданию Центрального Комитета Эстонской компартии принял участие в подготовке восстания таллинских рабочих. Рабочие выступили 1 декабря 1924 года с оружием в руках.

Но восстание не удалось. Многие рабочие после разгрома бежали в Советскую Россию. Буржуазное правительство Эстонии обещало большую денежную награду тому, кто выдаст скрывавшегося Тедера. Степанову хватало забот на границе в это тревожное время...

Именно на таких, как Степанов, опиралось Советское государство, создавая новую армию. Малоимущий крестьянин, батрак, рабочий, нижний чин в старой армии, краснознаменец. Не хватало лишь образования.

Высшая пограничная школа, а затем Военная академия имени Фрунзе дали Степанову знания, необходимые кадровому командиру.

Об одиннадцатом «ударном» выпуске академии есть неоднократные упоминания в современной мемуарной литературе. Прославленные полководцы, листая старые фотоальбомы, вспоминают годы учения с проникновенной теплотой, понятной всякому, кто пребывал в стенах какой-нибудь из «альма-матер»...

Уже в марте 1928 года стали прибывать для сдачи вступительных экзаменов кандидаты в слушатели академии. Их размещали в общежитии Третьего дома Советов. По любопытному совпадению в 1919 году Степанова, делегата VII Всероссийского съезда Советов, поселили в том же здании и едва ли не в той же комнате, где он жил теперь.

Готовиться к экзаменам было трудно. В каждой комнате — по 20—30 человек. Кто зубрит, кто развлекается — шум стоит невообразимый. Степанов, затыкая уши, упорно штудировал уставы.

С уставами командиры справлялись, но с общеобразовательными предметами дело было из рук вон плохо. Генерал армии М. И. Казаков вспоминает экзамены по гео-

графии и настолько слабые знания поступавших, «что их ответы вызвали недоумение у членов экзаменационной комиссии и смех среди слушателей академии, которые являлись сюда поразвлечься «откровениями» повичков».

В конце концов все решало рабоче-крестьянское происхождение, послужной список и страстное желание учиться... Степанова зачислили в академию, и с октября начались занятия в старом здании на улице Кропоткина.

Преподавателями академии были в основном бывшие офицеры и генералы старой армии, среди которых наиболее известен прославившийся впоследствии своим подвигом Д. М. Карбышев. Они давали обширные знания и требовали от слушателей полной отдачи сил.

Лучшие традиции русской армии, многовековой опыт ее, сконцентрированный в лекциях профессоров академии, становился той прочной основой, опираясь на которую развивали военное искусство будущие полководцы Великой Отечественной войны.

Трудоспособность Степанова в годы учения поражает. Он не только догоняет своих товарищей, получивших до академии более фундаментальное образование, но и принимает самое активное участие в общественной жизни. Он член центрального партийного бюро академии. Мало того, он становится ответственным редактором печатного органа академии «Фрунзевец-ударник», многие страницы которого посвящены вопросам военной теории. Трудно было узнать в подтянутом и начитанном командире бывшего пастуха и молотобойца. Впрочем, с рабочим классом связь у него самая тесная — жена Валентина работает на электростанции строгальщицей...

В мае 1931 года на традиционной встрече выпускников академии с членами Политбюро выступал Михаил Иванович Калинин. Он говорил о священном долге командиров — всегда быть готовыми к защите Родины. После завтрака выпускники пели в Георгиевском зале боевые песни, признанные танцоры лихо плясали. И среди них был Григорий Степанов...

У офицеров-армейцев есть поговорка: «Дальше Кушки не пошлют, меньше взвода не дадут». У пограничников что ни назначение, то «Кушка». Служба их всегда протекает вдали от центров цивилизации и сопряжена со многими опасностями.

Степанова назначили начальником Джебраильского пограничного отряда. Если до сих пор ему доводилось служить только на севере, то после академии он отправился на юг, в Азербайджан.

Граница с Ираном проходит по быстрому Араксу, который то и дело переплывали конные отряды бандитов, державших в страхе местное население. Новый начальник изучал обстановку. Только в 1930 году на этом участке границы произошло девять стычек с бандитами — 97 из них убито, 19 ранено, погиб 21 пограничник.

Буквально через месяц после прибытия Степанова адъютант отряда Гусаров доложил ему: в два часа ночи пограничники вступили в бой с бандой, уходившей за кордон после ограбления села Моллы; два бандита убиты; погибли начальник заставы Резиньков и три красноармейца.

Степанов узнал, что пограничники погибли из-за своей беспечности. Они попали в засаду, потому что шли без охраны. Разведка же была организована из рук вон плохо. Такие выводы сделал Степанов в своем приказе.

В отряде хромала дисциплина, почти всех бойцов трепала жестокая малярия, люди страдали от чирьев и умирали от брюшного тифа. Заболела и жена Степанова. В тяжелом состоянии он отправил ее в Тифлис и не получал несколько месяцев ни одного письма. Беспокойство его все возрастало, так как Валентина ждала ребенка...

Но подчиненные видели Степанова всегда спокойным и уверенным. Любопытно читать первые приказы Степанова по отряду — решив дать бой болезням, он дотошно занимается вопросами гигиены, заботится о банях, о чистоте лица, об огородах и свежих овощах. Бойцы подробно инструктируются, как пользоваться сетками от комаров, что были повешены над каждой кроватью, — «с вечера убивать комаров внутри сетки... не соприкасаться с сеткой во время сна...».

К четырнадцатой годовщине Октября положение в отряде стало гораздо лучше. «Пролетарский праздник трудящиеся СССР встречают в обстановке развернутого социалистического строительства и тяжелого кризиса всей капиталистической системы, — говорится в праздничном приказе по отряду. — Вступили в строй АМО, Харьковский тракторный, в ноябре пускается в строй Нижегородский автозавод...»

Страна строила, накапливала мощь. А на юге возникла угроза жизни миллионов советских людей. На одном из участков границы, которую охранял отряд Степанова, вспыхнула эпидемия чумы, занесенной из-за рубежа. 10 декабря 1931 года умер старший лекпом 2-го пограничного участка Андреев, оказывавший помощь заболевшему красноармейцу Куликову...

Чума! Теперь на пограничников возлагалась и задача создать новый заслон, не пропустить страшную болезнь из очага заражения. И они с этой задачей справились...

Но было бы ошибкой думать, что, занятые борьбой с многочисленными болезнями, пограничники ослабили охрану границы. Степанов понимал, что без разведки, без слежки за каждым шагом бандитов ему с ними не совладать. А помочь в этом ему могли только местные жители и... сами бандиты — те из бандитов, которых бы удалось привлечь на свою сторону, заставить работать против главарей...

Степанов, уже ставший членом исполкома Нагорно-Карабахской автономной области, был прекрасно осведомлен о действиях бандитов, о грабежах и убийствах, о запугивании местного населения. За пять последних лет жителей пограничных селений терроризировали сарыкская и ахмедлинская банды, во главе которых стояли злейшие враги Советской власти, мусаватисты Назар Джафар Кулу-оглы и Абдулла Искандер-оглы.

Крестьяне сами извещали пограничников о появлении бандитов. Когда же было обещано прощение явившимся с повинной, многие потянулись в комендатуры сдавать винтовки.

Степанов разговаривал с каждым, но по большей части это была мелкая сошка, запуганные крестьяне, желавшие порвать с бандитами и вместе с тем боявшиеся их мести. Но через них Степанов нашел дорогу к одному из приближенных главара сарыкской банды. С тех пор этот бандит именовался в оперативных документах «источником». Имя его осталось неизвестным.

29 февраля 1932 года на дому у «источника» был задержан брат главара Сулейман Кулу-оглы. При нем были винтовка и кинжал. На допросе он сказал, что банда уходит в Персию.

На другой день в селении Сарык было схвачено еще восемь бандитов вместе с их главарем. Тогда пришли сда-

ваться и ахмедлинские бандиты. Но в последний момент главарь их Абдулла Искандер передумал, и в перестрелке он и еще пятеро бандитов были убиты.

В послужном списке Степанова появилась запись: «Под непосредственным руководством тов. Степанова банда была тщательно изучена и впоследствии им же ликвидирована (изъята), обезоружена и главарь убит без единой жертвы с нашей стороны».

И тотчас его забрали в Москву. Приказ о назначении Степанова помощником начальника отдела боевой подготовки Главного управления пограничных войск был подписан, когда он доложил о ликвидации банд.

Проезжая Тбилиси, Степанов наконец встретился с женой. Волнения окончились. Григорий Алексеевич стал счастливейшим из отцов. Дочери он дал не совсем обычное имя — Нинель. Впрочем, в те годы коммунисты часто давали своим детям имена, которых не было в святцах. Владлен, Марлен, Октябрина, Трактор... Если имя Нинель прочтеть наоборот, то получится «Ленин».

В Москве Степанов три года командовал школой, которая ныне стала Высшим пограничным командным училищем. Был начальником отдела Главного управления пограничных войск.

Подошел 1939 год. На финской границе назревали события, которым суждено было стать важной вехой в истории нашей страны. И тогда комбрига Степанова, знакомого с местными условиями, назначают начальником пограничных войск Ленинградского округа.

— Если не отведут финны войска, быть войне, — сказал Степанов своему шоферу Саше Гусеву, когда они возвращались по Выборгскому шоссе от моста, неподалеку от которого пролилась кровь красноармейцев. Мощная машина ЗИС-101 уже приближалась к Ленинграду. От границы до города всего тридцать два километра

Гусев кивнул. Он был озабочен и все поглядывал на крылья машины, смятые сильным ударом. Степанов очень торопился к месту обстрела; с проселочной дороги неожиданно вывернул на шоссе грузовик и вдруг остановился с заглушим мотором; Гусев не мог затормозить — дорога обледенела... И вот результат. Гусев досадовал, что такое случилось с ним, лучшим шофером управления. Но ком-

бриг не сказал ни слова в упрек, видел, что шофер не виноват...

Степанов был еще под впечатлением встречи с финским пограничным комиссаром. Развязно посмеиваясь, тот утверждал, что снаряды были не финские, а советские: вапа, мол, артиллерия проводила учебные стрельбы...

Разговор происходил на железнодорожном мосту через реку Сестру. Единственном мосту, перекинутом через границу у Ленинграда.

Под мостом журчала студеная вода реки. На той стороне виднелись столбы проволочных заграждений. Черной стеной стоял еловый лес. Раскачивались на порывистом ветру кроны двух гигантских сосен, на сучьях которых гемными пятнами выделялись полшубки наблюдателей. Правее сосен, на бугре, высилось бетонное укрепление. Дорога за мостом упиралась в противотанковый ров...

И так вдоль всей границы. Мирное население эвакуировано. Укрепления разрисованы окнами — под дома. Начальники застав докладывают: финны приводят на берег Сестры новое пополнение, устраивают молебствия, после чего солдаты смачивают речной водой головы и дают клятву сражаться насмерть.

Из Москвы зачастили начальники. Степанов возил на границу Ворошилова, Мехлиса, начальника пограничных войск комдива Соколова...

Оснований для тревог было достаточно. Степанов, спавший последние месяцы лишь урывками, дремал под мерный бег машины. Но это только казалось Гусеву, старавшемуся вести машину плавно.

Быть войне! Впрочем, война в Европе уже началась. С сентября 1939 года доклады Степанова в Москву напоминают разведсводки с театра военных действий. Он пристально следит за усиленным строительством укрепленного района на Карельском перешейке. Эстонцы торопятся возвести укрепления под Нарвой. И в Финляндии, и в Эстонии полностью отобилизованы запасные. Шюцкоровцы пропагандируют идею «Великой Финляндии», которой следует простираться не больше и не меньше как до Урала. В Эстонии зашевелились контрреволюционные организации «Национальный трудовой союз», «Русский общевосточный союз», «Братство русской правды». Но русские, что живут в приграничной полесе на эстонской стороне,

не поддаются на агитацию, распевают советские песни, уходят через границу в Россию... Сами эстонцы поговаривают о желательности присоединения к Советскому Союзу.

Но главное — финны. Весь октябрь поступали сведения о перемещении их войск к границе. В Москву ехала финская правительственная делегация, обгоняя свои полки, двигавшиеся на машинах и пешим порядком. Степанов встречал ее все у того же железнодорожного моста через Сестру, который за неимением другого подготовили к пропуску автомашин.

...Делегация возвращалась 15 октября. Начальник штаба Степанова полковник Дреев выехал к мосту и увидел, что финская сторона к приему своей делегации не готова. Он послал майора Окуневича вызвать финских пограничников, но те бросились к пулеметам и дали очередь по советским командирам. Пули никого не задела, а прибывший вскоре финский пограничный комиссар принес свои извинения. Напряженность росла.

Обстрелы становятся все чаще. Наблюдатели докладывают, что и сам мост, и подступы к нему заминированы... Очень важно захватить мост через Сестру.

Уже стемнело, когда машина Степанова остановилась у дома № 4 на Литейном проспекте, где тогда располагался его штаб.

Из донесения по телефону Ленинградского пограничного округа о начале военных действий против Финляндии:

«8.00 30 ноября 1939 года началась артиллерийская подготовка фортов и береговых батарей на участке. 8.00 все подразделения Сестрорецкого Краснознаменного пограничного отряда перешли в оперативное подчинение 7-й армии. 8.30 все заставы этого отряда перешли линию границы...»

Начальник Сестрорецкого пограничного отряда майор Андреев решил, что операция по захвату железнодорожного моста через Сестру начнется за три минуты до начала артиллерийской подготовки. Он твердо помнил, что сказал ему комбриг Степанов после совещания начальников отрядов в Ленинграде.

— Я надеюсь на вас, товарищ майор. Главное, чтобы уцелел мост...

Двадцать одна пограничная застава. А напротив — двадцать один финский пограничный кордон и пост на

железнодорожном мосту у станции Белоостров. Финские кордоны должны быть разгромлены силами советских пограничников, чтобы расчистить дорогу частям РККА. Но полевые части белофиннов тоже подошли к самой границе...

Вечером 29 ноября о приказе перейти границу знал уже каждый боец. Начальник штаба отряда потом составил «описание боевых действий», не лишённое пафоса:

«Много знают пограничники бессонных ночей, но ночь на 30 ноября 1939 года не забудут никогда. После получения приказа несоюзная молодежь хотела идти в бой комсомольцами, а комсомольцы — быть коммунистами. 118 комсомольцев подали заявления в ряды ВКП(б)»

В семь утра все уже были на исходном рубеже. Майор Андреев приехал на заставу № 19. Именно здесь, у моста, и надлежало ему быть.

О том, что произошло в то хмурое, туманное утро, пограничник Снисарь рассказал коротко и красочно:

«Начальник заставы лейтенант тов. Суслов вызвал бойцов Горбунова, Лебедева, командира отделения Миненко и меня... В кабинете был майор тов. Андреев. Майор рассказал нам о боевой задаче, которую мы должны решить. Под конец беседы неожиданно спросил:

— А вы не трусите, товарищи?

Мы не дали ему больше говорить. Как же мы могли трусить, если мы с таким нетерпением ожидаем боевого приказа. Майор Андреев улыбнулся и пожал руки каждому из нас. Еще не начались действия, но мы выходим на охрану красной половины моста. В 6.00 утра к нам пришел начальник заставы лейтенант тов. Суслов. Здесь же он рассказал, как будем действовать. Наше время приближалось ужасно медленно, казалось, что оно остановилось.

Вот наконец наше время. Лейтенант тов. Суслов громко кашлянул — сигнал к началу. Мы все бросаем несколько гранат к домику стражников и под возгласы лейтенанта Суслова «Вперед! За Родину!!!» быстро несемся через мост.

Лейтенант замахнулся, чтобы бросить гранату, но в это время был ранен в руку. Белофинские пулеметчики перекрестным огнем били по мосту. Белый длинный след прокладывали трассирующие пули. Нас уже ничто не могло остановить. Вперед, и только вперед!

Отделенный командир тов. Миненко обнаружил провод, идущий под мост, он немедленно доложил лейтенанту.

— Обрезать! — приказал лейтенант.

В 8.00 мост был наш. Начала стрелять наша артиллерия. Через наши головы засвистели тысячи снарядов. Небо осветилось заревом, как будто из-за леса выходило солнце большое. Долго бушевал могучий огненный шквал...»

Пограничники хорошо подготовлены. Пограничная разведка к 15 октября 1939 года получила «данные по основным оборонительным объектам и сведения о группировках финских войск». От полка до корпуса командиры знали от пограничников все о минных полях, о состоянии мостов и дорог... Для действия наших войск на финской территории, как впоследствии напишет Степанов, подобрали частям РККА 25 проводников, хорошо знающих финскую территорию и финский язык.

На Степанова была возложена обязанность охранять тыл армии, которую вел на прорыв финских укреплений командарм 2-го ранга Мерецков. Финны оборонялись отчаянно. Наши войска несли тяжелые потери, отвоевывая буквально каждый метр. Финны стреляли из-за толстых бетонных стен. Много хлопот доставляли их снайперы, прозванные «кукушками» и «глухарями». Нагло действовали в нашем тылу финские диверсанты.

Диверсант, вооруженный автоматом и виртуозно владевший финским ножом, был серьезным противником. Группы финнов подкарауливали и обстреливали войсковые колонны, взрывали мосты, перехватывали обозы. И тактика их всегда была одна — налет, короткий бой. Как только подходило подкрепление и возникала угроза удара с фланга, финны ускользали, и лишь лыжня, петлявшая в дремучем лесу, говорила об их недавнем визите. Поди догони их, снискавших славу лучших лыжников в Европе...

Но всякое действие вызывает противодействие. Степанов дни и ночи занимался сколачиванием отрядов, способных бороться с увертливыми диверсантами. Такой род боевых действий был привычным для пограничников. В отряды отбирали лучших лыжников, самых выносливых и ловких. В рукопашном бою они научились владеть ножами не хуже финнов. Винтовка со штыком была не самым удачным оружием для бойца, ставшего на лыжи.

Вскоре пограничники не только попржиали диверсантов, но и сами стали совершать глубокие рейды в тыл противника...

11 февраля 1940 года советские войска начали штурм линии Маннергейма. Семнадцать дней подряд ходили в атаку полки на укрепления финнов... Наконец линия была прорвана, и пал Выборг. Финляндское правительство запросило мира. Новая граница стала проходить в 150 километрах от Ленинграда...

«...5 апреля 1940 г.

...Погранотряды закончили выставление застав и комендатур, приняли от частей РККА государственную границу и приступили к несению службы по ее охране на всех участках...

Начальник погранвойск НКВД
Ленинградского округа
комдив Степанов...»

За мужество и героизм, проявленные в боях с белофиннами, было награждено почти две тысячи пограничников. Степанов, с введением новых званий ставший генерал-лейтенантом, прикрепил над карманом генеральской тужурки второй орден боевого Красного Знамени.

Отодвинутая за линию Элисенваара — Энсо — Выборг, новая граница требовала от него неусыпных забот. Бойцы уже каждый день задерживали нарушителей, среди которых были военные разведчики. «Отмечается усиленное строительство финнами оборонительных укреплений вблизи границы. Строятся огневые точки, противотанковые рвы и эскарпы, надолбы, проволочные заграждения, артиллерийские и другие наблюдательные пункты и т. п.», — докладывал Степанов в Москву.

Читая донесения с границы, понимаешь, как сложна и напряженна была служба Степанова в тревожном 1940 году. Группами переходят границу граждане Эстонии, объясняя это «поисками лучшей жизни и желанием остаться на жительство в СССР». Гремят выстрелы, и падают с простреленными головами пограничники... Вдоль латвийской границы проходят тысячи демонстрантов с красными флагами и портретами Сталина... Каждый день вторгаются в наше воздушное пространство самолеты без

За несколько минут до войны. Фашисты готовятся к варварскому нападению на нашу страну.

Командиры погранотряда Мурманского округа на рекогносцировке местности в тылу противника зимой 1941/42 года.

Военком войск охраны тыла Ленфронта, бригадный комиссар С. И. Гусаров, начальник политотдела войск, полковой комиссар Н. Н. Январев, политрук для поручений старший политрук Ф. Г. Коптов. Весна 1942 г.

Пограничники 1-й погранбригады, награжденные за участие в боях по защите Ленинграда. Март 1942 г. Среди награжденных в первом ряду пятый слева — С. И. Гусаров, седьмой — генерал-лейтенант Г. А. Степанов.

С. И. Гусаров с пограничниками. Карельский перешеек. Сентябрь 1941 г.

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Государственного Комитета Обороны

Сим объявляется, что оборона столицы на рубежах, отстоящих на 100—120 километров западнее Москвы, поручена командующему Западным фронтом генералу армии т. Жукову, а на начальника гарнизона г. Москвы генерал-лейтенанта т. Артемьева возложена оборона Москвы на ее подступах.

В целях тылового обеспечения обороны Москвы и укрепления тыла войск, защищающих Москву, а также в целях пресечения подрывной деятельности шпионов, диверсантов и других агентов немецкого фашизма Государственный Комитет Оборона постановил:

1. Ввести с 20 октября 1941 г. в городе Москве и прилегающих к городу районах осадное положение.

2. Воспретить всякое уличное движение как отдельных лиц, так и транспортов, с 12 часов ночи до 5 часов утра, за исключением транспортов и лиц, имеющих специальные пропуска от коменданта г. Москвы, причем в случае объявления воздушной тревоги передвижение населения и транспортов должно происходить согласно правил, утвержденных московской противовоздушной обороной и опубликованных в печати.

3. Охрану строжайшего порядка в городе и в пригородных районах возложить на коменданта города Москвы генерал-майора т. Синилова, для чего в распоряжение коменданта предоставить войска внутренней охраны НКВД, милицию и добровольческие рабочие отряды.

4. Нарушителей порядка немедленно привлекать к ответственности с передачей суду Военного Трибунала, а провокаторов, шпионов и прочих агентов врага, призывающих к нарушению порядка, расстреливать на месте.

Государственный Комитет Оборона призывает всех трудящихся столицы соблюдать порядок и спокойствие и оказывать Красной Армии, обороняющей Москву, всяческое содействие.

Председатель Государственного Комитета Оборона
И. СТАЛИН.

МОСКВА, КРЕМЛЬ, 19 ОКТЯБРЯ 1941 г.

Генерал-лейтенант
Г. А. Степанов.

Герой Советского Союза
А. В. Лопатин.

Дорога через
Ладогу, 1942 г.

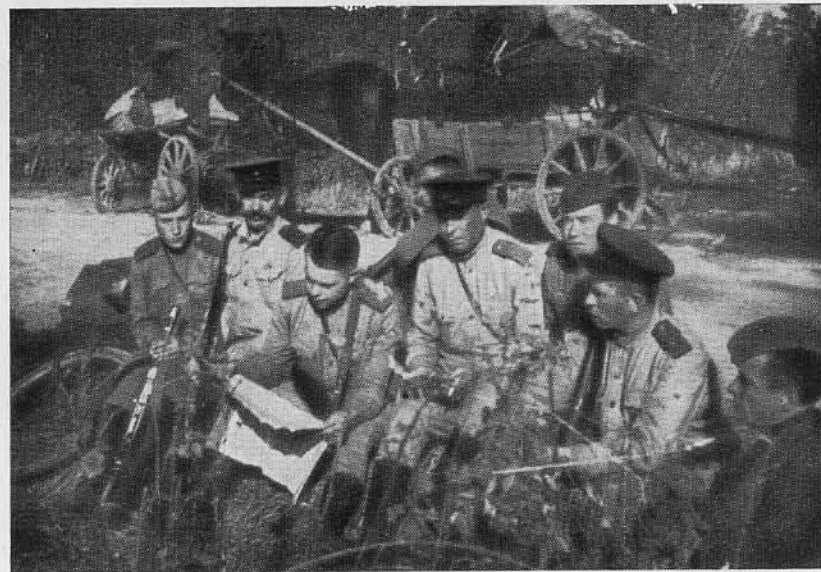
Гвардейский
катер на охране
морской границы.

Бригадный комиссар С. И. Гусаров вручает партийные документы отличившимся в боях пограничникам. Карельский перешеек. Осень 1941 г.

Партийные и комсомольские билеты пограничников Бакарева и Пяткова, павших смертью храбрых в бою на территории Австрии 13 апреля 1945 г.

Сержант И. Н. Волков читает сообщение о перемирии с Финляндией. 1944 г.

Генерал-майор
Сергей Ильич
Гусаров.

Т. А. Строкач с командиром партизанского отряда Иваном Копенкиным (слева) и комиссаром Михаилом Подкорытовым.

Генерал Т. А. Строкач вручает правительственную награду комиссару ковпаковского отряда генерал-майору С. В. Рудневу, в центре — секретарь ЦК КП(б)У Д. С. Коротченко.

Т. А. Строкач с секретарем ЦК КП(б)У Д. С. Коротченко беседуют с партизанами в тылу врага. Лето 1943 г.

Они первыми вышли на охрану восстановленной государственной границы.

Подразделения следуют на охрану государственной границы. Река Вуокса. 1944 г.

Помощник начальника штаба лейтенант Бабич ставит задачу экипажам самолетов на боевой вылет в Порт-Артур. Август 1945 г.

Группа пограничников со старшим лейтенантом Андреевым перед выходом на боевое задание. 9 августа 1945 г.

Генерал-лейтенант
К. Р. Сенилов.

Пограничники на параде в Москве.

На ежегодном параде партизан гражданской и Великой Отечественной войн, слева направо: А. Н. Сабуров, Т. А. Строкач, С. А. Ковпак и М. И. Наумов — к началу войны капитан-пограничник.

Вице-адмирал Яков Терентьевич Резниченко.

Учебная атака. Взаимодействие бронетранспортеров и катеров.

опознавательных знаков: Эстонское приграничное население собирается в толпы с лозунгами: «Да здравствует Красная Армия!», «Примите нас к себе, быстрее открывайте границу!» и требует: «Давайте вашего комиссара, хотим разговаривать!» И тотчас ленинградские пограничники сообщают: «По имеющимся данным, реакционные круги Эстонии и Латвии с целью срыва существующих договорных отношений готовят провокационные нападения на части и гарнизоны Красной Армии, дислоцированные в этих странах, и на пограничные части, охраняющие границу Советского Союза...»

И доброе и дурное одинаково требовало быстрых решений, точной реакции.

Наконец Эстония вошла в состав СССР. Зато на границе с Финляндией едва ли не каждый день гремели выстрелы. Советские и финские пограничные представители часто встречались в городе Иматре. Советскую комиссию неизменно возглавлял генерал Степанов.

Поведение финнов было вызывающим. Да и как могло быть иначе, если их начальник генерального штаба Гейнрихс уже нашел дорогу в немецкий генеральный штаб и вскоре стал причастным к выработке плана «Барбаросса»... В годовщину независимости Финляндии премьер-министр Рюти сказал на банкете: «Я вполне уверен, что мы снова завоюем свое».

Сперва встречи советской и финской сторон проходили более или менее мирно. Русские и финские офицеры даже находили возможным обсуждать проблемы мицувшей войны, что нашло отражение в архиве генерала Степанова.

«Финны мне заявили на совещании: «Ваша артиллерия решила зимнюю кампанию». Пехоту и авиацию оценили плохо».

В мае 1941 года финны произвели артиллерийский выстрел, и снаряд разорвался на нашей территории. И хотя председатель финской комиссии генерал-лейтенант Латайкайнен пытался убедить Степанова, что это «случайный снаряд от случайного выстрела», тот уже прекрасно разобрался в дипломатической тактике финнов.

В состав финской комиссии входил полковник Аминов, бывший офицер царской службы. Как-то в перерыве между заседаниями Степанов вызвал его на откровенность.

— Чем вызвана такая перемена в поведении комиссии? Ведь прежде мы как-то могли договориться, — сказал Степанов.

— Нас взяли за горло и приставили револьвер к виску, — ответил Аминов. — Повторяем ошибки...

«За горло взяли немцы», — догадался Григорий Алексеевич.

Когда же он стал говорить о самолетах, вторгающихся в наше воздушное пространство, Аминов ядовито заметил:

— Это самолеты не наши, а ваших союзников.

Да, Степанов уже имел сведения, что в Финляндии появились немецкие военнослужащие. У границы сосредотачивались войска. Пограничники не раз задерживали финских разведчиков, так называемую «маршрутную агентуру», которая собирала сведения о военных объектах, изучала коммуникации... Генерал был уверен, что идет подготовка к войне.

В конце мая 1941 года состоялась внеочередная встреча комиссий. И она оказалась последней. В Иматру финны приехали не втроем, как обычно, а всемером. На этот раз генерала Лаатикайнена сопровождали еще два полковника генерального штаба и пограничники полковники Инкала и Вилламо.

Со Степановым были полковники С. Дреев и А. Андреев (впоследствии генерал-полковник, Герой Советского Союза).

Финны, усмехаясь, отрицали все — и нарушения границы, и сосредоточение войск...

Когда полковник Вилламо служил на северной границе Финляндии, ему за самодурство дали прозвище «лапландский царь». Подвыпивший полковник на заседании пограничных комиссаров выкрикнул какое-то, как утверждал Степанов, «антисоветское ругательство». Инкала подержал его. Степанов не снес оскорбления. Он встал и заявил, что советская комиссия прекращает переговоры. Впоследствии Степанова даже упрекали в том, что он был не до конца «дипломатичен» и не принял извинений финского генерала.

Григорий Алексеевич был прав. Дальнейшие переговоры ни к чему бы не привели.

Немецкие и финские офицеры уже в открытую разглядывали в бинокли советскую сторону. По ночам с финской территории границу освещали прожекторами. В Хель-

синки стали прибывать немецкие транспорты с солдатами и вооружением.

В середине июня пограничники ранили при переходе границы немецко-финского агента, зашифрованного в документах буквой Т.

— Скоро опять война, у нас к ней готовятся... — сказал Т., доставленный к Степанову в Ленинград.

Тревога Степанова переросла в уверенность.

Вот как он действовал в последние предвоенные дни:

«При очередной встрече с начальником штаба Ленинградского военного округа генерал-лейтенантом Никишевым я его просил, чтобы он подтянул к границе дивизии, дислоцировавшиеся на Карельском перешейке.

Командующий ЛВО генерал-лейтенант Попов в это время был в командировке...

Начальник штаба мне заявил, что без разрешения Генерального штаба никаких мероприятий он провести не может, и стал при мне звонить в Генеральный штаб, прося разрешения привести дивизии в боевую готовность и подтянуть к границе. Ему было отвечено: «не паниковать и никаких мер не принимать». Из кабинета тов. Никишева я позвонил заместителю наркома внутренних дел СССР генерал-лейтенанту Масленникову, доложил ему об обстановке на границе и просил разрешения привести в боевую готовность пограничные части и занять оборону в подготовленных оборонительных сооружениях на границе.

Мне также было категорически заявлено (как будто Гешштаб и НКВД СССР заранее договорились): «не паниковать, поднять бдительность, усиленно охранять государственную границу».

Мы с начальником штаба ЛВО Никишевым, докладывая по команде об обстановке на границе, не проявляли никакой паники, а выполняли свой долг перед Родиной, так как мы были глубоко убеждены, что все эти приготовления со стороны финнов вызваны подготовкой к войне.

Несмотря на такую реакцию на мои тревоги, я не мог быть пассивным наблюдателем и принял меры, повысившие боеготовность пограничных войск».

Вернувшись от Никишева, Степанов тотчас приказал всем начальникам отрядов увеличить боекомплекты и возвести дополнительные огневые сооружения. Велел всем заставам получить походные кухни. На складах не хвата-

ло их для всех, что Степанов расценил как возмутительное головотяпство интендантов. На свой страх и риск генерал эвакуировал с границы семьи командиров.

Но он понимал, что без артиллерии и противотанковых средств, с одним только стрелковым оружием пограничники долго не выстоят. Однако артиллерийских частей в его распоряжении не было...

«Граждане! При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна». Ленинградцы привычно не замечают этой надписи на одном из домов Невского проспекта. Теперь на проспекте не видно никаких других следов артиллерийских налетов, а сама сторона, о которой говорится в грозном предупреждении, наиболее людная, поскольку более щедро освещается скудноватым северным солнцем.

Но стоит бросить взгляд на эту регулярно подновляющуюся надпись, как в памяти всплывает героическая и горестная эпопея, еще не ставшая достоянием истории для очень многих ленинградцев...

«Русские вооруженные силы представляют собой глиняный колосс без головы. У них нет хороших полководцев. Гигантские пространства России гаят в себе неисчислимы богатства. Германия должна экономически и политически овладеть этими пространствами... Когда эта операция будет проведена, Европа затаит дыхание».

Эти слова, сказанные Адольфом Гитлером 9 января 1941 года, стали прелюдией к катастрофической ошибке Германии, которую еще Бисмарк предупреждал против попыток расширения своих владений на Восток, ибо, как говорил он, русские медленно запрягают, но быстро ездят...

В 1941 году в упоении побед в Европе Бисмарка никто не вспоминал. На германскую армию работала добрая половина промышленности Европы. 152 дивизии вскоре были стянуты к границам нашего государства. Они должны были внезапно напасть и в короткое время выйти на линию Архангельск — Астрахань.

В планах немецкого командования, казалось, было учтено все. Но стратеги «третьего рейха» забыли исторические уроки, забыли главное свойство русского народа — его стойкость в борьбе, его способность мириться с любыми лишениями, его иммунитет к панике. В смертельно опасные минуты этот народ всегда проявлял удивитель-

ную сплоченность и упорство, всегда находил в своей среде вождей и военачальников, способных не только командовать, но и отражать в своих помыслах и деяниях его настроение.

Группой немецких войск «Север», насчитывавшей 29 дивизий, или полмиллиона человек, командовал генерал-фельдмаршал фон Лееб. Шестидесятипятилетний генерал уже стяжал лавры за прорыв линии Мажино, после чего он получил свой жезл и Рыцарский крест. Как представитель старой гвардии кадровых офицеров он относился насмешливо к «выскачкам» национал-социалистам, которые, однако, ценили его боевые и деловые качества. Перед ним была поставлена задача — захватить Прибалтику и, наступая через Псков и Лугу, к 21 июля овладеть Ленинградом. То есть через месяц после начала войны.

Одновременно с севера на Ленинград наступали финские войска — 15 пехотных дивизий и 3 бригады.

Несмотря на неблагоприятные условия, созданные фактором внезапности, несмотря на превосходство противника в живой силе и особенно в авиации, русские войска к середине июля сумели сдержать наступательный натиск. Под Лугой на строительстве оборонительных сооружений ежедневно работало до полумиллиона ленинградцев. Из личного состава кораблей Военно-Морского Флота и курсантов училищ были сформированы бригады морской пехоты. 80 тысяч моряков теперь сражались на суше. Своей отвагой они заслужили у врага прозвище «черная смерть».

Но мы вернемся к первым дням сражений. Наши дивизии стали подходить к границе на Карельском перешейке только после нападения Германии. Вся тяжесть первого удара противника пограничники приняли на себя.

На советско-финской границе военные действия начались в ночь на 29 июня 1941 года. В три часа утра, после артподготовки юго-восточная армия финнов пошла в наступление, имея задачу ворваться в Ленинград с севера. Одновременно еще одна финская армия получила задачу наступать на Онежско-Ладожском перешейке, выйти на реку Свирь и содействовать немецкой группе «Север» в уничтожении советских войск восточнее Ленинграда.

Но, как отмечают историки, «пограничные части к этому времени сумели принять ряд дополнительных мер по укреплению советских рубежей, что послужило одной

из причин более организованного и длительного сдерживания крупных сил противника».

Нетрудно увидеть в этом большую заслугу командования пограничных войск Ленинградского округа и самого генерала Степанова.

Григорий Алексеевич Степанов часто цитировал угрозу из вражеской газеты: «Зеленые фуражки советских пограничников мы постараемся перекрасить кровью в красный цвет». Но стойкость пограничников ошеломила финнов. Стоит привести удивительную хроника первых двенадцати часов сражения у города Энсо, составленную по донесениям штаба:

«4 часа 10 мин. Противник силою до батальона возобновил наступление на участках 5-й и 6-й погранзастав. Заставы ведут бой».

«6 час. 00 мин. Заставы 5-я и 6-я ведут бой в окружении».

«6 час. 39 мин. После трехчасового боя противник занял город Энсо».

«8 час. 15 мин. После пятичасового боя 5-я погранзастава прорвала кольцо окружения. Погибли начальник заставы младший лейтенант Худяков и инструктор службы собак Щербаков. Есть раненые».

«8 час. 47 мин. Старший лейтенант Бабякин, будучи раненым, возглавил личный состав 5-й и 6-й погранзастав и взвод красноармейцев и ведет бой за Энсо».

«13 час. 15 мин. Противник выбит из города Энсо».

«15 час. 40 мин. На ряде участков противник отброшен за линию государственной границы. Бои не прекращаются ни на час. К границе подходят подразделения Красной Армии...»

Это здесь пограничник Андрей Бусалов подпускал по три сотни финнов на 30—40 метров к нашим окопам и косил их из старого, но верного «максима». Он отразил три атаки. Вся лощина перед заставой была устлана трупами. По Бусалову стали вести огонь из четырех пулеметов. Первая пуля ударила его в ногу, вторая рванула руку, третья пошла в живот... А он все стрелял...

— Пока я жив, не уйду от «максима»...

Четвертая пуля пробила сердце. Именем Андрея Бусалова теперь названа одна из застав.

Гибли десятки и сотни героев, сдерживая врага, равшегося к Ленинграду...

Когда началась война, семья Степанова была в Москве.

С ним жила только восьмидесятилетняя мать Прасковья Сергеевна. Генерал дома не бывал, и старушка одна в большой квартире со страхом смотрела в окна, за которыми металась лучи прожекторов, рвались бомбы. Она просила Григория отправить ее в родную деревню, где, как ей казалось, будет тише и спокойней.

Степанов согласился и велел отвезти мать в Звад. Мог ли он думать, что наступление немцев будет стремительным, что вскоре они захватят Лугу и по шоссе мимо его родной деревни пойдут на Новгород вражеские танки?

Приемная сестра генерала Мария Семеновна и ее дочь Анна Сергеевна и поныне живут в Зваде.

— Как немец подходить стал, — рассказывает Анна Сергеевна, — так мы вещи, трех моих детишек и бабушку Пашу на подводу и в лес... Шли долго по гати до возвышенной поляны. И корова с собой. Прожили там с народом недели три, пришли немцы на поляну. Баба Паша боится из-за сына-генерала. Немец откинул полог и вошел к нам в землянку. «Зольдат?» — спрашивает. Выгнали нас в деревню, а она уже сожжена. Наш дом остался, только стекло нет. Бабушка по дороге притомилась, плохо ей стало, так один немец чашку кофе ей дал — сердобольный оказался. Потом у нас телку отобрали проезжие немцы. Выбрали старосту из раскулаченных, выделили землю, стали посылать на покосы. Потом появились партизаны, мужики пошли все в лес и стали у нас руководить... Бабушка Паша все говорила про немцев: «Когда-то их, проклятых, выгонят отсюда!» А тут моего мальчика маленького Шурика убило снарядом. Принесли в избу, бабушка увидела, и стало ей плохо. Уснула и не проснулась больше. Было это в августе сорок первого. В Сосновом бору мы ее похоронили...

Не скоро узнал генерал Степанов о смерти матери. Август был для него месяцем очень тревожным. Немцы вели наступление на станцию Мга, стремясь соединиться с финнами и замкнуть кольцо вокруг Ленинграда.

С началом войны пограничные части присоединились к тем армейским соединениям, на участках которых им пришлось сражаться. Некоторые из них оказались оторванными от своих баз снабжения, о чем генерал Степанов докладывал члену Военного совета А. А. Жданову.

Влившись в общевойсковые соединения, пограничные отряды превращались в обыкновенные стрелковые части.

Кое-кто из военачальников считал это закономерным, поскольку граница как таковая перестала существовать...

Но генерал Степанов думал иначе. Он был за сохранение пограничных частей, за оставление их под единым командованием.

До конца своей жизни он разрабатывал проблему использования пограничных частей в военных действиях. Он считал, что такие отборные части способны выполнять любые задачи в современной войне. И в атомной тоже. Очень подвижные, они незаменимы для охраны войскового тыла, уничтожения десантников и диверсантов, ликвидации прорывов вражеских войск...

«Войны теперь не объявляются, — писал Степанов. — Тем более что будущая война разразится внезапно, воздействие противника на тылы фронтов и тыл страны будет большим. На раскачку времени не будет».

Генерал всякий день ездил в Смольный и требовал внимания к пограничным частям. Много дала одна из поездок на позиции с главнокомандующим Северо-Западного направления Маршалом Советского Союза К. Е. Ворошиловым. Ради маскировки маршал был в лейтенантском плаще и зеленой фуражке. Степанов вспоминал, что в конце длительного разговора в машине Климент Ефремович признался:

— Я сожалею, что пограничных войск мало, а ведь это настоящая гвардия. В этом и моя вина. Я, будучи наркомом обороны, недооценивал пограничные войска и старался их сократить...

«Обращаясь ко мне, — писал Степанов, — он сказал, что после войны надо добиваться, чтобы пограничных войск было больше, чтобы они были хорошо вооружены и мобильны. Такую же оценку пограничникам давали тт. Жданов А. А. и Кузнецов А. А. — члены Военного совета фронта».

Генерал Степанов предложил Военному совету из пограничных отрядов, действовавших в составе 7, 14 и 23-й армий, создать полки и свести их в дивизию. Вторую пограничную дивизию можно было сформировать из пограничных отрядов, действовавших на участке 8-й армии. Предложение Степанова приняли.

Начальник охраны войскового тыла Северного фронта генерал-лейтенант Степанов приступил к формированию 1-й дивизии войск НКВД, командиром которой назначили полковника Донскова. Группа Донскова, ставшая костя-

ком дивизии, пятнадцать дней удерживала город Кексгольм и оставила его по приказу командования 20 августа. А уже 22 августа началось сколачивание дивизии, что само по себе стало важной вехой в истории пограничных войск.

Немецкие дивизии рвались на соединение с финнами восточнее Ленинграда. К 10 августа фон Лееб, перегруппировав части, снова перешел в наступление. В этой грозной обстановке наши генералы и офицеры проявили чудеса распорядительности.

Уже 28 августа генерала Степанова вызвали на заседание Военного совета фронта, на котором присутствовал А. Н. Косыгин.

Смольный в те дни напоминал военный лагерь. Зенитки, машины, офицеры, солдаты... Когда-то здесь был штаб революции, и так же отсюда спешили связные в воинские части, а сюда приезжали за указаниями командиры.

Степанову приказали доложить, как идет формирование новой дивизии.

Генерал видел, что члены Военного совета ждут от него доброй вести. Но что можно было сделать за пять дней? Пограничные отряды сведены в дивизию, но нет еще артиллерии, минометов. Стрелковые полки сформированы, но еще не сколочены. Большая часть личного состава — новички. Люди в подразделениях даже не знают друг друга. Нужно еще два-три дня...

— Фашистские войска, — перебил его один из членов Военного совета, — подходят к станции Мга. Еще день, и последняя железная дорога будет перерезана. Ленинград будет блокирован. Немедленно перебросьте дивизию для обороны станции Мга.

Впоследствии Степанов вспоминал:

«1-я пограничная дивизия была поднята по тревоге, на станции Грузино посажена в железнодорожные эшелоны и к вечеру 28 августа разгружена на левом берегу Невы в районе Петрушино — Отрадное, станция Пелла. Железнодорожный мост через реку Неву, что в районе деревни Отрадное, через который проходили эшелоны с частями дивизии, обстреливался артогнем противника...»

За этим суховатым сообщением генерала видятся его бессонные ночи, четкая и плодотворная работа.

После войны в своих многочисленных статьях Григо-

рий Алексеевич Степанов называл сотни и сотни имен отличившихся в боях под Ленинградом. Он описывал бои, которые вели курсанты Петергофского военно-политического училища на Кингисеппском направлении. Он рассказывал о мужестве курсантов Высшего военно-морского пограничного училища, о схватках многих пограничных отрядов и подразделений... Все это объединялось в его сознании в замечательную эпопею пограничных частей, не посрамивших своего высокого звания в августе — сентябре 1941 года.

Он гордился, что пограничникам удалось сформировать три дивизии и отдельную погранбригаду, которые остановили захватчиков на самых опасных рубежах.

Бойцы 1-й дивизии, которой командовал полковник С. И. Донсков, разгрузились под обстрелом и сразу же вступили в бой. Первый полк пошел в наступление на Отрадное. Седьмой полк взял станцию Горы. Вторым полком трижды брал станцию Мга. В боях был убит командир полка майор Жеребцов, выбыло из строя 80 процентов личного состава.

5 сентября на дивизию перешел в наступление 39-й механизированный корпус немцев. Поредевшие батальоны и роты, которыми командовали уцелевшие младшие лейтенанты, не выдержали удара. Дивизия была разрезана надвое. 2-й и 7-й полки отошли в район Новой Ладоги, откуда 600 бойцов были перевезены под огнем кораблями Ладожской военной флотилии. 1-й стрелковый полк переправился на правый берег по железнодорожному мосту, который был тотчас взорван.

Часть подразделений и артиллерийский полк, приданный дивизии, отходили с боями по левому берегу реки в направлении Шлиссельбурга.

«Чтобы дать возможность частям дивизии переправиться на правый берег реки Невы на участке Марьино — Шлиссельбург, подразделения дивизии во главе с командиром дивизии полковником Донсковым продолжали вести упорные бои, особенно за 8-ю ГЭС и деревню Марьино, — вспоминал Г. А. Степанов. — Командир артиллерийского полка майор Буданов и сейчас на лице имеет шрам, полученный в штыковой схватке с противником».

8 сентября противник ворвался в Шлиссельбург. Но в тот же день было решено силами пограничников и одной артиллерийской батареи занять крепость «Орешек» и не дать немцам возможность переправиться и соеди-

ниться с финнами. Так началась героическая оборона «Орешка», неоднократно воспетая в романах, рассказах, очерках. Правда, Степанова огорчало то обстоятельство, что, изображая подвиги моряков-артиллеристов, писатели забывали о нескольких подразделениях пограничников из 1-й дивизии, которые составляли костяк гарнизона...

Но вернемся к боям у станции Мга. Немцы сделали попытку с ходу форсировать Неву. Г. А. Степанов писал об этом опасном для Ленинграда плане противника:

«Утром 31 августа 1941 года мне звонит по телефону член Военного совета обороны Ленинграда П. С. Попков и спрашивает меня:

— Известно ли вам, что в районе Ивановских порогов фашисты пытаются форсировать Неву? Что могут предпринять пограничники?

Я доложил, что таких данных не имею. Известно мне, что 1-я дивизия ведет тяжелые бои за станцию Мга. Попков подтвердил, что его сведения достоверны».

Генерал Степанов не располагал ни одной регулярной частью, все они были уже брошены в бой. Оставалось лишь пять истребительных батальонов. И хотя генерал впоследствии назвал их «полнокровными», боеспособность их оставляла желать лучшего. Они не были вооружены и обмундированы как следует, не говоря уже о нехватке опытных боевых командиров. Могли они занять позиции на правом берегу Невы и отразить попытки немцев форсировать реку?

Степанов действовал энергично. За шестнадцать часов (!) был создан сводный отряд под командованием полковника Лоскутова. Рабочие, служащие, ученые — бойцы отряда были одеты в военную форму, хорошо вооружены и поставлены под начало боевых командиров (до сих пор остается загадкой, где мог их взять Степанов в тех условиях). Городской Совет выделил автобусы...

«К утру 1 сентября 1941 года сводный отряд занял оборону... и выполнил задачу... О принятых мерах было доложено тов. К. Е. Ворошилову. Мероприятия были одобрены».

Если бы немецкие войска форсировали Неву и соединились с финнами, то вся оборона Ленинграда оказалась бы под угрозой (Степанов считал, что положение было бы «катастрофическим»). В ту же ночь на 1 сентября по приказу маршала Ворошилова и вице-адмирала Трибуца в район знаменитых Ивановских порогов было перебро-

шено Высшее военно-морское училище НКВД под командованием капитана 2-го ранга Садникова...

«Таким образом, правый берег Невы был прикрыт сводным отрядом истребительных батальонов, Высшим военно-морским погранучилищем НКВД, двумя эсминцами, 302-м дивизионом КБФ, 1-й дивизией НКВД, и они-то в боевом содружестве не допустили форсирования реки Невы... — писал Степанов. — В сентябре и октябре 1941 года на Невский участок были переброшены 265-я стрелковая дивизия, 86-я стрелковая дивизия, 20-я стрелковая дивизия НКВД, только что сформированная под командованием полковника А. П. Иванова...

О тяжелых, кровопролитных боях на «пяточке» у Невской Дубровки знают ленинградцы. Прорвать оборону немцев и соединиться с 54-й армией, наступавшей из района Волхова, не удалось. Но в результате активных действий на этом участке Ленфронта были скованы 8 немецких дивизий».

Любопытно, что всюду у Степанова слышны нотки «пограничного патриотизма». Всю жизнь он потом добивался, чтобы не был забыт ни один герой-пограничник. Собственно говоря, все соединения и части, которые перечисляет Степанов, впоследствии выходили из его подчинения, но он по-прежнему отечески опекал их, подбрасывал подкрепления.

— Удивительно, откуда он людей брал — по сотне прислал, — вспоминает бывший командир 20-й пограничной дивизии генерал-майор Александр Павлович Иванов. — Или вот в декабре сорок второго послали дивизию на прорыв блокады... У фронта получить автоматы для дивизии было трудно. Двадцать автоматов оставалось в резерве у Жданова. Их вручали дивизиям торжественно. А Степанов дополнительно подбросил нам семнадцать автоматов и три миномета. Откуда взял, неизвестно. «Бери, — говорит, — Саша!»

Откуда у начальника гарнизона Ленинграда могло появиться оружие — это понятно. Как-никак военных заводов в Ленинграде было много, и директора их предпочитали со Степановым дружить. Ну а что касается дружески ласкового «Саша», то с командиром дивизии у них были давние отношения. Еще когда Степанов учился в Высшей пограничной школе, Иванов в ней был начальником кавалерийского обучения. Сухому и быстрому Иванову массивный и степенный Степанов казался увальнем. «Тю-

фячок! Будь энергичней!» — кричал он в манеже. И они вместе, смеясь, вспоминали поучения Иванова:

— Конь должен тебя почувствовать. Конь требует энергичного человека. Ты ему покажи себя, настрой его, тогда он тебе подчинится...

Может показаться странным смех там, где каждый день гибнут люди, где живет сознание народного горя. И тем не менее жизнь брала свое. Смеялись, шутили...

На Карельском перешейке пограничные части к концу сентября 1941 года отступили на линию старой государственной границы и здесь стояли насмерть. Обороной руководил полковник Андреев, впоследствии ставший крупным военачальником, командующим Воронежским военным округом.

На участок Финский залив — Кайворово 13 сентября вышла только что сформированная 21-я дивизия войск НКВД, костяком которой стали окружные школы младшего комсостава погранвойск. Под командованием полковника Папченко двадцать дней и двадцать ночей отражала дивизия атаки противника.

Из 21-й дивизии генералу Степанову доставили письмо лейтенанта Ширяева: «Если погибну, отошлите письмо моей семье. Иду в бой, иду полный веры: враг будет уничтожен...»

Ширяев скончался от ран.

Из обращения начальника войск НКВД и начальника Политуправления войск НКВД от 29 сентября 1941 года:

«Вам, бойцам, командирам, политработникам войск НКВД, героическим защитникам города Ленина, наследникам — носителям прекраснейших традиций великого русского народа, его мужества, свободолюбия, его любви к жизни, презрения к смерти — передаем чекистский привет...»

Аполлонов, Мироненко.

С одной стороны, пограничники героически сражались на подступах к Ленинграду и заслужили благодарность командования и любовь народа. Но с другой...

По всем правилам в первые же дни войны в бой вступают регулярные армейские части, а пограничники при-

ступают к охране войскового тыла. Однако правила сочиняются в мирное время, и всякая новая война вносит свои коррективы. Пограничники на фронте не были смещены. «Это обстоятельство, — писал Степанов, — приковало погранчасти к обороне своих участков и лишило начальника войск охраны тыла основных его сил». Мало того, чрезвычайное положение на фронте заставило «затыкать» пограничниками прорывы, создать на основе пограничных частей три новые стрелковые дивизии.

И опять же это еще не все. 1000 добровольцев-пограничников были отобраны и посланы в немецкий тыл для организации партизанских отрядов...

«Таким образом, в начале войны и к моменту установления блокады Ленинграда значительных реальных сил в распоряжении начальника войск фактически не было», — продолжает Степанов.

И все-таки тыл Ленинградского фронта охранялся хорошо. Григорий Алексеевич Степанов настоял на том, чтобы ему оперативно подчинили военные училища Ленинграда и его пригородов. Начальники училищ стали начальниками девяти районов, объединив под своим командованием истребительные батальоны, войсковые части, части НКВД и милицию. Все парашютные и авиационные десанты противника уничтожались тотчас после высадки. Были взяты под контроль все дороги, исключены любые лазейки для вражеских лазутчиков и предателей Родины.

Немецкие разведывательные органы срочно готовили из жителей оккупированных областей шпионов, снабжали их взрывчаткой и радиостанциями и перебрасывали через линию фронта. Правда, подавляющее большинство новоспеченных «шпионов», попав в распоряжение советских войск, тут же интересовались, где находится комендатура, и отправлялись сдаваться. На допросах они объясняли, что шли в немецкие разведывательные школы только ради того, чтобы получить возможность попасть к своим. И это была правда.

«Немецкие разведывательные органы, — писал Степанов, — пытались направлять в Ленинград большими и малыми группами жителей из временно оккупированных районов под видом отпущенных «милостивым победителем» для распространения панических слухов и ведения агитации в пользу фашизма; они также пытались направ-

лять со шпионскими целями подростков и девушек, вербуя их среди жителей Ленинграда, не успевших вернуться в город с оборонных работ в предместьях».

Были среди тех, кого останавливали патрули и заставы, и враги. Пробираясь в Ленинград, такие во время налетов вражеской авиации подавали сигналы фонариками, собирали разведанные, совершали диверсии...

Под руководством Степанова в сентябре был разработан «план борьбы с проникновением вражеской агентуры в Ленинград и поддержания революционного порядка».

Финские войска вышли к берегу Ладожского озера с севера. С захватом Шлиссельбурга немцы вышли на берег Ладоги с юга. Ленинград был блокирован. Для подвоза провианта и боеприпасов оставался один путь — воды Ладожского озера, но и он был под контролем немецкой авиации.

Немецкие генералы рассматривали Ленинград в бинокли. Артиллерийские снаряды рушили дома на Невском проспекте. 12 сентября в Ленинград прибыл новый командующий — генерал армии Г. К. Жуков.

Волевой, целеустремленный, уже прославленный своими победами в войне с японцами и немцами, Жуков за короткое время изыскал в городе резервы, перевел часть войск с Карельского перешейка на самое опасное направление — у Пулковских высот и наконец, собрав в кулак 50 тысяч солдат, предпринял контрудар в направлении Колпино — Ям — Ижоры. Немецкое командование было вынуждено бросить в бой войска, готовившиеся прорвать оборону Ленинграда, и с этих пор навсегда потеряло наступательную инициативу.

Уже в начале октября Жуков был отозван под Москву, где началось наступление немецких войск. Под угрозой оказалась столица государства. Но у немецкого командования уже не хватило сил, чтобы завершить удар на главном направлении. Отчаянное сопротивление всюду дробило немецкие силы. Один Ленинград удерживал возле себя более чем трехсоттысячное войско.

Наступила зима. Гитлер окончательно отказался от мысли взять Ленинград штурмом. Он решил уморить его голодом, истерзать артиллерийскими налетами. Эта задача была возложена на генерал-полковника Кюхлера, который в 1940 году во главе 18-й немецкой армии взял

Антверпен. Закончил он войну на западе выходом к Падде-Кале у Дюнкерка.

Если в секретной директиве верховного командования германских вооруженных сил, известной под названием плана «Барбаросса», говорилось, что «лишь после обеспечения этой неотложной задачи, которая должна завершиться захватом Ленинграда и Кронштадта, следует продолжать наступательные операции по овладению важнейшим центром коммуникаций и оборонной промышленности — Москвой», — то уже в директиве немецкого военно-морского штаба от 29 сентября 1941 года мы читаем:

«Фюрер решил стереть город Петербург с лица земли. После поражения Советской России нет никакого интереса для существования этого большого населенного пункта. Финляндия также заявила о незаинтересованности в существовании города непосредственно у ее границы. Предложено тесно блокировать город и путем обстрела из артиллерии всех калибров и беспрерывной бомбежки с воздуха сровнять его с землей. Если вследствие создавшегося в городе положения будут заявлены просьбы о сдаче, они будут отвергнуты... С нашей стороны нет заинтересованности в сохранении хотя бы части населения этого большого города».

900 дней продолжалась блокада. По единодушному мнению историков, блокада Ленинграда и подвиг его защитников не могут идти ни в какое сравнение с теми осадами городов и крепостей, с теми страданиями защитников их, которые известны нам из прошлого.

Все, кто знал Григория Алексеевича Степанова, в один голос говорят о нем как о добром человеке и заботливом семьянине. Он тяжело переживал разлуку с женой и единственной дочерью. Часто писал им письма, жалуюсь в них, что ответы получает реже. В самые тяжелые дни сентября 1941 года он выкраивал время, чтобы написать письмо:

«...У меня пока все в порядке. Дома не бываю. Обстановка с каждым днем все обостряется. Ленинградцам придется здорово драться, чтобы отстоять свой город. Враг крепко поплатится. Ленинград не Париж. Будем драться до последнего.

Возможно, что связи не будет — письма посылать бу-

дет трудно. Прошу не беспокоиться. Воспитывай нашу славную дочурку. Береги себя. Только ты можешь ей сейчас помочь, воспитать ее патриоткой нашей Родины...

Наверное, Неленька уже пошла в школу. Как хотелось бы ее увидеть...

Моя дорогая доченька, как ты себя чувствуешь? Хорошо ли учишься? Думаю и надеюсь, что ты будешь учиться так же хорошо. Воспитывай в себе ненависть к фашистам. Это они виноваты, что мы разлучены. Мы все должны жить одной мыслью — уничтожить самого страшного врага.

Мужайся, моя дорогая дочурка. Не забывай папу. Я всегда с тобой. Помогай маме чем можешь...»

Слова эти, обращенные к девятилетней девочке, совсем не покажутся выпенными и нарочитыми, если вспомнить обстоятельства, в которых они писались. В тот тяжкий 1941 год Степанова не покидала уверенность в победе. Но он понимал, что избавление от беды потребует больших жертв. Свою судьбу он не мог отделить от судьбы Родины. Свое счастье он ставил в зависимость от общего счастья. В том же году он писал дочери: «Надо все перенести. Разобьем фашистов и тогда счастливо заживем». Именно в этом видны черты поколения, выдержавшего величайшее испытание в истории...

Дочери Степанова было столько же лет, сколько Тане Савичевой, которая за несколько месяцев блокады похоронила всех своих родных, а потом и сама утасла от истощения. Записная книжка, в которой Таня отмечала даты смертей, стала ныне символом и мерой мук миллионов ленинградцев.

Генерал в отставке Георгий Васильевич Денисов, который всю войну был военным комендантом Ленинграда и по долгу своей нелегкой службы почти каждый день виделся с начальником гарнизона осажденного города генерал-лейтенантом Степановым, вспоминает, что к началу блокады в северной столице было более трех с половиной миллионов человек. В первые месяцы войны они со Степановым не раз объезжали улицы и площади, на которых таборами жили беглецы из Карелии и Прибалтики. С жизнью под открытым небом мирились, так как было тепло. Но есть хотели все. Военным тогда приходилось принимать странные решения. Военкомы раздавали деньги семьям военнослужащих прямо из мешков и уговаривали эвакуироваться. Но никто не хотел уезжать из

Ленинграда — никто не верил в длительность гитлеровских успехов. Среди первых жертв голода были женщины...

Голод, голод! Когда загорелись Бадаевские склады, когда немецкие самолеты волна за волной все сыпали бомбы в пожар, когда по улице текла река расплавленного и горевшего сахара, Степанов сжимал в ярости кулаки... Не он отвечал за продовольствие, не он оказался непредусмотрительным и позволил немцам одним ударом обречь город на голод, но от этого не становилось легче.

125 граммов липкого и несытного хлеба получали в день ленинградские дети. 300 граммов в день — таков был рацион подчиненных Степанова, несших патрульную службу в городе. Всякий месяц в частях НКВД от 500 до 1000 человек заболели дистрофией. Во фронтовых частях хлебная норма была больше.

Какие неожиданные ситуации создавал голод! Неземный степановский шофер Саша Гусев стал пухнуть от голода и уже был близок к смерти, когда генерал спас его, послав... на фронт. В войсках иногда давали несколько кусочков сахара или комочек масла. Те, у кого были семьи в городе, не ели сахар, а относили его при случае детям. По этому поводу в частях устраивали собрания и решали, кому съесть сахар... Кто должен жить — боец или дети? Об этом писать и даже думать больно. Голод иногда толкал на преступление, и он же рождал подвижников, выявлял самое светлое в человеке, побуждал к самопожертвованию...

В Ленинграде не было электричества, не работал водопровод. В ледяных квартирах, спалив в печках последнюю мебель, умирали десятки тысяч семей. Транспорт не работал. По завьюженным, обледенелым улицам истощенные ленинградцы брели на работу и с работы многие километры. Брели с сашками за водой к прорубям. Брели с санками, на которых лежали тела близких. Люди умирали прямо на улицах. Грузовики ежедневно объезжали город, собирая трупы. Взрывали землю и хоронили в братских могилах людей, не зная даже их имен...

В северной части города есть памятник, о котором говорят — пусть никогда больше не будет поводов ставить такие памятники. Это Пискаревское кладбище. Весной 1942 года на это ныне красиво устроенное место приехали генерал Степанов и комендант города полковник Денисов.

— Идем, — рассказывает Денисов, — а из-под земли торчат руки. Солнышко уже припекает, и по рукам мухи ползают. Сотни тысяч трупов едва присыпаны лежат. Сил ни у кого не было хорошо засыпать. Степанов встревожился — скоро совсем тепло будет, все разлагаться начнет, эпидемии пойдут... Срочно доложил Кузнецову. Приняли меры...

Это случилось летом 1942 года, когда полегчало немного и появилась возможность у жены с дочкой приехать в Ленинград. Обрато Степанов провожал их сам, так как с членом Военного совета летел в Москву на совещание. Погоды не было. Шесть часов проблуждал самолет в воздухе, летчик не знал точно, над чем летит. Бензин был на исходе, решили приземлиться. Все привязались ремнями. Степанов сказал Валентине, что если сядут на немецкую территорию, то он застрелит ее и дочку, а потом и сам... Сели в трех километрах от переднего края, у своих.

Этот случай характерен для Степанова: компромиссов для него не было. И в то же время все отмечают его такт, дипломатичность, нежелание обострять отношения там, где не было на то особой нужды. Не любил он и чрезмерной командирской лихости, которая граничит с пренебрежением человеческой жизнью. Ветераны вспоминают случай, когда он встретил подразделение, которое лихой старшина вел под артобстрелом в... баню. Солдаты на всю жизнь запомнили, как генерал приказал отвести людей в укрытие и отчитал старшину...

В начале 1942 года Степанов начал формирование пограничных полков из остатков погранотрядов, которые выходили из боев. Этим полкам постепенно передавались функции охраны войскового тыла.

Особенно важная задача была возложена на 104-й и 105-й пограничные полки.

Даже «сто двадцать пять блокадных грамм с свинцом и кровью пополам» не выдавались бы, если бы не была создана известная ныне всем и каждому «Дорога жизни». Хлеба оставалось в городе на десяток дней, когда на лед Ладоги вышли разведывательные группы. Они нашли трассу через озеро, которая шла от мыса Осиновец на остров Зеленец, а оттуда на Кобону и Лаврово. И уже 22 ноября 1941 года, когда толщина льда едва достигла

13 сантиметров, по льду пошли первые машины. Они везли хлеб, они проваливались под лед, их расстреливала и бомбила немецкая авиация. Но они шли и шли. Машины ремонтировались на льду, под ураганным ветром.

Ледовую трассу охраняли пограничные полки. «Дорога жизни» сразу же оказалась под пристальным вниманием немецкой разведки. Едва ли не половина вражеских лазутчиков, пробиравшихся в Ленинград, была поймана на Ладого.

«Ежесуточно через КПП следовали 3—3,5 тысячи автомашин с грузами и до 8—9 тысяч эвакуированных... — писал впоследствии Степанов. — Всего за период действия зимней трассы 1941/42 года через КПП Ладожского озера проследовало до 500 000 эвакуированных, причем наибольшая часть из них приходилась на февраль, март и апрель месяцы 1942 года».

Пограничники не только охраняли ледовую трассу. Их автоколонна доставила в город более тысячи тонн продовольствия.

Общепризнано, что знаменитое снайперское движение зародилось в частях по охране тыла Ленинградского фронта. Разумеется, снайперы были и прежде, но именно генерал Степанов увидел, что мастеров меткого огня можно воспитывать сотнями, что этому делу можно придать большой размах. И в самом деле, ленинградский почин был подхвачен войсками НКВД, а потом и всей армией.

Степанов считал, что первым знаменитым снайпером среди пограничников был Михаил Миронов. С упорством таежного охотника он выслеживал и подстреливал врагов. Его последователями стали знаменитые снайперы, впоследствии Герои Советского Союза старшина Иван Вежлицев и красноармеец Петр Галиченков.

Галиченков как-то сутки просидел в разбитом, промерзшем танке, без хлеба и воды, но добился своего — дождался появления немецкой автоколонны, подбил зажигательной пулей мотор головной машины и хладнокровно перестрелял семерых гитлеровцев...

Когда же появились сотни и сотни снайперов, каждый из которых имел по сотне гитлеровцев на своем счету, это производило впечатление грозное. Начальник войск НКВД генерал-майор Аполлонов в специальных приказах отмечал заслуги ленинградцев-пограничников, только за

полгода истребивших из снайперских винтовок до 30 тысяч захватчиков. То ли в качестве курьеза, то ли как пример находчивости он привел в обзоре случай со снайпером 108-го погранполка охраны тыла Ленинградского фронта Кузько, который «однажды в оптический прицел заметил, как немец лежа отрывал ячейку, голова была спрятана, а зад виднелся. Кузько решил уничтожить фашиста и применил для этого оригинальную хитрость. Он выстрелил в зад немца, ужаленный пулей гитлеровец приподнялся. А это только и нужно было Кузько. Второй пулей фашист был прикончен».

Юмор юмором, а дело это было серьезное. Если полистать солдатские газеты Ленинградского фронта, выходявшие в 1942 году, то можно увидеть, какую громадную работу проделал генерал Степанов, популяризуя снайперское движение. Он собирает слеты снайперов, награждает лучших великолепным оружием, вникает в каждую мелочь снайперских боевых будней.

В январе 1943 года войска Ленинградского и Волховского фронтов прорвали немецкую оборону и потеснили немецкие войска от берегов Ладожского озера. Появилась возможность увеличить приток продовольствия в город. Меньше чем за полмесяца была проложена железная дорога. За девять суток сооружен 1300-метровый железнодорожный мост через Неву. По ночам с интервалом в пять минут стали ходить поезда. Окончательно же блокада Ленинграда была снята в январе 1944 года, когда наши войска под руководством генерала Говорова, перейдя в наступление из районов Пулкова и Ораниенбаума, совместно с Волховским и 2-м Прибалтийским фронтами окончательно разгромили северную группировку немцев.

27 января небо над Ленинградом окрасилось фейерверком. Был дан салют двадцатью четырьмя залпами из 324 орудий.

Генерал Степанов уже готовил своих людей к восстановлению границы. В мастерских заготавливали полосатые столбы, портные в частях получали заказы на зеленые фуражки, офицеры изучали пограничные инструкции...

И как только летом 1944 года Финляндия объявила о своей капитуляции, пограничные полки, делая за сутки по 40 километров, марш-броском вышли на границу.

К финской военщине отношение Степанова было са-

мое суровое. Если читатель помнит, как перед самой войной Степанов покинул заседание пограничной комиссии в Иматре из-за антисоветских выпадов полковника Вилламо и Инкала, то он без удивления узнает, что председатель Контрольной комиссии А. А. Жданов потребовал удаления из пограничной стражи этих самых полковников, что и было немедленно сделано.

Когда журналист, приезжая в какой-нибудь пограничный отряд, узнает, что задержаний нарушителей в нем мало, то он разочарованно крутит головой. А напрасно. Враг обычно стремится пройти там, где служба поставлена плохо. И если это опытный враг, то он заранее знает, где ему переходить границу. После войны пограничная служба в Ленинградском округе была поставлена образцово.

В 1950 году генерал Степанов ушел в отставку.

Но и после своей отставки Григорий Алексеевич жил напряженно, в полном сознании того, что его опыт нужен Родине, подрастающему поколению. Он выступал в школах, писал статьи, заботился о сохранении памяти героев войны, рецензировал военные труды... Смерть застала его в поездке. Он умер в поезде Ленинград — Москва 5 июня 1963 года.

Дмитрий Жуков

Первая встреча с человеком выдающимся надолго остается в памяти. Именно такой была для меня встреча с генералом Кузьмой Романовичем Синиловым осенью 1940 года в затеряншемся среди заполярных сопок небольшом поселке Конец Ковдозера. Там размещалась школа сержантского состава пограничных войск Мурманского округа, которым командовал К. Р. Синилов. Генерал с группой командиров штаба и политотдела округа приехал в школу для проведения выпускных экзаменов.

Подготовке сержантов Кузьма Романович, сам в прошлом младший командир, уделял особое внимание. Завтрак, завтрак, а в семь тридцать каждый из нас уже был на своей точке: кто в классе, кто на учебной границе или тактическом поле, кто на стрельбище. В середине дня часовой перерыв на обед, и снова занятия. Вечера проходили в оживленных беседах, которые иногда затягивались далеко за полночь. Генерал обычно вел беседу стоя, прислонившись спиной к теплой голландке.

Выше среднего роста, крепкого телосложения, с крупными чертами лица, прямым и открытым взглядом, Синилов говорил всегда интересно, точно формулируя свои суждения. Генерал любил вспоминать годы гражданской войны и службы на Дальнем Востоке.

Рассказы Кузьмы Романовича, дополненные материалами из архивов и воспоминаниями сослуживцев, и легли в основу данного очерка.

Кузьма Романович Синилов родился 1 мая 1902 года в семье русского крестьянина-бедняка в селе Бывальки Лоевской волости Речыцского уезда Гомельской губернии. Семья, состоявшая из семи человек, имела всего полторы десятины земли: полдесятины пахотной и десятину сенокосных угодий. Сена едва хватало, чтобы прокормить зиму лошадь и корову. Своего хлеба едва доставало до рождества. Потому отец Роман Синилов и старший брат Вик-

тор, как только начинала звенеть весенняя кашель, уходили из деревни на заработки — сплавливать лес.

Лес сплавливали по малым рекам к их устьям на Березину или Припять, здесь вязали плоты, а затем гнали их на Днепр и далее вниз по Днепру, иногда до самого Киева. Возвращались в деревню обычно поздней осенью. Если в иной год освобождались от сплавных работ пораньше, шли работать на соседний черепичный завод.

В летнюю страдную пору с деревенским хозяйством управлялась мать. Она сама пахала землю, сеяла рожь и овес, косила сено. В полевых работах ей помогали малолетние дети — Кузьма и Мария. Зимой Кузьма учился в трехклассной сельской школе. Все три класса в ней вел один учитель. В девять лет паренек уже батрачил у местных кулаков. Сначала пас скот, а когда подрос, стал пахать землю, косить траву, молотить на току, рубить деревья в лесу. Взрослых батраков в ту пору на селе почти не осталось, их мобилизовали в армию — шла первая мировая война.

В 1916 году у Лоева началось строительство деревянного моста через Днепр. На стройку согнали сотни местных жителей. В их числе оказался и Козьма (так его звали в деревне) Синилов — рослый, физически крепкий четырнадцатилетний подросток. Возил на тачке грунт для насыпи, подносил бревна и доски.

На строительстве моста Кузьма Синилов проработал до поздней осени семнадцатого года. Этот период сыграл в его жизни очень большую роль. Юноша познал, что такое совместный труд, встретил много новых для себя людей — городских мастеровых. От некоторых из них услышал смелые речи: о том, что надо покончить с войной, сбросить царя и помещиков, землю отдать крестьянам, а фабрики и заводы — рабочим. Здесь, на стройке, Кузьма узнал о свержении самодержавия, а затем и о том, что в Петрограде рабочие, матросы и солдаты взяли власть в свои руки, создали новое, рабоче-крестьянское правительство во главе с Лениным.

С этой радостной вестью на «введенье, когда ломает леденье», юноша вернулся в родное село. «А кто такой Ленин?» — спрашивали его друзья, деревенские парни. Что он мог ответить? И сам-то толком не знал, кто такой Ленин, кто такие большевики.

Вскоре до деревни дошли слухи, что в Речицу, да как будто бы и в Лоев пришли немцы, отбирают у крестьян

скот и хлеб, отправляют в голодную Германию. Мужики заволновались и, когда пришла весна, решили угнать скот в лесные урочища, чтобы не достался немцам. Пастбищное стадо поручили нескольким молодым парням, в том числе и Синилову.

Вернулся Кузьма со стадом в село перед первым снегом. К тому времени солдаты-фронтовики организовали здесь группу самообороны для охраны села и защиты крестьян от грабежей немецких реквизиционных отрядов. Кузьма вступил в отряд. Ему выдали винтовку-драгунку и пятнадцать патронов, стали, как и других, посылать на дежурство, по-военному — «в наряд». Не имея теплой обуви и одежды, Кузьма изрядно, особенно по ночам, мерз в нарядах за околицей села, но терпел, чем снижал уважение бывалых солдат, хвативших немало лиха за четыре года окопной жизни.

Уважал юношу и командир отряда, бывший солдат-пулеметчик, почему и доверил ему однажды важное задание: «сбегать» в Лоев (это в два конца пятьдесят верст!), разыскать там по указанному адресу Савельева Семена, получить от него инструкции и вернуться обратно.

Предупредил: это не простая прогулка, а выполнение ответственного поручения. Тут нужны выдержка, осторожность, хитрость. Главное — не попасть в руки немцев. Еще объяснил, что посылает его, а не более опытного солдата, потому что шестнадцатилетний юноша будет вызывать у немецких патрулей меньше подозрений, чем взрослый мужчина.

Выучив назубок «легенду» и пароль, Кузьма Синилов, обутый в лапти, одетый в колушюк с чужого плеча, с деревенской котомкой затемно отправился в Лоев.

За время работы на строительстве моста Кузьма хорошо узнал город и без труда нашел старый домишко на Церковной улице. На условный стук в окно, выходящее во двор, ему отворила дверь молодая девушка. В сенях Кузьма спросил:

— Могу я повидать тетку Феклу из Чернигова?

— Тетка уехала в Гомель.

— А кому можно передать деревенский гостинец для нее?

— Мне, я ее племянница Фрося, — сказала девушка, впервые улыбнувшись. Улыбнулся и Кузьма. Оба были рады, что не перепугали слова пароля.

Фрося, поправив накинутый на плечи платок, откры-

ла дверь в правую половину дома и провела Кузьму в просторную комнату. Сказала:

— Подождите здесь, я сейчас вернусь, — и исчезла.

Повесив котомку на крюк, торчавший в стене у входа, Кузьма, боясь наследить на чисто вымытом полу, присел на конец широкой лавки. Через несколько минут дверь открылась, вошла Фрося, а следом за ней голубоглазый молодой блондин с прической на косой пробор. Одет он был во френч с накладными карманами. А обут... Вот обувь-то его и поразила Кузьму настолько, что он, уставившись на ноги молодого человека, едва не забыл, для чего пришел. Между тем на Семене Савельеве (это был именно он) были всего-навсего обыкновенные, но раньше Кузьмой не виданные, обмотки...

— Вот товарищ, — сказала Фрося, обращаясь к Савельеву, — принес деревенские гостинцы тетке Фекле.

— От кого гостинцы? — строго спросил тот Кузьму.

— От Ивана-пулеметчика. Он наказал мне: сходи, Кузьма, в город, встретишься там с хорошими людьми и принесешь от них инструкции. Так что, Семен, давай инструкции. — И он полез за своей котомкой.

Фрося так и прыснула смехом. Улыбнулся и Савельев:

— Инструкции, говорись... А у тебя память хорошая?

— Учитель говорил, что хорошая.

— Тогда слушай и запоминай, что передать Ивану-пулеметчику. Только ему, и никому другому. Понял?

На следующий день, вернувшись в Бывальки, Кузьма докладывал командиру:

— Семен просил запомнить и передать тебе, что скоро погонят немца. По приказу Центрального ревкома в зоне, как ее...

— Нейтральной, — подсказал Иван.

— ...Вот-вот, нейтральной, формируются дивизии из украинских и белорусских повстанцев. Красная Армия уже наступает на Чернигов. Скоро начнется наступление и от Гомеля. Отряды самообороны должны препятствовать немцам вывозить хлеб, скот, лес. Семен сказал, что надо устраивать засады на дорогах, готовить самооборонцев к открытому вооруженному выступлению. Наш отряд должен будет прибыть в Лоев, в какой день — Семен известит. Сказал, что все время надо быть в готовности...

Ночью отряд самообороны села Бывальки ушел в Ло-

ев. Кузьму, однако, Иван-пулеметчик с собой не взял. Объяснил почему:

— Куда ты, разутый и раздетый, пойдешь в мороз?

Как ни горько было Кузьме, но, что поделаешь, пришлось ему остаться дома. Через неделю он узнал, что отряд влился в часть Красной Армии и ушел на фронт.

«Только с наступлением тепла, весной 1919 года, — писал Кузьма Романович позднее в автобиографии, — полуголый и босиком ушел добровольно в Красную Армию и вступил в отдельный батальон Особого корпуса войск Всеукраинской Чрезвычайной Комиссии».

Мечта осуществилась. Вчерашний батрак Кузьма Спнилов стал бойцом Красной Армии. Первый месяц молодой красноармеец учился ходить в строю, не сбиваясь с ноги, разбирать и собирать винтовку, стрелять, действовать штыком и прикладом, бросать гранату в цель.

Времени на изучение военного дела не хватало. Красноармейцы занимались отрывками между облавами на бандитов и патрулированием по ночным улицам города.

Быстро пролетела весна с буйным цветением садов. Наступило знойное грозное лето, лето тревожного, трудного для страны девятнадцатого года. Почти каждую ночь сигнал боевой тревоги поднимал батальон в ружье. Вскочив с нар, Кузьма и его товарищи в считанные минуты натягивали гимнастерки и шаровары, обматывали ноги некогда так изумившими его обмотками, ныряли в скатки шинелей, на ходу выхватывали из пирамид винтовки и подсумки с патронами, мчались во двор на построение.

Раздается негромкая четкая команда, и колонна через распахнутые ворота втягивается в тихую, сонную улицу, залитую бледным светом месяца...

Боевое крещение красноармеец Кузьма Синилов принял в схватках с петлюровцами, кулацкими мятежниками из банд Ангела и Зеленого. Особенно трудными были бои в Бахмачском районе, где появились банды численностью до трех тысяч человек. Уже тогда Синилов зарекомендовал себя храбрым и решительным солдатом.

В конце июля, когда на Украину двинулись денкинские дивизии, чекистский батальон был направлен на фронт. В тяжелых оборонительных боях с белогвардейцами вновь отличился Кузьма Синилов. За смелость

и сметку он был назначен помощником командира взвода.

В сентябре 1919 года батальон вошел в состав 2-го пластунского полка 44-й стрелковой дивизии. В новых боях с денкинцами Синилов уже командует взводом. В октябре семнадцатилетнего комвзвода коммунисты полка приняли кандидатом в члены партии большевиков.

Прошло немногим более месяца, и в жестоком бою на реке Остер под Козельцом белогвардейская пуля, ударив в правый бок, вывела отважного командира взвода из строя. Больше всего огорчало, что расставался с полком, не успев получить партийный билет.

Больше месяца пролежал Кузьма Синилов в черниговском госпитале.

И снова экспедиции в уезды, погони за бандами, ликвидация петлюровско-белогвардейского охвоста. Весной 1920 года Кузьма Синилов в составе чекистского батальона участвовал в боях против белополяков на Мозырском направлении и отличился.

Уже летом командир батальона, в прошлом балтийский моряк, пригласил Кузьму в свою землянку для серьезного разговора. Комбат повел речь о том, что хотя белополяков и погнали из Киева, но воевать еще придется за Советскую власть долго и на западе, и на юге, и на востоке, что Красной Армии нужны свои кадровые командиры из рабочих и крестьян. Вначале Синилов не понял, к чему клонит комбат, но, когда тот сказал, что есть возможность отправиться учиться на командные курсы, с радостью согласился.

Через десять дней он уже был зачислен на Вторые Московские пехотные курсы. А 30 июля того же 1920 года Краснопресненский райком РКП(б) принял курсанта Кузьму Романовича Синилова в члены партии.

Шесть месяцев напряженной учебы пролетели быстро. Приближался выпуск курсантов, назначенный на 23 февраля 1921 года — День Красной Армии. Но накануне этого события Кузьму Синилова в числе других курсантов-фронтовиков, коммунистов откомандировали для продолжения учебы в Первую советскую объединенную школу РККА имени ВЦИК.

Большинство кремлевских курсантов были, как и Си-

нилов, молодыми людьми, коммунистами и комсомольцами, прошедшими школу фронтов гражданской войны.

Из новых товарищей Кузьма особенно сдружился с Георгием Сурженко и братьями Черновыми — Иваном, Константином и Михаилом. Все трое, даже самый младший, семнадцатилетний Михаил, участвовали в боях против Деникина и Врангеля, все трое были ранены. Вместе с сыновьями приехал в Москву их отец, шестидесятилетний рабочий-железнодорожник, также участник гражданской войны. Чернов-старший стал работать в школе уборщиком артиллерийских лошадей. Этот пример характерный. Героическая биография была за плечами почти каждого кремлевского курсанта.

Условия для занятий в школе были гораздо лучше, чем на курсах. Классы были хорошо оборудованы, учебные пособия имелись в достаточном количестве. Школа располагала собственным клубом имени Я. М. Свердлова, расположенным в здании бывшего Малого Николаевского дворца. Здесь работали многочисленные секции. Курсант Синилов регулярно посещал занятия телефонно-телеграфной секции, где с увлечением мастерил детекторные радиоприемники, подолгу возился с полевыми телефонными аппаратами, участвовал в самодеятельном хоре. У него был приятный, красивый голос. Большим праздником для себя считал, когда удавалось побывать в Большом театре или на концерте в консерватории. И сам Кузьма любил петь, был ротным запевалой. Младшая дочь Синилова, Галина Кузьминична, вспоминает, что первое, что она помнит из своего детства на Дальнем Востоке, — это песни отца. «Он знал и любил музыку, и сам любил петь — народные песни, арии из опер. И как-то даже сказал, что, если бы его молодость пришлось на другое время, он, вероятно, стал бы певцом».

Наряду с военными дисциплинами курсанты изучали и общеобразовательные: русский язык, математику, географию, историю, обществоведение. Для курсантов, которые, подобно Синилову и братьям Черновым, владели грамотой самое большее в объеме трех классов, это было просто необходимо.

Кузьма оказался курсантом упорным и трудолюбивым. Чтобы восполнить нехватку общего образования, он все свободные часы (а их было мало, много времени за-

нимала караульная служба, кавалерийская подготовка и уход за лошадью) отдавал занятиям по русскому языку и математике с добровольными «репетиторами» — «более грамотными товарищами».

Учение продвигалось успешно. Осенью 1922 года Спилюв был переведен из младшего в среднее отделение.

В архивах сохранилась ведомость оценки знаний курсантов за тот год (оценки выставлялись по трехбалльной системе, то есть «неудовлетворительно», «удовлетворительно» и «хорошо»). В ней есть и такие строки: «Курсант 5-го младшего взвода 2-го эскадрона кавдивизиона Синилов Кузьма: топография — хорошо, фортификация — удовлетворительно, артиллерия — хорошо, уставы и наставления — хорошо, пулемет — хорошо, русский язык — удовлетворительно, математика — хорошо, география — хорошо, обществоведение — хорошо».

Дисциплинированный, примерный в учебе, умеющий дорожить каждой минутой учебного и свободного времени, курсант был в конце первого учебного года назначен старшим по классу. Партийная организация кавалерийского дивизиона рекомендовала «курсанта Спилюва К. для несения караульной службы на наиболее ответственных постах охраны Кремля», в том числе и на посту № 27, у квартиры Владимира Ильича Ленина.

Однажды, беседуя с нами в Конце Ковдозера, Кузьма Романович рассказал о том, что ему довелось не раз стоять на посту у квартиры Ленина, видеть Владимира Ильича и даже разговаривать с ним. Нам, молодым людям, знавшим Ленина лишь по книгам и портретам, конечно же, было интересно услышать о великом вожде от человека, помнившего его живым. Уступив нашим настойчивым просьбам, Кузьма Романович стал рассказывать:

— Когда шел впервые часовым на пост № 27, то очень волновался. Пост этот помещался в конце сводчатого коридора. Сменил я прежнего часового и остался один. А мозг сверлит одна мысль: узнаю Ленина или нет. До этого видеть мне его не пришлось, позже-то встречал не раз. Прошло полчаса, может, более. Вижу, появился и идет по коридору среднего роста, коренастый, рыжеватый человек в темном костюме, при галстукке. Быстро так идет. Подошел, говорит:

— Здравствуйте, товарищ.

Показывает пропуск и спрашивает:

— Первый раз на этом посту?

— Первый, — говорю, — товарищ Ленин.

В другой раз Ленин, поздоровавшись — а он всегда здоровался с часовыми, — остановился и спросил:

— Как учитесь, товарищ?

— Стараюсь не отставать, хотя и трудно мне, Владимир Ильич.

— А почему трудно?

— Общих знаний мало, образование-то три неполных класса сельской школы.

— Так вы из крестьян? Откуда прибыли?

— Гомельской губернии Речицкого уезда.

Ленин заинтересовался, что пишут из деревни. Я рассказал. Владимир Ильич поблагодарил, а прощаясь, ободрил меня: трудностей в учебе не бойтесь, было бы желание учиться... На всю жизнь запомнил эти слова.

Кузьма Романович замолчал. Его скуластое лицо осветилось доброй улыбкой, казалось, что он прислушивается к ему одному слышному голосу Ленина. После длительной паузы генерал продолжил рассказ:

— Несмотря на свою занятость, Владимир Ильич не раз заходил к нам в общежитие. Всегда жизнерадостный, приветливый. Беседовал с курсантами, любил расспрашивать, что пишут наши родные, интересовался, как идут занятия, следил, как мы питаемся... Да... Великий и простой человек был Ленин.

Школа дала Синилову военные знания и командирские навыки. Ответственная караульная служба в Кремле помогла выработать бдительность, дисциплинированность, постоянную собранность. Политическому развитию способствовали встречи с видными деятелями Коммунистической партии и Советского государства И. В. Сталиным, М. В. Фрунзе, М. И. Калининым. С. С. Каменным и другими, выступавшими перед курсантами с докладами.

После смерти Ленина в знак глубокого уважения к памяти Владимира Ильича в курсантском клубе была создана ленинская комната — первая в Красной Армии. Эта инициатива кремлевских курсантов была поддержана Московским комитетом партии. По примеру москвичей ленинские комнаты стали создаваться во всех частях и подразделениях Красной Армии и Красного Флота.

Уже много лет спустя, став начальником пограничных войск округа, генерал Синилов, приезжая на заставу или в подразделение, первым делом шел в ленинскую комнату, интересовался политической работой в ней, высказывал практические советы, заботился об обеспечении застав политической литературой, произведениями В. И. Ленина, бумагой, красками и т. п. Случалось, что он журил политработников за недостаточное внимание к ленинским комнатам. Ленинская комната, часто повторял генерал, — это лицо заставы, показатель заботы командиров о политической работе в подразделении.

В 1924 году по возвращении курсантов из лагерей состоялись выпускные экзамены. Кузьма Синилов закончил школу по первому разряду. По случаю выпуска красных командиров состоялся парад школы на Красной площади. Принимал парад председатель ЦИК М. И. Калинин, тепло поздравивший выпускников. В своем напутствии красным командирам Михаил Иванович сказал:

— Ни дальность расстояния, ни препятствия к общению, ни ваши личные интересы не помешают вам всегда помнить свою товарищескую среду объединенной школы. Мысль, что вы служите мировому пролетариату, будет всегда вас объединять, даст вам возможность, где бы вы ни были, сознать себя членами пролетарской семьи. Привет вам, молодые красные командиры!

Кузьму Синилова особенно тронули слова «ни дальность расстояния» и «где бы вы ни были». Ему казалось, что с этими словами Калинин обращается лично к нему, красному-коммунисту Синилову, получившему назначение на Дальний Восток.

Печатая шаг, с винтовками наперевес прошли кремлевские курсанты перед Мавзолеем Ленина, давая безмолвную клятву вождю беззаветно служить народу, не бояться трудностей, отдать все свои силы, а если понадобится, то и жизнь во имя победы коммунизма.

Через несколько дней пассажирский поезд увозил молодого краскома на недавно освобожденный от белогвардейцев и японских оккупантов советский Дальний Восток. За две недели пути по необъятным просторам Родины за окнами промелькнули суровый Урал, бескрайние степные просторы и нескончаемые таежные леса Сибири, красавец Байкал, величавые сибирские реки. Миновав

Амур, поезд больше суток пробирался через уссурийскую тайгу. Кузьме Синилову предстояло служить в 9-й отдельной Дальневосточной кавалерийской бригаде.

Первое время он командует каввзводом, а затем назначается командиром взвода связи 86-го Новозаволжского кавалерийского полка. Службу молодой краском несет старательно, и уже в первой аттестации, составленной 15 октября 1925 года, было записано, что командир взвода Синилов «подлежит выдвижению на должность командира эскадрона». Комбриг Максим Петрович Магер, утверждая аттестацию, приписал: «продвинуть на должность ком. эскадрона вне очереди».

Синилову приглянулась стройная смуглая девушка Рая Бондарь. Подтянутый краском-кавалерист и Рае пришелся по душе. Молодые люди полюбили друг друга. Кузьма стал навещать домик в пристанционном поселке, познакомился с отцом Рае и братьями, работавшими на железной дороге. С доброго согласия родных Кузьма и Рая в 1925 году поженились. За свадебным столом Синилов, чтобы не обидеть родственников невесты и гостей, выпил единственную в своей жизни рюмку разведенного спирта. До и после свадьбы он никогда не пил ничего спиртного и не курил.

В декабре 1927 года Кузьму Синилова назначают командиром эскадрона 81-го Забайкальского полка той же бригады. Забот и хлопот по службе разом прибавилось.

Раиса Федоровна, как и все жены командиров, знала, что если муж без предупреждения не вернулся к ночи домой, значит на границе беспокойно, значит эскадрон, а то и весь полк по тревоге ушел в поход.

Боевая и политическая учеба, долгие переходы по уссурийской тайге, стремительные погони и жестокие схватки с нарушителями границы — таковы были служебные будни кавалеристов-дальневосточников. В них закалялась воля Синилова, оттачивалось его воинское мастерство. В очередной аттестации командир полка отмечает, что «тов. Синилов в походах вынослив», что «эскадрон Синилова — один из лучших в бригаде».

В ноябре 1928 года К. Р. Синилов «за достижения в боевой подготовке эскадрона, проявленную инициативу и смелость в боевых операциях» был удостоен своей первой награды. Ему вручили почетное боевое оружие — пистолет системы «маузер».

Новый, 1929 год принес дальневосточникам новые тревоги и заботы. Резко возросла активность окопавшихся в Маньчжурии белогвардейских организаций, участились нарушения советской границы. При прямом попущительстве и даже при непосредственном содействии китайских властей белогвардейцы систематически обстреливали наши погранзаставы и приграничные поселки. Обострилась обстановка на Китайско-Восточной железной дороге, находившейся в совместном управлении китайской и советской администрации. Все говорило о том, что китайские милитаристы готовят крупную провокацию.

Весной подталкиваемое международными империалистами китайское Центральное (Накинское) и Мукденское генерала Чжан Цзо-лина правительства предприняли уже открытые враждебные действия против СССР. 27 мая, грубо нарушив международное право, китайская полиция совершила налет на генеральное консульство СССР в Харбине, а в июле китайские власти, подстрекаемые Англией и другими империалистическими державами, захватили Китайско-Восточную железную дорогу. Управляющий и ряд ответственных работников КВЖД были высланы из Маньчжурии, рядовые советские служащие и рабочие арестованы и брошены в концлагеря, некоторые зверски убиты.

14 июля в советской печати была опубликована нота Народного комиссариата иностранных дел СССР, в которой наряду с сообщением о провокациях на КВЖД говорилось, что «получены сведения о сосредоточении вдоль советских границ маньчжурских войск, которые приведены в боевую готовность и пододвинуты к самой границе».

Теперь китайские части и белогвардейские отряды начали уже открыто нападать на советские пограничные заставы, обстреливать дозоры и мирных жителей. На приморском участке границы провокации совершались особенно часто близ станции Пограничная и озера Ханка.

Советское командование вынуждено было принять меры для отражения и пресечения опасных, чреватых серьезными международными последствиями провокаций.

По приказу командования 9-я Дальневосточная кавбригада к исходу дня 19 июля сосредоточилась в городе Никольск-Уссурийском, важном стратегическом пункте

Приморья. Поздним вечером комбриг Дмитрий Ананьевич Вайнерх вызвал к себе командиров полков и эскадронов.

— Вы знаете, товарищи, — сказал комбриг собравшимся, — что Советское правительство заявило о готовности разрешить конфликт из КВЖД мирными средствами, если китайские власти освободят арестованных советских граждан и прекратят самочинные действия на дороге. Но на эти миролюбивые предложения китайские генералы ответили новыми провокациями. Дальше так продолжаться не может. Сегодня пограничные отряды Дальнего Востока получили приказ блокировать пограничные реки, закрыть их для движения китайских судов. В случае перехода китайских и белогвардейских отрядов на нашу территорию — громить их и преследовать до полного уничтожения, попутно ликвидируя их базы для бандитских налетов. Наша задача — находиться в полной готовности дать отпор зарвавшимся провокаторам и, конечно, помочь пограничникам.

На следующий день в полках бригады прошли митинги. Бойцы и командиры заявляли о своей готовности защитить мирный труд советского народа. Красноармеец Соколов из эскадрона Синилова сказал:

— Я и все мои товарищи горим одним желанием — уничтожить врага, если он перейдет границу. Наши пули достанут белокулаков, наши шашки будут беспощадно рубить их. Мы готовы хоть сейчас выступить в дальний поход.

С наступлением темноты один сабельный эскадрон выступил в район Турьего Рога. Синилову было предписано за два часа до рассвета выдвинуть свой эскадрон по дороге к границе, прикрыть долину реки Сейфун и быть в готовности прийти на помощь пограничникам.

Оставив эскадрон на окраине села Покровка, Синилов со взводом кавалеристов провел разведку долины Сейфуна, дороги на Карфовку, побывал на пограничных заставах «Карфовка» и «Полтавка». Начальник Полтавской заставы Иван Казак и его жена Татьяна пригласили Синилова пообедать. Бойцы Кузьмы Романовича уже прошли в седлах 80 километров, изрядно устали. Нуждались в отдыхе и лошади. Синилов с благодарностью принял предложение Казака.

За столом Иван Кириллович рассказал Синилову, что накануне вооруженный китайский отряд перешел границу

на участке заставы «Славянка». Нарушителей с нашей территории прогнали, но в перестрелке погиб начальник заставы, старый приморский партизан, заставой командовал чуть ли не с двадцать второго года...

— Против нашего участка, — продолжал Казак, — в Саньчагоу квартирует 18-й пехотный полк. Есть данные, что он снялся с постоянных квартир, подтянулся к границе, по соседству с ним расположилась банда белогвардейского атамана Назарова. Против станции Пограничной тоже сосредоточены крупные силы белокитайцев. Так что в случае чего рассчитываем на вашу помощь, комэск.

Синилов информировал Казака, что имеет указание помочь заставам, и поинтересовался, как ведут себя китайцы в бою.

— В открытом поле нашей атаки, особенно конной, не выдерживают. А если сидят в укреплении — а у них там каждая деревня, каждая фанза или бакалейка обнесены стенами, — дерутся стойко.

Когда командиры закончили беседу, солнце светило уже со стороны границы. Поблагодарив начальника заставы и его жену за гостеприимство, Синилов распрощался. В расположение эскадрона он возвращался встревоженный тем, что услышал от Казака. Уже поздней ночью отправил командиру полка подробное донесение о результатах разведки. Просил срочно прислать саперов, чтобы усилили мост через Сейфун у Покровки: «Нынешний врьд ли выдержит пушки».

Минула беспоконьяная неделя, а на рассвете 18 августа в Покровку прискакал гонец от Казака: Иван Кириллович сообщал, что границу перешла банда белогвардейцев, следом за которой идет китайский полк. Приказав седлать коней, Синилов написал донесение командиру полка: китайцы силою до полка перешли границу. Эскадрон выступает на помощь заставе «Полтавка».

В ту ночь на 18 августа 1929 года войска Чжан Сюэляна, сына генерала Чжан Цзо-лина, на Приморском направлении перешли советскую границу на большом протяжении, атаковали станцию Пограничная, заставу «Полтавка», населенные пункты в районе озера Ханка.

Заставу «Полтавка» атаковали два батальона 18-го пехотного полка. Поняв, что китайцы намерены окружить заставу, И. К. Казак организовал круговую оборону и открыл ответный огонь. В критический момент боя коман-

дир сам лег за станковый пулемет, обязанности второго номера пулеметного расчета взяла на себя его жена Татьяна. Несмотря на сильный натиск китайцев, их численное превосходство, пограничники стойко оборонялись и удержали заставу до подхода эскадрона Синилова. Спешившиеся кавалеристы усилили оборону.

Вскоре к месту боя подошли другие эскадроны полка, вместе с ними перешли в контратаку и конники Синилова, Удар был стремителен и неудержим. Оставив у стен советского кордона более 200 убитых солдат и офицеров, налетчики бежали на свою территорию.

Вернувшись на заставу, Иван Кириллович крепко пожал руку еще не остывшему от азарта боя Синилову за поддержку в бою, а Кузьма Романович тепло поздравил Танию Казак с боевым крещением.

В связи с непрекращавшимися провокациями на границе Советское правительство 20 августа 1929 года приняло постановление «О прекращении отношений Союза ССР с Китаем». Созданная в начале августа Особая Дальневосточная армия под командованием легендарного полководца В. К. Блюхера получила приказ обезопасить военными средствами наши дальневосточные границы.

Весь сентябрь и октябрь полки 9-й отдельной кавбригады, вошедшей в состав Особой армии, готовились к предстоящим боям. Занятия завершились тактическим учением. Посетивший в это время бригаду представитель Реввоенсовета отмечал, что «9-я кавбригада (командир т. Вайнерх) провела игру на местности безукоризненно».

По данным разведки советскому командованию стало известно, что в районе Мишань-фу сосредоточилась армейская группировка китайских войск в составе дивизии шестиполкового состава, трех бригад и отряда белогвардейцев. Китайцы готовились к нападению на советскую границу севернее озера Ханка с целью перерезать железную дорогу Хабаровск — Владивосток в районе станции Имап.

Командующий ОДВА Василий Константинович Блюхер принял решение: упредить удар врага, разгромить его войска и базы на китайской территории в районе Мишань-фу. Одновременно забайкальская группа советских войск должна была ударить по чжэлайнорской группировке противника. (Руководство этой частью операции В. К. Блюхер взял на себя лично.)

Совершив пятидневный марш, полки 1-й Тихоокеанской стрелковой дивизии и 9-й отдельной кавбригады сосредоточились в исходном районе вблизи села Турни Рог.

Рано утром 17 ноября советские войска снялись с исходных позиций, двинулись к расположенному в 42 километрах городу Мишань-фу.

Войска двигались двумя колоннами: в одной кавбригада, в другой Тихоокеанская дивизия.

В 87-м кавполку головным шел сабельный эскадрон К. Р. Синилова с приданным ему горным оружием и пулеметными тачанками. Не раз конники Синилова, обнаружив противника, смело атаковали его. Огнем оружия и пулеметов, гранатами и штыком выбивали из укреплений. Нередко, чтобы овладеть укрепленной фанзой или бакалейкой, приходилось спешиваться.

К концу дня конные полки бригады вышли в глубокий тыл врага и отрезали ему пути отступления из Мишань-фу. Вовремя ударили по белокитайцам и подоспевшие отряды стрелковой дивизии. Мукденская группировка противника была полностью разгромлена. Только убитыми враг потерял около полутора тысяч человек. Сотни солдат и офицеров были взяты в плен, захвачены семь полковых знамен и много вооружения.

Руководивший этой операцией начальник штаба ОДВА А. Я. Лапин доносил командарму В. К. Блюхеру: «Возложенная на нас задача блестяще выполнена. В столкновениях наблюдалась исключительная доблесть всех бойцов и командиров; члены нашей партийной и комсомольской организаций бесстрашно бросались вперед в опасные места».

Мощные удары Особой Дальневосточной армии вынудили китайских милитаристов подписать хабаровский протокол о ликвидации китайско-советского конфликта и восстановлении нормального положения на КВЖД. На дальневосточной границе вновь установился мир.

За умелые и решительные действия в боевом походе, мужество и отвагу в боях комэск К. Р. Синилов был награжден орденом Красного Знамени.

За долгие месяцы службы бок о бок с пограничниками Кузьме Романовичу понравилась их служба. На многих заставах у него появились добрые друзья и товарищи. В конце 1930 года К. Р. Синилов переходит в погранич-

ные войска ОГПУ. Вначале он служит командиром кавдивизиона, затем назначается помощником командира 9-го полка войск ОГПУ.

К своему тридцатилетию Кузьма Романович пришел опытным кадровым командиром, обладающим развитым тактическим мышлением и навыками оперативной работы. Он не раз избирался секретарем партийной ячейки, членом партийного комитета полка. Многолетняя партийно-общественная деятельность дала ему навыки политической работы, необходимые командиру Красной Армии.

В 1933 году командование войск ОГПУ Восточно-Сибирского округа рекомендовало К. Р. Синилова на учебу в Военную академию РККА имени М. В. Фрунзе.

В 1936 году К. Р. Синилов блестяще, с дипломом первой степени, закончил академию. В его аттестации говорилось: «К. Р. Синилов — волевой и решительный командир, хорошо разбирается в оперативно-тактической обстановке. К работе в войсках подготовлен хорошо».

Некоторое время Кузьма Романович находился на штабной работе в Забайкалье.

В роли начальника штаба Кузьма Синилов работал с увлечением. Он был живым и инициативным работником, умел вовремя и полно осветить начальнику отряда оперативную обстановку на участке, состояние сил и средств, положение дел на той или иной заставе, комендатуре, спроектировать основные предложения для укрепления охраны границы. Он толково и ясно умел выразить волю начальника отряда, отраженную в таком приказе, и умел зорко наблюдать за исполнением в подразделениях отданных распоряжений. И все это было не случайно. Все это шло от глубокого знания военного дела вообще, пограничной службы в особенности.

За короткое время в округе за Синиловым утвердилась слава толкового, умного начальника штаба, грамотного командира, и потому уже в январе 1938 года его назначили начальником соседнего Краснознаменного пограничного отряда, старейшего в Забайкалье.

Орденом Красного Знамени этот отряд, охранявший границу в Даурии, на главном оперативном направлении, был награжден в 1936 году за заслуги в охране границы, бдительность, самоотверженность и героизм личного со-

става в борьбе с классовым врагом, а также за достижения в боевой и политической подготовке.

Но к началу 1938 года этот отряд оказался в прорыве. Кузьма Романович и должен был сделать все, чтобы вернуть ему доброе имя. Синилов начал с поездки на границу, с изучения обстановки на местах, в комендатурах и на заставах. На основании личных наблюдений, бесед с командирами и рядовыми бойцами майор Синилов пришел к огорчительному, но справедливому выводу, что прежние успехи, высокие награды кое-кому в отряде вскружили голову. Появились зазнайство, недооценка противника, настроения типа «шапками закидаем».

Решили за счет лучшей организации службы сократить служебную нагрузку нарядов до установленной нормы, полностью и более эффективно использовать плановое время для учебных занятий, и прежде всего по тактической, кавалерийской и стрелковой подготовке.

Особым вниманием нового начальника отряда пользовалась школа младшего начсостава. К. Р. Синилов взял себе за правило не менее двух раз в неделю бывать на занятиях в школе. Нередко он сам проводил инструктивно-методические занятия с командирами школы и резервных застав. Оживилась в отряде и политическая работа.

В результате кропотливой работы командира, партийной организации гораздо серьезнее, более умело и выскатительно стали нести службу пограничники. Накануне нового, 1939 года задержали нарушителя границы, оказавшегося агентом японской разведки. Это был шестнадцатый нарушитель и тринадцатый шпион, задержанный погранпчниками отряда в истекшем году. Доставленный в штаб, он (как выяснилось, белогвардеец-семеновец) показал, что имел задание разведать огневые точки на советской стороне и места расположения гарнизонов.

Японцы готовились к новым провокациям на границе.

8 февраля 1939 года Главное управление пограничных войск информировало НКВД СССР: «По данным погранотряда (Синилова), японцы готовят на сухопутном участке погранотряда провокацию силами пехотного батальона, дислоцируемого в г. Маньчжурия, при поддержке мотомехчасти».

Командованием пограничного отряда приведены в боевую готовность линейные и резервные заставы на угро-

жаемом участке и подготовлен к выброске резерв начальника отряда; граница охраняется усиленными нарядами; за маньчжурской территорией ведется командирское наблюдение».

После февральско-мартовских провокаций на забайкальской границе, имевших целью отвлечь внимание от подготовки удара против МНР, японцы в мае, как известно, спровоцировали военный конфликт на границе с Монгольской Народной Республикой в районе реки Халхин-Гол. Известно и чем закончилась эта провокация — сокрушительным поражением. Части Красной Армии и Народно-революционной армии МНР наголову разбили здесь войска японских милитаристов.

...К. Р. Синилов в этих событиях уже не участвовал. Его срочно вызвали в Москву.

Столица встретила Кузьму Романовича многолюдьем, шумом и гомоном, от которых за два года в Забайкалье он успел отвыкнуть. С лязгом и звоном катили по улицам трамваи, мчались автомобили новых отечественных моделей — ЗИСы и «эмки».

В Главное управление погранвойск Синилову нужно было явиться утром следующего дня, в его распоряжении оставался целый свободный вечер. Приведя себя с дороги в порядок, Кузьма Романович вышел на оживленную даже в этот поздний час улицу Горького.

За громадой нового Дома Совнаркома выросли нарядные корпуса жилых домов. Когда Синилов уезжал из Москвы, они еще только строились. Кузьма Романович поднялся до Пушкинской площади. На здании «Известий», обгоняя друг друга, бежали, складываясь в слова и фразы, буквы световой газеты. Прочитав несколько последних сообщений, Синилов нахмурился. Новости были тревожными. В мире становилось все более и более беспокойно. На днях в газетах была опубликована нота, врученная наркомом иностранных дел германскому послу в Москве, в которой правительство Германии извещалось, что Советское правительство не может признать правомерным и отвечающим нормам международного права оккупацию немцами Чехии и вторжение венгров в Карпатскую Русь.

До сего момента он полагал, что и в Москву его вызвали в связи с положением на забайкальской и дальне-

восточной границах. А сейчас вот закралось сомнение. С беспокойными мыслями вернулся Кузьма Романович в гостиницу.

Действительно, опасность войны в Европе к началу 1939 года значительно усилилась. Фашистская Германия оккупировала Чехию, спровоцировала Данцигский инцидент, угрожая Польше, захватила литовскую Клайпеду. Реакционное правительство Финляндии, следовавшее в фарватере фашистской политики, начало военные приготовления у границы с СССР.

Учитывая складывающуюся обстановку, Коммунистическая партия и Советское правительство приняли ряд мер к укреплению обороноспособности страны и, в частности, охраны советских границ. Одной из таких мер было образование новых пограничных округов: Приморского и Читинского (Забайкальского) на Дальнем Востоке, Карельского и Мурманского на северо-западе страны.

В связи с этими организационными мероприятиями К. Р. Синилов и был вызван в Москву. 26 марта был подписан приказ о назначении его начальником погранвойск Мурманского округа. В тот же день его пригласил начальник отдела Главного управления пограничных войск НКВД Гавриил Александрович Петров, разложил перед Синиловым карту Кольского полуострова.

Странной показалась Кузьме Романовичу эта карта. На территории, на которой могли бы разместиться Дания и Нидерланды, Швейцария и Люксембург, были обозначены лишь... порт Александровск, древний поселок Кола да некоторые рыбацкие становища на берегах Белого и Баренцева морей. Там, где вроде бы должна была проходить Кировская железная дорога, между Кандалакшей и Колой, жирной синей извилистой линией, пересекавшей озеро Имандру, был обозначен сплошной водный путь. На запад от этой линии, до границы с Норвегией, и на восток, до горла Белого моря, почти сплошь белое пятно. Синилов не нашел на карте даже обозначения Мурманска, столицы Заполярья.

— Интересная карта? — спросил Петров. И, не дожидаясь ответа Синилова, пояснил: — Таким было представление о крайнем европейском Севере, — и указал дату у нижнего обреза карты: «Москва, 1916 год». — Теперь для нас кольская земля, конечно же, не terra incognita, за девятнадцать советских лет многое изучено и освоено. Появились новые города и поселки: Кировск,

Мончегорск, Апатиты, не говоря уже о самом Мурманске. Население края выросло в тридцать раз. Незамерзающий Мурманский порт и Кировская железная дорога связывают нас круглый год с Европой. Стратегическое значение края огромно. Но вот граница здесь, особенно сухопутная, охраняется слабо...

С этими словами Петров положил поверх старой свою рабочую карту северо-западного участка границы. Синилов внимательно всмотрелся в карту. На границе протяженностью в тысячу с лишним километров он увидел два условных знака, обозначающих штабы погранотрядов в Архангельске и Мурманске, реденькую цепочку значков, отмечающих погранпосты на морском побережье.

— Как видите, Кузьма Романович, — развел руками Петров, — и на моей карте тоже сплошные белые пятна, и начинать вам придется почти с нуля.

Совместно с комбригом Петровым и штабными командирами Синилов весь этот и последующий дни работал над определением структуры округа и дислокацией будущих пограничных отрядов, комендатур и застав. В конце второго дня на карте обозначились штабы новых погранотрядов, комендатур, застав.

Первого апреля полковник К. Р. Синилов отбыл к месту своей новой службы. В Мурманске на перроне старого деревянного вокзала его встретили комиссар войск округа полковой комиссар Петр Александрович Скородумов, начальник Мурманского погранотряда майор Елшин, штабные командиры.

Познакомившись с сослуживцами, Синилов отправился в Мурманский областной комитет ВКП(б). Здесь он узнал, что еще в июле 1938 года обком партии обратился в Центральный Комитет с предложением об укреплении обороны северных рубежей страны, а в марте 1939 года направил И. В. Сталину письмо с просьбой ускорить решение этого вопроса. Создание Мурманского пограничного округа как одну из мер усиления охраны границы обком считал своим кровным делом. Первый секретарь обкома Максим Иванович Старостин и председатель облисполкома Иван Андреевич Готов одобрили намеченную структуру округа, дислокацию частей и подразделений, обещали всемерную помощь и поддержку. При участии работников обкома были четко определены ближайшие задачи.

До окончания ледостава на реках и озерах и схода

снежного покрова предстояло вывести комендатуры и заставы в места их дислокации, организовать охрану границы нарядами. Личный состав пришлось временно разместить в бараках лесопунктов, в палатках и землянках. Нужно было также успеть завезти по зимнему пути боеприпасы, снаряжение и продовольствие для пограничников из расчета минимум на восемь месяцев.

Во вновь формируемых заставах и комендатурах нужно было немедленно создать партийные и комсомольские организации, которые должны были стать ядром сплочения личного состава, активными помощниками командиров.

За короткие на севере весну и лето нужно было успеть продолжить от штаба округа до застав стационарные линии связи, построить и смонтировать приемо-передающий радиопункт.

Словом, по выражению Кузьмы Романовича, до наступления зимы надо было «подвести округ под крышу».

Синилов отдал штабу и такое распоряжение: найги среди бойцов старых отрядов, а также прибывающего пополнения плотников, столяров, каменщиков, печников — «из них будем формировать строительные подразделения».

Возвратившись из обкома, Синилов пригласил к себе Скородумова, начальников отделений штаба округа, а также майора Небольсина, начальника штаба морского погранотряда. Андрей Владимирович Небольсин хорошо знал условия Заполярья, служил раньше на Чукотке, где, кстати, возглавлял тройку по спасению челюскинцев. Этих командиров Синилов просил срочно — за сутки! — разработать четкий план предстоящих работ.

Вечером следующего дня план уже обсуждался. Разработанный в целом удовлетворительно, он требовал, однако, уточнений и дополнений. Начальник связи, докладывая свой раздел, назвал потребное количество проводов, изоляторов, столбов.

— Хорошо, — прервал его Синилов, — в ваших расчетах я не сомневаюсь, вы специалист. Провода и изоляторы, как мне известно, нам отгружены, а вот где мы возьмем столбы в безлесной тундре, вы подумали?

— Получим по нарядам, — не очень уверенно ответил начальник связи.

— Когда? В третьем и четвертом кварталах. А линии связи нам нужны сегодня, завтра. Значит, столбы бу-

дем заготавливать сами в местных лесах. Вывезем их к станциям железной дороги, а на границу доставим морем.

Каждый пункт плана порождал новые и новые вопросы. Выяснилось, к примеру, что для переброски грузов к пунктам дислокации застав потребуются олени упряжки, проводники и прочее и прочее. Этот план-расчет, разработанный Синиловым с работниками штаба и политотдела до деталей, по свидетельству П. А. Скородумова, сыграл очень важную роль. Его выполнение начальник войск взял под свой личный контроль. И в трудных условиях малоосвоенного края, когда у пограничников не было ни вездеходов, ни вертолетов, ни тракторов, поставленная партией и правительством задача государственной важности была решена в сжатые сроки. Упорный труд пограничников, направляемый к единой цели непоколебимой волей начальника и комиссара, их закалка, энергия, мастерство создали на севере нашей Родины прочный заслон вражеским лазутчикам и фашистским налетчикам.

К середине апреля начали прибывать эшелоны и вагоны с пополнением, снаряжением, продовольствием. На станциях их встречали командиры штаба и политотдела, формировали заставы, разъясняли задачи, не скрывая предстоящих трудностей, направляли к месту дислокации по заранее разработанным маршрутам. Эшелон, прибывший в Мурманши, выехал встречать начальник войск, сам принял рапорты командиров:

— Товарищ полковник! Застава, сформированная из сержантов и рядовых Гдовского погранотряда, прибыла в ваше распоряжение. Готовы выполнить задачу, поставленную партией и правительством. Докладывает младший лейтенант Павлов.

— Застава Житковичского погранотряда...

— Застава Олевского погранотряда...

— Застава, сформированная из лучших бойцов конвойного полка...

Заставы из пограничников Очаковского, Сухумского, Ашхабадского отрядов, группа старшин — выпускников Балаклавской морской пограншколы, моряки-каспийцы, взвод Кремлевского полка, выпускники Высшей пограничной школы, училищ имени К. Е. Ворошилова и В. Р. Менжинского... Среди пополнения не было только забайкальцев и приморцев — у них своих дел хватало.

По нехоженным тропам и снежной целине колонны пограничников, сопровождаемые обозами из оленьих упряжек, двинулись на запад, за сотни километров, на край советской земли. В ряде случаев командиры вели свои заставы самостоятельно, по карте и компасу: проводников не хватало.

Через несколько дней на стол Синилова стали ложиться одно донесение за другим: командиры докладывали о достижении назначенных пунктов и принятии под охрану участков границы.

Большие трудности пришлось преодолеть и при организации охраны побережья. Заставы и грузы к местам дислокации доставлялись или своими кораблями, или судами торгового и рыбопромыслового флота. Как правило, суда становились на якорь на рейде. Люди и грузы перегружались на шлюпки и уже на них доставлялись на берег, нередко в штормовую погоду.

Обошлось без жертв, однако в некоторых труднодоступных пунктах высадку пополнения и смену личного состава произвести так и не удалось.

Успешно велось строительство линий связи, радиоцентра, помещений застав. К осени «подвести округ под крышу» в основном удалось. Продолжалось лишь строительство военных городков погранотрядов и комендатур.

Конечно же, сделать так много в такие сроки было бы невозможно без помощи местных партийных и советских органов.

Установления таких связей с местными органами власти, рабочими и колхозниками Синилов требовал и от начальников отрядов, комендатур и застав. Приезжая в подразделения, Кузьма Романович всегда интересовался, созданы ли в близлежащих колхозах и совхозах, на лесопунктах и сплавных участках бригады содействия пограничникам, сколько местных жителей в них привлечено, кто возглавляет бригады.

Случалось, что от него крепко доставалось начальнику заставы или отряда, не уделявшему работе с населением должного внимания. Распекая за подобные упущения, Синилов напоминал командирам, что в нашей стране границу охраняет весь народ, что ее охрана сильна именно своей нерасторжимой связью с местными жителями. Население на Кольском полуострове крайне редкое, и здесь помощь каждого рыбака, охотника, лесоруба, оленевода была особенно ценна.

Чтобы своевременно развернуть округ, всем пришлось изрядно потрудиться: и местным партийным и советским органам и штабу войск, который в конце мая возглавил выпускник академии имени М. В. Фрунзе майор Александр Лукьянович Прусский, и политотделу, и прежде всего самому полковнику Синилову.

В безветренный, по-осеннему тусклый день от пирса отвалил пограничный корабль под флагом начальника войск округа комбрига К. Р. Синилова. Осторожно маневрируя, корабль выбирался из порта на чистую воду. Мурманский рейд был забит десятками судов, над которыми развевались флаги чуть не всех стран мира. 1 сентября 1939 года в Европе началась война, и многие лесовозы, сухогрузы, пассажирские лайнеры, рыболовные траулеры, плававшие в Северной Атлантике, поспешили укрыться в нейтральном порту. Слева по борту от набравшего скорость сторожевика осталась громада «Нью-Йорка», за ним «Бремена», самого быстроходного в мире пассажирского судна, обладателя почетной «Голубой ленты» за скоростные рейсы между Гамбургом и Нью-Йорком. Впрочем, скорость не спасла «Бремен». При попытке прорваться в Германию он был отправлен на дно Северного моря кораблями британского флота.

Вскоре корабль комбрига миновал Полярное — базу Северного флота. С брандвахты-сторожевика, охранявшего рейд и вход в Кольский фьорд, просигналили флагам.

— Дают нам «добро» и желают счастливого плавания, — доложил командир корабля Токмаков стоявшему рядом на мостике Синилову.

Комбриг с удовлетворением кивнул головой. Совсем недавно в обкоме шла речь о необходимости учредить в Кольском заливе брандвахту, и вот она уже действует.

— Входим в «кувшин», товарищ комбриг, — снова доложил Токмаков.

Пристально взглядевшись в открывшуюся даль залива, Синилов увидел узкую горловину, соединяющую залив с морем.

Берега залива и впрямь напоминали своими очертаниями стенки кувшина. Левый берег был отодвинут несколько дальше, чем правый, и образовывал небольшую бухту.

— В этой бухте и будет создана в ближайшем будущем база морских пограничников, — продолжал Токмаков.

Неожиданно по лицу Токмакова пробежала болезненная гримаса, живые глаза потухли, правая рука непроизвольно толкнулась за борт реглана, к сердцу.

— Что с вами, — встревоженно спросил Синилов, — вы больны?

— Ледовитый океан о себе напоминает... — виновато сказал Токмаков. — Да вы не беспокойтесь, товарищ комбриг, сейчас пройдет, не в первый раз...

— Давно плаваете на Севере?

— Двадцать с лишним лет, еще на «Ярославне» ходил, матросом... — И без паузы скомандовал в переговорное устройство: — Сбавить ход до малого! Входим в салму.

Взору стоявших на мостике командиров открылась панорама строительства по всему северному берегу бухты. Вглядываясь в незавершенные коробки, Синилов угадывал в них здание будущего штаба, и жилые дома, и склады, и мастерские. На местности оживал давно знакомый до мелочей план базы.

Корабль застопорил машины, загрохотали в клюзах якорные цепи. В наступившей тишине с берега отчетливо донеслось методичное уханье паровой «бабы», вгонявшей очередную сваю в основание будущего пирса. Здесь, на пустынном пока берегу маленькой бухты, создавалась самая северная в нашей стране база пограничных кораблей. Что ж, будет и у нас большой флот, оснащенный самыми современными кораблями.

К борту пристал подоспевший от берега катерок. Матросы спустили трап, и по нему поднялся капитан 1-го ранга Александр Иванович Дианов. Тоже полярный старожил. Бывший кочегар с крейсера «Аврора». Потом плавал старшим помощником на «Пурге». Ныне — командир самого северного отряда пограничных кораблей.

Четко прозвучали слова рапорта. Александр Иванович приглашает прибывших начальника и комиссара войск сойти на берег.

Синилов с сожалением отказывается: слишком много сейчас дел, начавшаяся европейская война внесла свои коррективы и в его планы, нужно побывать и в других точках побережья, поэтому разговор с Диановым состоится здесь, на борту сторожевика.

Еще засветло вышли из фьорда в открытое море. Океан встретил студеным дыханием Арктики и свежей волной. Справа открылся каменный пустынный остров Кильдин, который, по выражению Токмакова, морские черти тащили со дна океана, чтобы заткнуть горловину Кольского фьорда, да, обессилив, так и бросили перед самым входом в залив.

Этот морской поход имел и для Синилова, и для Скородумова важное значение. Они подолгу беседовали с командиром корабля и его помощником, командирами боевых частей, старшинами и матросами. Старались и себе уяснить, и личному составу разъяснить стратегическое значение театра, лежащего на стыке двух великих морских путей: международного, в Западную Европу, и внутреннего, на Дальний Восток.

Они интересовались условиями плавания в Баренцевом море летом и зимой, местами рыбной ловли и промысла морского зверя, которые также надо было охранять от непрошенных иностранных промысловиков. Комбриг и комиссар расспрашивали командиров о дальности и точности стрельбы корабельных орудий, об эффективности действия глубинных бомб в борьбе против подводных лодок, дальномерщиков — какую цель и на каком расстоянии можно разглядеть в дальномер, мотористов — какую максимальную скорость может развить корабль, если нужно настигнуть нарушителя, и т. п.

В походе, о котором речь, Синилов и Скородумов прошли на корабле свыше тысячи миль — от Мурманска до полуострова Рыбачий и от него до устья реки Поной на восточном берегу Кольского полуострова. Они посетили Териберскую и Иоканьгскую погранкомендатуры, побывали на некоторых заставах, проверили боевую и политическую подготовку пограничников, встретились с командирами, политработниками, бойцами, партийными и советскими работниками прибрежных районов.

В походе они изучали берег с точки зрения организации охраны границы. В цепкой памяти Синилова закрепились участки берега, особенно удобные для высадки десантов с моря, в уме он уже прикидывал необходимые меры для их прикрытия, отмечал мысы и высоты, на которых следует оборудовать дополнительные наблюдательные пункты, узкие безлюдные фьорды, где могут укрыться вражеские подводные лодки.

...Миновал мыс Корабельный, сторожевик вошел в гор-

ло Белого моря и взял курс на устье реки Поной, где предстояло высадить заставу. После полудня корабль вошел в залив и стал на рейде. Спустили шлюпки. В первую сели начальник погранвойск округа, комиссар и комендант участка. Причала здесь не было, высаживаться пришлось из шлюпок прямо на берег. У места высадки выстроились в две шеренги пограничники, одетые кто в шинели, кто в бушлаты. Когда Синилов ступил на берег, от строя отделился и пошел ему навстречу молодой командир в морском бушлате, резиновых, с подвернутыми выше колен голенищами сапогах. Остановившись, не доходя трех шагов, стал докладывать:

— Товарищ командир бригады...

— Я не командир бригады, — раздосадованный пестротой обмундирования и странным обращением, прервал рапорт комбриг.

Командир смутился, начал рапорт вновь:

— Товарищ командир бригады...

— Я не командир бригады, — снова прервал Синилов, — я начальник пограничных войск округа...

— Комбриг Синилов, — подсказал комендант.

— Товарищ комбриг! — уже уверенно начал командир. — Личный состав пограничного поста «Понхой» построен для вашей встречи. Докладывает командир поста Барков*.

Поздоровавшись с личным составом, Синилов поручил коменданту участка организовать высадку со сторожевика пограничников и перевозку грузов, а сам в сопровождении Баркова направился на пост.

— Командую этим постом уже четвертый год, — докладывал Барков, — продолжают служить бойцы, приехавшие со мной. Правда, есть и молодые, прибыли в прошлом году весной, с последним пароходом. С тех пор никто на посту не бывал. Обмундирование не получали. Донашиваем то, что было в каптерке. Продовольствия — муки, круп и консервов — осталось на месяц. Освещаемся плашками с тюленьим жиром. Керосин кончился в апреле.

Случай даже в условиях Кольского полуострова был разительный, невероятный. Барков и бойцы поста, как выяснили начальник и комиссар, уже почти полгода мало

знали о событиях в мире. Не знали, что началась война в Европе, что Красная Армия выступила в освободительный поход в Западную Украину и Западную Белоруссию. Не знали и о реорганизации пограничной службы на полуострове. С апреля они не имели связи с Большой землей — рация не работала, так как кончилось питание.

— У вас и на других постах такое положение или вы не знаете? — сердито спросил Синилов коменданта.

— Нет, — виновато ответил тот. — Только сюда не смогли доставить смену и грузы. Причала здесь нет. Во время отлива или тем более шторма подойти к берегу суда не могут. Плашкоуты на каботажных судах нет.

— Объяснить все можно, — прервал Синилов, — только людям от ваших объяснений не легче.

Выслушав доклад Баркова об организации пограничной службы, начальник и комиссар войск проверили боевую и политическую подготовку поста. Командир и бойцы хорошо стреляли, умело ориентировались на местности. Хорошей была строевая и погранично-тактическая подготовка. Но новой программы по политподготовке они не изучали. Материалов состоявшегося в марте XVIII съезда ВКП(б) они не получали. Синилов спросил у Баркова, когда замерзает горло Белого моря. Узнав, что дрейфующий лед появляется в ноябре, приказал весь прежний состав поста отправить на корабль и самому с семьей тоже собираться в путь.

Вернувшись в Мурманск, Кузьма Романович определил семью Баркова в гостиницу, приказал начальнику АХО обшить и обувь его жену и детей. Отдал распоряжение: бойцов, выслуживших срок службы, демобилизовать, остальных переодеть в зимнее обмундирование, направить в одно из подразделений и «заниматься с ними по отдельной программе политподготовки, чтобы не выглядели белыми воронами в зеленых фуражках». Договорился с Главным управлением Севморпути об отправке еще до наступления зимы из Архангельска в Поной сборного дома для пограничной заставы. Особый разговор имел Синилов с комендантом...

Вскоре встал вопрос о дальнейшем использовании Баркова. Начальник отделения кадров настаивал на увольнении его из погранвойск в связи с тем, что тот за четыре года в Поное «политически отстал».

* Фамилия изменена. — М. С.

— Отсталость, как и молодость, это недостаток, который проходит, — ответил комбриг. — Надо помочь ему преодолеть отсталость, а не увольнять. Пошлем его в Высшую пограничную школу. Подучится.

Встал вопрос и о Токмакове. Кадровик уже подготовил ему направление на врачебную комиссию. За долгие дни совместного плавания Синилов хорошо узнал этого человека, бесконечно преданного морской службе и Северу. Но факт оставался фактом — Токмаков часто болел. Комбриг распорядился подыскать ему более спокойную должность на берегу, притом не ущемив материально. В округе такой работы не нашлось. Тогда Кузьма Романович договорился с Главным управлением погранвойск о переводе Токмакова военпредом на завод.

Таким уж он был, комбриг Синилов, — строгим, требовательным, но справедливым и заботливым командиром, отзывчивым, душевным человеком.

Летом 1939 года, когда заставы уже обосновались на новых местах, стали приезжать семьи командиров и политработников. Синилов специально собрал политотдельцев, чтобы посоветоваться, как встретить и отправить по бездорожью на заставы женщин и детей. Было решено для встречи и скорейшего устройства членов семей командиров выделить группу людей, оборудовать комнаты приезжих. Домашние вещи хранить на складе до зимы, когда их можно будет отправить на заставы по санному пути. С собой брать лишь самое необходимое, для переноски его выдать вещевые мешки. В мастерской военторга шить для каждой приезжей брюки, сапоги, плащ. Отправлять боевых подруг на заставы, только полностью обмундировав, снабдив продуктами, и обязательно группами в сопровождении проводников.

Вскоре в политотдел и на имя начальника войск с границы стали приходить письма командиров и их жен с благодарностью. «Однажды, — вспоминает П. А. Скородумов, — начальник войск пригласил меня к себе, прочитал письмо с границы. Это было письмо супругов Мараскиных, в котором они благодарили командование за «заботу и внимание, с каким до этого им встречаться не приходилось».

Неожиданно Синилову снова пришлось вернуться к решенному было, как он полагал, вопросу о Токмакове. Дело в том, что старый морской волк, в годы гражданской войны боровшийся на «Мурмане» за Советскую власть и

затем проплававший под пограничным флагом двадцать лет, наотрез отказался уезжать в Ленинград, где ему была не только подобрана работа, но и выделена хорошая квартира.

— За что мне такое наказание, товарищ комбриг? — только и повторял он в кабинете Синилова. Комбриг и комиссар долго убеждали Токмакова, что он болен, что плавать на Севере ему тяжело, что на берегу, в Ленинграде, он, опытный специалист, еще может принести много пользы. Моряк оставался непреклонен, он просил только об одном: пусть не командиром корабля, но оставит ему возможность плавать, не списывать на берег.

Синилов мог и не уговаривать, а просто приказать, но в данном случае это означало бы глубоко ранить хорошего человека, настоящего моряка и пограничника. Он позвонил начальнику погранвойск НКВД СССР. Токмаков остался в округе, продолжал командовать посыльным судном, где условия службы были несколько легче, чем на сторожевике. Мужественный моряк героически погиб на боевом посту в Великую Отечественную войну.

29 ноября 1939 года К. Р. Синилову позвонил нарком обороны СССР К. Е. Ворошилов. Маршал спросил, готовы ли пограничники к выполнению боевых задач, определенных директивой. Синилов доложил, что заставы переведены на усиленную охрану границы...

— Ваша задача, — перебил маршал, — разгромить белофинские погранкордоны и пикеты прежде всего на Среднем полуострове и на Печенгском направлении, чтобы части Красной Армии, не задерживаясь на границе, могли овладеть полуостровами и наступать на Печенгу. Время выхода на исходные позиции 24.00...

Значит, военное столкновение с Финляндией стало неизбежным. Дело к этому шло уже давно. Позднее К. Р. Синилов так докладывал командованию:

«Еще с весны 1939 года финны усиленно приступили к военизации гражданского населения в пограничной полосе. Пополнился инструкторский состав сельских военно-фашистских организаций «шюцкора». Усилилась вербовка новых членов «шюцкора» из числа местного населения, активизировалась антисоветская пропаганда в пограничной полосе. Военные и прочие мероприятия финского пра-

вительства в пограничной полосе с необыкновенной быстротой усилились после того, как Красная Армия перешла советско-польскую границу».

Нынешний звонок наркома Ворошилова был связан с тем, что Финляндия, прервав переговоры с Советским Союзом об изменении линии прохождения границы под Ленинградом, провела всеобщую мобилизацию и развернула свои войска на границе с СССР. Финская военщина осуществила ряд провокаций на границе, в том числе 26 ноября и в Заполярье, на полуострове Средний. Здесь группа финских солдат попыталась захватить наш пограннаряд и обстреляла его. Белофинны были отброшены на свою территорию, три налетчика при этом были взяты в плен. В тот день финны обстреляли артогнем наши войска на Карельском перешейке.

В связи с обострением отношений с Финляндией части созданной в Заполярье в 1939 году 14-й армии были выдвинуты к границе на Мурманском и Кандалакшском направлениях. Закончив разговор с К. Е. Ворошиловым, комбриг сразу же поехал в штаб армии к командующему В. А. Фролову, чтобы уточнить задачи погранотрядов и согласовать действия.

В тот же день К. Р. Синилов подписал боевой приказ частям пограничных войск: продолжать усиленную охрану границы; создать на заставах и в комендатурах ударные группы, имеющие задачу ликвидировать финские пограничные кордоны. Сосредоточить на исходном положении к 24.00 29 ноября. Действуя самостоятельно, овладеть финскими пограничными кордонами «Вайто-Лахти», «Керванто», «Пумманки», «Казарма Нивары» и другими. Далее в приказе сгруппированы задачи боевым кораблям.

В район поселка Титовки К. Р. Синилов направил оперативную группу во главе с начальником штаба войск майором А. Л. Прусским — для объединения действий застав на главном направлении и связи с командованием частей Красной Армии.

Приказ уже был направлен в погранотряды, когда снова раздался звонок из Москвы: комдив Г. Г. Соколов, начальник пограничных войск СССР, распорядился срочно сформировать пограничную роту для совместных с подразделениями Красной Армии действий по овладению Петсамо (Печенгой). Формирование роты Синилов также поручил майору Прусскому.

Боевые действия на границе начались на следующий

день в восемь часов утра. Первое боевое донесение К. Р. Синилов получил от моряков. Капитан 1-го ранга А. И. Дианов сообщал: «СКР Рубин» старшего лейтенанта Ф. И. Карпенко блокировал порт Петсамо, корабли Северного флота ведут огонь по объектам противника на Среднем и Рыбачьем». Затем Синилову позвонил майор Небольсин: левофланговые заставы отряда в 8.00 перешли границу и атаковали финские кордоны. Погранстража и группы «шюцкора», не приняв боя, поспешно отошли.

Вскоре о том же сообщил и майор Прусский. На вопрос Синилова, когда выступит рота, начштаба сказал, что бойцы в поселок прибыли и формирование роты будет закончено к 16 часам.

Поскольку задача пограничников на Среднем и Рыбачьем уже была выполнена, Синилов руководство ротой возложил на Прусского. Приказал: силами роты отрезать отход финского гарнизона из Петсамо на Наутси.

Бойцам предстояло пройти форсированным маршем, ночью, по глубокому снегу, в двадцатипятиградусный мороз 20 километров от заставы «Титовка» до Титовского озера, а затем еще 35 километров до Петсамо. Дорог не было: вооружение, боеприпасы и трехсуточный запас продовольствия бойцы несли на себе. Хорошо ориентируясь на местности, прекрасно подготовленные физически, пограничники к четырем часам утра вышли на линию передовых частей Красной Армии у озера Сентиярви, за ними следовали подразделения стрелкового полка.

В десять часов утра майор Прусский с согласия командира полка поставил командиру пограничной роты задачу: действуя на левом фланге, обойти Петсамо (до него оставалось пять километров) с юго-востока и юга, перерезать дорогу и не допустить отхода противника из города.

Последующие события майор описывал так: «Судя по пылающему зареву и взрывам, противник обнаружил подход частей РККА, уничтожает город и отходит. Чтобы воспрепятствовать противнику окончательно уничтожить город и не допустить безнаказанно вывести все свои силы, решил наступать самостоятельно и выполнить поставленную задачу. Выполняя приказ, рота к 12.00 вышла на правый берег р. Петсамо-Йоки у юго-восточной части города. К этому времени основные силы противника ушли. В городе действовали небольшие группы, с большой

поспешностью взрывавшие мосты и здания. Вход в город прикрывали две огневые группы, располагавшиеся одна на высоте у дороги и вторая на колокольне монастыря. Под прикрытием ручных пулеметов рота бросилась вперед через реку в направлении на колокольню».

Овладев Петсамо, рота взяла под свою охрану склады, мосты и другие объекты в городе.

На исходе второго дня войны К. Р. Синилов подписал донесение в Главное управление погранвойск: «Пограничные заставы, выполнив поставленные задачи, возвратились к месту постоянной дислокации и несут усиленную охрану границы».

В Заполярье сплошного фронта не было. Соединения Красной Армии наступали на главных операционных направлениях Петсамо — Наутси и Аллакурти — Куолаярви. На остальных участках пограничные заставы охраняли границу, вели разведку приграничной финской территории. Здесь также разгорелась острая борьба.

Отступая, белофинны оставили диверсионные отряды для действий в тылу Красной Армии. Эти отряды, хорошо подготовленные и вооруженные, нападали на наши автоколонны, обозы, портили связь, взрывали мосты, минировали дороги. С баз, расположенных вблизи границы, в наш тыл просачивались и прорывались отдельные группы диверсантов. Против участка Мурманского округа такими основными базами были кордоны «Корья» и «Наутси».

Чтобы предупредить, сковать действия вражеских диверсантов и, кроме того, обезопасить наши разведывательные группы, совершавшие рейды в тыл белофинской армии, Синилов решил ударить по базам. 6 декабря он приказал коменданту Енской погранкомендатуры сформировать разведывательно-диверсионный отряд и нанести удар по финскому кордону «Корья», расположенному в 50 километрах от нашей заставы.

Отряд под командованием старшего лейтенанта Тимофеева был сформирован из 47 человек. Пограничники совершили смелый рейд по территории противника, разгромили кордон белофиннов и, вынеся убитых и раненых, вернулись на свою заставу. Позднее был разгромлен и кордон «Наутси», расположенный на шоссе у стыка границ трех государств: Финляндии, Норвегии и Швеции.

В период активных действий пограничников Синилов

п Скородумов, оба прекрасные спортсмены, прошли на лыжах почти по всей границе округа, побывали на всех сухопутных заставах. Как вспоминал комиссар, Кузьма Романович «десяткам разведывательных групп, отправлявшихся с застав в глубокий тыл противника... лично ставил боевую задачу, тщательно инструктировал, обращая особое внимание на организацию боевого охранения в походе и на привалах, сохранение здоровья и жизни личного состава, требовал быстрой, незамедлительной передачи собранных разведанных. Разведанные, говорил Синилов, тем ценнее, чем быстрее сообщены нашему командованию. И второе, что важно, — чтобы это была не «липа», не предположение, а точные сведения о противнике».

Можно было ожидать ответных ударов противника по нашим заставам. Поэтому он требовал усиления охраны расположения застав, укрепления их обороны, и вскоре наши заставы превратились в укрепленные пункты с огневыми точками — дзотами, с развитой системой траншей, с подземными выходами из немецких застав, способные выдержать осаду в течение нескольких суток».

И в боевых действиях совместно с частями Красной Армии, и в рейдах на лыжах по тылам белофиннов, и при обороне застав пограничники проявляли массовый героизм, стойкость и отвагу, беспредельную преданность Советской Родине. Об этом красноречиво рассказывают хранящиеся в архивах документы тех дней.

Начальник Рестикентского погранотряда капитан Налетов доложил 14 января 1940 года комбригу Синилову, что утром того же дня большая группа белофиннов совершила нападение на заставу «Погост Сангалский». Белофинны, одетые в белые маскировочные халаты, пытались бесшумно окружить заставу, но были замечены нарядом, успевшим поднять тревогу. Дежурные пулеметчики, услышав выстрелы, первыми выбежали из помещения и открыли огонь, прикрыв выход бойцов на огневые позиции. Пограничники, поднятые по тревоге, заняли оборонительные сооружения и завязали бой. Оборону заставы возглавил находившийся на ней в это время военный комиссар комендатуры политрук Копров.

Синилов согласился с решением начальника отряда выслать к «Погосту» поддержку с резервной заставы и заставы «Три озера», распорядился направить туда оленьи

упряжки для эвакуации раненых. Он приказал также выслать разведывательную группу и на соседнюю, 5-ю заставу, с которой прервалась связь, поскольку не исключалось, что белофинны одновременно напали и на нее.

Отдав эти распоряжения, Кузьма Романович немедленно связался с командующим армией и попросил его выслать к месту боя самолеты для боевого и психологического воздействия на противника.

Бой на «Погосте» между тем разгорался.

Попытка белофиннов захватить заставу была отбита. Некоторое время вражеские солдаты вели пограничникам интенсивный огонь из автоматического оружия, а затем предприняли повторную атаку. При отражении атаки были смертельно ранены политруки Копров и Марасакин (тот самый, что совсем недавно благодарил Синилова за заботу о его семье), лейтенант Казаков и начальник заставы младший лейтенант Павлов. Командование заставой принял на себя командир отделения, секретарь комсомольской организации Александр Смирнов.

В полдень над заставой появилось девять советских самолетов, но из-за плохой видимости летчики не смогли обнаружить белофиннов. В это же время к месту боя подошла поддержка с резервной заставы во главе с политруком Семеновым. Не выдержав удара, вражеский отряд, насчитывающий свыше ста белофиннов (пограничников было вдвое меньше), отступил.

Мурманский областной комитет ВКП(б), выражая чувства всех трудящихся области, направил участникам боя письмо-обращение.

«Баши смелые и решительные действия, — говорилось в обращении, — ваша непоколебимая воля советских патриотов решили исход четырехчасового боя в условиях окружения и превосходства сил противника. Оставив на поле боя убитых, раненых, белофинская банда бежала, преследуемая вами».

Война с белофиннами завершилась весной 1940 года. Перед пограничниками Заполярья и их начальником К. Р. Синиловым, которому вскоре было присвоено генеральское звание, были поставлены очередные важные задачи: организация охраны новой границы на полуостровах Среднем и Рыбачьем, на Кандалакшском направлении, формирование новых отрядов и застав. И опять строительство, строительство, строительство...

Эти задачи были также успешно решены. Генерал-майор К. Р. Синилов был награжден орденом Красной Звезды.

...— Что-нибудь важное? — спросил Синилов, услышав в трубке голос майора Рытикова. Встреча с майором в его планы на сегодня не входила. — Дело неотложное? Тогда заходите.

Уже немолодой командир с толстой кожаной папкой в руках появился в кабинете начальника войск тотчас же.

— Садитесь, товарищ майор, — ответил на приветствие, сказал Синилов. — Что показал задержанный нарушитель?

— О показаниях задержанного прошу разрешения доложить несколько позже. Прошу выслушать сейчас очень важные сведения, которые нам удалось получить. Недавно, в двадцатых числах февраля, финскую Лапландию посетили в сопровождении финских офицеров начальник штаба германских войск в Норвегии Бушенхаген и один немецкий майор. Должность и фамилия его неизвестны. Мы предполагаем, что это майор Мюллер, начальник разведки армии. Немцы, прибывшие с юга, проехали по маршруту Кусамо — Рованиemi — Наутси — Петсамо.

Рытиков развернул свою оперативную карту с нанесенной обстановкой. Синей пунктирной линией на ней был обозначен маршрут поездки немецких офицеров вдоль советско-финляндской границы против участка округа.

— В Петсамо, — продолжал майор, — немецкие офицеры дважды встречались с германским консулом Тюрком. Финские офицеры на первую встречу приглашены не были. Нет сомнения, что эта поездка имела разведывательный характер.

— Да, вероятнее всего, именно так, — согласился генерал. — Нам известно, что в середине февраля Бушенхаген посетил Хельсинки. Но то, что он будет трястись в машине по зимним дорогам от Кусамо до Печенги, представить было трудно. Что еще?

— Созданы укрепленные позиции по дороге Петсамо — Рованиemi. Проведена перепись всего мужского населения Финляндии, резервисты в возрасте до 42 лет

призываются на переподготовку. Через порт Линнахамари из Германии продолжают поступать вооружение, военные материалы, снаряжение.

— От других источников поступают такие же сообщения?

— Да.

— Что ж... Похоже, что Финляндия вновь готовится воевать с нами. И на этот раз в союзе с немцами.

Подробности этой поездки Синилову стали известны через несколько лет из отчета генерала Бушенхагена, объявленного в Хельсинки на суде по делу виновников войны в Финляндии, и материалов Нюрнбергского процесса.

Это действительно была разведывательная поездка. Бушенхаген совершил ее по завершении начавшихся 18 февраля 1940 года переговоров с финским генеральным штабом. Поездка продолжалась десять дней. В результате немецкие и финские офицеры пришли к выводу, что «операции из района Кусамо и операции из района Рованиеми сулят успех». Основываясь на этих выводах, верховное главнокомандование вооруженных сил Германии 7 апреля 1941 года издало «Директиву командующему оккупационными войсками в Норвегии о его задачах по плану «Барбаросса».

Тогда, в марте сорок первого года, Синилов и Рытиков не знали и того, что еще в декабре сорокового в дневнике начальника генерального штаба Гальдера появилась запись с изложением плана развертывания немецких дивизий «в самой северной части России», а месяц спустя и запись о завершении разработки плана операции «Зильберфукс» («Черно-бурая лиса»).

По этому плану немецкая армия «Норвегия» и финские войска общей численностью около 150 тысяч человек должны были ударить по малочисленным советским войскам, расположенным на границе, быстро уничтожить их, захватить Полярное, базу Северного флота, Кандалакшу и Лоухи, последующими ударами с юга и севера овладеть Мурманском, Кольским полуостровом, прервать северные морские и сухопутные коммуникации, связывающие Советский Союз с внешним миром.

...Беседа Синилова с Рытиковым затянулась до позднего вечера.

— Нарушитель, задержанный на участке седьмой заставы, — докладывал майор, — признал свою принадлеж-

ность к германской разведке. Он показал, что в Киркенесе, Вадсе и других городах Норвегии созданы разведывательные пункты, подчиненные абверштелле — отделу абвера — германской армии «Норвегия». В скором времени, видимо, такие пункты появятся и в Финляндии, ибо задержанный, по его словам, получил указание вернуться после выполнения задания в Луостари.

— Задание? — спросил генерал.

— Разведка флота, аэродромов. В частности, ему приказано уточнить, сколько рыболовецких траулеров сосредоточено в порту. Немецкая разведка обеспокоена тем, что «Мурманрыба» имеет пятьсот траулеров с командой на каждом по тридцать человек. Пятнадцать тысяч моряков, по его словам, это большая сила. Немцев также интересуют сведения о том, как быстро эти суда могут быть вооружены.

Синилов впервые за весь разговор улыбнулся:

— Что ж, подумайте, как уверить немцев, что у нас действительно есть пятьсот траулеров.

— Слушаюсь. Представляет интерес показание задержанного, — продолжал майор, — и о том, что немцы строят шоссейную дорогу от Ельвенеса до Борисоглеба, которая должна соединиться с дорогой Петсамо — Рованиеми.

— Строят сейчас, зимой?

— Вот именно!

— Значит, спешат. И спешат не случайно... А что в Норвегии?

— Задержанный подтвердил, что все рабочие организации распущены, еще осенью введена паспортизация всего населения. Границу с Финляндией и морское побережье охраняет германская армия.

Синилов приказал Рытикову подготовить подробное донесение в Главное управление погранвойск, сам же, невзирая на поздний час, собрался было поехать в обком — сообщить о важных новостях.

Говорят, граница — это барометр отношений между сопредельными государствами. Начиная с мая 1941 года стрелка этого барометра неотвратимо перемещалась к отметке «буря».

На заполярном участке первым признаком приближающейся грозы была активизация морских перевозок на

«той стороне» и нарушения воздушного пространства СССР. С 6 мая по 19 июня в северные порты Норвегии Варде, Ватсэ и другие прибыло 69 немецких транспортов с войсками и военными грузами.

17 июня советскую границу нарушил и пролетел над Кольским заливом германский самолет. С этого дня пограничные заставы ежедневно доносили об аналогичных инцидентах. Немцы вели откровенную разведку побережья Баренцева моря, Кольского залива и Кировской железной дороги.

19 июня в Финляндии была объявлена мобилизация двадцати четырех возрастов. В тот же день наблюдатели застав, расположенных на Среднем и Рыбачьем, а также дозорные корабли отметили оживленное движение судов в Печенгской губе. Немцы приступили к осуществлению плана «Северный олень» — так называлась, как стало известно позднее, операция ввода фашистских войск в Печенгскую область.

Начальник погранотряда полковник Г. А. Жуков 20 июня доложил Синилову, что против участка отряда появились немецкая мотопехотная дивизия и дивизия СС.

В связи с этими недвусмысленными фактами на Северном флоте была введена оперативная готовность, Военный совет 14-й армии принял решение перебросить с зимних квартир на границу, на рубежи рек Титовка и Западная Лица, 52-ю стрелковую дивизию.

Вечером 21 июня секретарь обкома партии Старостин сообщил Синилову, что адмирал Головкин получил указание перевести флот на полную фактическую готовность, что Москва предупредила: с часу на час можно ожидать вторжения немецких войск на территорию Советского Союза. Вернувшись из обкома в штаб, Синилов приказал объявить боевую тревогу в погранотрядах и подразделениях управления округом. В три часа ночи Синилову доставили телеграмму от начальника отряда. Полковник Г. А. Жуков докладывал:

«В 01.30 22. 06. 41 г. на участке 12-й заставы... в столкновении на границе ранен и захвачен в плен немецкий солдат Иоганн Касек, который показал, что против участка отряда стоит 9-я мотомеханизированная дивизия немцев, которая на автомашинах из Норвегии (Осло) около 15 июня прибыла в Маркиярви...»

В тот самый час, когда Синилов знакомился с показа-

ниями пленного, немецкие войска атаковали наши пограничные заставы от Балтийского моря до Карпат. Об этом несколько позже генерал узнал из телефонного разговора с Москвой.

То, что гитлеровцы готовятся к нападению и на Севере, генералу Синилову было совершенно очевидно. Вот только когда? Завтра? Послезавтра? Через неделю? В то время никому, кроме германского генерального штаба, не было известно, что наступление в Заполярье должно было начаться после того, как немецкая армия форсирует Западную Двину.

Просто ждать, когда тебя ударят, было не в характере Синилова. В круто изменившейся обстановке он оставался как никогда собранным, энергичным, деловым. С повышенной требовательностью к себе и подчиненным, без тени растерянности проводил меры, продиктованные начавшейся войной.

Генерал немедленно приказал всем пограничным отрядам помочь командованию армии в уточнении численности и мест расположения противостоящих войск врага. Первая сводка с полученными сведениями ушла из Мурманска в Москву уже в час ночи 23 июня. Пограничные отряды принимали пополнение. Из прибывших по мобилизации ленинградских и мурманских рабочих, а также старослужащих пограничников и командиров округа спешно формировался 181-й отдельный пограничный батальон. Заставы и комендатуры совершенствовались опорные пункты на границе, готовились к предстоящим боям.

Военные действия начались 27 июня. В этот день противник перешел советскую границу на участке Рести-кентского погранотряда. В районе острова Еловый бойцы 6-й и 7-й застав, следовавшие на соединении со своей комендатурой, атаковали боевое охранение противника и захватили пленного. Тот показал, что границу на Рести-кентском направлении нарушил 6-й отдельный финский погранбатальон численностью 1200 человек. Командует батальоном начальник погранохраны Петсамского района майор Пеннонен. Батальон имеет задачу: наступая вдоль реки Лутто, достигнуть форсированным маршем Рести-кента, переправиться через реку Тулома, выйти на железную дорогу Мурманск — Кандалакша, разрушить ее и прервать сообщение Мурманска со страной.

Получив сообщение об этом, Синилов расценил наме-

рения финско-немецкого командования как авантюру, имеющую целью отвлечь наши силы с главных направлений — Мурманского и Кандалакшского. Он приказал свести заставы Рестикентского отряда в две компактные группы, их силами разбить батальон Пеннонена и отбросить финнов за границу. Военный совет армии одобрил это решение.

Первую группу под командованием капитана Крылова, численностью в 200 человек, генерал приказал сосредоточить в районе Зимней Мотовки для прикрытия левого фланга 14-й дивизии, занимавшей оборону на Мурманском направлении.

Вторая группа численностью в 420 человек под командованием майора Немкова сосредоточивалась на Рестикентском направлении. Высланная Немковым разведка в тот же день — 5 июля — обнаружила противника на берегу Нот-озера у устья реки Лотта. Синилов поставил группе боевую задачу: «Выйти в район устья Лотты, прижать противника к Нот-озеру и уничтожить его».

Сводный отряд совершил трудный марш по лесам и болотам, к трем часам достиг устья Лотты, сбил боевое охранение противника и двинулся дальше. На пути советских пограничников белофинны зажгли лес. Все заволкло плотным, удушливым дымом. Немков приказал бойцам надеть противогазы. Через горящий лес пограничники атаковали втрое превосходящие силы врага.

Под натиском пограничников белофинны, бросив убитых, раненых и тяжелое вооружение, отошли вверх по реке.

Позднее, уже в начале августа, остатки разбитого в новых боях батальона Пеннонена бежали за границу.

Рестикентский же пограничный отряд после разгрома батальона белофиннов оборонял свой участок государственной границы в Заполярье до осени 1944 года.

Наступление немецких войск в Заполярье началось 29 июня на Мурманском и Кандалакшском направлениях.

Несмотря на численное превосходство в живой силе и технике, особенно в авиации, враг был остановлен на рубеже хребет Муста-Тунтури (на перешейке между материком и полуостровом Средним) — река Западная Лица на Мурманском и озера Куоляярви на Кандалакшском направлениях.

Вместе с частями 14-й армии против врага мужественно и стойко сражались пограничники. Беспрецедентный героизм проявили бойцы и командиры 181-го отдельного пограничного батальона, первоначально несшего службу за границей.

Утром 6 июля, после нескольких безуспешных попыток овладеть полуостровами Средний и Рыбачий, прикрывавшими подступы к Полярному и Мурманску с моря, возобновил наступление на столицу Заполярья горноегерский корпус «Норвегия». Накануне командир корпуса генерал Дитл обратился к своим егерям с приказом:

«Солдаты! Перед вами пал Крит. Вы победителями прошли через Грецию. Знак «Герой Нарвика» украшает вашу грудь. Богатый город Мурманск перед вами... После взятия его представляю город на три дня в ваше распоряжение. А после вам дается право на свободный выбор службы в любом европейском гарнизоне».

Пьяные егеря рвались к Мурманску. Им удалось форсировать реку Западная Лица и вклиниться в оборону 52-й стрелковой дивизии. Отдельные группы немцев к исходу 7 июля вышли на огневые позиции нашей артиллерии и даже на единственную дорогу, ведущую из тыла к передовой.

В этот день Синилова пригласили в Военный совет армии. Командующий генерал В. А. Фролов, докладывая Совету о положении на фронте, сказал, что положение на Мурманском направлении складывается крайне неблагоприятно. Резервов, которые можно было бы срочно бросить в бой, нет. Бригада морской пехоты только формируется.

— На сегодня единственный резерв — это батальон ваших пограничников, — сказал он, обращаясь к Синилову.

— Мы бы хотели слышать ваше мнение, Кузьма Романович, — вступил в разговор член Военного совета М. И. Старостин.

Синилов, конечно же, сразу понял, чего ждут от него все собравшиеся.

— Батальон боеспособен, — просто сказал он, — и задачу выполнит. Кстати, — продолжал докладывать Синилов, — сегодня ночью в расположение наших войск вышла группа бойцов 7-й заставы во главе с поваром Немировым. В тылу немцев они провели восемь дней.

На восток шли вдоль дороги, несколько раз успешно совершали нападения на немецкие фуры с продовольствием и даже автоколонны. Оказывается, немцы очень чувствительны к ударам в тылу. Видимо, наш пограничный батальон можно чрезвычайно эффективно использовать подобным образом.

После обмена мнениями Военный совет принял решение: высадить 181-й отдельный пограничный батальон на кораблях Северного флота под прикрытием авиации в тыл противника — на северо-западное побережье губы Большая Западная Лица. Задача батальону: действуя в тылу противника, отвлечь на себя его силы с фронта, не ввязываясь в затяжные бои с немцами, выйти на их коммуникации, уничтожать линии связи, штабы, мосты.

Адмирал Головкин, вызванный к телефону, с одобрением согласился с этим решением. Тут же было установлено время сосредоточения батальона в Ура-губе, время посадки на корабли и высадки на вражеском берегу.

«Первый десант, — вспомнил А. Г. Головкин, — был сформирован всего за два часа. Обошлось без всякой бумажной процедуры... В данном случае оперативность решила все и решила».

Той же ночью на 8 июля рыболовные суда с десантом на борту подошли к намеченному приказом месту и высадили на берег 529 пограничников во главе с командиром батальона Миронычевым и комиссаром Зыковым. Десантники тут же приступили к выполнению приказа.

Ночью 8 июля Московское радио в сообщении Совинформбюро передало (а эту передачу, безусловно, слушали и немцы), что «корабли Северного флота под прикрытием авиации высадили десант для содействия частям Красной Армии».

Активные действия пограничников в тылу, сообщение Совинформбюро повливали на немцев деморализующе. Не зная действительных сил десанта — а у страха, как известно, глаза велики — и опасаясь за свой левый фланг, генерал Дитл направил против пограничников два егерских и один пехотный батальон, тем самым он ослабил наступление на рубеже реки Западная Лица. Дитлу было от чего всполошиться: пограничники находились в трех-четырех километрах от штаба 2-й горнострелковой дивизи

ии. К тому же в Нерпичьей губе был высажен еще один наш десант — стрелковый батальон, ранее охранявший побережье Баренцева моря.

52-я стрелковая дивизия, воспользовавшись отвлечением сил противника с фронта, энергичными контратаками сбросила немцев с восточного берега реки Западная Лица и восстановила положение.

Помимо охраны и обороны государственной границы, на пограничников с началом военных действий была возложена и охрана войскового тыла. Приказом НКВД СССР начальник пограничных войск Ленинградского округа генерал-лейтенант Г. А. Степанов был назначен начальником охраны войскового тыла Северного фронта. В его распоряжение и оперативное подчинение передавались все войска НКВД, в том числе пограничные, в Карело-Финской ССР, Ленинградской и Мурманской областях. На них возлагалось наведение и поддержание порядка в войсковом тылу, обеспечение эвакуации, бесперебойной работы связи, борьба с парашютными десантами и агентурой врага.

Главными объектами охраны тыла 14-й армии были фронтовые коммуникации, Кировская железная дорога, переправа через Кольский залив. Чтобы усилить безопасность железной дороги, Сенилов в помощь полку железнодорожной охраны передислоцировал на узловую станцию Апатиты школу сержантов.

Обеспечить охрану тыла при одновременном участии пограничных подразделений в боевых операциях на фронте было невозможно без помощи местных партийных и советских органов, всего населения области. Поэтому и Сенилов, и политотдел округа, возглавляемый старшим батальонным комиссаром И. М. Мазуровским, предприняли ряд мер для дальнейшего упрочения и расширения связей с местным населением. В частности, пограничники активно участвовали в создании истребительных батальонов, частей народного ополчения.

«С переходом на военное положение, — говорилось в докладе командования Мурманского округа Главному управлению погранвойск от 16 августа 1941 года, — значительно усилилась связь с местным населением, партийными и советскими организациями».

Совместная практическая работа... выразилась в комплектовании истребительных батальонов, организации их военного обучения. Выделена часть командного и полити-

ческого состава для руководства и командования истребительными батальонами...»

Все бойцы истребительных батальонов проходили военное обучение, привлекались к охране отдельных объектов, к поискам парашютистов-десантников и экипажей сбитых немецких самолетов, вместе с полками народного ополчения они были резервом для пополнения частей Красной Армии и пограничных войск.

Уже в первых боях на границе, в боевых операциях на Мурманском, Рестикентском и Кандалакшском направлениях, пограничные части округа понесли существенные потери убитыми и ранеными. Многие командиры были направлены в истребительные отряды и ополчение. Перед Синиловым и его штабом остро встал вопрос о пополнении.

Убыль в командном составе удалось частично возместить прибывшими по мобилизации командирами запаса, а также командирами, направленными из Молдавского погранокруга. Труднее было с пополнением рядового состава. Офицеры штаба и политотдела по поручению Синилова выезжали в строительные батальоны и отбирали там бойцов для пограничных частей. Но и этот резерв был быстро исчерпан. Тогда на помощь пограничникам пришел мурманский комсомол.

По инициативе комсомольцев Мурманского судоремонтного завода началась запись добровольцев в пограничные войска. Обком ВЛКСМ и начальник погранвойск одобрили инициативу молодежи. Для обучения добровольцев Синилов направил опытных командиров. Это было прекрасное пополнение пограничных частей. Многие комсомольцы-добровольцы впоследствии отличились в боях.

...11 июля подполковник Ковалев доложил командованию погранокруга, что 181-й отдельный батальон успешно выполнил свою задачу и сосредоточивается на берегу для погрузки на суда.

Военный совет армии доволен действиями батальона, оттянувшего на себя значительные вражеские силы и тем способствовавшего стабилизации положения на фронте.

— Штабу нужно изучить и использовать в дальнейшем опыт действий батальона, так же как и опыт финской войны, для организации действий в тылу противника, — сформулировал вывод из доклада Ковалева генерал

Синилов. — Надо заставить немцев постоянно дрожать за свой тыл. Наши пограничники, привыкшие действовать мелкими группами и самостоятельно решать боевые задачи, подготовлены для действий во вражеском тылу лучше, чем кто-либо. Высадка десанта еще раз показала эффективность ударов по вражескому тылу. Видимо, штабу следует продумать и наметить план таких операций...

Синилова невольно прервал вошедший в кабинет адъютант. Извинившись — «весьма срочно!» — он положил на стол генерала запечатанный пакет.

— Прошу вас, Александр Лукьянович, — обратился генерал к подполковнику Прусскому, — план действий в тылу противника доложить Военному совету армии.

Прусский удивленно смотрел на генерала. Тот, предупредив его вопрос, объяснил:

— Теперь командовать войсками будете вы, Александр Лукьянович. Меня срочно вызывают в Москву.

В тот же день Синилов выехал в столицу. Сборы были недолги: семья его еще в первых числах июля, как только дочери вернулись из «Артека», где их застала война, эвакуировалась в Саратов.

— Действия по тылам противника — это стихия пограничников. Подумайте над этим, — еще раз повторил Синилов на вокзале пришедшим проводить его товарищам.

Эти наказания Кузьмы Романовича были осуществлены его преемниками уже после отъезда генерала в Москву. В Музее пограничных войск хранится примечательный документ. «Обзор боевых действий погранвойск Мурманского округа с 22. 6 по 1. 12 1941 года».

В обзоре, в частности, говорится, что с 7 июля по 1 декабря пограничные части округа совершили 70 рейдов по тылам противника, в том числе в составе полка (погранотряда) три рейда, в составе батальона шесть и в составе роты двенадцать. На глубину свыше 200 километров осуществлено два рейда, от 100 до 200 километров — три рейда, от 60 до 100 километров — 65 рейдов...

В Москве К. Р. Синилову поручили формирование 2-й отдельной дивизии особого назначения войск НКВД. Начальником штаба стал В. В. Лукашов. Комиссаром дивизии Синилов попросил назначить П. А. Скородурова.

С Петром Александровичем Синилов расстался еще в январе 1941 года — комиссара послали на высшие курсы переподготовки политсостава. Когда началась война, Скородумов получил назначение на Западный фронт, здесь был ранен, на излечение попал в Калинин. Еще не оправившегося от ранения, ходившего с костылем друга Синилов разыскал под Москвой, в Перхушкове, в резерве политсостава.

Во 2-ю особую дивизию вошли отдельные части и учебные заведения пограничных и внутренних войск, расквартированные в Москве и Подмосковье, в том числе Высшая пограничная школа, Пограничное училище имени В. Р. Менжинского, части по охране промышленных предприятий и другие.

Бойцы дивизии несли гарнизонную службу, охрану порядка и оборонных объектов.

Осенью 1941 года враг вышел на дальние подступы к Москве. Над столицей нависла грозная опасность. По решению Государственного Комитета Обороны началась эвакуация из Москвы оборонных заводов, научных и культурных ценностей, золотого запаса. Эти мероприятия проводились быстро и четко. Но наряду с организованной эвакуацией началось и стихийное бегство части населения и приезжих из других мест, поддавшихся провокационным слухам, распространяемым вражеской агентурой, о якобы неминуемой сдаче Москвы.

Части дивизии Синилова навели порядок в городе. Но в столице по-прежнему было тревожно. Немцы теперь совершали воздушные налеты не только по ночам, но и днем, что усилило тревогу жителей. 17 октября по Московской городской радиосети выступил секретарь Центрального и Московского комитетов партии Александр Сергеевич Щербаков. Он разъяснил москвичам сложность обстановки на Западном фронте, вынужденность и целесообразность эвакуации. Вместе с тем А. С. Щербаков опроверг провокационные слухи о якобы готовящейся сдаче столицы: «За Москву будем драться упорно, ожесточенно, до последней капли крови. Планы гитлеровцев мы должны сорвать во что бы то ни стало».

Секретарь ЦК призвал каждого москвича твердо стоять на своем посту, быть активным бойцом, стойко отстаивать Москву от фашистских захватчиков. Центральные и московские газеты призывали москвичей в эти грозные дни сохранять спокойствие духа, дисциплину, бди-

тельность и твердую уверенность в том, что Москва никогда не будет сдана врагу.

Бывший член Военного совета Московского военного округа и Московской зоны обороны К. Ф. Телегин вспоминал: «Принятые меры по поддержанию порядка и спокойствия в городе, видимо, принесли бы большие результаты, но усилившийся с фронта поток раненых, беженцев из западных районов Московской области... делали наши усилия недостаточно эффективными. Обстановка требовала уже других, более суровых мер военного времени...»

И они были приняты. Вечером 19 октября командующий и члены Военного совета Московского военного округа были вызваны на заседание Государственного Комитета Обороны. Выслушав их сообщения о ликвидации последствий случаев паники и неорганизованной эвакуации населения из Москвы 16—17 октября, ГКО в целях обеспечения обороны Москвы и укрепления тыла войск, защищающих столицу, а также в целях пресечения подрывной деятельности шпионов, диверсантов и других агентов немецкого фашизма принял постановление о введении с 20 октября в Москве и прилегающих районах осадного положения.

На этом же заседании Государственного Комитета Обороны было решено назначить генерал-майора К. Р. Синилова военным комендантом Москвы.

...Кузьму Романовича разбудил телефонный звонок — он прилег отдохнуть впервые за последние трое суток. Звонил дежурный по штабу, передал, что его срочно вызывают в Военный совет МВО, что машина уже выслана.

С Новопесчаной улицы машина вырвалась на Ленинградское шоссе и повернула направо, но шоферу тут же пришлось сбавить газ. С Волоколамского и Ленинградского шоссе к Белорусскому вокзалу двигались гурты скота. Потом машина нагнала колонну тракторов, тянувших прицепы с мешками, комбайны.

Как не похожа была эта затемненная, притихшая Москва на тот веселый, оживленный город, который он видел перед отъездом в Мурманск! Высоко в темном небе висели серые сигары аэростатов воздушного заграждения, на день их укрывали на бульварах. Позади, где-то за Химкинским водохранилищем, в черное небо вонзились кинжальные лучи прожекторов, за клубились вспышки

разрывов зенитных снарядов. Начался очередной налет на Москву фашистских самолетов.

То и дело машину останавливал красный лучик карманного фонарика. Удостоверившись, что в машине находится генерал Синилов, ночной патруль или докладывал об имевших место происшествиях, или о том, что ничего подозрительного не замечено.

На командном пункте командующего Московской зоной обороны Синилова встретил дежурный и сразу провел к генерал-лейтенанту П. А. Артемьеву. Тут же находился член Военного совета К. Ф. Телегин.

Командующий протянул Синилову пахнущую типографской краской листовку с текстом постановления Государственного Комитета Оборона.

— Читайте. Утром весь город будет знать, что вы комендант Москвы...

Объятый самыми противоречивыми чувствами, Синилов читал суровые строки: «Сим объявляется, что оборона столицы на рубежах, отстоящих на 100—190 километров западнее Москвы, поручена командующему Западным фронтом генералу армии т. Жукову, а на начальника гарнизона г. Москвы генерал-лейтенанта т. Артемьева возложена оборона Москвы на ее подступах».

Читая дальше, Синилов думал уже только о том, что, значит, не исключается оборона столицы на ближних подступах. Как в тумане различил последующие строки:

«...Охрану строжайшего порядка в городе и в пригородных районах возложить на коменданта города Москвы генерал-майора т. Синилова, для чего в распоряжение коменданта предоставить войска внутренней охраны НКВД, милицию и добровольческие рабочие отряды.

...Нарушителей порядка немедленно привлекать к ответственности с передачей суду военного трибунала, а провокаторов, шпионов и прочих агентов врага, призывающих к нарушению порядка, расстреливать на месте...»

— Строгое постановление, — закончив чтение, сказал Синилов.

— Как будем выполнять? — спросил Артемьев.

— Речь идет не только о Москве, но и о районах. Следовательно, нужно немедленно подчинить комендатуры подмосковных городов коменданту города, а в районах, где их нет...

— Придется создать, — угадывая мысль Кузьмы Романовича, закончил Телегин.

— Не только в районах области, но и в районах города нужно создать комендатуры, — резюмировал Артемьев.

Всю ночь Военный совет намечал организационные меры по осуществлению постановления Государственного Комитета Оборона.

Было решено, как вспоминает К. Ф. Телегин, перестроить всю комендантскую службу, создать 20 районных комендатур в Москве, девять в пригородах, а также комендатуры в Подольске, Коломне, Серпухове, Ногинске, Раменском, Орехово-Зуеве, Загорске.

В короткий срок были подобраны работники аппарата комендатур. «Все эти кадры, — свидетельствует К. Ф. Телегин, — отбирались со всей тщательностью и придирчивостью. На плечи этих людей ложилась нелегкая задача поддержания порядка и спокойствия в столице и пригородах, а если потребуется — участие в судьбе человека, умение отличить врага Советской власти от заблудившегося, растерявшегося человека. Поэтому каждый комендант и военком персонально утверждались Военным советом».

К. Р. Синилов непосредственно руководил организацией комендантской службы столицы в самые трудные дни сорок первого года. Были взяты под контроль все вокзалы и станции метро. Улицы и площади огромного города усиленно патрулировались круглые сутки. При въезде в город, а также в пригородах были выставлены заставы и контрольно-пропускные пункты, где проверялись документы у всех лиц, въезжающих или выезжающих из города. Вот где пригодился К. Р. Синилову его опыт организации и несения пограничной службы!

В эти дни Кузьма Романович изучал город, и не только по карте, но и путем личных поездок. Он бывал не только в районных комендатурах, но и на заставах. На одной из застав он встретил... старшего лейтенанта Баркова. Окончив Высшую пограншколу, Барков служил на западной границе, был тяжело ранен, после излечения получил назначение в районную комендатуру. Отзывы о нем были, к удовлетворению Синилова, самые добрые.

Комендант установил тесные контакты с органами государственной безопасности. В результате многие вражеские агенты, заброшенные в Москву или Подмосковье под видом военнослужащих Красной Армии, были задержаны комендантскими патрулями, контролерами КПП и изобли-

чены. Большую помощь оказали командиры и бойцы комендантской службы работникам московской милиции в борьбе с уголовной преступностью.

Особенно ярко организаторские способности К. Р. Синилова проявились при подготовке исторического военного парада на Красной площади 7 ноября 1941 года. О предстоящем параде Кузьма Романович узнал всего за сутки, а о точном времени его проведения — того меньше. В распоряжении коменданта столицы было всего лишь несколько почтовых часов. Но и за это короткое время, в условиях очень сложных — враг стоял под самыми стенами Москвы — Синилов сумел обеспечить высокую и четкую организацию парада, участники которого прямо с Красной площади ушли на фронт.

Парад 7 ноября сорок первого года стал предвестником победы, он вселял уверенность в сердца и души советских людей, что враг будет разбит... После того вошедшего в историю Великой Отечественной войны дня много еще было парадов на Красной площади, но этот парад, как и Парад Победы 24 июня 1945 года, навсегда врезался в память Синилова...

Более десяти лет пробыл Кузьма Романович на своем посту. Можно сказать наверняка, что не было в Советской Армии военнослужащего, который не знал бы фамилии коменданта Москвы. Его не просто знали, но глубоко уважали.

О военно-административной деятельности К. Р. Синилова можно было бы рассказать много интересного и поучительного, но это не входит в задачи данного очерка о нем как об одном из выдающихся командиров советских пограничных войск.

После увольнения в запас в 1953 году Кузьма Романович продолжал работать; он заведовал военной кафедрой в одном из московских институтов.

Только в эти последние годы, когда впервые в жизни у Кузьмы Романовича появилось немного свободного времени, даже мы, старые сослуживцы генерала Синилова, узнали его внеслужебные интересы и привязанности. Оказалось, к примеру, что он страстный книголюб, у него была тщательно подобрана библиотека исторической и военной литературы. Особенно богатым был в ней раздел истории России, главным образом эпохи Петра Первого. Из русских классиков Синилов предпочитал Чехова и Достоевского, из зарубежных — Джека Лондона.

Выяснилось также, что Кузьма Романович прекрасный шахматист. Нередко сыграть партию-другую к нему на московскую квартиру или на дачу заезжал экс-чемпион мира гроссмейстер Василий Смыслов. Неожиданностью для тех, кто не знал о крестьянском происхождении Синилова, явилось и его пристрастие к разведению пчел. До конца своей жизни Кузьма Романович сохранил любовь к музыке, часто бывал в Большом театре, посещал концерты в консерватории.

Заботливый отец солдатам, он был хорошим отцом и собственных детей — двух дочерей и двух сыновей, уделял их воспитанию много времени и внимания.

...Скончался Кузьма Романович в Москве 28 декабря 1957 года.

Михаил Смирнов

В селе, в котором жил Тима Строкач, называемом Белая Церковь, насчитывалось сорок хат. А в центре села стояла церковь — черная, деревянная, из векового кедра, что крепче железа. Срубили ее одновременно с хатами пришельцы с Украины → Сущенки, Моисеенки, Строкачи и прочие бедняки посреди суровой здешней тайги.

О той далекой настоящей Белой Церкви вспоминали мужчины со вздохами, а женщины со слезами. Непосильные налоги и нехватка земли заставляли людей уходить из родных украинских мест целыми семьями и даже деревнями, и, поверив посулам вербовщиков, они ехали искать счастья на край света.

За год до нового, двадцатого века дерзнул отправиться сюда, на Дальний Восток, «шукаты щастя» и Амвросий Строкач с женой и тремя сыновьями мал мала меньше. Тимы тогда еще и в помине не было — обо всем он знал из рассказов старших. Мечтали, что заживут богато и привольно на новых землях, но никто из приехавших не разбогател. Бились Строкачи с нуждой дружно, всю силу вкладывали в работу, а ничего не вышло.

А уж за что только не брались Строкачи: и гречу, исконную кормилицу, сеяли, и на Китайско-Восточной железной дороге, которая только строилась, работали. А ведь были Строкачи работящими, к любому делу годными и очень хотели выйти в люди.

Тима появился на свет в 1903 году. Жили они уже на строящейся тогда станции Пограничная, что между Россией и Китаем.

В ту пору Строкач-отец снова увел семью в деревню, к земле. На этот раз осели в Спасском районе, в 20 верстах от «чугунки» — приняли невезучих земляки-украинцы из села Белая Церковь. Здесь Тима уже помнил себя. Был он высоконьким, тощим, любознательным мальчишкой, до всего привыкшим доходить собственным разумением.

Среди товарищей отличался он не только умом, но еще силой и добротой. Хотя часто клал на лопатки сверстников, однако мало кто на него обижался, потому что делалось это в честном бою. Иных состязаний Тима не признавал. И в коноводы не метил — само собой так получалось, что было всем с ним интересно и лестно дружить. Вот вроде бы все мальчишки вместе были на ярмарке, а вернулись — и оказалось: Тима увидел больше других, рассказал занятнее, даже горькие песни о японской войне, что пелись там под гармонь и скрипку, запомнил.

— Ах, Тима, сынку мий, — вздыхал отец, — тебе бы учиться не в сельской школе, а в Спасской гимназии. Прости своего неспособного несчастливого батьку, что грошей у него нема на это...

Но и сельскую убогую школу Тима мог посещать только зимой: от ранней весны до поздней осени стерег чужих коней.

Амвросий Строкач был человеком мягким, даже кротким. Очень жалел жену Прасковью и детей своих — Андрея, Филиппа, Василия, Никиту, Тимофея и последыша — дочку Лидию. И терзался, что не смог дать им хорошей жизни. Был он высок, жилист, костист, очень силен и на вид суров. Но стоило попристальнее заглянуть в его глаза под грозными лохматыми бровями, как становилось ясно, какое у него доброе, открытое людям сердце. И при всем этом Строкач-отец никогда не угодничал перед теми, от кого зависело, дать или не дать ему работу и, стало быть, хлеб его семье. Очень по той самой причине не везло в жизни этому мягкому и непреклонному человеку.

Детей он старался воспитать подобными себе.

Больше других походил на отца и обликом и характером младшенький, сероглазый серьезный Тимоша.

В тайгу подросток Тима наладился ходить со старой безотказной отцовской одностволкой. Очень скоро стал неплохим охотником, познал жестокие таежные законы. А однажды неподалеку от села набрел Тима на арестантов. Они работали на лесоповале под присмотром вооруженных охранников и оказались людьми приветливыми и интересными. Не ругались плохими словами, как их конвоиры и пьяные сельские мужики, говорили складно, точно читали по книге. Отец не запретил сыну встречаться с арестантами, и тот стал часто посещать лесоразработки, хотя молчаливая, занятая домашней работой мать на

этот раз возражала. То, что говорили заключенные, было для Тимы как откровение. Такого он не встречал в книгах, которые давал читать школьный учитель.

Уже в германскую войну, когда из армии после лазарета приехал в отпуск Андрей, состоялся у братьев разговор.

— Что читаешь, Тимка? — спросил старший.

— Достоевский, роман «Преступление и наказание», — ответил младший, подавая томик.

— Достоевский... — Андрей полистал, вернул. — Что ж. Слышал, но читать не довелось. — Вздыхнул и сказал памятно, на всю жизнь: — Только, братику, важнее теперь для нас читать книжки, на которых вот здесь, сверху, написано: «Пролетарии всех стран, соединитесь!»

Приехал он из Белоруссии, с Западного фронта, после Октября, в начале восемнадцатого, демобилизованный. Рассказы брата, мысли его Тиме были уже знакомы от тех заключенных, с которыми познакомился перед самой революцией. И очень скоро в одну из ночей Амвросий Федосеевич разбудил младшего сына. Тима увидел батю своего и четырех братьев одетыми по-походному и вооруженными кто чем мог — старой берданкой, фронтowym карабином, тесаками, ножами. Он все понял:

— Тату, братики, возьмите меня с собой!

— Тиму не пушу! — крикнула тихая, спокойная всегда мать. — С ума сошел старый. Всю семью хочет под корень. Хватит там вас пятерых.

Прасковья Ивановна напрасно беспокоилась — муж и не собирался брать Тимошу в красногвардейский отряд.

Он оставался за старшего с матерью и сестрой. Обнялись все Строчаки на прощание, ни одной слезы никто не проронил.

Вскоре Строчач-старший сам отправил своего Тимошу к партизанам: пусть воюет за новую жизнь...

В партизанском отряде заметили смелого парнишку и стали посылать Тиму в разведку. А когда большими силами ударили белые на Спасск, город пришлось отдать, и стала Белая Церковь центром партизанского края, в доме Строчачей расположился его штаб. Те недели и месяцы были для шестнадцатилетнего Тимоши настоящим военным университетом. Он близко узнал многих партизанских командиров и комиссаров — Борисова, Певзнера,

Постышева, сдружился со своим ровесником Сапеей Булыгой*.

Теперь уже никому не приходило в голову оставить его дома. Небывало лютой зимой 1920 года партизанский край оказался под ударом белогвардейских сил генерала Детерикса. Одетый в драный кожаный, стоптанные валенки, Тимофей ходил в разведку к железной дороге, по которой враг подбрасывал подкрепления. А потом тем же путем повел партизан Баранова в тыл к белым. В сорокаградусный мороз отряд вышел к железной дороге и перерезал ее. Атаковавшие Белую Церковь части, не получая подкреплений, были отрезаны от главных сил и стали поспешно отходить.

В том бою молодой Строчач раздобыл первый военный трофей — великолепный маузер. Хотел отдать его командиру, но тот сказал, что солдатский трофей всегда приносит боевую удачу и нельзя с ним расставаться. Вернулись домой, и тут Баранов увидел: на плече его партизана проступала через одежду кровь.

— Ты ранен?

— Нет, товарищ командир, это винтовка разбила, когда по тайге шли.

— Что же не сказал ты, парень, разве можно было такую боль столько часов выносить?

— Постеснялся тогда. Не до меня вам было.

— А после боя чего молчал?

— Решил дотерпеть.

— Силу воли проверял, так я понимаю, — сказал Баранов. — Ну молодец, Строчач, будет из тебя настоящий вояка. А винтовку больше не носи. Воюй со своим маузером, он полегче. Подрастешь, отъешься, тогда и трехлинейку возьмешь. Если, конечно, к тому времени война не кончится.

Не скоро кончилась на Дальнем Востоке война — много позднее, чем в Европейской России. И до полной победы над белогвардейцами и интервентами воевал молодой партизан Тимофей Строчач.

Летом двадцатого, когда отошли в Забайкалье главные партизанские силы, ворвались в село японцы. Началась расправа, первой запылала школа, потом несколько до-

* Булыга — партийная кличка будущего писателя Александра Фадеева в пору его партизанской юности (1919 год).

мов партизан. Среди крика и плача женщин и детей два десятка арестованных односельчан прошли по улицам.

Но к вечеру вернулись отец и брат Филипп, помогли заложникам ускользнуть от японцев. А Тимофеем со сверстниками Родей Сущенко и Юхимом Моисеенко, всего человек двадцать, задумали отомстить.

Вспомнили, что стоит вражеский бронепоезд в распадке, у пустынного развезда, где Тима работал грузчиком когда-то, а в тупике приткнулась нагруженная лесом платформа...

Быстро пробрались туда.

— Ну, хлопцы, взяли, — тихо скомандовал Тима, — еще взяли. Пошла, родная!

Сначала со скрипом, тихонько, потом все быстрее покатила тяжелая платформа под уклон. Уже вдали раздается торопливый перестук колес с рельсами. И вот лязг ломающегося железа, тяжелый удар донесла земля, и вслед взрывы, выстрелы.

Поблудневшие, но решительные парни переглянулись:

— Каюк бронепоезду! Будут, гады, помнить село Белая Церковь...

Когда образовалась комсомольская ячейка, секретарем выбрали Тимофея Строкача. Его и еще нескольких хлопцев и девчат принимали в РКСМ на первом собрании. Принять-то приняли, а за членскими билетами все никак не могли собраться ни секретарь сельской ячейки, ни его комсомольцы. Все добровольцами пошли в чоновский отряд, и дел хватало.

Днем, поставив тут же винтовки, работают ребята по ремонту железной дороги — меняют рельсы, шпалы, производят балластировку пути. И ни одной ночи не проходит без тревоги — из-за близкого (в десяти верстах) кордона прорываются шайки белогвардейцев и хунхузов, лезут контрабандисты, лазутчики, диверсанты. В помощь пограничникам Спасский уездный комитет партии выделил отряд ЧОН села Белая Церковь. Дело доходило до серьезных многодневных боев. А однажды (это было гораздо позже, уже в двадцать третьем) большая банда совершила вооруженное нападение на город Спасск. И пришлось Тимофею вести группу пограничников и весь свой отряд по знакомым дорогам в тыл противнику. С рассветом они отрезали банде путь за рубеж. Огневого боя она не приняла — хунхузы кинулись к границе, и

тут их дружными залпами встретили пограничники и чоновцы Тимофея Строкача.

После боя командир пограничников сказал ребятам, что благодарит их от лица Рабоче-Крестьянской Красной Армии за помощь и дает трое суток отдыха. Пусть отоспятся и отправятся, наконец, в уком комсомола. А то за что же на них напасть такая: неплохо воюют, а билеты комсомольские никак получить не могут...

Какую роль сыграл в судьбах семерых белоцерковских парней из отряда ЧОН — в том числе и Тимофея Строкача — этот лукаво-серьезный, еще молодой, да поседевший командир-пограничник товарищ Орлов, сказать теперь не легко. И видел-то он их всего несколько боевых дней. А когда вызвали всю дружную семерку в Спасск, у секретаря укома комсомола на столе список лежал, и в нем первым по селу Белая Церковь значился Тимоша Строкач.

Уком комсомола рекомендовал его в пограничные войска.

Недалеко от родных мест выпало служить красноармейцу Строкачу — в Никольско-Уссурийском пограничном отряде, что занимал самый левый фланг огромной границы Республики Советов — от реки Тюмень-Ула на стыке с Кореей и далеко на север по реке Уссури.

Пополнение встретил уже знакомый красный командир Орлов с серебряной головой и не сходящим даже зимой загаром. Он оказался комендантом Иманской погранкомендатуры.

— Значит, учить вас ездить на конях и стрелять не надо, — весело сказал он. — Это хорошо, это даже очень отлично. Потому что некогда учиться. Ожидаем со дня на день из-за кордона нападения крупного отряда бандитов. Задача такова: не отбросить банду назад, на сопредельную сторону, а полностью уничтожить. Как мы говорим, снять с централизованного учета. Все ясно?

И хотя пока все было неясно, семеро молодых пограничников дружно, с азартом ответили то, что полагалось:

— Так точно, товарищ командир!

Но седой оптимист товарищ Орлов являлся начальником, как говорилось в погранвойсках, прямым — у него таких бойцов, как Строкач, были сотни. А вот непосредственным начальником Тимофея стал командир отделения Петр Первушин, ровесник, комсомолец, забайкалец, вое-

вавший в Красной Армии еще с девятнадцатого, славный, преданный товарищ и терпеливый наставник.

Потянулись пограничные будни. Из-за кордона непрерывно прорывались большие и мелкие банды белогвардейцев и хунхузов, шайки контрабандистов, проходили диверсанты, шпионы, террористы. Плотно закрыть границу отряд, несмотря на все усилия, пока был не в состоянии.

Только что сколоченному отряду надо было все создавать заново. Не было мостов. Реки, текущие к границе, приходилось преодолевать на плотках или лодках, а то и вплавь на лошадях. Однажды во время переправы через реку Иман испуганный близкой стрельбой конь сбросил с себя Первушина; тот был в полной амуниции — с винтовкой за спиной, при шашке, в тяжелых сапогах, — Петро стал захлебываться. Тимофей, который был отличным наездником и пловцом, кинулся прямо с седла, не отпуская поводья, на выручку. Нырнул, перехватил командира уже под водой, потащил наверх, посадил в седло своего коня, сам поплыл рядом. На берегу Петро пришел в себя:

— Спасибо, Тимоша, друг, а то я, признаться, уже почти до речного царя добрался...

По берегу Уссури, тянущейся от озера Ханка на север и составлявшей почти половину отрядной границы, густо росли деревья и кустарники. Пограничной тропы еще не было, и нарядам приходилось продираться сквозь чащу.

Не хватало обмундирования, оружия. Далеко не всюду стояли домики застав, и приходилось жить в крестьянских домах, даже в землянках, скудно было с продовольствием, фуражом.

А в ближнем тылу отряда, в прикордонных селениях и городках, скрывались, поддерживаемые кулачем, остатки белогвардейщины; активно вела себя еще не раздавленная японская и американская резидентура; в таежных сопках свили гнезда осколки недобитых разномастных шаяк — они грабили население, жгли дома, угоняли скот, убивали активистов. В самом Имане, невидном городишке, затаились направляемые из-за Уссури активные террористы. Через несколько месяцев после приезда Тимофея, в разгар операции по поимке банды бывшего царского офицера Даренского, подверглась нападению группа работников комендатуры, в которой были Первушин и Строкач. Они обедали в китайском ресторане в центре город-

ка. Вдруг в открытом окне показалась чья-то голова, потом рука с пистолетом, и тотчас брызнуло со стола на вскочивших пограничников соком от разлетевшегося под ударами пуль арбуза. Как птица вымахнул в окно легконогий, ловкий Тимофей, сверху упал на ошалевшего террориста, опрокинул, и тот крикнуть не успел, как выкрутил ему за спину руку с пистолетом.

В тот же день на вокзале стреляли и в старшего оперуполномоченного комендатуры, друга Тимофея Володю Измайлова. Этот отчаянный террор был ответом врагов на действия пограничников, которые одну за другой «списывали в расход» местные банды.

Крепким орешком для комендатуры долго была группа Даренского. За ней гонялись и до приезда Тимофея, и при нем. Хитер, изворотлив, коварен, жесток был бандит-закордонник, «его благородие», поклявшийся ни много ни мало как истребить иманских пограничников. Узнав об этом, ребята взвились: на партийно-комсомольском собрании решили не давать себе отдыха, пока действует Даренский. Встал только что принятый в кандидаты ВКП(б) решительный Первушин:

— От своего имени и от имени моего помощника и верного друга Тимы Строкача заверяю...

Долгие часы просиживали начальник группы и его помощник в нарядах над Уссури. За рекой в городе, именуемом Ху-ли-сан, располагался штаб белогвардейцев. Оттуда по бесчисленным тропкам и дорожкам, отрядами и в одиночку двигались на нашу сторону бандиты, чаще всего нацелившись на удобную для внезапных действий Ракитинскую долину.

Ждали только данных разведки. Наконец она сообщила, что находится Даренский со своим штабом в селе близ райцентра Ракитное.

Комендант Орлов сам руководил операцией. В помощь прибыли казаскадроны, были стянуты чоновцы из всей округи. Все силы Орлов разделил на три части. Одну из групп возглавил Первушин, другую Строкач. Они не имели еще званий командиров, но фактически уже исполняли эти обязанности.

Первой ушла конная разведка, переодетая в гражданское платье. Надо было действовать крайне осторожно. Этот Даренский практиковал такой прием: одевал часть своих людей в пограничную форму, и они появлялись в населенных пунктах. Бандиты собирали коммунистов,

комсомольцев, сельских активистов якобы на собрание, а затем уводили в лес и убивали. Приходилось объяснять в селах, что люди разного возраста могут быть только среди лжепограничников, им нужно давать отпор и срочно извещать об их появлении в комендатуру или на заставы.

И теперь, едва разведчики из мангруппы появились вблизи тех мест, где оперировала банда, в комендатуру верные люди тотчас дали знать, что замечено несколько одиночных всадников («Молодые, но в гражданской одежде»); кто такие и каковы их намерения, понять не удалось... Получив сообщение, краском Орлов довольно потер руки («Своя своих не распознала!»). Но оказалось, радоваться рано: тотчас прискакал охлюпкой, без седла, парнишка-чоновец:

— Там кавалерийский эскадрон взял в плен бандитов в гражданском, хотят их порубать!

Пришлось срочно выручать своих разведчиков, которых красноармейцы не знали. («Неувязочка твоя, дорогой товарищ Орлов», — самокритично заметил комендант.)

Потом уже стало известно, что из тех же сел информировали не только комендатуру: предупрежденные кулачем, Даренский и его подручные действовали крайне осторожно. Отдельные небольшие отряды закордонников не выдавали себя, даже если благоприятно для них складывалась обстановка. Петр Первушин со своей группой устроился на ночевку в том же селе, где в одном из сараев скрылся отряд бандитов. Тем представился отличный, редчайший случай уничтожить пограничников сонными. Но опытный офицер не воспользовался заманчивой возможностью — терпеливо выждал, пока первушинцы уедут. Узнав об этом печальном эпизоде, Петро ахнул от досады и сник бы вовсе, если б не друг. Тимофей долго убеждал, что от такой случайности не застрахован даже опытный боевой краском Орлов. Ведь он при очень сходной ситуации был схвачен и расстрелян бандитами, только воскрес и снова с ними дерется. Петро поменьшеку отошел, и друзья вспоминали уже с юмором о бандитах, через щели в стенах сарая злобно следивших за уезжавшими пограничниками.

Обидно, конечно, было всем, что упустили, но ничего не поделаешь, надо исправлять промах.

Отдельные стычки с небольшими отрядами Даренского

продолжались несколько месяцев. И вот уже осенью точный сигнал: «их благородие» с группой человек в 150 замечен вблизи Ракитного, на заимке у местного кулака. Ринулись туда пограничники с трех сторон, окружили район и стали сужать кольцо. Ворвались на заимку — никого: ни хозяев, ни гостей. Предупрежденный Даренский скрылся. Куда? Неизвестно. Надо искать.

Орлов даже как будто повеселел, узнав об этом, сказал:

— А я и не располагал, что черная борода глупее...

Подозвал Измайлова (тот уже ездил верхом, хотя рука была на перевязи), Строкача, Первушина, отдал короткие распоряжения, и два отряда, разделившись, разными дорогами ушли на рысях к дальнему лесу, к таежным сопкам.

Теперь все решали быстрота, интуиция следопыта, опыт пограничной службы и, конечно же, солдатская смелость и удача.

Тимофей даже не смог потом объяснить, что помогло ему верно обнаружить путь отхода бандитов. Все же осторожность в Даренском должна возобладать, решил Тимофей. Боевой офицер, командующий военным отрядом, отошел бы к своим сопкам, где можно драться с превосходящими силами противника. Но бывший генштабист Даренский давно уже обрел психологию бандита, привыкшего избегать прямого боя и предпочитавшего ему бегство. Оттого Строкач торопился перекрыть границу. Он поспел к кордону раньше бандитов: видимо, Даренский все же колебался, петлял, прежде чем дать окончательный приказ об отходе на сопредельную сторону.

Тимофей спешил своих бойцов, положил их в широкую цепь, слегка загнув фланги, обращенные в сторону противника. Лучших стрелков оставил при себе, в центре «подковы», — главный удар предстояло принять здесь.

Теперь успех всей операции зависел от того, выдержит ли отряд удар во много раз более сильного врага.

Ждали недолго: по сигарке едва успели выкурить.

Рассыпавшись лавой, с воем и криками, крутя в воздухе пашками, стреляя из винтовок, понеслись бандиты на залегших пограничников. Первый залп многих из них выбил из седел. В таких случаях, когда не удался первый ошеломляющий наскок, лава заворачивает и отходит. Но у Даренского не было иного выбора, кроме прорыва к границе. Скоро, привлеченные боем, должны были по-

дойти главные силы пограничников. И поэтому бандиты снова прищипорили коней. Бойцы стреляли, уже не дожидаясь команды на залповый огонь. Особенно сильный урон атакующим наносили стрелки, находящиеся на флангах. Если бы Тимофей имел хотя бы один-два ручных пулемета, отбивать атаки было бы много легче.

Сам он стрелял неторопливо, расчетливо, мельком удивляясь своему хладнокровию. Положение создавалось тяжелое. Но вот противник не выдержал: атакующие стали класть лошадей и стрелять из-за них, как из-за укрытий. Огонь с той стороны усиливался, с нашей — одна за другой замолкали винтовки. Только тяжело раненные пограничники переставали стрелять. Ни один не отползал назад, к предречному леску, где коноводы укрыли лошадей.

Вот кто-то из бандитов приподнялся:

— Эй вы, краснопузые, лучше пропустите нас добром, а то всех до одного перестреляем!

Тут же того, кто предлагал такое своеобразное «перемирие», срезала пуля. Тимофей понимал: бандитам под огнем не сесть на коней, чтобы отойти. Но если не подоспеют на помощь товарищи, еще полчаса огневого боя — и всех пограничников перебьют...

Ствольная накладка стала горячей от стрельбы. Тимофей отложил винтовку, вытащил маузер, принялся стрелять из него. Над медленно ползущими на сближение бандитами вихрились легкие облачка пыли...

И тут издалека донеслось долгожданное родное «а-а-а!». Победный клич уцелевшие пограничники, быть может, скорее почувствовали, чем услышали.

Бандиты заметались. Одни поднимались и бежали назад, другие навстречу выстрелам бойцов Строкача. Но это уже была агония. Через несколько минут в клубах пыли подскакали густой лавой пограничники, красноармейцы, чоновцы.

— Клади оружие, гады!

— Выше руки подыми, твое благородие!

Тимофей поднялся и на слабых ногах пошел навстречу всадникам. Около спешившегося бледного Орлова остановился:

— Товарищ командир, задание выполнено. В отряде трое убитых, раненых подсчитать не было возможности. Докладывает красноармеец Строкач.

Осень 1925 года выдалась жаркой — мангруппа гонялась за бандами Ширяева, Гацелюка, хунхузами. К тому же еще краском Измайлов, возглавлявший в комендатуре опергруппу, «по-приятельски» все чаще привлекал Тимофея к участию в допросах задержанных бандитов и контрабандистов. Володя обнаружил в товарище «талант оперативника» и считал, что он, как никто, ловко умеет во время допроса проникнуть в ход мыслей запирающего врага и отлично выводить его на чистую воду.

Тимофея рекомендовали на учебу в Минскую пограничную школу.

Высокого мнения о способностях Строкача был не только комендант Орлов, направивший его на учебу, но и другие отрядные начальники: одни считали, что Тимофей станет отличным строевым командиром, другие — что он рожден быть политработником, комиссаром.

В общем, все сходились на том, что Тимофей Строкач — личность незаурядная, прирожденный пограничник и ждет его в войсках большая судьба.

Перед самым отъездом пришла от брата из Белой Церкви телеграмма: «Отцом несчастье. Приезжай срочно. Андрей».

Еще не добрался до дому, а уже знал: бати в живых нет. На станции Свягино встретился односельчанин, рассказал: когда Строкачи — отец и сыновья — стали застрельщиками в организации коммуны, кулаки грозили не раз... Как из-за кордона банда новая прорвется — летит очередная кулацкая угроза. Ружье старое, довоенное еще (так Тиме знакомое!) у Амвросия Феодосьевича в изголовье всегда стояло: ночами всякое случалось — и поджоги, и стрельба в окна. Старый Строкач даром что мягкий, приветливый был человек — линию коммунарскую гнул настойчиво, угроз не пугался. На меже и лег с простреленной головой. С поля везли Феодосьевича на простом крестьянском возу, точно на триумфальной колеснице, и народ толпами выходил навстречу. Так в старое время генералов не провожали.

Тимофей погоревал, как мог, утешил мать, но нужно возвращаться на службу. Вложил Строкач в комсомольский билет фотографии отца и семейных, распрощался с домашними, с товарищами и уехал.

Через полтора года, в 1927 году, окончив пограничную школу, командиром он возвратился на Дальний Восток. Обстановка на границе все более усложнялась.

Тимофей Строкач на боевой практике знакомится с положением.

Он видел: закордонное «революционное» охвостье переживает кризис. Банды, переходящие рубеж, уже не такие многочисленные, да и действуют осторожно. Пограничники теперь лучше вооружены, обмундированы и устроены, накопили боевой опыт.

Немного освоившись с делами, Тимофей отправился в Нововоскресеновку, в клуб, куда давно звали товарищи.

На улице возле школы, окруженная ребятами, стояла улыбчивая девушка с книжками и тетрадками в руках. Имя ее стало известно Тимофею еще раньше, чем он обратился с вопросом, как пройти к клубу.

— До свидания, Полина Марковна! — на всю улицу звенели детские голоса. Тут и глухой бы услышал, не то что пограничник, который обязан все видеть, слышать, знать об окружающем лучше гражданских.

— Наш клуб в центре села, — сказала она, — я иду в ту сторону, могу вас, товарищ, довести.

Он хотел помочь ей нести книжки и тетрадки, но она решительно ответила, что ни на кого не хочет перекладывать свои обязанности, как лицо самостоятельное. И вообще женщины в СССР должны на практике доказывать свое равноправие и независимость.

И тут обоим стало немного неловко.

— Как вас зовут, я уже знаю, — сказал он. — А меня — Тимофей.

— Очень приятно, — ответила она и покраснела. — Я вообще-то Пелагея, но это несовременное имя, и я прошу всех звать меня Полиной.

— А моя фамилия Строкач, но все ее произносят Стрoкaч, и я смирился настолько, что сам так говорю, — сказал он.

Оба засмеялись.

— Вот клуб. До свидания, — и пугливо ушла, ни разу не оглянувшись, хотя он настойчиво глядел, вслед...

Поженились они через год. Собрались друзья: несколько командиров-пограничников и учителей, пригласили председателя сельсовета. Хвалили чай и шанежки, приготовленные Полиной.

Сняли на окраине Нововоскресеновки, близко от заставы, комнатку.

Тимофей уже был начальником заставы. Полина много работала. В школе жизнь текла однообразно, а на заставе каждый новый день не походил на предыдущий.

Полина приходила на заставу заниматься с малограмотными бойцами, и оказывалось, что никого из ее учеников нет на месте. Через какое-то время появлялись окруженные бойцами, заросшие грязью, угрюмые или угодливо улыбающиеся хунхузы в длинных пальто на вате, в стеганых же куртках и штанах. Позади тащились их маньчжурские лошадки, а в санях-кошевках или в притороченных к седлам специальных мешках везли захваченные контрабандные товары. Иногда урок прерывался боевой тревогой.

Не раз со слезами глядела молодая учительница вслед мужу, уходившему навстречу смертельной опасности. И каждое его возвращение становилось праздником.

И, несмотря на все эти трудности, не только Тимофей, но и Полина очень любили жизнь на заставе, которая неразрывно слилась с их молодостью, любовью, рождением дочки.

Девочку назвали Людмилой. Вскоре, возвращаясь из командировки, счастливый отец заехал за женой, которая гостила после рождения дочки у родных, и повез их обратно на заставу на пароходе. Полина в каюте кормила девочку, Тимофей стоял на верхней палубе.

Из Благовещенска вверх по Амуру плыли пограничники и командиры Красной Армии с семьями, крестьяне, служащие. На пароходе мужчин было сравнительно немного, военнослужащих и вовсе мало.

Внезапно с того берега раздались выстрелы. За дальностью пули никого не задели. Тимофей, вытаскивая из деревянной потертой кобуры свой партизанский маузер, громко крикнул, чтоб женщины и дети ушли вниз. Командиры-пограничники и армейцы залегли тут же на палубе и открыли огонь из личного оружия, которое было малодейственно на таком расстоянии. Но все пассажиры парохода должны были знать, что у них есть защитники, принявшие бой.

Вскоре вырвался от берега серый бронекатерок и храбро ринулся прикрывать собою пароход. С катера длинно, басовито полоснули по маньчжурской стороне станкачи, пароход ходко пошел прочь от засады.

Зимой 1929 года с должности начальника заставы в Приамурье Строкача перевели в Даурский погранотряд

помощником коменданта по строевой части. То была знаменитая Даурия. Кто из бойцов, командиров, политработников Красной Армии, пограничных войск, отслуживший в ее пределах, отдав ей свою молодость, позабудет те бурные годы и грозные события?! Даурия! У каждого, кто служил или воевал, была своя Даурия, даже если он не побывал в Забайкалье, был тот рубеж, с которого не позволяли сойти Боевой устав, солдатская совесть, верность присяге, преданность Большой земле, именуемой Родиной.

Здесь было плохо с едой («Черт бы побрал эту соленую кету три раза в день!»), а воду возили в специальных цистернах и выдавали по талончикам (талончик — ведро). Сюда приходилось везти даже лозу для рубки, чтоб обучать красноармейцев. Здесь скверно было с жильем. Платили «чумную надбавку» к зарплате, и, хотя чумой никто не болел, давило постоянно чувство жуткой угрозы.

Существовал приказ: в Даурии служат не более трех лет. И все, все можно было вынести ради того, чтоб высилась в неласковом краю, к которому не лежала душа, далеко видная с той, враждебной стороны, над рельсовой колеей красная арка с белой надписью: «СССР — страна социализма».

Вот теперь-то и получил Тимофей Строкач ответ на трудный вопрос — в какие формы выльется навязанная нам врагами пограничная борьба в Приморье, Приамурье, Даурии после разгрома здесь контрреволюционных, антисоветских сил. Теперь, на рубеже тридцатых годов, когда рухнула ставка империалистов на белогвардейщину, настало время пограничных конфликтов — мощь Страны Советов прощупывалась в широких масштабах.

Поселились Строкачи в селе Абагайтуй, где жили забайкальские казаки, вместе с другими семьями комсостава. Отвели им дом недавно сосланного на Север кулака. Ночами дико выл ветер, и даже неробкая Полина тогда не могла спать спокойно, сидела, кутаясь в шаль, над кроваткой дочки и все прислушивалась: где Тима и что там, на границе?

Вчера вечером пришел усталый, с ввалившимися глазами. Зачем-то принес винтовку, подсумок с патронами. Поужинал, постоял над безмятежно щебечущей полугодовой Лялькой.

— Поля, я посилю немного. Придут из комендатуры — буди сразу.

— Сними хоть сапоги.

— Да, пожалуй, сейчас, сейчас...

Она подошла — он уже спал, в сапогах, даже ворот не расстегнул.

Стрельба началась минут через тридцать-сорок. Он сразу вскочил, надел фуражку. Взял винтовку, подошел к жене:

— Полюшка, в крайнем случае... не сдавайся... отстреливайся... До свидания. Но надеюсь, все будет хорошо...

Обнял и вышел.

Она, как и большинство жен командиров, хорошо стреляла. И в самом деле, с винтовкой было не так жутко, не так беспомощно.

Полина была готова ко всему. И жизни дочери и свою дешево не отдаст, станет стрелять до последнего патрона. А там, может, и их отец со своими пограничниками на выстрелы подоспеет.

Дальше думать ни о чем не хотелось.

Село замерло.

И тут сквозь надрыв непогоды услышала Полина новые звуки: где-то далеко родилось и стало близиться гарахтенье окованных железом колес, его покрыл торопливый ляг танковых гусениц. То на подмогу пограничникам и частям прикрытия торопились мотомехчасти регулярных войск Красной Армии.

От пограничников, которые знают, в какую сторону клонится под ветром знакомый кустик и каковы привычки «коллег» на сопредельной стороне, невозможно скрыть подготовку крупной провокации. Сотни больших и малых признаков говорили, что там, за пограничными знаками, вырываются большие события.

Дважды в удачно выбранные ночи, когда хлестал ледяным дождем ветер, проводил на ту сторону и встретил по возвращении две группы людей заместитель коменданта по строевой части Абагайтуйевской комендатуры Строкач. Отлично выбрал он место перехода, что тоже стало залогом успеха важной операции. Ушли на задание товарищи — в последний раз пожал им Тимофей руки... Отправлялись, как говорилось тогда, «с полным сознанием долга» и принесли ценнейшие разведданные.

На первых порах, пока не подоспели мотомеханизированные войска, заставам и комендатурам пришлось труд-

но — враг навалился превосходящими силами. А после той переломной ночи, которую проводила слезами радости Полина Строкач, погнали, погнали врага вспять армейцы и пограничники. Командование ОКДВА предложило выделить от Абагайтуевской комендатуры возможное число людей в помощь полевым войскам с задачей отрезать пути отхода белокитайцам. Тимофей с отрядом красноармейцев после успешного выполнения этого задания вместе с частями РККА побывал в занятых городах Маньчжурия и Чжалайнор.

И еще пришлось отряду и наличному составу всех трех его комендатур организовать охрану плененной десяти тысячной армии генерала Лян Чжун-дя, его штаба и самого командующего и нести караул вплоть до развязки конфликта. То была хоть и нелегкая, но уже отчасти окрашенная в юмористические тона операция с огромным контингентом полуголодных, оборвачных, разговорчивых солдат, которые, наверно, впервые сытно ели, мылись дочиستا, которых никто не ругал, не бил, не гнал на убой... Красноармейцы в зеленых фуражках (уже получившие за свое суровое благодушное звание «госападина капитана») с изумлением наблюдали за этим странным пленным табором, еще вчера бывшим войском.

Пришло время Тимофею покинуть Дальний Восток. Его посылали на учебу в Высшую пограничную школу. А на Востоке оставались детство, партизанская юность, молодость на погранзаставах... Здесь трудились мать и родные, здесь была могила отца. Тут работал таможенником изувеченный бандитом, но оставшийся верным погранвойскам боевой друг Петро Первушин.

Поезд уносил Тимофея в Москву, а он почти непрерывно курил и, не отрываясь, глядел в окно — прощался со своим родным, суровым краем.

На Дальний Восток Строкач больше не попал. После окончания ВПП получил назначение на западную границу: сначала служил начальником мангруппы в Славутском погранотряде, потом на строевых и штабных должностях в Могилев-Подольском. К осени 1938 года майор Строкач принял командование Молдавским отрядом. В конце 1937-го его избрали депутатом Верховного Совета СССР, с 1938 года он — член ЦК КП Украины.

Начальником пограничных отрядов утверждал ЦК ВКП(б). В графе «Взыскания» послужного списка Строкача было неизменно чисто, графа наград и поощре-

ний зато заполнялась густо: благодарности, грамоты, именные подарки — шашка, кавалерийское снаряжение, ружье, часы (страстному коннику, охотнику было это очень кстати!) — и первая правительственная награда — медаль «XX лет РККА».

К 1938 году, когда Тимофей привял отряд, он был и внешне уже не «дальневосточный» Строкач.

Теперь это был высокий, немного погрузневший мужчина с начинающим лысеть высоким лбом, русыми, с едва заметной рыжиной волосами, всегда аккуратный, подтянутый, неизменно приветливый, ровный, спокойный в общении с людьми всех рангов, одинаково уважаемый и любимый подчиненными, коллегами-сослуживцами и начальниками.

Отряд стоял в Тирасполе; Тирас — древнее название Днестра, и река разделяла здесь два государства, два мира. Но между ними формально была не граница, а временная демаркационная линия — Советское правительство не признавало отторжения от страны Бессарабии.

Конечно, западная граница, хотя положение здесь год от года, а теперь уже месяц от месяца становилось все напряженнее, однако же отличалась от дальневосточной. В Европе на границах СССР враги предпочитали действовать не боем и разбоем, как то было в Азии, а без шума, учиня «тихие» диверсии, убийства, провокации и иные нарушения и лишь только в редких случаях отваживаясь на открытые конфликты.

В октябре 1938 года отряд получил пополнение — то были молодые ребята 1917 и 1918 годов рождения, кандидаты партии и комсомольцы, народ отборный, они пришли в погранвойска по спецнабору. Ночью их привезли в Тирасполь и, одетых еще в гражданское, привели в казармы. Утром сыграли новичкам подъем, постригли, помыли, переодели в бушлаты, буденовки, сапоги и построили, разбив на роты и взводы.

На плацу стояли в строю несколько сот славных парней, из которых предстояло в самые жесткие сроки сделать настоящих пограничников.

Гремит команда: «Смирно! Равнение на середину!» Начальник учебного батальона капитан Архипов, красиво печатая шаг, идет навстречу начальнику отряда, отчетливо отдает рапорт. Сейчас важна каждая деталь — она навсегда запомнится новичкам. Майор Строкач и

комиссар отряда Мухин идут вдоль строя неторопливо, внимательно глядясь в лица.

У начальника и комиссара впереди огромный напряженный день. Однако это касается только их, а молодежь из пополнения должна чувствовать — сейчас она в центре внимания.

Правофланговый — высоченный паренек с энергичным, волевым лицом. Таким был сам Строгач 15 лет назад, когда добровольцем пришел в пограничные войска.

— Представьтесь, — говорит майор.

— Никольский Василий, — паренек глядит на начальство открыто, смело, отвечает с достоинством. — Призван со станции Мга Ленинградской области. Бригадир слесарей, секретарь комитета комсомола завода. Кандидат партии.

— Вы? — обращается майор к другому бойцу, коренастому, спокойному.

— Сидоров Степан, уроженец села Путилова, что на Ладого, сотрудник газеты «Мгинская правда», кандидат партии.

— Земляки? — кивает на Никольского комиссар.

— Так точно, и еще друзья, — отвечает тот.

— Вы? — говорит майор.

— Брютов Василий. Уроженец Алтая, кандидат партии, в армии с апреля этого года, был на комсомольской работе.

— Вы?.. Вы?.. Вы?..

Со всех концов страны. Но особенно много ленинградцев — при отборе в погранвойска не последнюю роль сыграла принадлежность к питерскому пролетариату.

Здесь же на плацу усаживает на травку майор Строгач пополнение, разрешает снять шлемы, сам снимает фуражку, отирает лоб, оглядывает слушателей. Сотни пар глаз устремлены на начотряда. Ослепительное солнце, очень тепло нынче в октябре. Простые слова говорил майор, а все запомнится надолго.

Каждое утро все трое Строгачей выходили из дому вместе — Тимофей Амвросиевич шел в отряд, Полина Марковна и Людмила — в школу. Раньше всех возвращалась второклашка, потом учительница, а у начальника отряда рабочий день порой захватывал и ночь. «Хозяйство» было большое, работа сложная.

Прибыл в погранотряд лейтенант Василий Тужлов, молодой, красивый, смысленый, полный энергии. Майор

залюбовался ладным лейтенантом: перспективный командир. А лейтенант хоть и смущенно, но пытливо поглядывал на майора — тот произвел на него сильное впечатление высокой эрудицией, знанием службы, пониманием обстановки на границе.

— Есть у нас вакантное место помощника начальника заставы «Степная» номер пять. Участок охраны — девятнадцать километров по фронту. Расположена на берегу Днестра, восемь километров до Григориополя. Вокруг степь голая, ни куста, ни двора. Скала над рекой, обрыв, все вокруг далеко видно, и застава, естественно, на сопредельной стороне отлично видна... Как вы?..

И испытующе впился взгляд майора в лицо лейтенанта. Но тот не дрогнул:

— Я согласен, товарищ начальник отряда.

Строгач улыбнулся, кивнул:

— А мы и считали, что вы дадите согласие. Что ж, в добрый час, товарищ лейтенант. Ждите скоро в гости...

Тужлов стал начальником заставы очень скоро — его предшественник уехал за новым назначением. И почти тотчас судьба послала лейтенанту испытание.

С той стороны прорвались нарушители. Тужлов с бойцами обложил их и после двухдневной блокады одного сумел взять. Позвонил лейтенант в отряд, майор ответил:

— Сам приеду.

Через час черная длинная машина начальника отряда вынырнула из клубов пыли на проселке. Лейтенант подбежал с докладом, но майор раньше всего крепко пожал руку:

— Вот твоё крещение. Пойдем, покажешь нарушителя.

Пятой на нарушителей «везло» чуть больше, чем другим заставам, но здесь был молодой командир — и командант участка капитан Агарков, и сам майор Строгач уделяли Тужлову чуть больше внимания, чем другим лейтенантам.

Весной тридцать девятого, когда сообщили со «Степной», что получены данные о предстоящей заброске боевика, капитан и майор приехали и вместе с нарядом легли в засаду. Строгач поставил Тужлову задачу — обязательно взять лодку с боевиком. Вскоре после полуночи заплескали осторожно весла. Два богатыря-погранчика схватили лодку, а она оказалась на веревке, которая тя-

нулась на тот берег. Нарушитель бросился в воду, его скрутили, но лодка скрылась во тьме. Боевик оказался русским белогвардейцем, шел на диверсию.

Уже летом сообщил Тужлов: на той стороне Днестра, против Григориополя, возник пляж. А в городе воинские части, наверняка их собрались разведывать «королевские пограничники».

— Давайте откроем свой пляж, — предложил лейтенант.

Агарков доложил Строкачу, тот ободрил лукавую выдумку. Желающих купаться с нашей стороны нашлось множество: молодежь на лодках оккупировала пляж с утра до ночи, и пограничникам оставалось только наблюдать за поведением раздосадованных «соседей». Через две недели Тужлов доложил, что они пляж убрали. Майор засмеялся в телефонную трубку:

— Кончайте спектакль и вы...

«Крестники» Тимофея Амвросиевича из спецполнения уже несли самостоятельную службу: Никольский стал заместителем политрука на заставе № 2 «Парканы», Сидоров работал в отрядной многоэтажке «На страже социализма», Брютов был на комсомольской работе.

Полковник (с осени 1939 года) Строкач внимательно следил за ростом своих питомцев: достойным предлагал оставаться в кадрах, давал партийные рекомендации, рекомендовал в училища для строевых командиров и политработников.

Учась на краткосрочных курсах, Василий Никольский стал младшим политруком. Полковник приехал на заставу № 4, минуя комендатуры, вызвал его к себе.

— Почему нарушаете форму? — Ничего не понимающий замполитрука молчал. — Есть приказ о присвоении вам нового звания, а вы... — и подал специально привезенные алые «кубари».

В этот вечер свободные от нарядов пограничники провели вечер с начальником отряда. Сначала устроились в сушилке — только что вернулась избыточная, в сырой одежде и обуви смена. На глиняном дымоходе сохли галифе и портянки. Все курили и говорили по душам, рассказывали о доме, о планах на дальнейшую жизнь... если не будет войны, давали читать письма матерей, жен, невест и «просто знакомых».

Потом перешли в столовую, поужинали. На столах в тарелках остался нарезанный крупными ломтями хлеб и

в блюдах колотый сахар. Полковник пил горячий чай из кружки. Крошил в сильные пальцах сахар и рассказывал, жевал душистый эдешний хлеб, чутко слушал, опять рассказывал, снова слушал.

— От девушки письмо я получил, Тимофей Амвросиевич, — сказал доверительно Василий, когда все улеглось. (Он произносил отчество полковника на свой лад, в неслужебной обстановке тот любил обращение не по званию.) — Из Ленинграда...

— Не секрет?

— Нет, что вы, пожалуйста!

Хорошее было письмо, товарищеское: сообщала о своей жизни — о работе, прочитанных книгах, просмотренных пьесах и фильмах, интересовалась, что Вася читает, чем интересуется. Сквозь строчки, написанные ученическим еще почерком, проглядывали добрая и чистая душа, пылкий ум. Но особенно тронуло Тимофея Амвросиевича доверие молодого политрука, которого он хорошо знал, любил и ценил.

И, как в большинстве случаев, не ошибся в человеке.

Очень скоро он посетил заставу Тужлова, и тот признался:

— Одному, Тимофей Амвросиевич, тяжело жить.

— Не хочешь ли жениться?

Покрасневший Тужлов пробормотал что-то не очень понятное.

— Сейчас в отпуск нельзя, сам понимаешь почему.

А потом поедешь, дадим из штаба замену. Зачем отпуск, Василий Михайлович, добрый розум говорить: любочи не вкажешь. Но если ты еще в местную не влюблен, езжай, друже мий, и вези жену оттуда.

Говорилось с мрачноватым юмором, лукавым, перенятым от отца украинским подтекстом, который вольно или невольно брал в свою речь Строкач, когда бывало горьковато на душе.

После давно ожидаемых иготавливаемых летних событий 1940 года Тужлов поехал не куда-нибудь, а прямохонько в Москву и привез жену, только успешную закончить десятилетку, из столицы...

К августу сорокового особенно стремительно несло время в отряде. Только некоторые старшие командиры в штабе оказались привлеченными к разработке операции: начштаба майор Фадеев, его помощник майор Медведев, один из разведчиков, капитан Цыганов.

В штабной работе полковник Строкач сам разбирался отлично, высоко ее ставил и требовал от подчиненных филигранности, четкости в разработке операций; приближенности в работе, расхлябанности, недисциплинированности не выносил, и в таких случаях ему изменяла обычная корректная сдержанность. Полковник вспыхивал — впрочем, самое большее, что он себе позволял, — повышать голос.

Но вот обнаруживается, что проштрафился штабной командир. Из штаба погранвойск округа пришла директива: для лучшей охраны границы там, где ее участки плохо просматриваются, натянуть нити между кустами. Это выполнено не было. Вызванный для объяснений начальник строевого отделения пренебрежительно сказал: — Незачем такими пустяками заниматься. Ерунда это. Другие дела поважнее есть...

Полковника, который почти ежедневно бывал на границе, искал неутомимо новые методы ее охраны и ценял все новшества, даже подкинуло:

— Откуда у вас такое высокомерие? Это очень простой и эффективный способ распознавания места, где прошел нарушитель. Вы не дали себе труда понять и сочли пустяком. А кроме того: есть же приказ, который, как известно, не обсуждается. Идите и обдумайте все всерьез...

Ночью, накануне дня, к которому в отряде долго и тщательно готовились, стало известно: все обойдется мирно, румынское королевское правительство приняло все условия, территория Бессарабии будет очищена в течение трех суток. Начальнику пограничного отряда полковнику Строкачу предстояло подписать соответствующий документ от имени советской стороны.

На той стороне, возле моста через Днестр, соединяющего Тирасполь с Бендерами (совмещенный автогужевой и железнодорожный, дореволюционной постройки), поставили стол, стулья.

А близ старой крепости, на холмах, возле дорог, по берегу стояли толпы молчаливых людей. Ждали. Их отгоняли жандармы, они разбегались и вновь сходились неподалеку. Из крепости высыпали солдаты без оружия — тоже глядели, что происходит у моста. С нашей стороны, кроме комиссии и часового, возле никого не было; мост

и берег были пусты, чтоб не обвинили нашу сторону в демонстрации силы.

За столом комиссии заседали советские и королевские представители; жарко патило солнце; тихо плескался о быки моста Днестр; неподвижно и молча ждала толпа на том берегу.

Но вот все встало из-за стола, и высокий, видный с обоих берегов советский полковник поднял руку.

И тотчас все переменялось.

На румынской стороне появились над толпой красные знамена, флаги: «Да здравствует Советский Союз!» Там запели, закричали, двинулись к мосту. С восточного берега понеслись по нему нетерпеливые машины — отрядные грузовики, броневые автомобили, тачанки, а впереди всех юрко шмыгнула на ту сторону «эмочка».

Полковник Строкач проводил ее внимательным взглядом и поехал на бывший пограничный пикет королевства. Все здесь брошено, кроме оружия. Красноармейцы приветствуют начальника отряда, ведут в кухню, канцелярию. Остались на стенах столовой фотографии малолетнего короля Михая, королевы-регентши Елены. Их изображения на брошенных под ноги тетрадках, журналах.

ЗИС-101 начальника отряда с красным металлическим флажком на радиаторе медленно двигался по дороге, запруженной демонстрантами, отходящими частями королевской армии с оружием и без оружия, военными повозками, крестьянскими возами.

На заднем сиденье лежал, широко разевая рот, огромный сом, поднесенный на берегу рыбаками. Они подошли толпою:

— Примите, чем богаты. Мы вас двадцать лет ждали!.. — И попросили «зирочки червоны».

Полковник предупредил командантов и начальников застав, выдвигавшихся к новым местам дислокации, что не исключаются провокации, засады, обстрелы. Ничего подобного не было. При виде советской машины люди расступались, кричали «ура!». Бессарабцы, служившие в королевской армии, спрашивали: «Что нам делать?» — «Идите домой!» — ответил полковник. Они складывают где-нибудь в стороне оружие, срывают коричневые погоны, расходятся по домам. Дети смело подбегают, просят у «дяди-товарища» «зирочку». Красноармейцы раздают алые звездочки с фуражек. Предприимчивые хозяйчики

в городках и местечках уже украсили свои заведения новыми вывесками: «Парикмахерская «Революция», «Пекарня «СССР», Моисей Зельцер и сын», «Ресторан «Ленинград», Логин Чекченев и К°... Улыбается полковник Строкач.

Следом за пограничниками ходко движутся мотомеханизированные части Красной Армии.

...От моста их «эмка» прямо взяла направление на станцию Бендеры. В разведпункте, знакомом по фотографиям, все было открыто, в столах и шкафах пусто, во дворе дымился костер. Поковырял Цыганов палкой — все сгорело. Что делать?..

— Я же вас предупредил, Георгий Григорьевич, что они могли уехать поездом, — говорит полковник. — Станция-то рядом, а шоссе-то забыты войсками.

— И вы же говорили, Тимофей Амвросиевич, — полужаждает капитан, — что настоящий разведчик не сунется на вокзал, где его знает тьма народу, а постарается тихонько удрать в автомобиле.

— Да, мой друг, шансов было пятьдесят на пятьдесят... Ну дальше, дальше!.. — По-юношески нетерпеливый следопыт по-прежнему живет в тридцатисемилетнем Строкаче.

На перроне никого не было — опоздали. Операция срывалась. Оставалось одно — нестись вслед беглецу, удравшему неизвестно по какой дороге. Вероятность его поимки снижалась почти до нуля...

И тут к озадаченному майору подошла какая-то женщина: «Товарищ офицер, можно с вами поговорить?» — «Пожалуйста!» — «Я сейчас, — говорит она, — подведу вас к одному очень плохому человеку. Это румынский подлизник. Я русская, работала у помещика, спину гнула, этих бояр я ненавижу». И смело показала на пожилого почтенного господина. Не подведи она Цыганова к этому человеку, капитан бы мимо прошел. А тут быстренько достал еще раз фото, сравнил. «Господин Березовский, следуйте за мной. Идите не оглядываясь и не вздумайте бежать!..»

— Молодец, хвалю за настоящую работу, — говорит полковник. — И знаешь, что самым существенным было в твоей операции, — это уже действительно, дружески сообщается. — То, что ты, Гоша, не опустил руки, не растерялся, вел дело до конца. Крупную птицу поймал, он знает очень много!

Белый офицер Березовский после гражданской войны ушел за рубеж, устроился переводчиком в разведывательном отделе генштаба — «Пляцувке». Он подбирает агентов, помогая готовить резидентуру.

— Пусть его приведут, — распорядился полковник.

Шла своим чередом трудная пограничная служба на западном рубеже в начале 1941 года.

Тревожный звонок с заставы раздался уже утром первого января:

— Товарищ первый, говорит Тужлов. Пять человек с сопредельной стороны на глазах пограничного наряда перешли по льду Прута, срубили кусты и возвратились. Явная провокация. За их действиями наблюдала группа немецких офицеров.

Начальник отряда отвечал только:

— Усилить наблюдение.

Он чувствовал: противник не успокоится. Капитана Агаркова об этом предупредил.

Ночью Тужлов оборудовал скрытый НП.

Утром пятеро опять перешли реку и принялись рубить кусты. Их окликнули: «Стой!» Не ушли. Пограничники дали залп, уложили двоих. С той стороны открыли сильный ружейный огонь. Полковник Строкач передал Тужлову: «Держись, смотри за флангами, чтобы не обошли. Идем к тебе на подмогу».

Полковник привел мангруппу, расположил на берегу. На той стороне уже стоял пехотный полк. Бой у заставы стих. На запрос Тужлова, что делать, начальник отряда велел на огонь отвечать, самим первыми не стрелять.

Ночью полк на той стороне запалил костры (мороз стоял чувствительный), продрогли королевские воины. А наутро на восточном берегу увидели они внушительную картину: с горы к реке могуче двинулись пехота, артиллерия, стали на виду; новые части пошли — и все к берегу, все с горы... Черно стало от войска. Кухни вкусно задымили, палатки рядами протянулись. Голодные, замерзшие солдаты на западном берегу в нарушение всех уставов и приказов принялись кричать:

— Рус, товарищ, давай каша!..

В Бухаресте спохватились — попросили создать комиссию для разбора инцидента; в нее вошел и полковник Строкач. На допрос вызвали лейтенанта Тужлова. Вошел усталый, бледный после стольких боевых дней, но сдер-

жанный, спокойный. Королевский полковник сказал: «Вот начальник советской заставы, из его подчиненных нет пострадавших, а у нас убитые и дверь пикета — вот, пожалуйста, фото! — пробита пулеметной очередью». Советский полковник ответил: «Лейтенант отстаивал рубеж оружием. Убитые солдаты в вашей форме на нашей стороне. Прошу взглянуть на фото». Признал королевский полковник: да, они начали, но причин перехода объяснить не стал.

Инцидент был исчерпан, сообщение об этом появилось в советской прессе.

Полковника Строкача вскоре назначили заместителем наркома внутренних дел Украины по войскам. На прощание объехал комендатуры заставы.

— Что, Василий, твоя жена так плохо выглядит? — спросил полковник.

— Мать она, — отвечал лейтенант. — За ребенка волнуется.

— И за мужа тоже. — добавил замнаркома и обнял на прощание боевого товарища.

Поздравили в погранотряде полковника с боевым орденом Красной Звезды, полученным «за образцовое выполнение задания», и простились с хорошим командиром и сердечным человеком.

Шла весна 1941 года.

Из отряда докладывали в Киев, в наркомат: провокации учащаются. В апреле обстрел с той стороны: по пятой, тужловской, заставе выпущено несколько снарядов. Резкий протест. Снова та же комиссия, только от отряда представитель — новый его начальник. Майор Фадеев, как некогда Строкач, решительно потребовал ответа. Он последовал: «Стрельба произошла по вине недисциплинированного расчета». Это была наглость, вызов. Последний капрал знал ясно, что происходила перестрелка. На осколках снарядов отчетливо проступала маркировка: «Made in Germany».

20 июня введя за сообщением ТАСС («По мнению советских кругов, слухи о намерении Германии... предпринять высадку на СССР лишены всякой почвы») возле города Броды — двести километров от границы — приземлились три немецких разведывательных самолета «фокке-вульф». Нагледов летчиков, которые заявили, что они «заблудились», взяли под стражу быстро оказавшиеся в том районе пограничники.

По распоряжению полковника Строкача майор Фадеев с помощью местных жителей вел разведку на ту сторону — надо было хорошо знать, что там происходит; «до патрона» — как любил говорить полковник. И о сосредоточении войск регулярно информировал Киев, а Киев — Москву...

На оперативной карте в кабинете замнаркома по погранвойскам густо теснились значки, отмечавшие появление за кордоном воинских частей и соединений вермахта. Настойчиво рвались через границу из «генерал-губернаторства», из Румынии разнокалиберные агенты, резко активизировались националисты и их пособники.

Заместитель наркома Строкач добился введения для работников аппарата строевых занятий и регулярной стрельбы из личного оружия.

В последний раз в субботу провел педантичный Тимофей Амвросиевич строевые занятия во дворе большого дома на Жовтневой улице, пять, да так и остался на службе.

Семья была на даче под Киевом, и над Полиной Марковной, над Лялей раньше, чем над ним самим, проплывали нагруженные бомбами немецкие самолеты.

Среди лавины дел, обрушившихся на полковника Строкача в то утро с первых взрывов фашистских бомб и ответных ударов наших зенитных батарей, он нашел минуту и позвонил в Молдавский отряд, на пятую заставу, к Тужлову.

Ответили, что лейтенант в бою: противник на лодках стремится форсировать Прут. Застава отбивает очередную атаку, которым потерян счет. Прибегали из села парни, просили оружия.

На Львовщине было много труднее — здесь границу атаковали немецкие танковые части.

Нервно, лихорадочно бился пульс сражения в первые часы войны. В трагически неравном поединке дрались пограничные войска. Горели наблюдательные вышки и домики застав; через святыню границы — контрольно-следовую полосу — тяжело переползали жарко дышащие танки; автоматчики забрасывали гранатами приграничные дзоты; в пекле сражения, отстаивая родные рубежи, дрались, отбрасывали врага, гибли испытанные бойцы, краса и гордость пограничных войск страны.

Когда в июле ЦК Украины обязал замнаркома Строкача начать формирование двух партизанских полков, их костяк составили пограничники, коммунисты и комсомольцы Киева, рабочие и служащие, командирами были назначены капитаны госбезопасности Чехов и Щедрин, имевшие большой опыт службы в чекистских органах.

То были первые партизанские формирования на Украине, и опыт в их создании был ничтожным, взятым в основном еще из гражданской войны. Одни предлагали создавать отряды, группы, но прошло предложение полковника Строкача, который, как военный, предпочитал войсковую структуру. Формирование, обучение проходили на стадионе «Динамо», в других помещениях в центре города. Тайной не стало для жителей города, что создаются части ради действий в тылу врага. Проходили митинги, совещания командного состава, собрания, перед отправкой даже фотографировались. Было много веры в победу, в свои силы, никто еще не мог знать о тех особых условиях, в которых придется действовать в эту только начавшуюся, не похожую на все предшествующие войны. Трудности возникли уже на этапе переброски подразделений в тыл врага, так как стало ясно, что полком или батальоном линию фронта невозможно перейти.

Первый полк, которому предстояла передислокация в леса, выбросили с трудом, частями, он славно повоевал с врагом. Второму полку — он шел в безлесную местность — повезло меньше: столкнулся с превосходящими силами неприятеля, после героического боя почти полностью был уничтожен.

Горьким, но поучительным стал первый опыт. Формировались отряды — партизанские, диверсионные, разведывательные; некоторые отправлялись в рейдовые операции — и этот метод партизанской борьбы оказался очень эффективным. Полковник Строкач возвратился с фронта, где занимался выброской в тыл врага отрядов, и семьи уже не застал — она эвакуировалась. Киев стал фронтным городом. Враг находился в четырех-пяти километрах. Улицы перегородили баррикады.

Поздним вечером 19 сентября замнаркома полковник Строкач в своем кабинете надел шинель, еще раз проверил свой старый безотказный маузер, вынул фотографии жены и дочери из партбилета, поглядел и убрал. Присел на минутку перед дальней неведомой дорогой. Потом привычно погасил свет и вышел.

Командир сводного полка НКВД подполковник Косарев доложил наркому Сергиенко о готовности к движению. Группа работников наркомата шла вместе с полком. Мокрый ветер нес по улицам опавшую листву, пепел, недогоревшие листья, еще вчера бывшие документами, книгами, тетрадами.

За Днепром, у села Волчки, встретили скопление автомашин и повозок, разрозненных войсковых частей. Едва рассвело, с воем раз за разом стали налетать вражеские пикировщики и штурмовики.

Старшие войсковые командиры собрали совет. Надо было послать кого-то от наркомата и полка. Как-то так получилось, что все поглядели на Строкача. В наркоматской группе были люди старше полковника по положению и званию, по годам и жизненному опыту. Он дисциплинированно ждал.

— Идите, Тимофей Амвросиевич, вы боевой командир, пограничник, — сказал нарком. — Лучшей кандидатуры нам не найти.

Решили прорываться на северо-восток. Приходилось рассчитывать на самих себя — связи со штабом фронта не было. Бесчинствовала вражеская авиация. Бой длился 12 часов, но все же прорваться не удалось. У сельца Харьковцы полк НКВД окружили превосходящие силы врага, и только ночью, потеряв убитыми много товарищей, вырвались из окружения.

Перед станцией Барышевка ранним утром 22 сентября полковник Строкач дал краткий отдых измученным тремя бесплодными атаками бойцам и командирам. Впереди был мост через реку Трубеж, за ним водокачка, станционное помещение. Немецкие автоматчики вели обстрел с крыши станции, из помещения водокачки. Полковник приказал приготовить гранаты. По его сигналу — выстрелам из маузера — снова поднялись цепи бойцов. Он бежал, стреляя по вспышкам в окнах водокачки из трофейного «шмайсера». Ударили разрывы наших гранат. Немцы не выдержали, с криками скатывались с крыши вокзальчика, падали под пулями, отстреливаясь, отбегали к мосту. С надрывным отчаянным «ура!» ворвались бойцы Строкача на мост, пробежали его под огнем. Впереди, держась сплоченным маленьким отрядиком, действовали ребята в зеленых фуражках, так милых сердцу полковника.

Перед четвертой атакой, оказавшейся решающей, он сурово сказал:

— Надо усвоить всем нам одно: только сила оружия и нервов решит: либо нас ждет жизнь и спасение, либо смерть здесь, у этой станции и этого моста...

Обессиленные от невероятного физического и нервного напряжения, они свалились в лесопосадке за рекой Трубеж. Дальше двигаться большой колонной было равносильно самоубийству. Лесов здесь мало, дороги просматриваются, до линии фронта не меньше двухсот километров. Надо идти на восток отдельными группами, по 20—30 человек в каждой.

Предложение полковника приняли.

Прощались и перед рассветом 23 сентября двинулись. Строкач повел группу работников наркомата. Шли по преимуществу ночами, а днем прятались в чаще деревьев, в оврагах. Тимофей Амвросиевич первым поднимался в вечерних сумерках: «Подъем, товарищи, пошли!» — и, высокий, подтянутый, он шел впереди.

В селе Ракитном на Черниговщине установили связь с подпольным райкомом партии. Его секретари Шинкаренко и Коломиец были одного мнения:

— До линии фронта вам не пройти, товарищ Строкач.

В самом деле, и вся группа, и в ней каждый человек выглядели очень приметно: кожаные пальто, шинели со знаками различия высоких рангов, армейских и наркоматских, все люди немолодые, начальственного обличья...

Местные товарищи помогли переодеться. На атлета Строкача все не находилось подходящей одежды. С неохотой расстался он со своей старой зеленой фуражкой, с шинелью, полы которой оказались в нескольких местах продырявлены пулями.

Полковник проинструктировал партизан, им оставили пару автоматов, пистолет, два маузера (Строкач отдал свой «шмайсер»).

И повел полковник Строкач своих товарищей дальше на восток — кругами оккупационного ада, по сравнению с которым Дантов ад показался бы детской выдумкой.

Шли полтысячи километров больше месяца Черниговщиной, Сумщиной, курской и орловской землей...

К своим вышли в конце октября в районе курского городка Малоархангельск. Прошли положенную проверку, и начальство на короткое время разрешило Строкачу съездить в Саратов — семья ведь не знала, что с ним.

Из Киева звонил частенько, а потом замолк. Вошел в их комнату неожиданным, худой, усталый, в шинели не по росту. Ляля, как увидела, просто прыгнула на отца, обняла — не оторвать. Полина Марковна молча плакала. Проговорили едва ли не всю ночь напролет — утром Тимофей Амвросиевич уезжал обратно в Москву. Рассказал скупо о выходе из окружения: «Стали мы однажды мечтать, кто какое желанье заветное имеет. Один говорит: «Я бы крепкого чайку с лимонном выпил». Другой: «Ванну принять, побриться, чистое белье надеть...» Ну, словом, кто про что. А я: «Лег бы и уснул, хоть на досках, хоть на соломе, выспаться бы всласть». Умолчал, что за все время, пока не вышли к своим, чувствовал ответственность за судьбу группы, толком не поспал ни разу; даже во сне преследовало опасение, что подбираются, окружают враги...

И в обороне Москвы принял участие Строкач, получивший в начале ноября 1941 года генеральское звание. Формировались из пограничников для защиты столицы части, и он командовал ими.

А как отбили врага, занялся партизанскими делами — тут генерал Строкач был особенно компетентен, полезен и работал с наибольшей отдачей.

В конце весны — начале лета 1942 года организационно оформились Центральный и территориальные республиканские и областные штабы партизанского движения. Строкач был назначен начальником УШПД — Украинского штаба партизанского движения с непосредственным подчинением ЦК КП(б) Украины.

Республика была захвачена врагом, а в штабе партизанского движения в Москве, на Тверском бульваре, восемнадцать, готовилось ее освобождение.

Поначалу штаб обосновался при Военном совете Юго-Западного фронта в Ворошиловграде. Здесь открылась партизанская школа, готовившая кадры для борьбы в районах, захваченных врагом. Суровая обстановка лета 1942 года на Юге заставляла штаб то и дело передислоцироваться все дальше на восток — из Ворошилограда в Меловое Воронежской области, потом в Россось, Калач, затем в Сталинград и Саратов. И только в конце сентября приказом Ставки УШПД был переведен в Москву.

Но еще задолго до официального образования штаба генерал Строкач и ряд работников по поручению

ЦК КП(б)У руководили партизанской борьбой на Украине.

В феврале 1942 года из вражеского тыла вышел отряд имени Буденного. Его командир, бывший оперуполномоченный милиции Иван Копенкин, и начштаба, недавний политрук погранзаставы Николай Подкорытов, явились на прием к генералу.

За буденновцами числилось уже много славных дел, об одном написала «Правда»: «Партизанский отряд под командованием К. провел крупную операцию на Полтавщине возле села Малая Обуховка».

«Товарищ К.» начал воевать еще в ночь на памятное июньское воскресенье — вместе с нарядом пограничников в городке близ кордона он выловил затаившегося фашистского ракетчика; оборонял Киев с теми же парнями в зеленых фуражках, потом учился в партизанской школе и хорошо воевал. Схожая судьба была и у Подкорытова. Только просили побольше боеприпасов, особенно патронов:

— Они для нас как хлеб и сало, товарищ Строкач. Хоть по пуду каждый понесет.

— Патронов или сала? — лукаво спросил генерал.

Он дал отряду, вновь идущему в немецкий тыл, радиостанцию, адреса подпольщиков, через которых буденновцы смогут связаться с местными партизанскими группами, и своих представителей для связи и работы в штабе отряда. Это была серьезная помощь. По существу, получал развитие новый этап в партизанском движении — прочная, надежная связь с Большой землей нужна была партизанам больше, чем «хлеб и сало», — нужна была как воздух *. В самый канун ухода отряда пришли Указы о присвоении Копенкину звания Героя и награждении орденами его бойцов. Генерал Строкач, посылавший реляции, очень волновался: поспеют ли Указы до ухода буденновцев; к счастью, поспели!

Бесчисленные трудности, связанные с подготовкой квалифицированных радистов (а равно и подрывников, штабистов, разведчиков), преодолевались в какой-то мере

* Т. А. Строкач в книге «Наш позывной — свобода» («Радянський письменник», Киев, 1966, с. 91, на украинском языке) пионерами радиосвязи украинских партизан с Большой землей называет четырех юношей — А. Хабло, П. Бурого, П. Коломийца, С. Мельвиченко, подготовленных еще осенью 1941 года в партизанских школах в Харькове.

с помощью многочисленных энтузиастов партизанского движения и тех совсем юных и немолодых уже волонтеров, которые готовы были ради грядущей и еще очень далекой победы идти на любые испытания.

Этих последних присылали в школы комсомол и партия.

Едва ли кто-то из них был привлечен к учебе и работе, заброшен во вражеский тыл без беседы у генерала Строкача.

Как ни был он перегружен делами (а рабочий день — с утра до трех-четырёх часов ночи), находил время для личного разговора с теми, кому предстояло идти во вражеский тыл через линию фронта или прыгать с парашютом на партизанские костры, а потом бессонными ночами работать ключом, рвать рельсы под эшелонами, добывать разведанные с риском для жизни...

Еще весной сорок второго в Ворошиловград из московской школы связи при ЦК ВЛКСМ прибыла группа девушек-радисток, уроженок Украины. Генерал сначала пригласил их всех к себе.

Вошли стеснительно, уселись. Полувоенная форма — гимнастерки без знаков различия, сапоги кирзовые. Лица очень юные, строгие. Постарше Ляли на какие-то шесть-семь лет...

— Товарищи! — генерал говорил, по давней привычке пограничника вглядываясь попристальнее в чьи-то особенно внимательные глаза, но и не упуская из поля зрения остальных слушателей. — Есть много корреспондентов, у которых село питание, они к тому же удалились от линии фронта. Прошу вас напрячь все свои силы, употребить все возможности для связи с этими товарищами. Надо очень, очень внимательно слушать их...

Генерал следил за выражением лица рослой, красивой чернобровой девушки; карие лучистые глаза ее выразили даже страдание, когда он упомянул о том, что от умения радиста «брать тыл» противника всегда зависят судьбы многих людей и порой случается, они погибают из-за плохой связи, неумения четко, правильно и быстро принять передачу.

Когда генерал отложил личные дела радистов, окончивших школу на «отлично», и стал приглашать их для индивидуальных бесед, одной из первых к нему привели ту «чернобриву и темнооку» украинку, которая так близко к сердцу приняла его рассказ. Ее звали Галина Еф-

ремовна Бабий. Уроженка Винничины. Мама — учительница, отец — бухгалтер. Комсомолка. Окончила десять классов, училась в Харьковском институте инженеров железнодорожного транспорта и занималась в аэроклубе, летала на ПО-2, увлекалась спортом. Институт эвакуировали в Ташкент, и оттуда с третьего курса ушла добровольно в числе других своих землячек «на выполнение спецзадания». В характеристике, полученной в школе при Цекамоле, у немногих — Галя Бабий была в их числе — стояла выразительная аттестация: «Очень способна к связи».

— Нам нужен хороший радист... — начал генерал.

— Я полечу, — она сказала решительно, очень твердо.

Радисты нужны были здесь, а не в тылу врага, но она сама шла навстречу разговору, который неизбежно раскрывает характер человека.

— А если вы там попадетесь?

— Я не сдамся живой. Лучше себя убить, чем погибнуть под пытками.

— А если не сумеете застрелиться?

— Ничего они от меня не узнают.

Карие глаза стали совсем темными, но не жестокими и мрачными.

— Поработаете пока под руководством товарища Акаловского, — сказал генерал, словно не замечая ее разочарования. — Всё. Идите.

Акаловский был не простой связист, а связист-бог, человек, специально созданный для того, чтобы повелевать радиосвязью. Еще мальчишкой он стал известным в Харькове любителем-коротковолновиком и имел право связываться со своими коллегами на всем земном «шарике». Перед войной работал в Харьковском электромеханическом институте и с началом войны создал удачную радиостанцию для партизанских отрядов — РПО; первые группы, ушедшие в неприятельский тыл, были оснащены рациями Акаловского, которые выпускал завод в Харькове.

Генерал Строкач любил и ценил молодого инженера не только за ум и талант, но и за скромность, душевную чистоту, доброту.

Он принадлежал к известной семье украинских революционеров. Мать его, Вера Евгеньевна Акаловская, вместе с сестрой Лидией еще в гражданскую войну

при немцах, гайдамаках, Петлюре, денкинцах, пилсудчиках работали в киевском подполье.

Акаловские в чистоте берегли революционные, интернациональные и национальные, украинские традиции, неотделимые от их высокой духовной культуры и противостоящие мещанским, буржуазным взглядам на мир. Так, приемного сына старшая сестра вопреки нормативным мнениям записала на себя: Акаловский Игорь Верович — она и в самом деле была мальчику и за мать и за отца. С конца тридцатых годов обе сестры находились на Востоке, от них приходили редкие письма.

Когда немец подошел к Харькову, Игорь забеспокоился: в городе оставались его младший брат Ивася Акаловский и двоюродная сестра Майя Блакитная — дочь Лидии и известного украинского поэта и журналиста Василия Эллана, умершего в 1925 году; Майя только кончила школу, Ивася ждал девятый класс. Игорю с трудом, в последнюю минуту, без вещей и денег, удалось втолкнуть обоих в поезд, на котором курсанты-радисты ехали в Ворошиловград.

В городе курсы заняли помещение детского сада. Отгородили Майе простыней уголок, в котором сложили плюшевых мишек и тряпичных кукол. Когда начались занятия, Майя с Ивасем стали ходить на занятия по морзянке. Карточек хлебных и продуктовых у них не было, денег тоже (Майя увезла из Харькова семейные фотографии, мамыны грамоты да одноминик Маяковского; и одета она была в красный кожух и козловые сапоги, как мама в двадцатом, когда ей было столько лет, сколько сейчас Майке, ее еще поляки чуть было не утопили в Днепре). Кормил Игорь, и курсанты помогали, отрывая от своего отнюдь не роскошного пайка. Игорь повел сестру и брата к начальнику курсов, чтоб они могли официально оформиться, но тот либо поостерегся, либо в самом деле права не имел никого брать:

— Все уже укомплектовано. Да и люди проверены... Подождите, через два дня придет генерал Строкач, он решит...

Появился генерал, и они пошли к нему.

Сбивчиво объяснили, что хотят на курсы. Он оглядел их обоих и ответил, что курсы им не нужны, пусть уезжают. Где их родные? Выслушал, посмотрел пристально: надо все-таки ехать в Павлодар. Но они этого не хотели, они принялись доказывать, что их место на фронте. Майя,

увидя: генерала не переубедить, — сказала о культе революционного подполья в семье, о том, что они с Ивасем знают азбуку Морзе — это был ее последний, самый сильный довод.

Генерал задумчиво сказал, что по биографиям их у него возражений нет. И он дает им месяц сроку: пусть догонят группу и на практике докажут, что хотят стать радистами.

— Как себя покажете, так и будет...

После нового, 1942 года в селе Меловом под Воронежем сдали экзамены. Майя сдала на радиста первого (высшего) класса. Начали вызывать к начальнику курсов «на переговоры». Группа комплектовалась из двух радистов: у первого рация РПО, у второго питание. «Я буду как ты и Вера в гражданскую», — писала маме Майя. Но ее все отставляли; причины были все разные — то здоровье слабое, то нужна радистом в штабе, то вовсе отводили глаза. Стала добиваться — посылали к старшему начальнику. Кинулась к Игорю (с братом не было никакой «семейственности» — здоровались и расходились):

— Ты меня бережешь?

— Нет, Макса, я не мешаю тебе. Меня, сама знаешь, тоже не выпускают...

Тогда решила: надо к Строкачу. Он на других не станет кивать, решит сам.

— Товарищ генерал, почему мне не верят, не пускают лететь к партизанам? Я комсомолка, курсы кончила на «отлично». Вы мне уже помогли, помогите еще...

Он сказал без раздражения, но недовольным тоном:

— Чего вам не хватает? Или я должен всю жизнь этим заниматься?

— Я хочу бороться.

— А тут тоже борьба. У нас две руки — одна там, другая здесь.

— Я хочу быть той рукой, товарищ генерал.

— Это не женское дело. Все девушки должны остаться при штабе. А мужчины-радисты пойдут туда — стрелять, тонуть в болотах, передавать нам радиogramмы...

И тут она заплакала. И Строкач утешил: обещал «подействовать», чтоб ее послали на задание. Но для Майи испытания еще не кончились.

Вызвали коммунистов. Она вновь рассказала свою

биографию, о маме и тете Вере рассказала. Согласился Коваленко, судья с Кировоградщины. В самолете он все рассказывал ей о своей жене Оксане, какие у нее были косы. 12 марта их выбросили. В 130 километрах от места предполагаемой высадки. Внизу шел бой партизан с немцами. Начался рассвет, и снежное поле, на которое они опускались, казалось Майе ядовито-голубого, очень приметного отовсюду цвета.

Коваленко получил пулю в грудь. Майя глотала снег и вытирала лицо, чтобы встретившие их партизаны не видели ее слез. Потом они собирали по полю грузовые мешки, принесли даже том Маяковского, прихваченный Майей в немецкий тыл. А она послала отсюда первую свою радиogramму, принятую Галей Бабий, завершив ее традиционной цифирью: «73-С» и «88» — «наилучшие пожелания», «целую»...

Из вражеского тыла вышла малая часть отряда Ивана Копенкина во главе с начштаба Николаем Подкорытовым. Подкорытов, человек смелый, умный, думающий, своим суровым и правдивым рассказом о партизанской одиссее лишней раз подтвердил давно вынашиваемые генералом Строкачем мысли о необходимости более широкого, целенаправленного, планомерного технического оснащения борьбы в тылу врага, разгоравшейся все сильнее. Отряды Ковпака, Сабурова, Емлютина, Дуки, бывшего командира-пограничника Наумова стали грозной для врага силой потому, что их деятельность корректируется штабом, они связаны «радиомостом» не только с УШПД, но и между собою. Совершенствование методов руководства движением со стороны штаба прямо-таки необходимо.

Надо безотлагательно просить помощи у Центрального штаба партизанского движения, у Ставки! К этому выводу пришел генерал Строкач.

Скромный, непритязательный в быту, любящий свое дело и умеющий работать отреченно, самозабвенно, он в интересах дела сейчас готов был адресоваться в самые высокие инстанции, вплоть до личного обращения к Верховному Главнокомандующему. Гремела на весь мир битва в Сталинграде, судьба войны решалась на берегах Волги, и в этот час Красной Армии огромную помощь оказывали партизаны и подпольщики. Их вклад в будущую победу может стать стократ большим, если движение получит необходимую помощь. Вопросы, связанные с новой, более значительной ролью партизанского движения, трево-

жили, конечно, не одного Строкача. Они пазрели в масштабах всей страны, и вот пришло время их решать.

Осенью, когда генерал Строкач вслед за передислокацией в столицу штаба сам приехал в Москву, его вызвали в Ставку к Верховному. Незадолго перед этим руководитель ЦШПД генерал Пономаренко и командиры больших партизанских отрядов Украины были на приеме у Сталина, и здесь было принято решение об организации крупных рейдов на Правобережную Украину силами партизанских соединений Ковпака и Сабурова. Таким образом, получил развитие план, который давно волновал командующего партизанским движением на Украине. План обсуждался на заседаниях ЦК республики, и Сабуров и Ковпак получили задания разведать перспективы рейда. Когда были намечены маршруты тысячекилометрового невиданного рейда, о них доложили в Ставку, и там они получили одобрение. Верховный при этом сказал, что активная помощь партизан, на которую Ставка рассчитывает, значительно сократит сроки окончания войны. Было ясно: деятельность партизан получила высокую оценку.

Тимофей Амвросиевич, как депутат Верховного Совета СССР, несколько раз видел Сталина до войны, два-три раза присутствовал уже во время войны на совещаниях, но в личной беседе общался с Верховным впервые.

Непохожий на свои многочисленные портреты, в просторном, светлом, наполовину занятом огромным длинным столом кабинете, он выглядел простым, доступным.

Почти не выпуская часто гаснущей трубки из руки, он мягкими, неслышными шагами ходил по кабинету, слушал чрезвычайно внимательно, неожиданно останавливался и направлял на собеседника тяжелый взгляд.

Члены Украинского ЦК и генерал Строкач разместились компактно, вместе, наискось от них тоже группой сидели члены Политбюро и Государственного Комитета Обороны; главной фигурой ни на минуту не переставал быть Сталин, даже когда слово брал кто-то из этих последних. Он с внимательной, даже подчеркнутой чуткостью адресовался к Строкачу и сидевшему рядом с ним секретарю ЦК республики, художавому, располагающе-симпатичному Коротченко. Вопрос касался будущего партизанского движения, предстоящего рейда на Правобережье, и Сталин задавал много вопросов. Робость, которая поначалу сковывала Тимофея Амвросиевича, прошла, он чувствовал себя спокойно и уверенно.

Потом по предложению Верховного они с Демьяном Сергеевичем ушли в приемную и составили изрядный список необходимого военного снаряжения и боеприпасов для партизанских отрядов Украины. Когда Строкач и Коротченко возвратились, Сталин взял у них бумагу и очень внимательно стал читать, только раз оторвавшись и мимоходом заметив, что боеприпасов могли бы попросить и побольше — ими армия в досталь обеспечена до конца войны.

— А почему вы, товарищ Строкач, — вдруг остановившись, спросил Верховный, — не записали сюда пушки?

Тимофею Амвросиевичу неудобно было отвечать стоящему у стола Сталину сидя, как тот того требовал. Вдобавок он не понял, всерьез ли говорит собеседник или пронизывает над той массой требований, которые они внесли в список.

— Товарищ Сталин, — отвечал генерал Строкач, — пушки очень громоздки для партизан, даже сорокапятки.

Сталин тихо засмеялся, повел в воздухе трубкой:

— Вы не правы, товарищ Строкач. Пускай партизаны из пушек не сделают ни одного выстрела, но морально они их очень поддержат.

И приписал в конце списка:

«13 пушек 45 мм. Командующему артиллерией — обеспечить. И. Сталин».

Почему не 10 или 15, а именно 13, генерал Строкач так и не узнал. Возможно, оставался какой-то резерв.

От Верховного Тимофей Амвросиевич приехал веселый, окрыленный. Командирам соединений и отрядов присваивали воинские звания, для обслуживания партизан выделялся 101-й авиапункт Гризодубовой... И много иных благ ниспослано было с того дня — от великодушных лендлизовских радиостанций, легко принимавших из Москвы любого корреспондента во вражеском тылу, и портативных переносных типографий до новехоньких безотказных ППП и противотанковых, большой разрушительной силы гранат.

На Тверском бульваре, восемнадцать, в главном здании, разместились ЦК КП(б) Украины, Верховный Совет республики и во дворе, в отдельном двухэтажном флигеле, — УШПД.

В штабе всегда было шумно, тесно, накурено. Юноши и пожилые люди, девушки и молодые жепшицы — многие в самом неожиданном одеянии и при оружии,

представлявшем все арсеналы Европы. Украинская певучая мова, русско-украинский смешанный говор, русская твердая речь; степенные подрывники, молоденькие радистки, знающие себе цену снайперы, пропахшие лекарствами медицинские работники, шумливые газетчики, внимательно-рассеянные писатели, озабоченные работники штаба. Люди только что из немецкого тыла, заросшие, суровые, порой в промокших бурых повязках, за поясом «парабеллумы» или «вальтеры», на поясе — штык-тесак, на плече — «шмайсер», за широченным кожаным голенищем — рожки автоматов, пропахли дезинфекцией и дрянным трофейным эрзац-табаком. Потом они уже в «московском обличье»: модно подбритые височки и даже брови, пахнут «Тройным одеколоном», курят «Беломор» фабрики «Ява», скрипят кожей ремней, топчут вечными кирзовыми сапогами, ведут разговоры: «А она смеется и отвечает...» или: «Пока тут прохлаждался, немец там на наших напер...»

И вот уже эти ребята летят туда: подтянутые, строгие, новенькие награды на гимнастерках, черные, необбитые автоматы, пистолеты, наборные плексигласовые рукоятки у финских ножей. «Ну прощевайте, хлопцы, до встречи в Киеве...»

Улетели в ковпаковское соединение радистки — помощник начальника отделения связи Галя Бабий и ее подруга Клава Яковлева — координировать действия генералов Ковпака и Федорова. Настроение у всех было радостное — в Сталинграде добивали Паулюса. Гризодубова перед отлетом из Внукова расцеловала обоих. Генерал Строкач пожелал ни пуха ни пера (он посылал самых лучших радисток — дело было очень ответственное) и тихо, словно от себя, попросил:

— Девушки, прошу постараться соединить надежной связью оба отряда. Так это важно — словами не передать...

Задание выполнили с блеском. Но из тыла врага Галя возвратилась одна, напарница ее по просьбе Ковпака была оставлена у него на связи. В последнее время многое улучшилось в обеспечении партизан. С нового, 1943 года генерал Строкач издал приказ по УШПД: во избежание ошибок выброску людей и грузов должен сопровождать офицер штаба. Крупные же соединения часто сооружали аэродромы, на которые искусные летчики Гризодубовой сажали свои тяжелые «дугласы». А ведь было

как — горько вспомнить: Галину подругу Веру Булавину забросили на дерево; повисла она, сбежались немцы: «Рус фальширмегер!» Русская парашютистка подстрелила шестерых, седьмую пулю себе оставила...

Увидев девушек, темпераментный Ковпак сердито закричал:

— Я прошу тол, а мне баб прислали...

Потом успокоился, задал традиционный, ставший у партизан почти поговоркой вопрос:

— Что нового от Строкача?

Когда пришел из Москвы приказ Галине возвратиться, тот же Ковпак забунтовал:

— Не пуцу, ты мне тут нужна!

И только приказ Коротченко подействовал — отпустил не ругаясь. Это было хорошим признаком. И даже угостил партизанской кашей собственного приготовления, что уже считалось высшей формой проявления благодарности.

Когда Галина докладывала, генерал Строкач заразительно смеялся:

— Если Сидор Артемьевич не ругался и кашей потчевал, значит Дед был доволен вашей работой, Галя.

Через несколько дней проводил генерал знаменитого боевого подрывника из Харьковского отряда Героя Советского Союза Василия Яремчука.

Его привезли со сквозным пулевым ранением легких. Но заботы партизанской помощницы, какой-то тетки Мотри из Хинельских лесов, да искусство московских врачей, богатырское здоровье атлета Яремчука и природный оптимизм помогли ему воскреснуть из мертвых.

Генерал Строкач приехал к нему в госпиталь. Яремчук оказался очень приметен — грозные черные брови и добрые голубые глаза. А в прошлом был колхозником, студентом, шахтером, учителем. И вот стал подрывником. Сильный, несокрушимый характер!

— Добрый день, Василий Максимович. Вот вы какой. Говорят, немца кулаком убиваете...

— Здравствуйте, Тимофей Амвросиевич. А я вас таким и представлял. Богатырем, который как рукой махнет — и вся партизанская сила идет в наступление на эшелоны...

— Богатыри у нас Ковпак, Федоров, Сабуров, а я просто начальник штаба.

— Как-то я поинтересовался у Ковпака, боится ли он вообще когда-нибудь. Ответил: «Наибольшее боюсь, что не

зроблю шкоды німцям до того, як уб'ють мене». И я тоже так. Когда первый эшелон подрывал, волновался точно на вступительных экзаменах в институт. Думал: хоть бы не пропасть, пока не загорится и не станут взрываться в вагонах снаряды. А потом уже и смерть не страшна. После были всякие эшелоны — с танками, боеприпасами, солдатами... У моей подрывной группы теперь такое правило: бросать под откос только ценные эшелоны.

— А как узнаете о них?

— Свои люди на станциях. А кроме того, немцы сами оповещают: перед составами с танками и с живой силой летят над дорогой самолеты и полосуют из пулеметов... А однажды вижу, катит эшелон на запад, у нас все готово, только надо хлопцам дать команду, чтоб крутили ручку электромашинки. Тут я кричу: «Отбой!» Увидел в окнах перевязанных фрицев.

— Пожалели раненых?

— Лежачего не бьют...

9 мая 1943 года Яремчук выступал на Третьем всеславянском митинге в Колонном зале. Говорил страстно, речь произвела сильное впечатление на всех, хотя в числе выступавших были отличные ораторы — писатель Фадеев, полковник Свобода, кинорежиссер Довженко...

Улетел Яремчук, а вскоре и генерал Строчак засобирался в неприятельский тыл.

Вылетали вечером 4 июня 1943 года из Внукова. Оперативная группа штаба, подрывники во главе с Ильей Стариновым, радисты — в их числе Галина Бабий, и даже кинооператор военкор Лев Кумок. Ждали генерала Строчака, а он в штабе тоже дисциплинированно ждал — Верховного все не было в Ставке, и не у кого было попросить окончательного разрешения на вылет. Уже все надели парашюты, потом сняли их; летчики нервничали — они должны были отвезти группу и вернуться через «пропускные ворота» над линией фронта затемно — в воздухе рыскали хищные «мессеры».

Когда прямо на летное поле выскочил знакомый строчачевский «шевроле», настроение у отлетавших было кислое.

— Отбой дали летчики, — ответил полковник Старинов на вопрос генерала Строчака.

— А Валентина Степановна?

— Она тоже считает, что ночь коротка и не успеть вернуться назад.

— Такие хлопцы, а одну женщину не смогли убедить...

То ли перед доводами Тимофея Амвросиевича, то ли перед обаянием его не устояла Гризодубова. Лунц, лучший пилот полка, пошел к «дугласу»:

— Давайте в самолет, летим! Придется не через ворота, напрямую...

Над линией фронта, едва полоснули прожектора и загремели зенитки, пилот резко пошел на снижение. Неслись в каких-то трехстах метрах от земли. Сильно и точно колотили вражеские зенитки. Пламя близких разрывов плескало в оконца, и несколько раз осколки, пробив фюзеляж, плюхались в кабину. Прочертили цветные стежки трассы с истребителей, но скоро «мессеры» отстали — слишком низко летать они не решились. Стало тихо. Из кабины пилотов вышел неторопливый Лунц:

— На такой полет, товарищ генерал, можно решиться один раз в жизни.

Строчак серьезно, без улыбки, кивнул.

— Это верно. Но если бы зенитчики каждый раз попадали в цель, давно не было бы авиации ни у немца, ни у нас.

Летели шесть часов. Внизу темнели леса Южной Белоруссии. Проплыла Припять сизой лентой.

— Огни!

— Сигналят, ура!

Это район Лельчиц, река Уборть. Район контролируют партизаны Сабурова.

Сели. В тишине хлопнула дверь. Запахло росистым лугом. Послышался рокот снижающегося самолета. Пока на руках закатывали в укрытие лунцевский «дуглас», село еще несколько самолетов; из одного вышла, снимая шлем, улыбающаяся Гризодубова:

— Из-за вас, Тимофей Амвросиевич, нам тут дневку устраивать.

— Ничего, партизаны нас в обиду не дадут.

На лошадях поехали в лагерь Сабурова. Генерал Строчак, с пограничных годков не садившийся на коня, с радостью убедился, что наездник он по-прежнему уверенный и конь чутко слушается его.

Он обнимал прославленных партизанских командиров и комиссаров: Сабурова, Федорова Алексея, Бегму, Дружинина, Кизю, второго Федорова — Ивана, Маликова, Ковпака, Руднева, Мельника, Покровского. Подошел улы-

бающийся «товарищ Демьян» — секретарь ЦК КП(б) У Коротченко, поцеловались, заговорили о предстоящем совещании. Строкач привез утвержденный Ставкой план штаба по развертыванию боевой деятельности украинских партизан на весну — лето сорок третьего года. Красная Армия готовилась к битве за Харьков, Донбасс, Левобережье, за Днепр, и надо было согласовать с ее предстоящими наступлениями партизанскую тактику.

Совещания с командирами соединений и отрядов. Парад партизан. Вручение боевых наград. Поездки в отдаленные отряды. Беседы с партизанами — командирами и бойцами. Многие часы ночных раздумий над картами — чаще всего с Демьяном Сергеевичем Коротченко, а потом радисты, сменяясь для еды и краткого сна, отправляли шифровки в Москву. «Целые простыни» передавали на Тверской бульвар, восемнадцать. Невероятная работоспособность Строкача и Коротченко не только поражала окружающих, но и требовала подражания. Они оба как будто соревновались в выносливости: после бессонной ночи, даже не забираясь в свой сооруженный из плащ-палатки «курень», брились, потом купались в прозрачной ласковой речонке Уборть, пришивали свежие подворотнички, чистили сапоги, наскоро завтракали — и опять были готовы работать, работать.

Партизанские командиры поставили вопрос перед ЦК республики и штабом: какую политику вести в отношении отрядов украинских националистов? Участились случаи нападений и зверских расправ оуновцев с сочувствующим и помогающим партизанам населением. Генерал Строкач отвечал жестко, недвусмысленно: во-первых, облачать всеми методами; во-вторых, не вступать ни в какие контакты с ними, и особенно не позволять им навязывать хитроумные «договоры о нейтралитете»; в-третьих, помнить: борьба с гитлеризмом — главная задача времени, и если националисты первыми не нападают, самим не разворачивать против них боевых операций, но в то же время всеми средствами, вплоть до применения оружия, препятствовать им обижать население.

Проводили в рейды соединения Алексея Федорова, Ковпака, Бегмы, молодого боевого генерала Наумова, сменявшего зеленую фуражку пограничника на папаху с алой лентой. И осталась группа работников ЦК и штаба один на один с наступавшей на партизанскую Малую землю сорокатысячной армией карателей. Конечно, невозмож-

но было скрыть от врага факт пребывания на Уборти десятка партизанских генералов, прилеты и отлеты многочисленных транспортных самолетов в течение целого месяца. И немецкое командование, занятое начавшейся на Курской дуге битвой, все же сумело оценить опасность, которая таилась в зловещей для него встрече партизанских вожakov с партийными и военными руководителями движения.

И вот ежедневно стали наведываться «гости» — в безоблачном небе с утра до вечера нудно зудели «рамы», прилетали на бомбежки и штурмовки леса «хейнкели» и «мессершмитты». Часть товарищей генерал Строкач отправил, осталась малая группа из штаба, и она попала в самое пекло — фашистские автоматчики уже неотступно шли по следам, не давая отдыха. Сам совершенно не спал, измучился, почернел даже. Стали лезть в голову воспоминания о скитаниях осенью сорок первого... Своим сказал с усмешкой: «Я уж себя уничтожу так, что немец ни орденов, ни пуговиц не найдет...»

Вот тут-то прямо с неба и свалился на ближнее ржаное поле бесстрашный «дуглас». Из него вышли Наумов и Лунц. Спасители, верные товарищи в трудный час смертных испытаний!

— Я прибыл в «веселую» пору, — пожимая руку Строкачу, сказал Наумов. — Передали вашу радиogramму, оставил своих на начальника штаба — и к вам на выручку. Вижу, «котогонка» в самом разгаре...

Стемнело.

Бойцы наумовского отряда уже вели перестрелку с наседавшими немцами. Тимофей Амвросиевич, пока всех сидящих в самолете не вызвал по имени, не разрешил закрыть дверь. Почва была трудная, песчаная, и даже опытный пилот Лунц с трудом поднял машину в воздух. «Дуглас», едва не скапотировав, пронесся над бегущими по полю, стреляющими гитлеровскими солдатами...

Перед самым форсированием Днепра партизаны осуществляли грандиозную по масштабам совместную с Красной Армией операцию, разработанную штабом.

Вот уже освобожден Киев, и к границам Родины подходит Красная Армия. Штаб посылает своих партизан теперь в оккупированную Польшу, Чехословакию. Появляются в УШПД радисты, подрывники, газетчики, бойцы и командиры, что уже не во вражеском тылу, а на свободной земле своей ходят. Прибегает к генералу Строкачу

взволнованная радистка Майя Блакитная, возмужавшая, загорелая и красивая той особенной красотой, какую дает женщине сознание своей чистоты и исполненного трудного долга. А брата ее Игоря Акаловского вызывает генерал Строкач:

— Готовьтесь лететь в Словакию в составе оперативной группы...

Туда же собирается и Вячеслав Квитинский, минер не менее талантливый, чем известный Василий Яремчук. Он сидит в кабинете Строкача и рассказывает о себе: родом из Белоруссии, служил в артиллерии, стал подрывником в тех войсках, где фронт со всех четырех сторон, а тыла нет.

— Смотрите там, — наставляет Тимофей Амвросиевич. — Вы первые ласточки, которые за пределами страны будут представлять ее Европе. Несите наше знамя высоко! Воюйте там так же, как здесь, на Украине.

Крутолобый, упрямый, крепкий, прощается Вячеслав с генералом Строкачем. Он немногословен, как и все белорусы. И так же надежен. В нем осталось многое от его учителей, под командованием которых он целых два года партизанил на Украине, — бывших пограничников Николая Подкорытова и Андрея Грабчака.

Вскоре после освобождения Украины, осенью 1944 года, начальник УШПД генерал-лейтенант Строкач получил новое назначение — заместителем наркома внутренних дел республики и одновременно начальником Управления по борьбе с бандитизмом.

Сдал генерал Строкач дела по УШПД, принял дела в наркомате и уже следующим утром отправился из Киева в Ровно.

В «мерседесе» их было трое: водитель, бывалый воин Иван Трощенко, замнаркома генерал Строкач и его адъютант капитан Леонид Фридман, вечно улыбающийся, довольный миром юноша. Позади шел «студебеккер» с охраной, двумя десятками автоматчиков во главе с лейтенантом.

Изнаненный за войну «студер» все отставал, и в конце концов его надоело дожидаться — лимузин умчался вперед. За Новоград-Волынским дорогу обступил лес.

Их обстреляли на повороте дороги, когда машина за-

медлила ход. Били из ручного пулемета и автомата. Капитан схватился за свой ППД, генерал расстегнул кобур огромного своего маузера:

— Стрелять пока не надо, Ваня, гони на полную!

В облаке пыли, поднятой «мерседесом», в них нелегко было попасть, и вскоре стрельба стихла. Через несколько километров находилась резервная пограничная часть, генерал велел свернуть к ней.

У шлагбаума он сказал подошедшему лейтенанту в зеленой фуражке:

— Нас только что обстреляли из леса возле поворота, вот здесь, — и указал место на карте.

Лейтенант побежал к полевому телефону: «Боевая тревога!» В расположении забили в рельс, слышались отрывистые команды, лай рвущихся с поводков служебных собак. Через несколько минут полосатая балка шлагбаума ушла вверх, и два «студебеккера», полные пограничников, с ревом рванулись к дороге.

Генерал вышел из машины и с волнением принялся расхаживать взад и вперед. Пограничники действовали, как всегда, быстро, умело, сноровисто.

Не прошло и часа, как «студебеккеры», теперь их было уже три, подъехали к КПП. Окруженные солдатами, шли двое не очень молодых мужчин, заросших щетиной, со связанными назад руками. Их взяли с немецким пулеметом неподалеку от того места, где они стреляли: бандиты и не думали отпираться, сказали, что имели приказ командира рия (отделения) устроить на дороге засаду.

Генерал даже не допросил оуновцев, приказал отправить в Ровно. Подозвал командира пограничников:

— За смелые и энергичные действия объявляю всем участникам поимки бандитов благодарность.

Подошел понурый командир охраны — шуточное ли дело, замнаркома попал под огонь.

— Вы не виноваты, лейтенант, — сказал генерал. — Мы поедем теперь медленнее.

В Ровно одним из первых представился генералу начальник отдела по борьбе с бандитизмом майор Дядюн. Он вошел в кабинет четким строевым шагом бывалого солдата:

— Товарищ генерал-лейтенант...

— Хорошо, хорошо, товарищ майор, — прервал его доклад Тимофей Амвросиевич. — Давайте поздороваемся,

и прошу вас к карте. Мы с вами просто так поговорим, как старые боевые товарищи.

Суровое лицо майора просветлело. Он крепко пожал протянутую ему руку — уважительный тон генерала произвел на него сильное впечатление. Они в самом деле уже встречались — в начале весны 1941 года полковник Строкач привел полк пехоты для борьбы с бандеровцами, начавшими под руководством своих эмиссаров — гитлеровских агентов бандитские операции в предвидении войны против СССР. Во время прочесывания лесов и познакомились.

— Ну рассказывайте, Андрей Семенович, о себе и о делах.

Майор Дядюн принадлежал к числу тех незаметных и незаменимых работников, на которых всегда все держится благодаря их уму, энергии и преданности работе.

Дядюн мальчишкой-красноармейцем прошел вдогонку за бегущим деникинским воинством от Орла до Черного моря. Потом явился домой, в Донбасс. И старый дед его по прозвищу Крым (он молодым туда ходил на заработки) встретил внука так: «Ты дэ був? В бильшовиках. Воны уси грабители. И мать твоя кацапка...» Бросил внуков подарок — табаку пачку — и ушел. А в другую войну, Отечественную, немцы убили его сына, Андреева отца, за то, что Андрей и два его брата воевали во внутренних войсках, в танковых, в коннице. Погнали деда копать немцам оборону. А он был, по характеристике Андрея Семеновича, «купоросный», вспыхнул и сказал полицию: «Не буду рыть окопы против своих сынов. Иди отсюда, предатель!» Привел тот автоматчика, и немец убил сына деда Крыма, а дед на похоронах кричал, что внуки его придут и отомстят за смерть отца. Те самые внуки, которых он обзывал «кацапами»...

У генерала Строкача Дядюн вскоре стал одним из тех настоящих помощников, с которыми служебные отношения у людей, преданных делу самоотреченно, сами собою переходят в большую человеческую дружбу.

Тимофей Амвросиевич быстро вошел в курс местных дел.

Руководители оуновского движения могли внедрять свою идеологию только с помощью методов террора и в среду темную, некультурную, забитую. Потому что лозунг «Украина для украинцев» по своей изуверской, националистической сути был враждебен народу, не отвечал его

исконным чаяниям ни в прошлом, ни в настоящем, ни в будущем. Он звал к изоляции от других народов, объявлял их всех врагами. Поляки становились «ляхами», русские — «кацапами», украинцы, не исповедующие национализма, советские люди — «схидняками», «восточниками».

Злобен, свиреп, живуч национализм в среде, где не любили книг, где полуграмотный униатский поп был проповедником, учителем, пастырем; невежество, духовное убожество не желало знать, как живут другие люди и народы за теми вон горами и лесами; ненависть к строю, при котором «нельзя нажиться», «стать богатым», который проповедует равенство между людьми и народами, стала основой мировоззрения руководителей ОУН и одураченных ими селян. Националистические керивники (руководители) в свое время преданно и покорно работали на польскую дефензиву, перед войной оказались слугами гитлеровского абвера. Уходя с Украины, немцы оставили бандеровской УПА (повстанческой армии) до ста тысяч единиц оружия. Сам Степан Бандера отсиживался в Мюнхене, как считалось, «под домашним арестом», представлял его в Западной Украине командующий УПА Клим Саур.

Советские армии почти безостановочно вели мощные наступления. Рушилась гитлеровская национал-социалистская империя, которую идеологи ОУН считали для себя образцом, идеалом государственного устройства. Даже самому темному бандиту становилось ясно: если Советы сокрушили Гитлера и гонят его миллионные армии, то какая же участь ждет УПА?.. В августе 1944 года правительство УССР объявило, что прощение ждет всех, кто добровольно выйдет из лесов и сдаст оружие. Чтобы предотвратить распад своей армии, керивники (руководители) ОУН начали невиданные по жестокости действия против частей Красной Армии, пограничных и внутренних войск и особенно против тех селян, кто сочувствовал Советской власти или является ее представителем.

Черный приметный «мерседес» генерала Строкача и «студебеккер» со взводом автоматчиков скоро узнали жители многих городов и сел Ровенщины, Волины, Тернопольщины. Оперативная группа наркомата и подчиненные ей войсковые подразделения и части действовали активно, смело, методично: сначала в тесном боевом взаимодействии с пограничниками от бандитских отрядов был

очищена погранзона, потом все усиливающиеся удары начали принимать бандгруппы, действующие в глубинных лесных районах.

Строкач, приезжая в село, не упускал возможности поговорить с населением, особенно со старыми людьми.

Очень скоро большое человеческое обаяние Тимофея Амвросиевича прошибало стену отчужденности, которой ограждались здешние жители от пришлых людей. Генерал отлично говорил по-украински, мастерски владел шуткой, юмором, не лез в карман за острым словом и скоро стал чрезвычайно популярен среди населения.

И точно в ответ на это появилась на столе генерала стопка документов, взятых при разгроме районного «схрона» в Березанях, что на Тернопольщине. В одной из бумаг оказались скрупулезно собранные данные о Строкаче и его ближайшем окружении. Давались словесный портрет генерала, подробная его биография, привычки (в анкетах учитывалось все, вплоть до наклонностей к вину; у Строкача в этой графе стояло «не пьет»), по каким улицам ходит и в сопровождении кого, план здания, где размещалась опергруппа наркомата, и местонахождение кабинета замнаркома; все это заключал решительный вывод: «взять живьем».

После обнаружения этого документа и зная намерения врага, генерал Строкач не изменил своему правилу и по-прежнему посещал села и вступал в беседы с людьми:

— Бывают у вас бандиты?

— Почему не сообщаете властям об их бесчинствах?

— Читаете ли советские газеты и листовки, где печатаются сводки Совинформбюро, сообщается о восстановлении разрушенного войной народного хозяйства?

Отвечали не сразу, долго рассматривали с детски-беззащитным любопытством молодежь, приветливого генерала, его улыбочивого адъютанта, никогда не выпускающего из рук автомата, молоденьких солдат охраны с медалями и комсомольскими значками на гимнастерках.

Потом наконец раздавались из-за спины ответы вроде:

— Вы, червоны, пришли и уйдете, а нам перед бандерами ответ держать...

— Явятся, скажут: большевикам служишь, и шворку на шею...

— Они уже разуверились в оуновцах, — говорил Стро-

кач подчиненным, — но они еще мало знают о нашей силе и нашей правде...

А оуновский террор продолжался.

Из Гороховского района, что на юге Волыни, тяжелое известие. Приехала в село учительница, молодая красивая девушка. Руководитель «бойки» — боевой группы националистов — взялся ее завербовать, да получил решительный отпор. Задумана шворкой, возле убитой записка, что казнена как изменница украинского народа...

В Торчине той же Волынской области убили весь районный партийный и комсомольский актив; уцелел только начальник районного отдела НКВД, и то потому, что был в отъезде. Действовал тут «куринь» (батальон) или целый полк УПА...

В России Столыпин некогда насаждал хуторскую систему как опору кулачества: при «санационном» режиме Пилсудского опорой его были «осадники», селившиеся на крошечных хуторах. На одном из таких хуторов в стололе (овине) бойцы, преследующие банду, увидели леденящую душу картину. На стуле, прикрученный к нему проволокой, сидел молодой солдат. С него был снят скальп.

В карманах гимнастерки лежали его воинская книжка, комсомольский билет, фотографии матери и какой-то девушки...

Освидетельствовавший убитого врач сказал, что казнь совершил человек, знавший искусство хирурга...

Население оказывалось терроризированным бандероцами. Малейшее подозрение в сочувствии «красным» — и в хате человека появляются ночные гости из «бойки СБ» — боевой группы службы безопасности (безопасности, бандеровского гестапо), поднимают с постели обреченного человека.

— Ты такой-то?

— Я.

— Ты зрадник. Бойка заочно приговорила тебя ликвидировать, как небезопасного для украинского народа.

И тут же на глазах жены и детей происходит казнь. Палач подходит к жертве сзади, вынимает из кармана и набрасывает на шею сплетенную из конского волоса бечевку — шворку. Короткая конвульсия — и нет человека. Ему надевают на шею бирку с надписью: «Ликвидирован как зрадник украинского народа. СБ», а потрясенной жене говорят:

— Не закапывай, а то и тебя задавим, и детей.

И она не смеет хоронить мужа на кладбище, а со страхом закапывает через несколько дней где-нибудь в усадьбе...

Но велика сила вековой приниженности, привычки покоряться господам положения: приходят «красные», советские, и редко кто из смертельно обиженных бандеровцами пожалуется на них. Все же эти, что убивают, — «свои», а те, «червоны», «схидняки», — «чужие». И со сдержанной, далеко вглубь загнанной яростью против них, с болью за них беседует с этими людьми генерал Строкач. Бывает же так: борешься за свободу человека, а он не желает этой свободы. Потому что не ведает о ней или за свободу принимает несвободу. Присылают молодых учительниц, а бандеровцы их привязывают к деревьям и разбивают — «зрадницы украинского народу». Появляются в горах геологи, ищут полезные ископаемые, а их оуновцы тащат в свои «схроны» и убивают после допросов и пыток — как же, «кацапы» позарились на «чужое добро». Организаторам колхозов та же шворка на шею: «зрадник»...

Окружают солдаты «схрон» — ход замаскирован дерном, тяжелый, спертый дух вырывается из ямы.

— Вылазь, гады, а то гранаты сейчас кинем!

Тишина, только ветер свистит в голых ветвях. И вот один за другим щелкают внизу выстрелы. Генерал Строкач переглядывается с майором Дядюном. Эсбисты! Это зверье не сдастся — после всего, что совершили, на помилование рассчитывать они не могут. Или районные проводники («фюреры») — один убьет всех, потом сам стреляется.

Из других «схронов» лезут заросшие дядьки и парни. Допрос ведет Дядюн, генерал сидит в стороне, адъютант возле него.

— Чому ты мовчишь?

— А я не могу балакаты з вами на языке гнобытників Украины. Вы оккупанты.

— Дур-рак! Як бы не Россия, вас бы нимцы забрали.

— Тут жид сидит, не буду балакаты.

— Капитан Фридман, — говорит генерал, — я не хочу, чтобы вы подвергались оскорблениям со стороны этого бандита. Пожалуйста, выйдите.

— Ну говори теперь! — приказывает Дядюн.

Но бандеровцу, в сущности, говорить уже нечего: кроме очень ограниченного набора пропагандистских фраз и

злости, он ничем не располагает. Ему показывают кинофильм о Советской Украине на украинском языке, и он вдруг начинает плакать — не представлял, что такие картины существуют, что есть украинские актеры, писатели, театры, города.

К генералу Строкачу просится на прием лейтенант. Из пограничного училища. Их прибыла из Ленинграда целая рота.

Заходит смущенный майор Дядюн:

— Тимофей Амвросиевич, этих хлопцев всех распределили по группам, а одного, ну копия мой сын Юрка, и тоже Юрой звать... Я оставил его при опергруппе — ведь нам нужен один офицер. Может, этот останется живой...

Как хорошо понимает один отец другого! В этой ужасной войне и генерал Строкач делал такие вот робкие попытки уберечь юные жизни, хоть одну.

— А что я ему скажу? — растерянно спрашивает генерал у майора, и в это время входит лейтенант. Ну конечно же, круглое, румяное, симпатичное лицо, скрипят новенькие ремни, и старательно начищены кирзовые сапоги.

— Товарищ генерал, я жалуюсь впервые в жизни. Товарищ майор мне не доверяет, в дело не посылает, говорит, что я тут нужен. А я офицер, комсомолец. Прощу...

Его просьбу генерал удовлетворил. А через несколько дней в кабинет вошел после очередной операции майор Дядюн. Суровый, подтянутый всегда, железный Дядюн был раздавлен. На волынское село Череваки Маневичского района бандиты налетели и перебили весь гарнизон. Рота автоматчиков с пулеметом прикрывала сельсовет. А лейтенант Юра, тот самый, ротой командовал. Лежит на бруствере, весь изрешечен пулями, диск автомата пустой, в «максиме» все ленты расстреляны...

И отвернулся майор, прервался голос.

После долгой паузы спросил генерал:

— Опять банда из дивизии Рудого?

— Да!

— Надо его брать, Андрей Семенович. Любой ценой. Подойдите к карте...

В одном из «схронов» взяли бандита под кличкой Волк. Он рассказал, что в скором времени ожидается приезд генерала УПА первой степени Рудого, он же Кайдаш,

командира дивизии «Завихост», заместителя командующего УПА Клима Саура.

Это были сведения первостепенной важности, и поскольку Волк дал их добровольно, конечно, желая спасти свою жизнь, на суде его ожидало какое-то снисхождение.

И вдруг раскрылось за Волка то, чего простить нельзя было. Одна из женщин, чьи близкие были убиты бандитом, не побоялась рассказать о нем.

Снова Волка вызвали на допрос.

— Так же было? — спросил майор Дядюн.

— Наказ був, — отвечал бандеровец.

— Де диты?

— От вас ховаються.

— Мы с детьми не воюем. Говори!

— А помилование будет?

— Это решит суд. Отвечай!

Генерал Строкач во все время допроса молчал. Только курил. Хотя сердце подкатывало под самое горло...

Жена офицера-пограничника с двумя ребятишками уходила от немцев. Позади горела застава, где был муж ее и его товарищи. Оттуда доносился лязг гусениц, выстрелы, лай собак... Ночью она спрятала детей в копнах сена, а когда они уснули, зарылась в другую копну и задремала.

Утром на нее наткнулись немецкие автоматчики и застрелили. У детей хватило сообразительности не закричать в это время.

Их нашел дед из ближнего села и, таясь, привел домой:

— Бабка, бог дал нам диток.

От немцев их удалось скрыть, а эсбисты в конце концов пронюхали и явились:

— У тебе большевицки диты ховаються?

— Ниц нема.

Били деда и бабушку шомполами. Дед выдержал, а бабка в конце концов созналась. Пришел тогда Волк с подручными, и у них были шворки...

— Дитэй, дитэй зачем удавыв? — снова спрашивает Дядюн.

— Такой був наказ, — следует ответ.

— Почему тоби дали псевдо «Вивк»? — только один вопрос задал генерал Строкач.

— А у меня образина похожа, — и он усмехнулся, точно волк оскалился.

Не колеблясь, утвердил генерал решение суда: расстрелять...

Это произошло уже после взятия Рудого.

Брали его в Корытнинском лесу уже в разгар зимы. Когда сотня, сопровождавшая сани с больным тифом Рудым, втянулась в лес, войскам, расположенным в огромном по размерам оцеплении, генерал Строкач приказал начать сжимать кольцо. Приказ был категорический: брать бандеровского генерала только живым. В этом заключался смысл всей операции. Сотня шла верхом на лошадях. Опытные пулеметчики, прошедшие в пехоте всю войну насквозь, быстренько отсекали охрану от саней. Под убийственным кинжальным огнем бандиты легли все. Осталось у саней, запряженных тройкой, человека три-четыре. Они начали отстреливаться и скоро были перебиты, но в это время возница оголтело погнал тройку по дороге навстречу цепи наших солдат в маскхалатах, идущих от опушки с автоматами наперевес.

Другого ничего не оставалось — майор Дядюн приказал снайперу снять лошадь, лучше коренника. Хлопнул выстрел, и сани в клубе снежной пыли остановились. Конь бился в упряжке, другие дико рвались. К саням подбежал командир автоматчиков, молодой лейтенант: «Клади оружие, гад!» — и тут же упал, сраженный несколькими пулями. Возница (потом оказалось — это была женщина-врач) выстрелить больше не успела — по ней ударил из своей винтовки снайпер.

В куче тулузов на санях лежал кто-то, вытянув желтую, неживую руку. Развернули тулузы. Показалось худое воспаленное лицо в ржаво-рыжей бородке, спутанные красные волосы прикрывала полковничья папаха с золотым трезубцем. Открылись глубоко запавшие светлые глаза, оглядели без страха всех, кто окружил сани:

— Эх, подлюки, командующего в плен сдали...

— Кто ты? — спросил майор Дядюн.

— Я Кайдаш — Рудой, командующий группой УПА «Завихост». Вотти себе дырку для ордена...

И спик, потерял сознание.

— Поймали мы, хлопцы, великую птицу, — с облегчением проговорил майор. — Это та самая борода, которая от крови стала рыжей.

И пошел с докладом навстречу саням, в которых ехал генерал Строкач.

Через несколько дней, когда пленный немного оправился, начался поединок генерала Строкача с ним.

Больница в Ровно, куда на излечение поместили Рудого, была по приказу генерала Строкача взята пограничниками под крепкую охрану: не исключалось, что бандеровцы попытаются освободить своего командующего.

Утром Тимофей Амвросиевич приходил в палату, принося с собой сладости, фрукты или бутылочку коньяку, а также порой какую-нибудь книгу — Рудой был чрезвычайно любознателен.

— Здравствуйте, Юрий Александрович! — сказал, войдя первый раз в палату, Строкач.

— Здравствуйте... — и тот запнулся, — пан генерал.

— Ну какой я пан? — отвечал генерал.

— Не товарищем же вас называть — вы мне в батки годитесь.

— Зовите меня по имени-отчеству, знаете ведь как?

— Добре знаю, Тимофей Амвросиевич.

Настоящее имя бандеровского генерала было Юрий Александрович Стельмащук. Рудой, Кайдаш — то были псевдо — прозвища, обязательные для деятеля ОУН или УПА. Ему исполнилось тридцать лет. Жениться времени не было — все учился да воевал.

Родился он в семье зажиточного крестьянина на хуторе в Торчинском районе Волынской области. Еще до завершения учебы в Луцкой гимназии вступил в молодежную организацию ОУН. Хотел пойти в университет, но велели ему ехать учиться в Германию. Накануне войны с СССР окончил там офицерскую школу и был заброшен в Западную Украину для диверсионной работы. Быстро продвинулся как бандеровский командир, сражаясь с советскими партизанами. Когда Красная Армия изгоняла из пределов Украины войска Гитлера, приказ по УПА был не вязываться в бои с регулярными частями, пропустить их и развернуть военные действия против пограничных и внутренних войск.

— Сколько войск было у вас, Юрий Александрович? — спросил генерал Строкач.

— В разное время по-разному, от трех до пяти тысяч.

На все вопросы отвечал охотно. Ничего, что касалось его, не скрывал.

— Будет мне прощение или расстреляете меня? — часто спрашивал он, и худощавое, нервное, с красной, как глина, бородой лицо его напрягалось в мучительном ожидании. — Ведь я много ваших убил, да еще и поляков пятнадцать тысяч.

— Как себя станешь вести, — отвечал генерал. — Но только знай: за прошлое мстить мы тебе не станем. Советская власть вообще не мстит. Оправдайся разумным поведением, и дорогу в будущее никто тебе не закроет.

— Да, крепко надо думать! — говорил Рудой вполне искренне, он сразу понял, что хитрить со Строкачем бесполезно, тот все равно быстро раскрывал любую фальшь. — Знаю, немцев вы розтрощите, ведь вон радио говорит: скоро Берлин возьмете...

Однажды в добрую минуту спросил Тимофей Амвросиевич:

— Зачем ты, Стельмащук, к ним пошел?

— Люблю Украину.

— А я разве ее не люблю?!

— Так вы ж схижняк. А схижняки уси коммунисты.

То был предел, за который незачем было переходить. Этот человек уже не мог мыслить иначе — мировоззрение, по его глубокому убеждению, определялось географической принадлежностью...

Блистательная победа над Германией произвела на Рудого невероятно сильное впечатление. В один из приходов генерала Строкача рассказал ему о командующем УПА, члене Центрального провода (предводительстве) ОУН:

— Для захвата Климса Саура надо вам приехать с великою силою в Клеванский лис...

В тот же день Строкач отдал необходимые распоряжения.

— Поедешь с нами? — спросил он метавшегося по комнате Рудого.

— Поеду! — решительно ответил тот.

Его посадили в «мерседес» четвертым, рядом пристроилась женщина-военврач, лечившая Рудого.

Войска двигались с конца ночи. Солдаты шли в лесу, имея локтевую связь с соседями слева и справа. Рудой

страшно волновался, даже несколько раз терял сознание, и военврач приводила его в чувство. Приехали на лесной хуторок. «Оця хата! — сказал Рудой. — Нет, не ця, поихалы дали». Леонид перегнулся к генералу, сказал шепотом: «Он не умышленно нас путает?» Тимофей Амвросиевич уверенно ответил: «Нет!»

Быстро стемнело. Весенний лес пел, щебетал, ворковал о счастье жизни. В мир вошла первая мирная весна, и молодые солдаты весело перекликались с птицами. Генерал приказал ни на минуту не ослаблять наблюдение, войска не снимать. Людей кормить поочередно небольшими подразделениями.

«Мерседес» и его верный спутник «студебеккер» по ночной дороге двинулись на Ровно.

Рудой взглядывался в окружающую темень, рассеченную мертвенным светом фар.

— Сейчас тут ямы на дороге будут, — предупредил он. — И завалы. Я тут всегда засады делал. Пусть солдаты подталкивают машину.

Повозился на своем месте, снова занервничал:

— Воны тут близко!

И опять:

— Ты, капитан, если выйдет неустойка и наши налетят, меня первого застрели. А потом сами стреляйтесь. Бо ремни будут тянуть.

Все остальные пассажиры молчали. Леонид вставил в гранаты запалы. Даже всегда невозмутимый, спокойный генерал Строкач вытащил и положил на колени свой маузер.

В Ровно из Управления сразу же генерал соединился по радию с майором Дядюном. Тот сообщил, что внутри кольца организовано патрулирование, солдаты по всему периметру жгут костры.

Уже перед рассветом — спать не ложились — позвонил из Клевани командир пограничников:

— Товарищ замнаркома, при попытке вырваться из кольца из ручного пулемета убит Клим Саур. Бандитский генерал со всей охраной был, при орденах и оружии. Приметы: на щеке шрам, среднего телосложения, лет сорока с небольшим.

— Немедленно под сильной охраной доставьте тела убитых в Ровно, — распорядился генерал.

Утром посадили в «мерседес» Рудого и поехали в Управление НКВД.

Открыли дверь гаража, где на полу лежало несколько трупов.

— Смотри, — сказал генерал.

Рудой взглянул и зашатался:

— Це вин! — и упал без сознания. Когда очнулся, заплакал: — Вот и увиделись мы, Клим Саур!..

Когда генерал Строкач предложил ему выступить публично и устно с обращением к населению, Рудой согласился. Одобренную Киевом листовку-обращение с его подписью через несколько дней стали сбрасывать над лесами самолеты.

Победа над Германией, разгром руководства УПА и гибель посланца Степана Бандеры, листовки от имени широко известного в Западной Украине Рудого с призывом выходить из лесов и сдаваться — все это надломило бандеровское движение. Оно пошло на убыль, потому что стали таять его резервы: в ярых сторонниках поколебалась вера, у терроризированного бандитами населения росла надежда на избавление от бандеровщины.

По распоряжению генерала Строкача майор Дядюн повез Юрия Стельмашука по тем местам, где тот раньше действовал. И раскаявшийся бандит выступал перед населением с разоблачением бандеровщины. В селах не являлись на эти собрания лишь те, кто не мог ходить, — малые дети и древние старики. Рудой говорил искренне и с большим чувством, не без пафоса.

— Громадяне земли украинської! — начинал он. — Перед вами стоить и говорить з вами колышній командующий группой УПА «Завихост», а по-вашему — бандыт...

Рудой дал слово генералу Строкачу: не позволять себе никаких нарушений, не пытаться бежать и в выступлениях придерживаться согласованного текста. Однажды Тимофей Амвросиевич приехал на его выступление. Майор Дядюн доложил, что Рудой данного слова не нарушил ни разу, только порой просил водки перед выступлением да однажды заикнулся, что хотел бы побывать на родном хуторе... Генерал сидел в набитом людьми сельском клубе, на сцене рядом с ним, за столом, накрытым красным ситцем, поместились предколхоза и майор Дядюн.

— Не верьте оуновским верховодам! — говорил Рудой в душевной тишине. — Они обманулы и вас, и мене.

Выходите из лисив, вас не будут карать за колышние злочинства.

Когда он замолчал, тишина стала еще гуще и тяжелее. Слышен был скрип сапог автоматчиков, неторопливо шагавших взад-вперед возле крыльца и у окон.

Как всегда в таких случаях, сидящие в задних рядах мужики угрюмо и подавленно молчали. Смелее были бабы.

Вот привсталла одна с ребенком на руках и полуразочарованно сказала:

— Оце такой ты?

— Оце я и есть... — с легким замешательством отвечал Рудой. Но он тут же оправился — следующий вопрос был уже привычный:

— На що ж ты людэи убывав?

— Такой был наказ.

Но теперь уже люди не удовлетворились ответом и загудели. Тогда он с жестом предельного отчаяния, поразившим Тимофея Амвросиевича, сказал:

— Как попал в ОУН, обещали свободу, а все залили кровью...

Генерал сам повез Рудого на его хутор. В хате Стельмашуков жили другие люди — сельсовет отдал ее бедняцкой семье.

Рудой сказал:

— А я, Тимофей Амвросиевич, иначе и не думав. Вы вси таки. Знав я, що це так получится... — Он плакал и целовал стену хаты. Взял горсть земли и, положив в платок, бережно завязал его.

Генерал Строкач ответил Рудому:

— А кто воскресит убитых тобой? Сколько на тебе невинной крови!..

Пошли они к машине — один высокий, большой, надежный, другой худой, нервный, ссутулившийся. Очень разные. И не примирившиеся.

Несколько времени спустя министр внутренних дел Украины генерал Строкач узнал: Юрий Стельмашук покушался на побег. Хотел скрыться за рубеж и перебраться в Канаду. Его разоблачили, судили и приговорили к расстрелу.

Сердце стало чаще тревожить Строкача. За год до ухода в отставку получил генерал назначение на пост начальника Главного управления пограничных и внутренних войск страны.

Тимофей Строкач вновь пришел к пограничникам — этим войскам всегда принадлежало его сердце.

А это сердце теперь все чаще напоминало о себе.

Слишком большую нагрузку несло оно всегда. Ему был отмерен, как всякому человеческому сердцу, век, а оно проработало только шесть десятков лет.

Зато жизнь, которую хранило это большое сердце, была настоящей — бурной, полнокровной, стремительной.

Остается сказать, что, кроме тех близких к Тимофею Амвросиевичу людей, о которых читателю известно, живет на свете хороший человек, такой же умный и сердечный, как его отец, — Василий Строкач.

Он рассказал: был однажды на кладбище и увидел, что у могилы отца его стоят на коленях двое седых ветеранов и рыдают. Приехали в Киев издалека старые солдаты поклониться праху своего командира.

Какие были времена,
Какие люди были!

Эти слова великого поэта о том времени, и их можно отнести ко многим достойным людям того поколения, к которому принадлежал Тимофей Строкач.

В детстве он все ждал большого чуда. А этим чудом обернулась сама жизнь.

Все дело оказалось в том, как ее прожить.

Георгий Мионов

Около полуночи 20 июня 1941 года пограничники Давыдов и Зикин, проходя вдоль Западного Буга, услышали на другом берегу гул моторов. Осторожно пробираясь сквозь кусты, они сперва не обратили особого внимания на этот шум. Когда же гул усилился и соединился с другими подобными же звуками, они замедлили движение.

За Бугом ревели танки. Тяжелый, надрывный гул заглушал пение соловьев над Черным лесом. Видимо, съезжая с платформ и разворачиваясь около железнодорожного полотна, танки скрежетали гусеницами. Их моторы ворчали при переключении екоростей. То и дело фары танков бросали тоненькие лучики света в нашу сторону.

— Опять маневры? — спросил у Давыдова Зикин. — Не дает им Гитлер покоя даже ночью.

Был он простодушен и доверчив, этот рядовой боец заставы в Скоморохах. Товарищи по службе подтрунивали над Зикиным, называя его по-местному «господарем». Не раз весной после нарядов Зикин уходил в Скоморохи и помогал по хозяйству одному из местных хлеборобов. Он уезжал с ним в поле и там, сняв гимнастерку и разувшись, шел за плугом, уминая босыми ногами влажную, крепко пахнущую весеннюю землю. Пограничники подсмеивались, что все это делается неспроста. «Дело вовсе не в том, что Зикин истосковался по работе на земле, а всему виною, — говорили они, — красивая дочка господаря». Не раз на заставе поговаривали, что осенью, после демобилизации, Зикин женится на ней и останется «господарювать» в Скоморохах.

Давыдов ничего не ответил на шепот Зикина. Прислушиваясь к шумам, долетающим из-за рубежа, он решил немедленно после возвращения из наряда доложить о них начальнику заставы лейтенанту Алексею Лопатину, хотя и подумалось, что ничего особенно нового и сверхъестественного в этих шумах не было.

Однако ночью 20 июня 1941 года рев танковых моторов в Забужье был особенно сильным.

Но ни старший наряда Давыдов, в прошлом учитель, ни его слутник Зикин, ни даже начальник пограничной заставы в Скоморохах Алексей Лопатин, воспитанник той самой Ивановской области, где впервые в 1905 году родились Советы рабочих депутатов, не могли тогда знать того, что стало известно позже.

Ночью 20 июня 1941 года в лесах Забужья, севернее Сокаля, разгружалась 11-я танковая дивизия гитлеровцев, только что прибывшая к советской границе из Вены на пополнение танковой армии фон Клейста.

На всем протяжении границы к ранее сосредоточенным здесь фашистским войскам подходили новые дивизии. Двигались они скрытно, с наступлением рассвета прятались в селах, силились производить как можно меньше шума, но от местного населения, жившего поблизости от Буга, Сокаля и Сана, не укрылось, что артиллерийские орудия, которые выкатывались на позиции и укреплялись в порядке «учебных маневров», почему-то все были обращены стволами в сторону Советского Союза.

В этот субботний день после обеда на Карбовском лугу заместитель политрука ленинградец Ефим Галченков принимал от бойцов последние оставшиеся нормы на значок ГТО по бегу и метанию гранат.

Под вечер 21 июня на тринадцатую заставу из Владимир-Волынского вернулась с учебного сбора группа пограничников.

Приезжие занимали свои койки, укладывали около них вещевые мешки, ставили в пирамиду новенькие автоматы ППД, только что полученные ими в отряде. И, как всегда по субботам, люди, возвращающиеся из нарядов, получали у старшины чистое белье, мыло и торопились в легкий зной предбанника.

Разгоряченные, с лицами цвета спелой малины, пограничники перебежали из бани в заставу, и там их встречали звуки баяна.

Максимов вернулся из столицы древней Волыни. Он снова сидел на табурете в ленинской комнате, высокий, черноволосый, и мечтательно устремив взгляд в одну точку, подбирал на баяне песенку «Синий платочек».

Когда совсем стемнело, часть пограничников, получив боевые задачи, отправилась на границу. В 23 часа по направлению к Бугу пошел и начальник заставы Алексей Лопатин вместе с заместителем политрука ленинградцем Ефимом Галченковым проверить службу нарядов.

Узкая тропинка завела их в кусты. Лопатин глянул на светящийся циферблат наручных часов, сказал тихо Галченкову:

— Сейчас будет возвращаться на заставу наряд Пескова.

Прижимаясь к траве, они услышали шаги. На фоне неба вырисовывались очертания двух бойцов. Первый из них остановился как вкопанный, вскинул автомат:

— Стой!

Лейтенант Лопатин ответил, а Галченков, когда наряд подошел вплотную, сказал весело шепотом:

— Таки учуял, Песков! Ну и нюх у тебя! Сразу видно — земляк, ивановец.

Обе пары пограничников разошлись, и снова стало тихо на дозорной тропе, только монотонно пели свою почную песню неугомонные кузнечики.

Евдокия Гласова, жена политрука, в этот вечер запоздала в баню. Ей удалось помыться лишь после полуночи. Обвязав вафельным полотенцем мокрые волосы, она пробежала в шлепанцах по росистой траве до квартиры и уложила спать дочку Любу. А когда Люба заснула, Гласова вышла на крылечко.

От Буга тянуло прохладой.

В кустах ивняка над самой рекой, где залегли сейчас пограничные наряды, щелкали на разные голоса соловьи.

Из села Скородохи доносились звуки мандолины. Потом вступила гитара. «Должно быть, у Захара Пеньковского», — подумала Гласова. Она знала, что к нему часто заходят пограничники поиграть на гитаре и мандолине и что Захар не только радушно принимает гостей, но и сам учится от них новым советским песням.

Кое-где в Скородохах и в соседнем селе Ильковичи, расположенном слева от Карбовского луга, в хатах еще светились огоньки. Сегодня весь день колхозники этих сел везли из леса деревья для новых колхозных построек, которым предстояло вырасти на бывших землях графа Дзедушицкого, переданных крестьянам Советской властью. Возчики, в сумерках уже вернувшиеся в свои села, сейчас готовились ко сну.

А в это время за Бугом, в полукилометре от заставы, по всем правилам немецкого педантизма министерство внутренних дел Германской империи передавало границу «государственных интересов рейха» вермахту и его главному армейскому командованию. Министр Фрик сдавал

границу главнокомандующему всех вооруженных сил Германии фельдмаршалу фон Браухичу.

В лесах, на просеках, в лощинах, просто на открытых полях от Перемышля до Устилуга и тут, на стыке Галиции с зеленой Волинью, 21 июня с наступлением темноты, а кое-где и раньше был прочитан приказ Гитлера о том, что германская армия в 3.00 по летнему европейскому времени должна перейти границу и ударить по Красной Армии.

То, чего, конечно, никак не могла бы увидеть сквозь густую темень июньской ночи Евдокия Гласова, чувствовал сердцем ее земляк-ивановец, боец тринадцатой заставы Николай Сорокин, бывший слесарь ткацкой фабрики «Красный Профинтерн», сын старого рабочего из Вичуги.

Уходя по ночам в наряд, Сорокин тоже слышал и ворчание немецких танков, и отдаленную канонаду проверяемых гитлеровцами тяжелых орудий, и, наконец, участвовавший стук топоров в Черном лесу, где немецкие саперы готовили паромы.

В памяти Сорокина запечатлелся густой хвостатый след, оставленный высоко-высоко в чистом небе самолетом «фокке-вульф». На глазах у всех этот немецкий разведчик пролетел в пятницу над советской границей, временами удаляясь к Тартакову и к Каменке-Струмиловой и, должно быть, фотографируя все то, что его интересовало. Следя за полетом «фоки», Николай Сорокин сказал своему товарищу по заставе Никитину:

— Ну, быть войне!..

Сейчас, когда Евдокия Гласова вошла в помещение заставы, Николай Сорокин, вешая себе на грудь новенький автомат, сказал ей:

— С легким паром!

Собираясь в наряд, он снял с пирамиды ракетницу. Протер ствол ветошкой.

Гласова хорошо запомнила, что, перед тем как перешагнуть порог и исчезнуть во тьме, Сорокин сказал ее мужу:

— Что-то тревожно мне сегодня. Так сердце и ноет, почему-то мутрно на душе.

И что было особенно странно, Сорокин при этом улыбнулся. Его большое смуглое лицо с глубокими глазами и раскрытыми черных изогнутых бровей светилось доброй улыбкой.

Разбуженная грохотом рвущихся невдалеке снарядов, Гласова увидела, что она одна.

Политрук после первого же выстрела помчался на заставу.

«Что это? Маневры? А может, в подвале заставы взорвались боеприпасы?» — подумала Евдокия.

Падали на пол, разбиваясь на мелкие кусочки, оконные стекла. Сиреневый рассвет вползал в комнату вместе с кислым запахом пороховой гари.

Плакала, протирая кулачками заспанные глаза, Люба. За стеной, у Лопатиных, слышался надрывный голос жены начальника заставы Анфисы:

— Леня!.. Милый! Куда же?..

Они выбежали почти одновременно из командирского домика: Гласова с Любой и Анфиса Лопатина вместе с детьми и матерью мужа.

Пробегая по двору к дому заставы, Евдокия вспомнила полные тревожного предчувствия слова Николая Сорокина. Вспомнила эти слова еще и потому, что увидела высоко в небе, там, на берегу Буга, на линии границы, красные сигнальные ракеты. Николай Сорокин пускал их одну за другой до последнего дыхания. Он давал знать родной заставе о продвижении врага...

Рядом с Евдокией к зданию заставы бежала полуодетая Анфиса Лопатина, прижимая к груди месячного сына Толю. В свете наступающего утра и при вспышках разрывающихся снарядов Гласова видела, как, наклонив над мальчиком лицо, Анфиса силилась успокоить плачущего ребенка:

— Тихе, тихе! Мы же к папе идем!

Около бабушки, спотыкаясь и посапывая, молча переваливался трехлетний Славик Лопатин. Его ноги разрезались по росистой траве, но он старался не отставать от старших.

Раскаты снарядных разрывов слились в один сплошной грохот. Звенели бьющиеся стекла. Несколько окон здания вырвало вместе с рамами. Пылали крестьянские хаты в Ильковичах и Скоморохах.

В облаках пыли и порохового дыма пограничники занимали окопы и блокгаузы.

Дальше всех от заставы, на частной квартире в селе Скоморохи, жила семья заместителя Лопатина — лейтенанта Погорелова. После первых же выстрелов лейтенант Григорий Погорелов, высокий, широкоплечий украинец из-под Кременчуга, вместе с группой бойцов помчался на правый фланг участка, к мосту около Ромуша. Там был наиболее ответственный объект охраны: мост через Буг.

Убегая к Ромушу, лейтенант Погорелов успел крикнуть бойцу Никитину:

— Помоги моей семье!

Никитин нашел Евдокию Погорелову с дочкой Светланой у входа в крестьянский подвал.

— Пойдем со мной, Дуся! Схоронись на заставе! — сказал Никитин и принял из ее рук завернутую в одеяло, дрожащую от испуга Светлану.

Погорелова ничего с собой из дому не взяла, только автомат мужа.

Одна за другой семьи пограничников прибежали к зданию заставы. Там они нашли одного дежурного Зикина. Все остальные бойцы уже заняли круговую оборону. Зикин сразу направил женщин и детей в самый дальний блокгауз, расположенный в конце двора, позади хозяйственных построек.

Недолго просидели женщины в дальнем блокгаузе. Прямым попаданием фугасного снаряда разметало настил, и женщины увидели над своими головами вместе с клочком голубоватого неба дым пожаров. Совсем рядом ревели коровы. Мычание их сливалось с гулом самолетов. Свои или чужие — женщины этого не знали. Самолеты проносились низко над заставой.

В ходе сообщения показался Алексей Лопатин. Как всегда, начальник заставы был подтянут. И в бою он не изменил своей привычке. Блестящая португеза плотно облегла его гимнастерку. Высокий, русоволосый, он только слегка побледнел.

— Разворотило? — сказал Лопатин, оглядывая пробоину в накате. — А ну, женщины, перебирайтесь, пока подмога придет, в подвал. Там надежнее.

Погорелова спросила Лопатина:

— Григорий мой тут?

— Я послал его с людьми к мосту...

Они расположились в подвале под надежными кирпичными сводами, рядом с кучами проросшего картофеля, сохраняющего еще запахи прошлогодней осени. Поодаль стояли влажные бочки с капустой и солеными огурцами. Гласова исчезла на несколько минут и притащила сверху какой-то матрац.

— Правильно, Дуся! — неожиданно услышала она голос мужа.

Политрук Гласов сбежал по ступенькам в подвал, огляделся в полутьме и сказал:

— Давайте и вы, женщины, тащите сюда вниз все постели и матрацы. Если будут раненые, мы их здесь расположим. Держи, Дуся, — сказал политрук, протягивая жене какие-то свертки. — Здесь масло и сахар. А это будильник. Я забежал домой... И ключ возьми от квартиры.

Гулкий разрыв снаряда потряс весь дом до основания.

— Ключ вже не нужен, — сказала, отходя от окошка, Погорелова. — Нема вже вашої хаты.

— А ты, Анфиса, даже одеться не успела!

— Какая тут одежда! — равнодушно ответила Лопатина и, прислушиваясь, вдруг вскрикнула: — Тише! Вы слышите?

В двух углах двора, в блоказах, соединенных со зданием ходами сообщения, затрещали станковые пулеметы.

— Неужели фашисты? — прошептала Гласова.

Да, это были фашисты!

Серые в расплывающемся тумане, они показались в двух направлениях — со стороны Буга от Илькович и с правого фланга, перерезая последние нити, связывающие раньше заставу со своими соседями.

Раньше всех открыл огонь из правого блоказа заместитель политрука Ефим Галченков. Рядом с ним лежал у пулемета москвич Герасимов. Как только первые вражеские солдаты, извиваясь и сбиваясь с шага, стали падать на мокрый луг, заговорил и станковый пулемет из левого блоказа, расположенного ближе к Скоморохам. Там у «максима» залегли старые, проверенные уже однажды в бою неразлучные друзья — ефрейторы Конкин и Песков. Еще совсем недавно вся застава с большими почестями отправляла в Москву, в Кремль, низенького

энергичного блондина Конкина. С ним вместе ехал в столицу за правительственной наградой опытный инструктор служебных собак, уроженец Ивановской области ефрейтор Песков. Медали «За боевые заслуги» поблескивали сейчас в полутьме блоказа на гимнастерках боевых друзей.

Как только первые фашистские цепи устлали своими трупами луг, шедшие позади гитлеровцы в замешательстве побежали обратно к спасительной полоске утреннего тумана. Фланговый огонь двух станковых пулеметов показал немецким офицерам, что взять заставу в лоб не удастся. Они решили оставить ее для подавления идущим сзади них главным силам.

Лопатин воспользовался передышкой и вызвал к себе командиров отделений. Он сразу же произвел небольшую перегруппировку сил и укрепил новыми людьми правый блоказ, который прикрывал все подходы к заставе на самом опасном направлении.

Ветер принес трескотню пулеметов от железнодорожного моста за Ромушем. Туда пошел Погорелов. Что же произошло с ним?

Ракеты не взлетали из кустов, откуда еще так недавно звал к себе на помощь Николай Сорокин. Все кусты, закрывающие Западный Буг от гарнизона заставы, укрепившегося на холме, были теперь в руках немцев.

...Все еще крутил ручку полевого телефона Зикин, но никто ему не отвечал. Провода, ранее соединявшие заставу в Скоморохах с соседними заставами и с комендатурой, были либо перерезаны, либо перебиты снарядами.

Лопатин позвал к себе Василия Перепечкина. Это был смысленный боец и хороший конник.

— Скачи в Сокаль, найди Бершадского. Пусть шлет подкрепление! — приказал Лопатин.

Капитан Иван Варфоломеевич Бершадский был комендантом участка, и лейтенант Лопатин несколько не сомневался в том, что Бершадский, хорошо зная, на каком важном направлении расположена тринадцатая застава, вышлет к ней бойцов из резерва.

Перепечкин поймал бродившую по двору и оседланную еще с ночи караковую кобылу, с ходу вскочил на нее и умчался ложиной на Ильковичи. Все, кто следил за его быстрым отъездом, даже женщины, засевшие в подвале, были убеждены, что теперь-то подмога придет.

Ни Лопатин, ни весь подчиненный ему гарнизон не

знали еще, что Сокаль очутился в полосе направления одного из главных ударов врага. Направление это в первой сводке Главного командования Красной Армии было названо «Кристынопольским».

...В это время лейтенант Григорий Погорелов вместе со своей группой пробирался крепостными рвами древнего князьего города Прилуки к железнодорожному мосту у Ромуша. Рвы вывели пограничников в густой кустарник на мысе Шибеница. Когда лозняк кончился, Погорелов увидел около моста, на гребне железнодорожной насыпи, каски фашистов. Лежа у пулемета, немцы вели огонь по отделению, охранявшему мост.

Сейчас весь мост, по-видимому, уже был в руках у врага, а его охрана, сброшенная с моста в сторону, была отеснена немцами. Под прикрытием станкового пулемета, ведущего огонь с насыпи, фашисты подползали к стрелкам отделения, прижимали их к лесу.

Не напрасно послал сюда лейтенанта Погорелова его начальник Алексей Лопатин. Мало того, что здесь был стык двух участков, ведь по мосту гитлеровцы могли в любой момент начать переброску своих главных сил, следующих за передовыми отрядами.

Пробегая по лесу, перескакивая через канавы, вспотевший от быстрого бега, лейтенант Погорелов надеялся, что возле моста ему удастся соединиться с бойцами соседней, двенадцатой заставы. Он прикидывал в уме, как все вместе они организуют оборону.

Когда группа пограничников приблизилась к цепи, сердце Погорелова дрогнуло.

На окраине села Большие Джары, где раньше стояло здание заставы, подымался столб дыма. Остатки здания, разбитого в первые же минуты войны прямым попаданием зажигательных и фугасных снарядов, догорали.

При виде догорающей соседней заставы лейтенант Погорелов понял, что теперь он может рассчитывать только на свои силы. Ему стало ясно, что весь участок до села Большие Джары оголен. Возможно, только кое-где, достигнутые войной у берега, оставались ночные пограничные наряды.

Таким образом, тринадцатая застава получила новую дополнительную линию границы для охраны.

И самым уязвимым местом этой линии был железнодорожный мост...

Приблизительно в то же время во двор тринадцатой

заставы со стороны скомороховского кладбища влетел на коне Василий Перепечкин. Был он взволнован и бледен.

Забыв, что немцы нет-нет да и ведут огонь по зданию из пулемета со стороны Буга, Алексей Лопатин выскочил навстречу всаднику.

— Пробился? — крикнул начальник.

— В Ильковичах немцы! — спрыгивая с коня, доложил Перепечкин. От быстрой скачки волосы его были растрепаны и припорошены пылью.

— Чего же не ехал через Стенятин?

— Там мотоциклисты ихние мчались шляхом мне наперерез. Я взял левее, чтобы вырваться на Сокаль по Тартаковскому шоссе, и там...

— Что там? — перебил его Лопатин.

— По шоссе из Сокаля на Тартаков идут танки. С крестами. Большой дот. что под Равщиной, огонь по ним ведет. Я видел, как снаряды разрывались на броне... Вот, слышите? — И, опуская повод, показал рукой на юг.

Там слышался густой рокот танков, то и дело заглушаемый залпами пушек.

Лопатин спросил Гласова:

— Как же быть теперь, Павлуша?

— Подорвать мост в Ильковичах, — сказал решительно Гласов, — и держать этот участок под обстрелом. Ведь в любую минуту по этой дороге они смогут двинуть свои войска. А наша задача — врага здесь не пропустить, что бы ни происходило у соседей.

— Пускать нельзя! — согласился Лопатин. — Я пойду сам и подорву мост!

— Ты начальник заставы и обязан командовать всеми людьми, — урезонил Лопатина Гласов. — Пошли Перепечкина и старшину Клещенко. Они справятся.

Как ни хотелось Лопатину самому лично уничтожить мост на стыке участка, но он не мог не согласиться с доводами политрука. Он сбежал вниз отдавать приказ.

Не прошло и нескольких минут, как, используя русло речушки Млынарки, старшина Клещенко вместе с Перепечкиным, нагруженные толковыми шашками, поползли к мосту.

Минуты тянулись в томительном ожидании. Все, кто был наверху, смотрели в сторону Илькович.

Вдруг, подобно молнии, блеснул под мостом огонь. Его сразу заволокло дымом. Прежде чем на заставе услышали грохот взрыва, багрово-черный столб поднял кверху

на своих могучих плечах груды камней, рыжие балки, сырую землю.

— Мы думали, что шнур неисправный, — рассказывал бойцам в подвале взволнованный Перепечкин, благополучно возвратившийся со старшиной. — Старшина поджег его сам, и мы отползли назад. Ждем, ждем — ничего. Я уже хотел было голову высунуть из оврага, а тут как ахнет!

Ближе к вечеру огородами да лугами на заставу со стороны Скоморох пробился Давыдов из группы Погорелова. На щеке у Давыдова темнела рваная рана. К тому же он был еще ранен в ногу и прихрамывал, морщась от боли.

Дежурный сразу направил Давыдова в подвал к женщинам. Не успел он сойти туда, к нему прибежал Лопатин:

— Рассказывай... Где Погорелов?

Однако Давыдов уже различил внизу глаза Погореловой, жадно ждущей ответа на этот вопрос. Рядом с ней стояла маленькая Светлана, дочь Погорелова.

Давыдов с трудом перевел свой взгляд на лейтенанта Лопатина и сказал, почти заикаясь:

— Лейтенант Погорелов остался... у моста... Я расскажу всю обстановку... Как бы сначала перевязаться?

— Пойдем наверх, — предложил Лопатин, — там светлее перевязывать... Дай-ка парочку индивидуальных пакетов, Анфиса!

Как только они остались вдвоем в просторной ленинской комнате с выбитыми окнами, Давыдов тихо сказал:

— Нет Погорелова. Он погиб, и все остальные тоже...

И, выплевывая время от времени сгустки крови, Давыдов рассказал, что Погорелов со своей группой больше получаса держал под огнем мост через Буг, не давая врагу возможности переправиться. Трупы тридцати немецких кавалеристов вместе с лошадьми остались на мосту, преграждая путь едущим сзади. Погорелов приказал Давыдову отползти на заставу за подмогой. Уже из кустов, прикрывающих местность, называемую Шибеницей, Давыдов увидел, как немцы, переплывшие Буг севернее, напротив развалин двенадцатой заставы, со всех сторон окружили группу Погорелова. Давыдов видел, как гитлеровцы прикалывали раненых. Он слышал крик Погорелова: «Граватами их, хлопцы!» И на этом крике все оборвалось.

Почти весь луг перед заставой хорошо просматривался из маленькой щели подвального окошка.

Гласов прижался к пахнущей глиной продолговатой щели. По лугу были разбросаны скорченные трупы врагов. Перепуганные гуси вылезли из оврага, в котором протекала Млынарка, и пошли по мягкой траве, косясь на мертвых гитлеровцев.

Политрук услышал треск мотоциклов возле Илькович, влетающий в орудийную канонаду, и понял, что теперь немецкие автоматчики объезжают заставу стороной по дороге, ведущей окраиной Илькович на Бараньи Перетоки. Над Ильковичами поднимался черный столб дыма.

«Наверно, колхоз горит», — подумал Гласов.

Теперь уже вся страна знает про войну. Все слушают радио, и миллионы советских людей с напряженным вниманием ждут вестей именно отсюда, с границы, где началась война...

Сверх ожидания ночь прошла спокойно. Правда, она была непохожа на прежние мирные ночи. Вся в далеких и близких зарницах орудийных залпов, освещаемая пожарами разбитых селений, наполненная грохотом артиллерийской канонады и монотонным завывающим гулом невидимых самолетов, пролетающих совсем низко, ночь эта надолго осталась в памяти у всех, кто защищал волынскую и галицкую землю в июне 1941 года.

Пограничники, залегшие с пулеметами у разбитых окон ленинской комнаты, и те, которых выслал Лопатин во двор в боевое охранение, до рассвета видели кроваво-багровое небо на востоке, на западе, на юге. Зарево над Бугом рассказывало им, лишенным всякой связи со своими, что фашисты если и продвигаются, то совсем иначе, чем маршировали они в глубь Чехословакии, Польши, Франции, Бельгии, Голландии.

Уже к вечеру в первый день войны сказались нехватка продуктов. Обычно свежий хлеб и масло заставка получала ежедневно из Сокаля. Остальные продукты подошли к концу еще в субботу, 21 июня, и старшина Клещенко собирался получить их в Сокале именно в воскресенье, 22 июня.

Утром 23 июня на малопроезжей проселочной дороге, ведущей из Задворья в Скоморохи, показалось несколько открытых грузовиков с немецкими солдатами. Это ехали

резервные части гитлеровцев на подмогу своим войскам, задержанным ночью Красной Армией. Одни фашисты сидели в грузовиках, держа на коленях черные автоматы, и глядели на восток; другие, сняв тяжелые каски, не теряя времени, общипывали гусей.

— Не пропускать! Огонь! — приказывает Алексей Лопат: и.

Оба станковых пулемета повернули свои рыльца к дороге. Заколебались надульники ручных пулеметов, выглядывавших из окон первого и второго этажей. И как только первая машина показалась из лощины, ее встретил дружный огонь засады.

Уцелевшие солдаты прыгивали на ходу с подбитых машин и отползали в пшеницу.

Спустя полчаса рота полевой жандармерии окружает село Скоморохи. Оцеплены и соседние хутора, куда еще в 1940 году было переселено из пограничной полосы мирное население. Немцы уверены, что машины обстреляны местными жителями. Никто из немецкого командования не может предположить, что это поддала признаки жизни молчаливая всю ночь пограничная застава.

«Уже донесли!» — решил Никита Пеньковский, когда в подвал к нему, освещая себе дорогу электрическими фонариками, стали спускаться немцы. Пеньковского они пока еще не видели. Он лежал рядом с женой на соломе в самом дальнем углу подвала, куда загнала его перестрелка, вспыхнувшая поутру в лощине под заставой. А сейчас вот гитлеровцы пожаловали к нему «в гости», подосланные, наверное, кем-то из местных кулаков.

«Вот когда они рассчитаются со мной и за председательство в сельсовете, и за колхоз, который я помогал строить!» — подумал Пеньковский.

Фашисты вытащили его из подвала вместе со скрипкой, которую старик держал под мышкой, завернутой в чистую сорочку.

Выкрик: «Откуда стреляли?» — несколько успокоил Пеньковского.

«Значит, по другому делу!» — решил он и, припоминая немецкие слова, объяснил кое-как, что не знает.

— Как не знаешь? Ты же местный житель! — закричал на него гестаповец в фуражке с изображением черепа

и перекрещенных костей. — Отсюда все так хорошо видно!

— Да я в подвале сидел! Что вы от старого человека хотите! — оправдывался Пеньковский.

— А кто мост в Ильковичах взорвал? Ты, наверно?

— Кто взорвал? Тот, кто взорвал, меня об этом не спрашивал.

Его вместе с женой, пока в хате производили обыск, немцы поставили лицом к стенке. Подняв вверх руки, Никита Пеньковский искоса поглядывал на свою скрипку.

Отброшенная в сторону, она лежала на куче прошлогодней соломы, и на ее выпуклом обтертом донышке играли первые утренние лучи. Сколько свадеб слышало голос этой скрипки! Доведется ли еще когда-нибудь сыграть на ней?

— Из села никто не стрелял. То не мы машины обстреливали, — заговорил с гитлеровцами по-немецки однопольчанин Никиты, Матвей Скачко.

— А кто же обстрелял? Кстати, кто научил тебя говорить по-немецки? — оживился лейтенант.

Матвей Скачко служил когда-то в австрийской армии, сражался «за цесаря» на итальянском фронте и с той поры знал немецкий язык. Он отпраповал жандарму даже номер своего регимента.

— Отлично! — обрадовался лейтенант. — Мы тебя возьмем в переводчики. Мой переводчик заболел дизентерией. Пока он будет лечиться, ты его заменишь. Расскажи же, кто стрелял?

Матвей Скачко шевелил молча губами, как бы подыскивая недостающие ему слова.

«Советские пограничники ведь сами не хранили в тайне свое существование. Раз они открыли огонь по немцам, то это значит, что они принимают открытый, хотя и неравный бой с врагом!» — подумал Скачко и сказал:

— Мне кажется... это военные стреляли с того бугра. Лопатинцы.

— Сколько их там?! — крикнул жандарм.

— А я знаю? Может, сто, а может, двести. Они гражданским об этом не рассказывали, — ответил Матвей.

— Отлично, — сказал лейтенант. — Мы заставим их капитулировать, а ты будешь нашим парламентаром.

С белым флагом в руках мимо креста с надписью «Мученикам за Русь», воздвигнутого в честь крестьян, симпатизировавших России и загнанных в преддверии пер-

вой мировой войны австрийскими жандармами в лагерь «Талергоф», Матвей Скачко пошел селом в сопровождении жандармского лейтенанта. Он видел, что следом за ним в рассредоточенном строю огородами, садами, прячась за хаты и столоты, переползая и маскируясь, движется рота эсэсовцев. Ему хорошо был понятен замысел противника.

«Пока под защитой белого флага я буду переговариваться с пограничниками, солдаты потихоньку подползут к заставе и, набросившись отовсюду на ее гарнизон, силой оружия принудят пограничников сдаться... Куда я иду? — думал Скачко. — Выманить на расправу своих людей? Помочь врагам хитростью захватить честных воинов? Для чего мне нужно на старости лет поганить совесть, седые волосы?»

Утренний ветерок развеивал в его руках белый флаг.

Из заставы строчил пулемет, и в бойнице левого блока Гауза засверкали огоньки. Это заместитель политрука Галченков короткой, предупредительной очередью пересек дорогу шагах в десяти перед Скачко. Пограничник как бы говорил, подсказывал этими выстрелами, что в парламентах заставка не нуждается и что подходить к ней не следует.

Немец-лейтенант сразу отпрянул за бугор. Попятился назад и Матвей Скачко.

— Я не пойду. Я боюсь, — сказал он и опустил флаг.

— Иди! Гражданского не тронут!

— Не пойду! Ищите себе другого.

— Марш! Ты австрийский солдат! Я тебя мобилизовал! — И лейтенант поднял свой никелированный «вальтер».

— Совесть мою ты мобилизовать не можешь, — хмуро и уже по-украински ответил Скачко и повернулся, направляясь в село.

— Русская свинья! — закричал лейтенант и разрядил в затылок парламентаря обшлагом пистолета.

На этот раз заставка была атакована с тыла. Фашисты предполагали, что с этой стороны у нее нет укреплений. Подрывая гранатами колючую проволоку, прячась за развалинами бани и конюшен, ведя огонь из автоматов, они поползли двором.

Лежа на втором этаже, Дмитрий Максяков принялся

поливать их сверху из ручного пулемета. Поодаль, у стенки, с дисками наготове притаился Зикин. Людям, ведущим огонь из окон здания, помогали с флангов станковые пулеметы и стрелки.

У другого окна сидел сержант Герасимов с четырьмя бойцами. Возле него лежало два ящика гранат. Еще с вечера, правильно рассудив, что во время атаки некогда будет заряжать гранаты, Герасимов заложил в них запалы.

Как только фашисты бросились на крыльцо заставы, Герасимов выдернул в одной из гранат предохранительную чеку и бросил ящик вниз.

Огромной силы взрыв потряс здание. Куст сирени около крыльца мгновенно обуглился, как после сильного лесного пожара. Фашисты, оробев, бросились назад. Восемнадцать раненных взрывами гранат фашистов остались около крыльца. Убегающих догоняли пули пограничников.

Всего во время этой атаки было убито сорок семь гитлеровцев.

Такое мирное с виду здание заставы вместе с ее на редкость удобными естественными рубежами представляло собой маленькую крепость.

Атака эсэсовцев захлебнулась.

Из слухового окна чердака Лопатин увидел, как под старым вязом около усадьбы Григория Гурского в Ильковичах немцы установили орудие. Закрытое плетнем и линией бугорков, оно было видно лишь с чердака.

Лопатин вспомнил, что кирпичное здание заставы ни откуда не просматривается так хорошо, как от плетня усадьбы Гурского. Стоит противнику чуть-чуть выкатить пушку из-за плетня на открытую позицию, и он может ловить на прицел любое окно заставы. Не раз, подходя к заставе по ровному лугу, Лопатин уже издали видел вросший в холм дом с глубокими прочными подвалами, с алым флагом над крышей и радовался тому, что заставка расположена на таком выгодном бугре, господствующем над местностью. Однако сейчас он понимал, что, каково бы ни было расположение заставы, как бы ни были прочны ее стены, гарнизону прежде всего не хватало артиллерии.

«С пулеметами против пушек много не навоеешь!» — думал он и, чтобы напрасно не терять людей, приказал всем бойцам покинуть верхние этажи здания.

Когда снаряды начали рваться подле дома и поражать его стены, разбрасывая кирпичи и поднимая облака розовой пыли, в комнатах уже никого не было. Некоторые бойцы перешли в ходы сообщения, другие спустились в подвал к раненым и женщинам, готовые каждую минуту занять свои места в блокгаузах и ячейках для одиночной стрельбы.

Кислый запах взрывчатки вползал в подземелье, где молча сидели бойцы и женщины с детьми, прислушиваясь к обстрелу.

— Ответить бы колбасникам, да нечем! — заскрежетал зубами Никитин.

— Чесануть их пулеметами разве? — сказал боец Егоров с повязкой на глазу.

Он был ранен. Пуля задела веко и переносицу, глазное яблоко хотя и было ушиблено, но осталось целым. Глаз только вспух и не раскрывался.

— Перевод патронов, — ответил Никитин. — Начальник правильно делает, что боя с артиллеристами не принимает. Они за щитом почти в безопасности, а нам патроны для живой силы нужны, для отражения штурма.

— Тихе, братцы! — сказал Зикин. — Будто бить перестали.

Все прислушались. И впрямь на дворе стало тихо.

В это время, громко стуча сапогами по выщербленным от времени ступенькам, в подвал вбежал Косарев.

— Все, кроме раненых, наверх! — закричал он.

Немцы окружали заставу со всех сторон. Ползли к ней и с тыла, и от Буга, и от Задворья, прикрываясь развалинами хозяйственных построек.

— Подпускать как можно ближе! — передал по ходам сообщения из левого блокгауза Лопатин.

Политрук Гласов следил за продвижением фашистов из-под козырька хода сообщения.

Как все это было непохоже на первую атаку противника! Тогда фашисты шли в полный рост, уверенные, что от одного их вида все разбегутся.

А теперь они прижимались к земле, как бы стараясь вдавить в нее свои тела. Ранцы на их спинах и похожие на термосы противогазы шевелились в такт движению. Изредка фашисты залегали под буграми и, высунув оттуда головы в касках, разглядывали красневшее на холме здание заставы.

Лопатину передали, что и за баней накопилось человек двадцать фашистов.

— Огонь! — крикнул он.

Ожило молчавшее столько времени здание заставы. Дмитрий Максяков огнем ручного пулемета с высоты второго этажа доставал фашистов, подползающих от Скоморох. Бил по ним из огневой точки, вырытой под вишенкой, только что смевившийся с дежурства Косарев. Зикин отдал ему свой пулемет, и Косарев, припав к затыльнику, видел, как падают солдаты противника от его пули. Он так увлекся, дорвавшись до пулемета, что не видел и не слышал ничего вокруг. Уже замолкли станкachi в боковых блокгаузах, еще работал «максим» Ивана Котова, уже выгнал со двора в лощину гитлеровцев Максяков и сейчас закладывал новый диск, а Косарев все стрелял и стрелял короткими очередями, пытаясь настичь немцев, отползающих к Бугу.

— Хватит, Косарев! — остановил его Гласов. — Патроны беречь надо.

Продолжал бить из пулемета по врагам Иван Котов.

Исчезая в буераках и в оврагах, вьется параллельно течению Западного Буга пыльная проселочная дорога. Между нею и рекой тянется пограничная полоса с лугами, лощинами, кустарником, хуторами, а то и целыми селами, лежащими у самого берега.

Уже за пограничной полосой стоит на бугре в саду домик Никиты Пеньковского. Внизу, в овраге, немилосердно пыля, то и дело проскакивают немецкие связные на мотоциклах, проезжают грузовики и лимузины с солдатами и офицерами. Их саперы не пытаются восстановить взорванный мост в Ильковичах, заставляя таким образом немецкие машины идти в объезд на добрых два километра, да еще на первой скорости.

Однако не проезжие немцы интересуют вышедшего спозаранку Никиту Пеньковского. В полуверсте от своего дома, на подступах к Бугу, он видит хорошо знакомое с детства здание, занятое заставой.

Хоть давно высыпались там оконные стекла и взломана фугасными снарядами вековая кладка кирпичных стен, дом фольварка по-прежнему высится на холме посреди черного пенелища, и над ним вьется, особенно яркое в утренних лучах поднимающегося солнца, алое советское знамя.

Ворота фольварка разбиты вдребезги, проволочная ограда местами порвана прямыми попаданиями снарядов и перерезана саперными ножницами. Узенькие, чуть заметные отсюда тропочки протянулись в овсе и пшенице к этому дому, тропочки, по которым к людям тринадцатой заставы уже не раз подползала смерть.

Но дом живет.

Тонкий голубоватый дымок поднимается из трубы к чистому утреннему небу, растворяясь в синеве. Должно быть, повара заставы, как и в мирное время, готовят завтрак для гарнизона.

А те, кто вытоптал колхозные овсы, кто шагал по Карбовскому лугу, уминая подорожник и лютики своими тяжелыми гофрированными подметками, валяются убитыми вокруг. Один из них, издали похожий на пугало, повис прямо на заборе, уцепившись в предсмертной судороге за колючую проволоку.

Все это видит стариковскими, но еще зоркими глазами Никита Пеньковский. Но, радуясь дымку над заставой, старик замечает и то, от чего тревожно сжимается его сердце.

Четверка коней с зарядным ящиком и длинноствольной пушкой останавливается возле моста в Ильковичах. Ездовые быстро распрягают лошадей и уводят их на зады села, оставляя пушку артиллеристам. Несколько немецких орудий на конной тяге поворачивают в Скоморохи. Проходит несколько минут, и Пеньковский видит, что артиллеристы выкатывают их на позицию за хатой Бецелюка. Одно орудие они устанавливают во дворе Бойчука. Под старым вязом в Ильковичах, около усадьбы Григория Гурского, также появляется расчехленный орудийный ствол. На задах хутора Задворье, совсем близко от заставы, фашисты суетятся у пушек, открывают снарядные ящики.

— Ой, лышенько, що ж то будэ! — слышит у себя за спиной голос жены Никита Пеньковский. — Там же дети, женщины! — Она утирает слезы вышитым краем передника и тоже не может оторвать глаз от заставы.

...Уже от первого залпа облако розовой пыли взлетает над домом и долго висит в утреннем воздухе. Разлетаются во все стороны кирпичи старой кладки, и тонко визжит где-то рядом над головами еще, должно быть, горячий снарядный осколок.

— Беги в подвал, тут опасно! — подталкивает жену Никита.

Он остается один, приседает возле стодола и, вздрагивая при каждом новом залпе, видит, как с упрямой и жесткой последовательностью снаряды впиваются в здание заставы. Все оно, как пламенем, охвачено розовой пылью, и в этой пыли ярко вспыхивают новые разрывы. И снова после быстрых вспышек разрывов разлетаются обломки кирпича, плитки черепицы.

Вот рухнула левая половина верхнего этажа вместе с крышей и балками. Вот вырвало угол с торчащей трубой и трубу зашвырнуло на высокую акацию.

Орудия выплевывают буро-красное пламя. Снаряды один за другим подтачивают нижний этаж дома, отгрызают куски его стен, и наконец фасад здания рушится, увлекая за собой другие стены.

Долго расплзается в воздухе густое, почти багровое облако кирпичной пыли, сажи и дыма. Странной кажется тишина, возникшая на полях.

Ветер рассеивает остатки кирпичной пыли, и Пеньковский видит, что бывшего здания фольварка больше нет.

На холме, где еще так недавно высился высокий прочный дом, сейчас лишь груда развалин. Уцелело только каменное крыльцо под железной крышей да ведущий от него в первый этаж коридор. Пеньковский представляет себе, сколько пограничников завалено обломками. Он мысленно видит убитых детей, женщин, задыхающихся бойцов, тщетно пытающихся выбраться из-под развалин.

Кроме женщин, детей и раненых, в подвале остался лишь Зикин. Он пришел за патронами и задержался, ожидая, пока женщины набьют ленту. Все остальные люди были в укрытиях, в блокгаузах. Когда оба этажа рухнули, гибель здания не вызвала жертв.

— Ох ты! — вскрикнул Зикин, услышав, как тяжело повалилась стена.

В подвале сразу потемнело, как в осенний день, когда дождевая черная туча неожиданно заслонит солнце.

Разрушив два этажа дома, гитлеровцы, сами того не подозревая, оказали услугу его защитникам. Над подвалом образовалась шапка из обломков стен и щебня. Вековые своды подвалов поддерживали этот прочный настил, и снаряды не причиняли вреда сидящим внизу.

Лишь в одном месте, там, где стена подвала, обращенная к Карбовскому лугу, поднимаясь из земли, была обнажена, остатки здания оставались особенно уязвимыми для артиллерийского обстрела. Правда, как раз здесь подвал разделялся на несколько отсеков и узких коридорчиков, которые своими внутренними перегородками, как переборками в трюме корабля, усиливали наружную стену.

Опасаясь атак именно с этой стороны, лейтенант Лопатин приказал держать здесь наготове ручной пулемет.

Смотровая щель в замурованном окне была превращена в бойницу. Возле окна залегли Максяков и Перепечкин.

После того как дом рухнул, фашистскому лейтенанту волей-неволей пришлось повести на приступ остатки приданной ему роты.

Лейтенант поднял ракетницу, целясь ею прямо в ненавистный ему алый флаг, по-прежнему спокойно развевающийся над развалинами.

Если бы дом не был разрушен и у окон второго этажа, как прежде, лежали пулеметчики, тогда, разумеется, они открыли бы огонь по фашистам значительно раньше. Сейчас же расположенные почти что на уровне земли огневые точки обнаружили себя уже в непосредственной близости от противника.

Еще не успели две красные ракеты, описывая дуги, упасть на Карбовский луг, как фашистский лейтенант рухнул на ступеньки бани.

Зикин выстрелил в упор в рот фашисту, оборвав его крик «хох!».

— Гранатами! — приказал Гласов.

— Гранатами! — кричал в ходе сообщения возле правого блокауза Алексей Лопатин.

Султаны земли, смешавшись с осколками и битым кирпичом, как неожиданный барьер, возникли на пути немцев. Одни каратели залегли в ложине, другие упали навзничь за развалинами ковшуши.

Воинская часть, присланная для поддержки карательной роты из Сокаля, снова открыла огонь по заставе из всех орудий, сведенных стволами в одну цель. Начался минометный обстрел. Повсюду рвались мины. Их громкое, завывающее кваканье сплеталось с разрывами снарядов.

Раньше, когда фашистские артиллеристы вели огонь

из орудий от церкви, снаряды рвались только в верхних этажах. Теперь они зарывались в груде кирпича, принося еще меньший вред защитникам советской границы.

Значительно хуже было вести немцам прицельный огонь по заставе со стороны моста в Ильковичах. Подвальная часть здания с этой стороны сидела глубоко в земле, и только кое-где из земли выглядывали маленькие окошечки. Возле них сидели пограничники, не давая своим огнем противнику прицеливаться как следует. Часто случалось так, что гитлеровские орудия с задранными стволами, окруженные побитым расчетом, молчали до ночи, потому что фашисты не могли подползти к ним.

А маленький гарнизон пограничников редел все больше. Усталые, не знающие сна уже несколько суток, полуголодные советские пограничники, часто оставаясь в одиночестве у бойниц, помимо своей воли начинали дремать. Чтобы предотвратить их сон, Алексей Лопатин приказал дежурить у брешей по двое. Убивали или ранили одного пограничника — его сразу же уносили в глубь подвала, а на его место садился другой боец с автоматом в руках, с запасной винтовкой за плечами. Но пробоин в стенах здания становилось все больше, пограничников все меньше.

В этом все нарастающем грохоте в подвал ворвался Максяков. Он подскочил к ведру с водой. Женщины думали, что Максяков хочет напиться, но он схватил ведро и помчался обратно.

— Оставь, то для хлопчика! — крикнула Погорелова.

— А там пулеметы закипают! — задерживаясь на минуту, крикнул Максяков. — Ночью накачаем! — И вполголоса сказал: — Косарева убило!

Косарев! Неторопливый, добродушный, застенчивый парень... Как часто на виду у всех он болезненно переживал любую неудачу! И как радовался успехам! Еще совсем недавно он ворвался в подвал с радостным возгласом: «Товарищ Косарев-то дюжину немцев ухлопал!»

Погорелова теряла последнюю надежду увидеть мужа живым. Разве может уцелеть лейтенант Погорелов там, на открытом месте, возле моста через Буг?..

Политрук и Лопатин вышли на крыльцо. Темные, расплывающиеся в тумане лежали соседние села. Ни одного огонька. Где-то за Ильковичами слышалась незнакомая в этих местах, чужая песня. Кто-то подыгрывал на губной гармонике. Канонада на востоке была глуше, отдален-

ной. Поблизости крыльца поскрипывал ручной насос. Было слышно, как хлещет в ведро струя воды. Это пограничники запасались водой на завтрашний день. Гласов приказал наполнить на всякий случай все пустые бочки.

День 26 июня прошел спокойно. Атак немцы больше не предпринимали, хотя их орудия оставались на позициях вокруг заставы. Старики крестьяне, служившие некогда в австрийском войске, говорили между собой: «Молодцы хлопцы, не поддаются, да еще столько артиллерии возле себя задерживают!»

Повсюду на дорогах, ведущих к заставе, стояли теперь барьерчики с надписями: «Внимание! Опасно!»

Дважды после полудня над Сокалем пролетали на восток большие группы не то «хейнкелей», не то Ю-88. Летели они довольно низко, но, даже не всматриваясь в их очертания, по одному заунывно дрожащему звуку их моторов было ясно: не наши!

Около полуночи боец Коровников, посланный в секрет к лощине, отделяющей двор заставы от огородов села Скорморохи, передал через связного на заставу, что слышит поблизости женские голоса. Лопатин подполз к лощине, где залег Коровников, и вскоре услышал шепот: «Да не стреляйте же, товарищи, это свои!»

Друг это шептал или подосланный фашистами лазутчик? Начальник заставы приказал Зикину, Коровникову и Максякову приготовиться, чтобы в случае подвоха открыть огонь, а сам, выползая немного вперед, вполголоса сказал в темноту:

— Стрелять не будем. Давайте сюда...

Зашуршал бурьян, и вскоре из темноты показались две женские фигуры. Ползли они с опаской, поминутно задерживаясь и оглядываясь назад.

— Ползите ближе, не бойтесь! — нетерпеливо сказал Лопатин.

— Мы вам хлеба наекли, возьмите, начальник, — сказала пожилая женщина в платке, спадающем на лоб.

Лопатин заметил в руках у нее мешок, от которого шел вкусный запах свежего, недавно испеченного домашнего хлеба. Запах этот чувствовали и бойцы, лежавшие в секрете. Лопатин знал, что мука в подвале на исходе.

Паляницы, которые пекла Дуся Погорелова, заменяли, правда, хлеб, но куда им было равняться с этими мягкими, душистыми караваемы, лежащими в мешке крестьянки, да и паляницы не сегодня-завтра должны были кончиться. Принимая мешок с хлебом, Лопатин сказал:

— Вот спасибо, бабоньки! Что в селе делается? Немцев много?

— Человек сорок возле хат в палатках разместилось. Остальные на дорогах все стерегут. И в Ильковичах немцы, — сказала женщина, давшая Лопатину мешок.

— А пробиться до Порецка можно? — спросил Лопатин.

— Конечно, можно! — сказала, кивая головой, другая женщина, и лежащий в секрете Зикин вздрогнул. Он узнал по голосу мать своей невесты. — Они не очень-то шляхи охраняют. Убежать всегда можно.

— Зачем же нам убегать со своей земли? — сказал Лопатин. — Это пусть воры фашистские убегают отсюда, пока живы!

— Немцы дуже сердиты на вас, — сказала женщина с хлебом. — Вы их лейтенанта убили, что обыскивал нас на селе. Они бы вас на куски разорвали, да не могут. Сколько ихних вояков вы положили! Старые люди смеются: «Целая, — говорят, — дивизия на пузах к этому фольварку подлазит, из артиллерии в него лупит и ничего не может поделат с такой горсткой прикордонников».

Приятно было Лопатину услышать эти простые слова, которыми окрестные крестьяне оценивали стойкость кучки пограничников, но он, не выдавая своих чувств, спокойно спросил:

— Далеко продвинулись фашисты?

— А кто их знает? — вопросом ответила мать невесты Зикина. — Одни люди говорят, что Львов уже захватили, другие говорят, что то брехня, что Львов обороняется. Под Грудеком Ягеллонским, слышали мы, красноармейцы много немцев положили. А вот Владимир у них уже. Один наш господарь оттуда вернулся. Рассказывает, танками они его взяли. Сильно побит Владимир, людей много пострадало.

— А сегодня в селе был один человек из Сокаля, клялся и божился, что сам по радио из Москвы слышал — Советы обратно Перемышль от немцев отняли, — скороговоркой прошептала другая женщина.

— Перемышль?! — воскликнул Лопатин. — Это здо-

рово! Ну, теперь пойдет! — Но тут же, успокаивая свои чувства, он продолжал: — Слушайте, бабоньки. В случае, если наши люди к вам заглянут, прячьте их от врага. Наши вернутся — спасибо скажут. Доброго дела Советская власть никогда не забудет. Так и передайте всем господарям!

— Бульте спокойны, — сказала мать невесты Зикина. — Любой из колхозников вам всегда поможет. Разве вы не знаете, товарищ начальник, наше село?

— Знаю, конечно, знаю, — сказал Лопатин, — и уверен в ваших людях. А пишется-то вы сами как, бабоньки?

— Та то пустэ, то неважно! — пробормотала мать реченной Зикина.

Видимо, она боялась, чтобы в темноте ее фамилию не подслушал какой-нибудь захватчик или предатель, а может быть, просто торопилась.

— Ну бувайте здоровеньки. Держитесь крепко. Жинкам приветы передавайте и войкам вашим всем!..

И обе женщины поспешно исчезли в ночи.

Лежа в секрете, боец Зикин все еще чувствовал запах хлеба. Он был убежден, что добрую половину тех буханок, которые притащили в мешке женщины, напекла она, его Мирця.

Он мысленно видел, как склонилась она над квашней и своими сильными руками месит тесто, то и дело откидывая спадающие на лоб каштановые волосы.

Так близко было до ее хаты (каких-нибудь полверсты!), но война встала на их пути, и неизвестно, когда придется им встретиться.

27 июня в половине одиннадцатого вечера багровый отблеск орудийного залпа осветил крыши избышек на околице Задворья. От первого же снаряда, выпущенного по заставе, во дворе фольварка стало так светло, как будто кто-то внезапно на холме зажег сотни электрических ламп. Даже пулеметчики в блокгаузах могли различить стреляющую гильзу у себя под ногами.

— Бьют термитными, — догадался Лопатин.

Посылая Зикина в подвал, начальник заставы сказал ему:

— Пусть законопатят все дырки во двор. Дверь наружу не открывать!

Снаряд, врезавшийся в стенку подвала, обращенную к Карбовскому лугу, стекал бело-огненной массой по кирпичам, распространяя удушливую серную вонь. Казалось, что кто-то невидимый прикоснулся к стене огромным электродом и водит им, образуя вольтову дугу, а металл расплывается на кирпичах, отбрасывая зеленовато-синие блики.

Женщины затыкали щели в окнах подушками, мокрыми тряпками. Запах серы уже чувствовался и в подвале. Он становился с каждой минутой все сильнее.

Немецкие артиллеристы посылали снаряд за снарядом по остаткам заставы.

Изредка на холме с оглушительным греском рвались снаряды, и опять со сводов подвала сыпалась кирпичная пыль.

— Поджарить нас хотят, — заметил Егоров.

— Спета наша песенка... — тихо, сквозь зубы протянул Дариченко.

Около него застонал Данилин. Ему становилось все хуже.

— Потерпи, Данилин, наши самолеты сядут и... — попробовала утешить раненого Погорелова.

— Эх, Дуся, какие самолеты, когда такое делается! — в сердцах перебил Погорелову Давыдов. — Какой летчик сядет на луг под таким обстрелом?

— Не сейчас, так позже прилетит! — сказал политрук Гласов, быстро входя в подвал и с силой захлопывая за собой дверь.

В час обстрела он хотел быть с теми, кто больше всего нуждался в душевной поддержке. Он прекрасно знал, какие тяжелые мысли гнетут сейчас раненых.

— Вы это серьезно говорите, товарищ политрук, что за нами могут прислать самолет? — спросил Давыдов.

— А вспомни, Давыдов, как челюскинцев со льдины спасали. Оттуда, брат, куда труднее вывозить людей. Пурга, ветер, ропаки, на тысячи километров жилья не сыщешь, а все-таки спасли! — горячо сказал Гласов.

Грохот разрыва оборвал слова Гласова. Яркая вспышка мелькнула в отсеке, точно молния, залетевшая со двора. Пошатнулась лампа от сильной воздушной волны; казалось, еще немного — и она погаснет совсем. Но вот огонек в стеклянном колпаке выпрямился.

Когда в подвале стало светло, все увидели, что на прежнем месте Гласова нет. Отброшенный силой взрыва, он лежал на земляном полу, а по затылку его стекала кровь...

Наступило утро. Хотя фашисты и продолжали бить термитными снарядами по заставе, но при дневном свете обитателям подвала уже не было так страшно, как ночью. Дверь в коридор приоткрыли. Женщины расконопатили окно, выходящее во двор. В сером полумраке виднелись забинтованные раненые. У Данилина уже не было сил стонать. Лишь изредка открывал он пересохшие губы, собираясь что-то сказать, и снова погружался в забытие.

Сейчас фашисты стреляли с паузами — выпускают несколько снарядов, потом посылают солдат в разведку. Пограничники отгоняли их огнем. Затем наступало несколько минут передышки, вслед за которой орудия вновь открывали огонь. И так все время, как только начало светать.

Лопатин понимал, что противник прощупывает и засекает его огневые точки.

Чтобы обмануть немцев и сберечь людей, он стал менять позиции пулеметчиков. Отгонят пограничники немцев и сразу же по ходам сообщения перетаскивают пулеметы в запасные гнезда, а немецкая артиллерия ведет огонь по пустым блогаузам.

Люди очень устали от частых перебежек. Запыленные, с запавшими щеками, в измазанных глиной и штукатуркой гимнастерках, они подчас не могли даже сбегать в подвал напиться воды.

Как хорошо, что Гласов вовремя догадался залить водой все пустые бочки! Если бы не это, туго пришлось бы людям и пулеметам!

Спустя несколько минут Алексей Лопатин привел в подвал новых раненых.

Первым спустился вниз Никитин. Мужественное загорелое лицо его было перекошено от боли, губы побелели. Но все же он был не так страшен, как низенький и коренастый уроженец города Иванова ефрейтор Песков. Лицо Пескова было изуродовано не то снарядным осколком, не то камнями. Его напарнику Конкину поранило обе руки. Конкин держал рукоятки «максима» в ту минуту, как разорвался снаряд.

— Пулемет разбило, вот жалость! — сказал Конкин, войдя в подвал.

Раненые усаживались на матрацах. Лопатин быстро прошел в подвал.

Там у кирпичной стены, исполосованной снаружи потеками термитных снарядов, лежал на сером солдатском одеяле мертвый Гласов. Голова его была перевязана сложенной вчетверо чистой простыней.

Лопатин ворвался сюда сразу, в разгар ночного боя, как только услышал, что ранило Гласова. Бережно обтирая платком кровавую пену, закипавшую в предсмертном дыхании на губах Гласова, и ничего не видя, ничего не слыша вокруг, начальник заставы шептал:

— Держись, Павлуша, не сдавай... Ты выцарапаешься... Держись... Смотри на меня... Слышишь?

На короточках около мужа, неподвижная и окаменевшая в своем горе, сидела Дуся Гласова. Серое, сразу постаревшее ее лицо было в потеках слез.

— Оставьте мужа, Гласова, перевязывайте бойцов, — сказал Лопатин. — Ничем вы ему уже не поможете.

Гласова, пошатываясь, встала. Она приложила руку к вискам, поправила волосы и, не глядя, шагнула вперед с той самой приступочки, с которой упал он, ее Павел.

Женщины разрывали простыни на длинные полосы. Анфиса и Погорелова быстро свертывали их.

Безучастная ко всему, ошеломленная своим горем, Гласова стояла около них не шевелясь.

Погорелова свернула последний бинт, положила его на одеяло и подошла к Гласовой.

— Обе мы с тобой овдовели, родная. Как ни горюй, не воротишь. Помогай лучше перевязывать.

Ближе к полудню в воскресенье, 29 июня, солнце было окутано багрово-дымчатым венчиком, словно готовилось к затемнению.

Худой, осунувшийся лейтенант Лопатин решил, что это к дождю. И вспомнил старую морскую поговорку: «Солнце красно с вечера — моряку бояться нечего, солнце красно поутру — моряку не поутру».

Перемена погоды не могла изменить положения окруженного гарнизона. Люди его все меньше поглядывали на небо. Уж почти никто не надеялся на помощь с воздуха.

Гитлеровцы не беспокоили защитников артиллерийскими обстрелами, и Лопатин понимал, что, понеся большие потери, они придумывают какой-то способ, чтобы заста-

вить пограничников сдать. Может быть, они ожидают саперную часть или тяжелую артиллерию, способную крупнокалиберными снарядами поднять из земли на воздух остатки дома? А может быть, они хотят применить газы или дымовые пашки?

Что могло случиться сегодня или завтра, Лопатин не знал, но одно ему было ясно: фашисты применяют любые средства, чтобы добиться своего. Однако день и вечер прошли спокойно.

— Давайте бежать, Алексей Васильевич! — сказала Гласова, касаясь рукой плеча Лопатина.

Начальник заставы молчал. Что чувствовал он в эти минуты?

Возможно, он вспоминал все, что связывалось в его сознании со священным понятием воинского долга, исключаящим в любых условиях трусливое слово «бежать».

А быть может, торжественные слова «Варяга» — любимой песни, которую, бывало, пели в его родном селе Дюкове старики, побывавшие на японской войне, — проникали в его мысли издали, с зеленых лугов Ивановской области, где прошло его детство. Сколько раз играл ему «Варяга» и здесь на своем баяне Максяков!

Разве не была сейчас чем-то подобным «Варягу» застава, это на две трети сметенное огнем, но все еще плотно вросшее своим основанием в землю, искалеченное, засыпанное грудями кирпича и землю старинное здание, над которым все еще развевался простреленный алый советский флаг.

Разве не был он капитаном этого здания-корабля, в подвалах которого все еще хранились в запаянных цинковых коробках патроны, лежали в ящиках гранаты, бронзовые детонаторы, винтовки?

А быть может, стоя у окошка подвала, Лопатин вспоминал осенний день 1939 года? То был день, когда его производили в офицеры и он простился с родным училищем...

«Направьте меня на запад, — попросил тогда Лопатин. — Где-то там погиб от немецкой пули мой отец».

Во Львове, прежде чем явиться за назначением, Алексей Лопатин взобрался на Высокий замок. Над его обрывистыми склонами, поросшими смереками, грабами, березами, над близкой к замку могилой первопечатника Руси Ивана Федорова Алексей Лопатин вспоминал свои родные места.

Здесь, на склонах Высокого замка во Львове, Лопатин с особой остротой осознал, как велика, необозрима его Родина, его Отечество, пославшее лейтенанта-ивановца сюда, в Галичину, охранять рубежи воссоединенной навеки украинской земли.

— Пойдем, товарищ начальник! — более настойчиво, прикасаясь к плечу Лопатина, говорит Гласова.

Дариченко уже умер. Его накрыли простыней и отнесли на носилках в сторону.

Лопатин отошел от окна, осветил лежащего в беспмятстве Данилина и сказал:

— Нет, Дусенька, никуда мы, мужчины, не пойдем. Я без приказа заставу не оставляю. Вы с детьми идите напрямиком на Стенятин, а потом заворачивайте к лесу. Одних вас, без военных, пожалуй, никто не тронет. А с нами попадете.

Прощались уже на крыльце. Туман поднялся высоко. Сейчас он застилал белой клочкообразной пеленой весь двор заставы, скрадывал очертания сгоревших конюшен, неслышно и воровато взбирался на побитое осколками крыльцо. И всем казалось, что не у развалин дома они стоят, а на макушке высокой, неприступной горы, пробившейся к небу сквозь слой густых облаков.

Алексей Лопатин крепко поцеловал Славика, легко прикоснулся ко лбу Толи, стараясь не разбудить малыша, осторожно обнял жену. Он простился и с остальными женщинами, погладил по головке Светлану Погорелову и тихо сказал:

— Прощайте! Клянемся вам, что будем биться до последнего, но живыми фашистам не сдадимся!

Утром, едва вошло солнце и клочья тумана, разгоняемые его лучами, расплзались и как бы таяли, оставляя мокрые следы на скрюченных трупах немцев, опять загорели два станковых пулемета. Им вторили одиночные винтовочные выстрелы.

Маленькая горсточка пограничников — последние защитники заставы над Бугом — выполняли клятву, данную лейтенантом Алексеем Лопатиным от их имени.

Шел девятый день обороны заставы, понедельник 30 июня 1941 года.

В это утро немецкие войска с разных направлений входили во Львов.

Старинное село Скоморохи было уже в глубоком тылу гитлеровских войск.

Однако по-прежнему государственный флаг Советского Союза развевался над развалинами фольварка, на высоком холме, припорошенном кирпичной пылью.

Светало, когда женщины с детьми подошли к Стенятину.

С горькими складками в уголках рта шла впереди всех Погорелова. Было условлено: на все вопросы встречных будет отвечать именно она, полтавчанка, хорошо знающая украинский язык. «Пусть думают, что мы местные», — решили женщины.

Показались первые хаты Стенятина.

Из сарая большой усадьбы слышалось, как журчат струи сдаиваемого молока. Женщины переглянулись и замедлили шаг.

— Давай попросим молока, Фиса? — шепнула Гласова, вопросительно глядя на Лопатину.

О себе они уже не думали. Лишь бы маленького Толю молоком напоить.

— Пусть Погорелова попросит, — сказала Лопатина, доставая деньги, которые дал ей на дорогу муж.

— Хозяйка, а хозяйка! — нерешительно позвала Погорелова.

На ее зов из-за хаты вышел высокий огненно-рыжий человек с лицом, еще мокрым от умывания.

Уже одна его серо-зеленая шапка с двумя рожками над кучым околышем насторожила женщин. Сбитая на затылок, она была украшена каким-то блестящим новеньким значком. Это был «тризуб» — знак украинских националистов.

Если бы среди женщин был кто-нибудь из галичанок, то они сразу бы по этой шапке-«мазепинке», какую носили «украинские сичовые стрельцы», служившие австрийцам в первую мировую войну, определили, что за человек подошел к ним. Но все три женщины еще мало жили в Западной Украине, не знали ни местных обычаев, ни истории этого края и поэтому спокойно ожидали этого долгового в рогатой шапке.

— Вам чего?

— Хлопчик больной. Молока продайте! — сказала Погорелова, кивая на спящего Толю.

— А вы откуда? — спросил рыжий в «мазепинке».

Позже они узнали, что его зовут Иван Кней. Уроже-

нец Бабятина, он был прислан на пополнение созданной немцами украинской полиции.

— Мы... из Сокаля! — некстати вмешалась Гласова.

— Из Сокаля? А почему грязные такие? Не врете, со знайтесь: откуда?

Проклиная себя за остановку у плетня, женщины молчали.

— Пойдем, что ли! — упрямо встряхивая волосами, сказала Гласова. — Раз им жалко кружку молока продать, не будем упрашивать! — и шагнула в сторону дороги.

— Стой! — во всю глотку закричал Кней. — Я тебе дам «па-а-айдем»! Откуда, говорите? Ну? С заставы, верно? — И он ухмыльнулся, довольный догадкой...

...После долгих мытарств по фашистским застенкам, после побоев, издевательств женщины тринадцатой заставы были отправлены на жительство под надзором в Скоморохи.

Первой приютила в Скоморохах женщин с заставы семья бывшего счетовода колхоза Петра Баштыка.

От него женщины узнали, что красный флаг над заставой вился до 2 июля 1941 года. Лишь в этот день немецкие саперы с помощью подкопа подвели к заставе большую мину, и грохот взрыва потряс остатки дома, подымая вверх целые куски его фундамента и огромный столб кирпичного крошева.

Потом все затихло, и ни одного выстрела в районе фольварка жители больше не слышали.

Фашисты строго-настроено запретили мирному населению приближаться к заставе.

Холодной осенней ночью в это страшное время установления «нового порядка» на землях Сокальщины Евдокия Гласова отважилась пробраться к развалинам тринадцатой заставы. Вместе с ней туда отправились Петр Баштык и Погорелова. Первым через окошко спрыгнул в подвал заставы Петр Баштык. Он помог спуститься туда и женщинам.

Полуистлевшие матрацы были завалены обломками кирпича. Доски, на которых некогда сидели пограничники, были перевернуты или разбиты. Чиркая перед собой спичками, Петр Баштык помог Гласовой пролезть в узенькую дыру в стене, в тот самый отсек, где она оставила тело своего мужа.

В полной темноте Гласова сломала одну за другой не-

сколькo спичек. Наконец ей удалось зажечь огарок церковной свечки. Пламя, растопляя воск на фитиле, увеличивалось, и при его дрожащем, зыбком свете Гласова нашла высушенное тело мужа. Все еще была забинтована простыней его голова. Почти вся одежда истлела.

Гласова осторожно приподняла легкое, почти невесомое тело мужа. Она обыскала остатки его одежды и нашла в одном из карманов плотный кожаный бумажник. В нем партийный билет и алое, покрытое темными пятнами крови воинское удостоверение младшего политрука пограничных войск НКВД Павла Гласова. Здесь же была и кандидатская карточка ленинградца Галченкова.

Все эти документы Евдокия Гласова сберегла в потаенном месте. Как только в июле 1944 года авангардные части Советской Армии ворвались в Сокаль, отбрасывая гитлеровцев дальше, за Буг, она пошла разыскивать среди работников, прибывших вместе с передовыми частями 1-го Украинского фронта, нового секретаря Сокальского районного комитета партии. Она вручила ему, представителю партии, воспитавшей защитников тринадцатой заставы, два партийных документа коммунистов-пограничников.

Все это случилось спустя три долгих года, когда она смогла свободно ходить по улицам Сокаля, не страшась немецких фашистов и их прислужников.

В ту же страшную осеннюю ночь 1941 года ей удалось с помощью Петра Баштыка вытащить тело мужа из-под развалин заставы и похоронить его на старинном сельском кладбище.

...После того как стаял снег с полей, 25 апреля 1942 года жены пограничников пришли сюда снова.

Семь могил разрыли Погорелова и Лопатина в поисках своих близких. Погорелова ходила и к мосту возле хутора Ромуш. Но найти труп мужа ей не удалось.

В лощине около заставы, где некогда Алексей Лопатин переговаривался с крестьянками из Скоморох, приползшими с хлебом для пограничников, женщины заставы нашли большую братскую могилу. Сверху в ней, чуть-чуть присыпанное землей, лежало тело слесаря Ковровского экскаваторного завода лейтенанта Алексея Лопатина, с честью выполнившего свой долг перед Родиной.

Женщины перенесли прах лейтенанта Алексея Ва-

ильевича Лопатина на старинное сельское кладбище и похоронили его под кустом сирени, рядом с могилой политрука Павла Гласова

Обе могилы, как и повсюду на Украине, сейчас покрывает густой пеленой стелющийся низко по земле барвинок. У него блестящие темно-зеленые листочки. Весной в густой зелени барвинка появляются кое-где благородные спокойные голубые цветочки. Они похожи на цвет чистого, безоблачного неба, что голубеет над Западным Бугом.

...Поля уже щетинятся колючей, низко подстриженной соломой. Наша машина мчится по тому самому большаку, по которому некогда вез арестованных женщин тринадцатой заставы из Стенятина в Сокаль украинский националист Иван Кней.

— Вот здесь он ударил меня прикладом! — вспоминает сидящая рядом со мной в машине Евдокия Гласова.

Около нее русая, с туго заплетенными косичками Люба, школьница одной из семилеток Сокаля. Напротив — Евдокия Погорелова.

Вскоре машина минует широкое убранный поле с высокой копной обмолоченной соломой. Рядом, на открытом полевым току, попячивает локомобиль. Возле молотилки в тучах пыли, быстро уносимой ветром, суетятся сельские девчата с лицами, прикрытыми от солнца белыми хустками.

Гласова внимательно следит за молотью, но глаза ее часто поворачиваются налево, туда, где ближе к границе краснеет на холме груда кирпичных развалин — все, что осталось от тринадцатой заставы.

Мы взбираемся на гору кирпича, все еще возвышающуюся над подвалами заставы, и я случайно нахожу в этом крошечке две патронные гильзы русского образца. В донце одной из них еще цел капсюль. Это остаток боевого запаса, который рвался после взрыва мины и пожара. Капсюль другой гильзы, ржавой, наполовину забитой глиной, сильно расплюсчен бойком. Кажется, что в этом сильном ударе по капсюлю скрыта частица большой ярости бойцов к нарушителям границы, вероломно напавшим на Советскую страну.

Кто стрелял этим патроном? Ивановец Песков? Дари-
ченко? Давыдов? Добродушный толстяк Косарев? Или,
может быть, юноша из Ленинграда Галченков?

Вокруг нас шумели прибужские леса, и за свинцовой
полоской реки уходили на запад желтеющие поля теперь
уже не вражеской, а братской Польской республики.

Славик и Толя Лопатины за эти годы получили воен-
ное образование и пришли служить офицерами погранич-
ных войск на ту же самую западную границу, где в пер-
вые дни войны пал смертью храбрых их отец. Именем
Героя Советского Союза Алексея Лопатина названа не
только застава на советской земле, но и одна из застав
братской нам Болгарии. Его имя носит одна из улиц ста-
ринного Львова. Все живет его подвигом на заставе, ко-
торая встречает путника транспарантом: «Будем достой-
ны подвига лопатинцев».

Пограничники, которые пришли служить сюда, поса-
дили на заставе вишневую аллею в честь славного подвиг-
а своих предшественников. Весной деревья покрываются
нежным белым цветением, а ближе к середине лета на
них алеют полные, сочные, пунцовые вишни. Никто не
срывает их — так сложилась традиция. Наливаясь соком,
они постепенно падают на землю и алеют под деревья-
ми, словно капли крови, которой некогда оросили эту
землю герои-пограничники.

...Узнав от меня об этом, автор прославленной песни
«Орленок», один из старейших московских комсомольцев,
Яков Шведов, написал и опубликовал стихи «При-
карпатская быль»:

...Незыблемы и величавы
Зубцы вершинные Карпат...
А здесь тепло... И на заставе
Уже цветет вишневый сад.
В долине солнечной в затишье
Плоды созреют в свой черед.
Но все равно поспевших вишен
Никто в саду не соберет.
Простой, но памятный обычай
Здесь свято чтится с давних пор!
Сад на заставе пограничной
Сдан солнцу, птицам, ветру с гор.
...На этих шумных перекатах
Над говорливою рекой
Здесь пограничники-солдаты

Вступили в самый первый бой.
Во мгле ночной рыдали птицы,
Горели рощи и луга,
В ту ночь защитники границы
Не пропустили вглубь врага.
В ту ночь в бою суровом, правом
Не опустил своих знамен
Здесь, на границе, на заставе,
Ее бессмертный гарнизон.
И в память первого сраженья
Вражен был воинами сад —
В нем как бы жизни продолженье
Безвестных доблестных солдат.
Сад с каждым годом все суровей,
Дороже нам своей судьбой,
А вишни в травах — стуски крови,
Солдатской, праведной, святой.

Владимир Беляев

Ему становилось все хуже и хуже. Даже «комиссарская» любимая трубка, привезенная с Дальнего Востока и за четверть века употребления вся сладко пропахшая табачком, оказалась заброшенной. Не до курения стало Сергею Ильичу.

Работать продолжал, хотя даже диагноз знал. Во время приема врача вызвали к телефону, медсестра в уголке занялась своими делами. Сергей Ильич быстро перевернул страницу своей истории болезни. Диагноз был как приговор. Врач вернулась с извинениями; она и не поняла, какую оплошность совершила, — больной с прежней насмешкой над своими «болячками» покорно продолжал рассказ о самочувствии.

Вскоре понял Сергей Ильич, что и в ЦК уже знают о диагнозе. Потому что сочувственные намеки о том, что ему трудно работать (считай: пора и в отставку), как по команде прекратились.

Было очевидно, что такой человек, как начальник Политуправления пограничных войск генерал-майор Гусаров, продержится до тех пор, пока будет чувствовать себя нужным делу.

Все, все Сергей Ильич понял, но виду не подал. Ни на службе, ни дома.

Он умилялся тем героическим усилиям, какие употребляли Дора и семнадцатилетняя Иришка, чтобы скрыть от него свои тревогу и боль. А они радовались, что он ничего не знает и оттого ровен и весел, как раньше: возится с сыном, проверяет Иришкины уроки.

Не они его, а он их поддерживал в это время. Так уж получалось.

Утром минута в минуту генерал Гусаров, высокий, прямой, в ладно сидящей на нем форме, входил неторопливой, чуть шаркающей походкой в подъезд и сразу же шел к дежурному. Вопросы были неизменными, он задавал негромким своим, хорошо слышным баском:

— Что на границе? Что нового в войсках?

Внимательно выслушивал, чуть хмурия лоб, рапорт: за истекающую ночь произошло то-то и то-то...

На рубеже сороковых — пятидесятих годов сложная обстановка складывалась на границах страны. Иностраные разведки настойчиво забрасывали на нашу территорию своих агентов. Еще не были окончательно уничтожены в Западной Украине и Литве националистические банды. Тогда все сведения об этих повседневных событиях становились достоянием узкого круга людей. Среди них был, конечно, и генерал Гусаров.

Особенно болезненно Сергей Ильич воспринимал сообщения о гибели пограничников. Это была послевоенная молодежь, не закаленная боевыми испытаниями. Парням трудно было представить, насколько жесток и коварен враг.

От Политуправления войск, с конца войны ведущих напряженную борьбу с националистами, требовалась ясная, твердая политическая линия, которая в то же время должна была быть достаточно гибкой, учитывающей требования постоянно меняющейся обстановки.

Порой Сергей Ильич присутствовал на допросах шпионов. Засылались они по преимуществу через юго-западные границы.

В ночь на 15 августа 1951 года иностранный военный самолет, нарушив воздушное пространство СССР, сбросил двух парашютистов-разведчиков. Пограничники с помощью местных жителей уже утром взяли обоих, а через несколько часов они были доставлены в Москву.

Саранцев Федор, 1925 года рождения, уроженец Акмолинской области. Восемнадцати лет призван в Красную Армию. В декабре 1943 года во время боя взят в плен. Через год, в начале сорок пятого, из лагеря военнопленных переключал в ряды «Русской освободительной армии» изменника генерала Власова.

— Стоп! — говорит Сергей Ильич. — Ответьте, пожалуйста, Саранцев...

Есть в исхудавшем лице генерала, в запавших ярких глазах, не утративших живого блеска, такая сила, что допрашиваемый помимо воли поднимается с табурета и становится «смирно», оттопырив локти и щелкнув каблуками. «Немецкая стойка!»

— Садитесь! — досадливо морщится Сергей Ильич. — Ну я понимаю, на войне всякое случалось — не одни победы и награды, был и плен, глаза на это не закроешь.

Но объясните, каким образом вы очутились во власовском войске? Ведь знали же, что это сборище предателей и вас заставят стрелять в своих? Прошу вас, ответьте мне.

— С голода сдыхал, — бормочет Саранцев. — Думал к своим перейти при первой возможности.

— Почему не перешли?

— А немцы тоже не дураки. Сначала велели пленных партизан прикончить. Сказали: никто не узнает. А потом фотографии показали, незаметно сделали. Деться некуда — подписал документ.

Да, ситуация создалась трудная. Если, конечно, свою одну жизнь ставить выше всех других.

— У вас же было оружие, Саранцев, рискнули бы вырваться. Присягу ведь давали.

— Кругом немцы с автоматами как псы сторожили. Да и партизаны все одно были обречены — они до последнего дрались, немцы таких не миловали. Не я, так другой кто их пристрелил бы.

У труса своя логика.

— А потом больше не голодали? — Саранцев не уловил насмешки. — Всем вас обеспечили?

— Нормально жили. Даже спиртное было. Когда из боев выходили.

— Ясно! А после войны?

— Остался на Западе. Боялся кого из знакомых встретить.

— Работали?

— В лагере для перемещенных лиц в Ингольштадте жил. А работа от случая к случаю. Голодухи, конечно, не было, но собачье существование надоело. Каждый пфенниг считать кому хотелось? Думал, поживу хоть сколько, когда он пришел и предложил. Я сразу согласился. Жил — дай бог всякому. Жратва, выпивки, девчонки — сколько хочешь. А что? И убивать никого не надо. Пошлиот — приедешь в назначенный пункт, уточнишь данные насчет того, есть там, скажем, атомный заводик или нет. А потом разворачивайся и кати в Закавказье, только ухитрись через границу проскользнуть, а в Турции тебя уже ждут люди. Доложишь все и получишь свои доллары. На полжизни обеспечен. Можно дело свое открыть и стать нормальным человеком...

— Говорите, убивать не надо никого. Но у вас был автомат и браунинг с четырьмя обоймами. Все это для игры в футбол?

Человек молчит. Садится, снова встает:

— Будет мне прощение, гражданин генерал? Ведь никого не убил. Можно сказать, вина только в том, что сам не явился с повинной. За это готов отвечать.

— Уведите его, — устало, как после тяжелой физической работы, говорит Сергей Ильич.

Как всякий настоящий политработник, генерал Гусаров убежден: в тех случаях, когда кто-то остушился, полетел под откос, виноват не только он, но и те, кто вовремя не разглядел в нем какой-то изъянчик, выверт, червоточину, не поправил, не пришел на помощь.

А вот приводят к Сергею Ильичу человека, у которого побудительными причинами для ухода в другой лагерь были интересы более глубокие.

В 1943-м на своей родине в Молодечненской области семнадцати лет пошел на службу в 13-й батальон войск СД националист Иван Филистович. Участвовал в карательных операциях. А когда немецких захватчиков и их пособников вышвырнули с территории СССР, Филистович сражался в Италии против местных партизан и союзнических войск.

Через год после войны он в Париже связался с антисоветским «Белорусским центром» и пять лет работал в этой организации. Был завербован и после обучения в американской разведшколе города Бад-Верисхофена в ФРГ выброшен в Белоруссии, в Ильинском районе, где родился. Имел задание развернуть антисоветскую националистическую деятельность, создать и возглавить нелегальную вооруженную организацию; все сведения шпионского характера обязался поставлять по определенному адресу в Париж, в упомянутый антисоветский центр.

— Долго действовали? — спрашивает Сергей Ильич у остроглазого темнолицего человека с хищным волевым лицом.

Тот обескураженно махнул рукой.

— Сорвался на первой же вербовке...

Генерал Гусаров торжествующе усмехается: у этого националиста союзников не отыскалось.

Да, так получается: миллионы мальчишек учатся, вступают в пионеры и комсомол, идут работать на заводы и в колхозы, а начинается война — оказываются в танках, за пулеметами, на оборонных заводах. Из этого прекрасного поколения, воспитанного всем строем нашей жизни, выламываются людишки, которым наплевать

на высокие идеалы их поколения, на судьбу Родины — им лишь бы вырвать себе собственную, личную обустроенность. Вялые, кучные запросы мещанства питают индивидуалистов. Националистическая зверушечья ограниченность тоже ведет в лагерь врагов Советской Родины.

Сердечный, чуткий к людям, самозабвенно отслуживший три десятка нелегких лет в пограничных войсках, генерал Гусаров становится каменно-непреклонным, когда затрагиваются исповедуемые им принципы.

В Западной Украине бандеровское движение шло на убыль. Оно было разгромлено не только превосходящей военной силой, но и терпело идеологический крах.

Потерпевшие поражение оуновцы могли теперь действовать только «бойками» — группами от двух-трех до десяти-двадцати человек. По преимуществу в эти «бойки» входили оголтелые палачи, на счету которых было много невинных жертв.

Каждое утро в Политуправлении погранвойск страны появлялась сводка за истекшие сутки. Каждое утро начальник Политуправления генерал Гусаров не начинал свой рабочий день, не прочтя сводки.

Наибольший процент потерь по-прежнему проходил по Украинскому пограничному округу.

...Убиты в селе на Волыни две девушки-комсомолки и девочка-пионерка, трупы брошены в костер и обуглены; действовала «бойвка» из трех человек.

...Убито двое солдат-пограничников, тела повешены, вспороты животы.

...Трое солдат внутренних войск, попавшие в плен к бандеровцам, запряжены в сани (летом) и замучены до смерти.

Так почти каждый день.

Звонит начальник погранвойск Закарпатского округа генерал Мироненко. Стало известно, что надрайонный проводник (руководитель ОУН промежуточного звена между районом и областью) по прозвищу Зеленый начал колебаться. Многолетняя лесная звериная жизнь в сырых тайных ямах — «схронах» привела к тому, что он заболел туберкулезом. Кстати, на днях в Черновицкой области обнаружили «схрон», в котором находились трое мужчин и женщина, жена одного из бандитов. В этой затхлой норе родились и выросли двое детей — полутора

и трех лет. Ничего, кроме звериных чащоб, они не видели и смотрели на советских офицеров и солдат, как лесные зверьки, вылушив глаза.

— Петр Никифорович, — говорит Гусаров, — этих ребятшек, пока родители находятся под следствием, определите в хороший детский дом и берегите, чтобы оуновцы их не выкрали и не утащили снова в лес. Что же касается Зеленого, очень важно продемонстрировать ему и подобным: пока они ведут жизнь зверей в лесных «схронах», настоящая жизнь проходит мимо них. И своих детей они обрекали на то же самое.

— Сергей Ильич, для начала мы покажем ему фильм «Тарас Шевченко», — говорит генерал Мироненко. — Я недавно смотрел и до сих пор под впечатлением игры Бондарчука. Пусть бандеровец задумается, кто является истинным наследником Тараса Шевченко: мы, интернационалисты, создатели нового общества, или националистическое отребье, всегда служившее черт знает кому, но только не украинскому народу.

— Очень хорошо! — живо отзывается генерал Гусаров. — Вижу, записка старого политработника сильна в вас по-прежнему. Держите нос в курсе ваших дел. Я ожидаю хороших вестей.

И в самом деле, умел заглядывать в суть сложных общественных процессов пограничник, комиссар двадцатых годов Сергей Гусаров. Зажужжал особым своим голосом телефон ВЧ, и бодрый, ясный голос генерала Мироненко прорвался через полторы тысячи верст:

— Бандит Зеленый вышел. Показали ему тот фильм. Рыдал несколько часов, проклиная себя и тех, кто потащил его на бандитский путь. Согласился обратиться к бандитам с разоблачением главарей ОУН. У него туберкулез в открытой форме, и он говорит, что хочет перед смертью предостеречь вчерашних соратников не повторять его ошибок.

— Пусть его здоровьем займутся лучшие врачи. Для этого человека еще не закрыта дорога в общество — верю, что мы сможем вытащить его из националистической ямы. Нет и неизлечимых физических недугов. Я верю в могущество нашей науки, — говорил Сергей Ильич, в эти минуты забывший за делами о приговоре, который был вынесен ему самому, или все же начинавший ему вопреки надеяться...

Какие бы личные нравственные тяготы ни удручали

Гусарова, его ни на минуту не покидал живой интерес к службе, людям, жизни.

По-инному не мог жить комиссар Гусаров. Множество людей шло к нему по служебным делам, с личными заботами. И всегда этот тяжело больной человек терпеливо и добро выслушивал каждого. Он не просто принимал участие в чем-то деле или интересовался чьей-нибудь судьбой — Сергей Ильич умел словно вживаться в другого человека и вместе с ним за время общения принимать решение. Порой оно бывало не в пользу просителя, но и тогда Гусаров стремился убедить его в разумности принятого решения. Не любил поэтому решать вопросы по бумаге, в отсутствие человека, обратившегося к нему. Живое слово, личное общение всегда составляло для него основу взаимоотношений с людьми.

Его распоряжения выполнялись лучше и охотнее, быть может, потому, что не было в них начальственной непоколебимости, а присутствовало желание одного человека убедить другого в нужности исполнения.

— Товарищ Сухов, я вас прошу...

— Иван Александрович, о важности этого вопроса мы с вами уже толковали...

— Это неправильно, товарищ Сергейчук, сделать необходимо вот так... — принимался доказывать, почему его распоряжение правильно.

Особый дар убеждения не врожденное качество коммуниста, а то, что он должен воспитывать в себе, — так считал генерал Гусаров.

Родился Сергей Ильич Гусаров в Москве, на Чистых прудах. Отец был рабочий, машинист, водил поезда. Что-то с ним случилось: то ли несчастный случай в мастерских, то ли в японскую войну голову сложил, а по другим рассказам Илья Гусаров и его жена умерли оба от чахотки. Во всяком случае, мальчишкой лет шести Сережа очутился уже в Смоленске у дяди. Учился даже в гимназиях — губернской, а потом в городе Дорогобуже. В 1916 году, после шестого класса, выбыл, не закончив курса учения, потому что опекун-родственник умер. Раньше чем стать чернорабочим на лесопильном заводе, хлебнул и беспризорщины. Взяла доброго и смышленного подростка на воспитание жалостливая трудовая семья — ее глава работал на лесозаводе Богданова в Смоленске.

Февральская революция застала 16-летнего Сергея подручным рамщика на лесопильном заводе Долгорукова. В октябре хозяин сначала из господина стал гражданином, а вскоре и вовсе исчез с горизонта. А через год, в конце 1918-го, Сергей записался добровольцем в Красную Армию. Попав в 25-й автоброневой отряд Западного фронта, воевал поначалу бойцом, а потом помощником адъютанта отряда против контрреволюции, выкрашенной в одинаковый ненавистный цвет: белогвардейцев, белополяков, белолатышей. С таковой должности впервые оказался в военном госпитале — в одном из боев контузило. После излечения Гусарова направили в 34-ю пограничную бригаду войск ВЧК в Иркутск. Здесь в боях с бандой Шубина снова был ранен и лечился, правда, тоже недолго, потому что по молодости все раны казались легкими и заживали быстро, да и валяться по лазаретам было недосуг.

Война, а потом жестокая борьба с контрреволюцией и бандитизмом не только кидали его, работника ВЧК, в дальние районы республики, но и возвращали в милые смоленские, тверские, белорусские края. В 1922 году в Смоленске красноармеец 19-го Богучарского полка ОГПУ Сергей Гусаров стал членом партии, а вслед за тем и поллитруком, комиссаром в пограничных отрядах.

В Белоруссии познакомился Сергей с девушкой. Ее отец и мачеха, богобоязненные обитатели местечка, запротестовали против встреч дочери с «красным комиссаром». Отец однажды попытался с помощью палки урезонить непослушную дочь — шрам на ее плече с той поры остался на всю жизнь...

Сергей вспоминал семью, десяток лет назад приютившую его, голодного и холодного юнца. То были настоящие пролетарии, начисто лишённые жалкой национальной ограниченности. Молодой комиссар возмущался и доказывал Дориному отцу, что он не имеет права рассуждать так, будто не было революции.

— А ты увези меня, — сказала Дора Сергею.

— Как увезти? — опешил он. — Как на Кавказе умыкают невест?

Она засмеялась, и Сергей понял, что сделает это — умыкнет, утащит, увезет на коне, уведет за руку, все равно как. Лишь бы вырвать ее из этой болотной жизни маленького местечка.

И увез Сергей Дору. А отец ее десять лет потом не хотел признавать их брак.

После недолгой, годичной учебы Сергея в Высшей пограничной школе Гусаровы оказались в погранотряде на Сахалине.

Сергей целыми днями, а то и неделями пропадал на дальних заставах и в комендатурах, а Дора увлеченно занималась клубной работой, устраивала концерты, лекции, шефские выступления, плясала, пела, о всех заботилась, всех тормошила.

В Даурию на должность помощника начальника маневренной группы по политчасти Сергей Гусаров был направлен весной 1930 года — после конфликта на Китайско-Восточной железной дороге.

На Сахалине было дико, необжито, малоллюдно, тут пролегала граница по суше и по морю, да, кроме того, за спиной пограничников крутились хитрые мудрецы — японцы-концессионеры; неизвестно было, что их больше интересует: добыча шпионских данных или промысловая добыча. В общем-то здесь было сравнительно тихо — до боев, как в Даурии, дело не доходило.

До конфликта 1929 года — нападения реакционных белокитайских генералов — взаимоотношения тут были мирные: на сопредельной стороне надеялись на советских пограничников, халатно несли службу, не преследовали нарушителей рубежа. Время от времени командир советского погранотряда садился на коня и ехал к «соседям». Там он увещевал китайских офицеров, чтоб они помнили, что служат на границе, черт побери, и несли охрану — ловили спиртоносов, валютчиков, контрабандистов и прочих, а не дулись в карты и не тянули горячительное...

Потом воинственные китайские генералы спровоцировали пограничный конфликт, в результате которого оказались очень крепко биты.

Сергей Гусаров в должности помполита * маневренной группы принял участие в военных действиях на завершающем этапе. Воспользовавшись конфликтом, полезли из всех щелей разномастные кулацкие недобитки. Они лихо радочно готовили восстание в тылу пограничников и регулярных войск Красной Армии, сражавшихся с белокитайцами.

Под команду боевого помполита командование отряда

* Если командир подразделения или части был коммунист, ему назначался помполит — помощник по политической части; если он был беспартийный, при нем был комиссар.

передало один из двух учебных кавалерийских взводов. Приказ гласил следующее: не считаясь с численным превосходством противника, активными наступательными действиями в Сретенском районе атаковать и уничтожить бандитов. Задача была очень нелегкой еще и оттого, что сроки для боевых действий указывались самые минимальные.

Полдня после получения приказа Сергей просидел наедине с картой. Полдня готовил взвод к операции. В район действия банды Литвинова двигались только с наступлением темноты. С рассветом взвод укрылся в лесной чаще. К исходу второй ночи пограничники Гусарова оказались возле вражеского логова, неподалеку от заимки кулака, давшего приют вожаку банды и его присным. Ни одна живая душа не смогла б сообщить бандитам, что пограничники ждут в полуверсте от их «штаба» сигнала к атаке.

Вернулась разведка — бандиты, ничего не подозревая, отдыхали, пьянствовали, даже охранение не позаботились выставить.

Сергею удалось точно разгадать замыслы врагов: они готовились сами нападать, сил у них было немало, и предположить даже не могли, что пограничники сунутся в центр их расположения всего одним конным взводом.

— Что делать, товарищ помполит, с пацанами? — перед самой атакой спросил взводный. — Они с нами хотят на заимку рвануть...

— Не пускать! — ответил Сергей. — Рано им кровь видеть, пусть детьми останутся подольше. Мы без них справимся.

Курсанты ворвались на заимку в самое сладкое для сна время — перед рассветом. Без стрельбы, без криков «ура!» атаковали бандитов. Налетели с такой лихостью, с таким бесстрашием и презрением к численному превосходству врагов, что те долго не могли поверить, что разоружены и пленены горсткой пограничников.

(Летом 1944 года начальник войск по охране тыла 4-го Украинского фронта генерал Гусаров пробирался на своем «виллисе» в густой колонне идущих на запад войск. На переправе, у только что подошедшего к реке контрольно-пропускного пункта, молодой капитан в форме пограничника остановил машину и попросил сидящих в ней предъявить документы. Прочитав в удостоверении фами-

лию генерала, капитан взволнованно взгляделся в начальника войск:

— Вы... вы не командовали мангруппой у нас в Даурии в тридцатом году, товарищ генерал? А то я смотрю: и внешность ваша похожа, и фамилия как у того помполита...

Перед Сергеем Ильичом стоял тот давнишний мальчонка из ночного, который хотел тогда вместе с бойцами атаковать бандитов, и, волнуясь, говорил, что стал пограничником оттого, что навсегда запомнил бой на лесной заимке, считает его, Гусарова, кем-то вроде крестного отца и с тех пор мечтал с ним встретиться.

Гудели машины, требуя пропуска через КПП. Надо было прощаться.

— Я вас обязательно разыщу после войны, товарищ генерал! — сказал на прощанье юноша, обеими руками пожимая руку генерала.

Нет, не разыскал он Сергея Ильича. Хотя и кончалась война, но многими еще жертвами, молодыми непрожитыми жизнями оплачена была недалекая уже победа.)

Несколько месяцев спустя Сергей получил первую боевую награду, чрезвычайно популярную в то время. Ему от имени командования пограничных войск округа были вручены именные карманные часы с суровой лаконичной надписью: «Товарищу Гусарову С. И. за беспощадную борьбу с бандитизмом».

Так у Сергея получилось: сначала пришлось повоевать, а потом уже знакомиться с отрядом — личным составом, дислокацией застав и комендатур. В этом было свое бесспорное преимущество: люди уже знали, что новый помполит маневренной группы такой человек, за которым можно не оглядываясь идти в огонь и в воду. В его командирское мастерство, грамотность, смекалку поверили бойцы.

Сергей же был чрезвычайно озабочен, но не тем, как «закрепить» обретенный авторитет, а словно бы иным: как его «растерять». Учился. Он не скрывал при этом, что многое ему предстоит постичь и он готов признать учителем любого опытного воина — будь он боец, краском или местный житель.

Учила и жизнь, потому что редко случались день или ночь без больших или малых происшествий: и задержание контрабандистов, и поимка конокрадов, и боевые схватки со шпионами, диверсантами, разведчиками, и опе-

рации против спиртоносов и по изъятию у хунхузов — местных бандитов — награбленных ценностей.

Маневренная группа — резерв командира пограничного отряда — всегда находилась в районе наиболее активных действий. После конфликта на КВЖД она получила значительное пополнение — была укомплектована современной техникой: малыми танкетками, артиллерией, пулеметами на вьюках и тачанках, людьми, новым стрелковым оружием. Сергей с увлечением принялся изучать материальную часть поступившего вооружения. Он приходил на занятия во взвод, садился вместе с бойцами, слушал, разбирал и собирал «на время», а то и с завязанными глазами винтовочные затворы, и пулеметные замки, и замки орудийные, и наганы, и «ручники».

Одним из учителей-добровольцев у помполита стал командир взвода в мангруппе, а потом помощник командира, прирожденный кавалерист и рубака, добрый, но требовательный наставник Петр Налетов.

В июне в Даурии обычны разливы рек. И вот в составе конного подразделения, преследующего контрабандистов, Гусаров и Налетов переправляются через реку. Пётра (так зовет его Сергей) наставляет:

— У тебя хороший конь, выносливый, способный, — можешь плыть и держать его за уздечку. А если конь молодой, пугливый, тогда с седла долой и хватайся за хвост...

Летом выгорает на сопках и в падах трава, и все голым-голо становится. Тальник на берегу конного, нарушителя не скроет, а если на лодке, без лошади переберется через Аргунь нарушитель, далеко не уйдет пешком. И еще надо учесть: ночи здесь темные, если лошадь в падь не идет, значит, кто-то в ней есть. Тут уж ложись, не маячь мишенью на фоне неба и готовь оружие к огневому бою... В Даурии пограничника подстерегают всякие неожиданности. Зимой мороз заледенит за 50 градусов, а ежели ветер подымет, то как в аэродинамической трубе понесет — лошадь против ветра не пойдет. Снег сметается начисто в Аргунь, а случалось, и стада туда же несло; в таких случаях, если не успели пастухи спрятать овец и баранов в кошары, чтоб стадо остановить, надо пристрелить вожака — останутся. Бандиты таким способом пользуются: в середину стада заберутся и гонят.

Вся эта наука ни в каких уставах и наставлениях не

записана, а познал ее и делится с другом Петр Налетов, великолепный даурский пограничный следопыт. На таких вот бесчисленных Налетовых, боевых, скромных, знающих, верных, держится граница Даурии и остальные тыщи километров других погранотрядов Союза, сухопутных и морских.

Среди зимы в штаб отряда поступили данные о том, что в районе Чикойских гольцов Яблонового хребта скрываются главари подготовки вооруженного восстания 1930 года в Семиозерье.

Сергей Гусаров узнал и загоревал. Что такое?! На гольцы, оказывается, в зимнее время добраться невозможно. Решил сам возглавить экспедицию в горы. Начальник отряда Деглав внимательно оглядел худого, высокого, отнюдь не атлетического вида помполита, выслушал его, не перебивая. Потом с латышской неторопливостью, растягивая слова и фразы, сказал:

— Товарищ Гусаров могуч духом, он неплохой организатор, пусть подготовит нам всю операцию. А командовать группой мы все-таки пошлем здешнего жителя, начальника заставы товарища Бальджакана Полежаева. Он бурят, ему такие физические нагрузки, как путешествие в гольцы, привычны. С ним пойдут старые пограничники и местные жители. Товарищу Гусарову, однако, надо помнить: совсем не обязательно все делать на предельной нагрузке, и самому надо уметь рассчитывать свои физические возможности.

На местных крепких лошадаках, захватив с собой лыжи, маленький отрядик выступил. К вечеру другого дня он возвратился, ведя с собой двух лам. Военственные служители культа скрылись от правосудия, вдоволь запаслись продовольствием и появлению советских пограничников удивились, наверное, не менее, чем если б перед ними предстал сам Будда, перелетевший через неприступные зимние горы... Руководителя группы за блестяще проведенную операцию командование наградило библиотечкой.

Независтливый Гусаров результатом операции был доволен, чрезвычайно — главное, выиграло дело; то же, что лавры достались не ему, в глазах Сергея значения никакого не имело. Он был человеком совершенно бескорыстным. Люди, дело, служба, семья, друзья составляли главный и единственный предмет его забот.

Через год с небольшим после прихода в отряд он был

избран освобожденным секретарем бюро ВКП(б) и очень скоро затем назначен помполитом отряда.

В штабе его застать было нелегко. Опоясывался Сергей Ильич своим старым, безотказным, еще с гражданской, маузером, брал в полевую сумку суточный сухой паек и садился на выносливого, горбоносого, короткогривого конька местной породы. Зимой надевал башлык, тулуп, валенки и отправлялся в дальние поездки... На заставе жило два десятка человек, порой соединенных с миром в зимние заносы или в распутицу не дорогой, а только ниточкой телефонного провода. Мало было сторожевых собак, не хватало ракетниц, плохо работал телефон, связывавший за сто-двести верст одинокую заставу с комендатурой или отрядом. Проводной связи с секретами не было, основным сигналом считался выстрел. По границе не всюду была еще тропа, о контрольно-следовой полосе только мечтали командиры; натянута проволока, наштапованная брэнчащими от прикосновения банками из-под консервов, набитыми камнями, пользовалась большой популярностью.

Сергей Ильич Гусаров любил и умел говорить с людьми. Большие и высокие проблемы мирового и союзного значения связывал всегда с конкретными задачами отряда, комендатуры, мангруппы, заставы. Вопросов «вообще» не любил — предпочитал конкретные: «Что из дома пишут?», «Как живет колхоз?», «На заводе знают, что вы на заставе служите?», «Что в семье хорошего?..» Делились с помполитом охотно, душу открывали и бойцы, и командиры. Его приезды становились гочно праздники, о них долго вспоминали. И при всем том добрячком Гусаров не был — взыскивать умел, «стружку снять» не стеснялся, и нерадивые его боялись больше, чем иного грозного начальника.

В один из наездов в штаб заехал на станцию за газетами. Какая-то молодая женщина с милым, открытым русским лицом, по одежде явно приезжая, увидев помполиту зеленую фуражку, несмело обратилась к нему:

— Не знаете случайно, гражданин, как мне до погранотряда добраться?

— Случайно знаю, гражданочка. А кто вас там конкретно интересует?

Ответила слегка смущенно:

— Муж мой, Налетов Петр Иваныч, там служит. К нему приехала.

Он посмотрел на ее платье, туфельки:

— Это в наши-то края вы так вырядились! Разве Петр не писал вам о наших морозах? Ну ладно, ждите меня тут, я скоро вернусь.

Воротился с тулупом, валенками:

— Одевайтесь. Все поверх! Тулуп — на пальто, валенки — прямо на туфли. Это ваши вещи? Пошли.

На улице усадил ее в кабину отрядной «голубой антилопы» — помеси грузовичка с лимузином, сам влез в кузов, завернулся в шинель, постучал шоферу:

— Поехали.

— Я не поеду, вы заоченеете, садитесь в кабину, — запротестовала она.

— Ничего, тетя-девочка, — весело сказал помполит, и она от неожиданного такого оборота рассмеялась совсем по-девчоночьи. — Нам ехать недалеко, да и я привычный...

Заскочили в отряд, и Гусаров повез Налетову в комендатуру, где дислоцировалась мангруппа, в которой служил ее муж...

Пополнением, прибывающим в отряд, Сергей Ильич занимался всегда сам — встречал, организовывал питание, купание, отдых, распределение по комендатурам и в маневренную группу. И всегда у него появлялись в это время из числа новобранцев «крестники», из которых в дальнейшем он надеялся воспитать своих, отрядных политработников.

В село Ново-Цурухайты, на левое крыло отряда, помполит приехал через несколько дней после привоза в тамошнюю комендатуру пополнения. Жили в селе аргунские казаки, с которыми у Советской власти в колчаковщину сложились нелегкие взаимоотношения; теперь здесь был рыбачий колхоз, молодежь всегда тянулась к клубу, к школе, и Ново-Цурухайтуевская комендатура, по планам Сергея Ильича, должна была оказывать большое идейное и культурное влияние на весь этот большой район. Помполит внимательно следил, как осуществляется смычка пограничников с сельским населением: бойцы постоянно помогали молодым колхозам убирать урожай, ремонтировали сельскохозяйственные машины, сооружали линии электрической и телефонной связи, тушили степные пожары.

Приехав в Ново-Цурухайты, помполит Гусаров, как

обычно, устроился в клубе, переоборудованном из старой церкви. Прибежал встрепанный парень в незастегнутом шлеме-буденовке, запыхавшийся протопал к столу и выкрикнул:

— Красноармеец Болотин прибыл по вашему приказанию!

— Выйдите, товарищ Болотин, — строго сказал помполит, — отдышитесь, приведите себя в порядок.

Через несколько минут те же сапоги простучали размеренно, шлем был застегнут, докладывал красноармеец спокойно, деловито.

— Ну здравствуйте, товарищ Болотин. Садитесь. Значит, это вам поручили составить список?

— Мне.

— Знали, для чего этот список?

— Примерно да.

— Почему себя не включили? Ведь приказано было отобрать лучших, активистов.

— Товарищ помполит, откровенно хотите?

— Да.

— Я до армии был редактором райгазеты у себя в Новгородской области. Там меня в партию принимали. Учился в КИЖе* заочно. Работу свою, газетчика, очень люблю, хочу после службы вернуться опять в редакцию.

Негромким спокойным голосом принялся Сергей Ильич объяснять молодому красноармейцу, как важно и нужно готовить младший командный и политический состав для пограничных войск именно сейчас, когда в Германии к власти рвется фашизм, а японские милитаристы захватили северо-восточные провинции Китая и создали марионеточное государство Маньчжоу-Го на границе с Советским Союзом.

Молодой газетчик оказался настроенным агрессивно: отслужу два года и демобилизуюсь, уговаривать нечего, не маленький.

Сергей Ильич не рассердился, не повысил голоса. Только включил Болотина в список бойцов учебного взвода:

— Что ж, послужите пока, поучитесь, а там видно будет! Идите!

Крутнул боец через левое плечо, ушел.

Пожил помполит день-другой в селе. Школа младших командиров была пехотного образца. Учебные классы рас-

* Коммунистический институт журналистики.

положились в клубе; в казарме построили двухэтажные нары; на стенах появились лозунги, а стенгазета (рука Болотина!) оказалась самой интересной среди всех других в отряде; футбол не привился, но в волейбол играли каждую свободную минуту; учеба, боевая подготовка, политическая (несколько занятий провел сам Гусаров; запомнились они курсантам, а ему — их глаза, внимательные, освещенные словно изнутри) шли по напряженной программе. Учились ребята, а меньше чем в километре от них стояла ближняя застава, чуткая, бессонная, не имеющая права чего-то не замечать на той, сопредельной стороне. Нюхали голубой солнечный даурский ветер тупорылые зенитные пулеметы. Бинокли дозорных ошупывали чужой горизонт. Там уже не китайские — японские войска занимали казармы, пограничные блокгаузы, долговременные огневые точки. За Аргунью простерлось государство, имеющее двух императоров: «верховного», японского — Хирохито, и «подмандатного», маньчжурского — Пу-И. Ничего хорошего от всего этого ждать не приходилось.

Вот поэтому-то помполит Гусаров и старался убедить вчерашнего мирного газетчика Болотина в необходимости службы в кадрах пограничных войск.

«Смена власти» на маньчжурской стороне проходила не только под наблюдением советских пограничников. Воллей обстоятельств отряд оказался вовлеченным в события в общем-то очень драматические.

В ночь на 5 декабря 1932 года телефонный тревожный звонок из штаба поднял с постелей начальника и помполита отряда.

Только что на станцию Отпор явился со стороны станции Маньчжурия китайский генерал Су Бен-вен, перешедший со своей свитой и штабом границу. Несмотря на протесты администрации Забайкальской железной дороги, приказал своим солдатам сломать замки пограничных стрелок, и под угрозой оружия железнодорожники принуждены были начать отправление эшелонов с войсками этого генерала в направлении советской территории к станции Отпор.

— Сейчас я приеду, — ответил Гусаров.

Этого следовало ожидать. Малочисленные и, главное, плохо оснащенные техникой патристические китайские войска, объединенные в северо-восточную армию «Спасения родины», отходят под натиском японцев к границе

СССР. Другого выхода у них нет. Но что нам с ними делать? Теперь эта масса людей — несколько тысяч человек, не менее, — окажется на советской территории. Их нужно интернировать, а затем принять на себя заботы о них — обеспечивать продовольствием, оказывать медицинскую помощь. Ответственность огромная.

Гусаров хоть и не комиссар, но он готов вместе с командиром эту ответственность разделить. Когда Сергей Ильич говорит об этом начальнику отряда, Деглав благодарно жмет ему руку и в своей манере тянет слова:

— Спасибо тебе, комиссар, другого я не ожидал.

Машина — «голубая антилопа» — заехала за Деглавом и Гусаровым, и они сели в кузов, чтоб договориться о деле. Ледяные удары встречного ветра выжимали из глаз слезы; не то что говорить — дышать трудно.

— Товарищ Деглав, — кричит сквозь ветер Гусаров, — я займусь офицерами и солдатами, а ты бери на себя генеральско-дипломатическую сторону дела. Идет?

— Ладно, комиссар! — улыбается начальник отряда. Приехав в отряд, он докладывает «наверх», в округ, об инциденте. Оттуда ответная телеграмма-приказ: для проведения операции на заставу станции Отпор из управления отряда выделить усиленную боегруппу под командованием помощника по политчасти товарища Гусарова.

— Чьим? Чьим? — не поняли оба.

— Товарища Гусарова, — снова прочел шифровальщик.

— Так, — досадливо морщится Деглав. — Когда-то ты просился на боевое дело, я не пустил. Теперь мне бы надо идти — посылают тебя.

— Все правильно, — отвечает Гусаров, — теперь ты берешь на себя организационную сторону дела, а я оперативную. Начальник отряда должен быть в управлении на все время операции. Ведь не исключается какая-то вражеская провокация в другом месте, кто тогда заменит тебя?

Они решают: Гусаров с двумя конными дивизионами, пулеметным взводом и артиллерийской батареей из состава мотомехмангруппы выдвигается к границе, разоружает военнослужащих китайской армии, обеспечивает их охрану и безопасность, а также усиливает охрану границы.

Деглав берет трубку телефона:

— Товарищ дежурный, объявляйте в мангруппе боевую тревогу.

Ночь за окном. Мороз. Дикая даурский ветер. Уже отпела в казарме тревожную побудку труба. Там зажигаются огни, гремят команды, раздаётся лязг оружия, храп коней, тарахтят окованные колеса пушек... Деглав и Гусаров курят перед дорогой.

— Ну, удачи тебе, комиссар!

— Счастливого оставаться, командир! Передай Доре, что я на операции, пусть не беспокоится.

— Все сделаю.

Гусаровский отряд выступил ещё до рассвета. Шли на рысях всю дорогу. Отставших не было — сказывалась отличная тренированность всего личного состава пограничного отряда. Перед маршем Сергей Ильич сказал своим пограничникам несколько слов. Ледяной ветер обжигал лицо, относил в сторону слова. Поднимаясь на стремянах, перекрикивая вой стихии, комиссар обращался к пограничникам. Говорил коротко, энергично, рубя фразы:

— Здесь в восемнадцатом красногвардейские отряды — их составили рабочие Читы, солдаты, железнодорожники, забайкальские партизаны, крестьяне — отбивали бешеные наскоки контрреволюционных атаманов Семенова, Калмыкова. Эти вот сопки видели бесстрашные атаки наших старших товарищей, ваших отцов. Их кровь впитала эта земля... Будем достойны подвигов героев революции. Вперед!

Вот и рассвет. Станция Отпор мигает непотушенными огоньками. Там тихо, выстрелов нет, значит, все проходит мирно.

Оставив коноводам лошадей в пристанционном садике, Гусаров с группой командиров (в их числе надежный боевой друг Налетов) идет через здание вокзала на перрон. Навстречу с лавок поднимаются китайские военные, один — невысокий, пожилой — впереди.

Обе группы останавливаются, все подносят руки к головным уборам.

Генерал долго говорит и кланяется, еще дольше переводят его и тоже кланяются. А ты изволь ждать. Это называется восточной, или китайской, церемонией. Ненарушимый этикет.

— Генерал Су, — произносит Гусаров, выслушав бесконечные приветствия, — от имени своего командования предлагаю вам возвратиться на территорию вашей страны, поскольку вы самовольно переехали границу.

Выслушав переводчика, генерал жестом неподдельно-

По свежему следу.

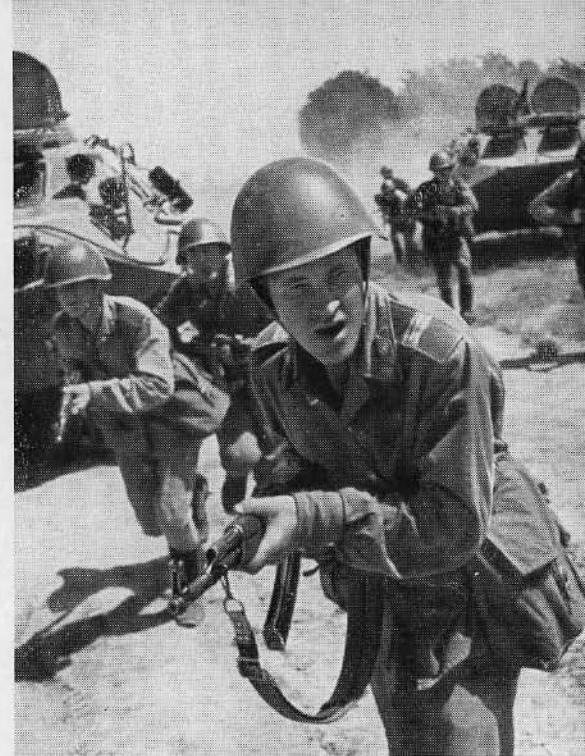

Стрельба
из гранатомета.

Поиск нарушителя.

На тактических
занятиях.

Прожекторный пост.

Доставка десанта на корабль.

Сигнал на заставу.

Ветераны армии и флота среди молодых пограничников.

На морских рубежах.

Наряд получает задачу.

М. Шолохов среди пограничников.

Пионеры в дозоре с пограничниками.
Обучение необъезженного коня.

По тревоге.

Тревожная группа в пути.

Пограничники
в горах.

К месту
нарушения границы.

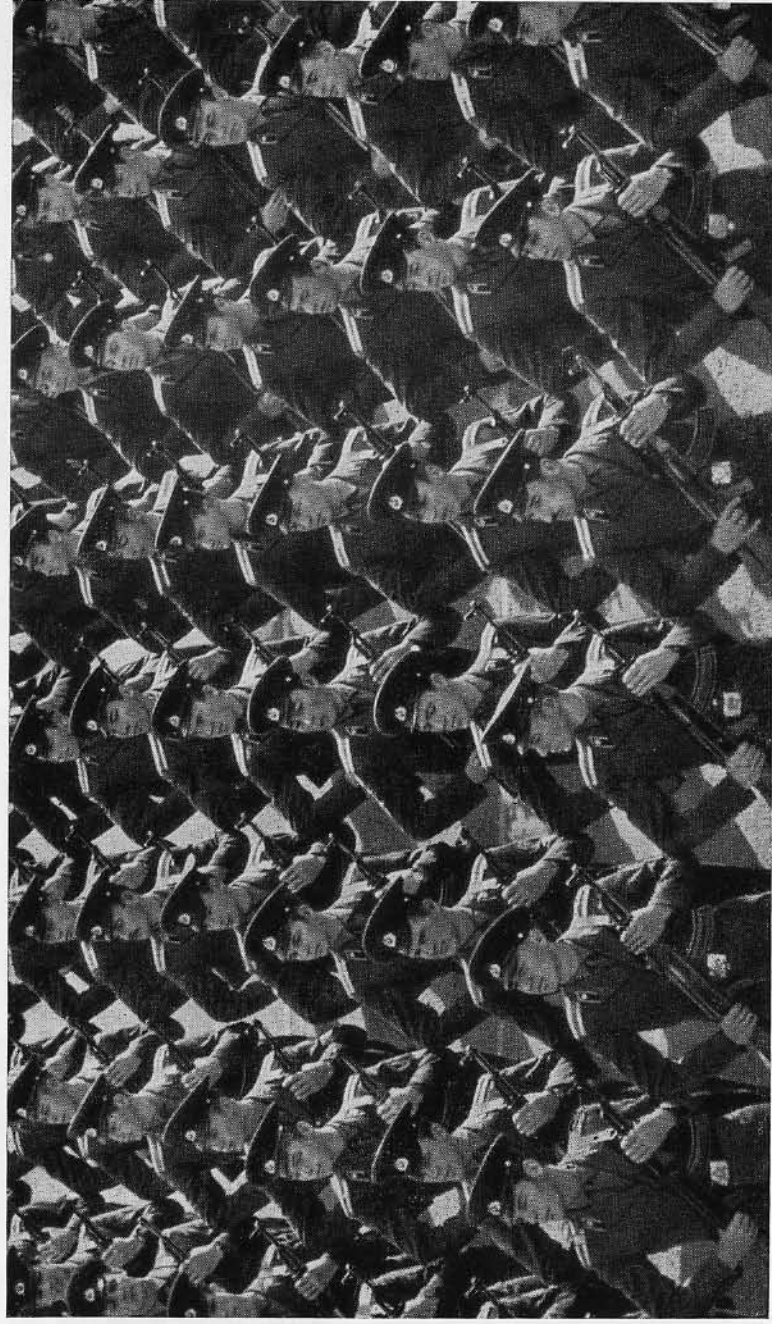
На границе служит
лучшая молодежь
Страны Советов.

Лесовоз «Яков
Резниченко».

Занятия по высадке десанта на корабль с вертолета.

Пограничники на параде. Алма-Ата, ноябрь 1972 г.

В любую погоду.

го ужаса выказывает свое отношение к словам собеседника.

— Нет, нет, нет! — уже не церемонно, а торопливо отвечает переводчик-китаец. — Они нас всех убьют. Мы предпочитаем сдать вам оружие...

— Это ваше окончательное решение? — спрашивает Гусаров.

— Да, да, да! — поспешно кивает генерал. С перрона входит Налетов, обращается с рапортом:

— Товарищ помполит, к вокзалу подходит еще один поезд со стороны станции Маньчжурия.

— Примите и тоже перегоните на запасный путь. — Генерал Су хочет сказать вам, господин советский генерал, что в этом поезде едут запертые на замки наши пленные. — Это сообщает переводчик.

Час от часу не легче!
— Кто они?

— Это японские резиденты в Маньчжурии и китайские служащие нового правительства Маньчжоу-Го. Японцы — очень важные пленные, господин советский генерал.

— Сколько еще будет эшелонов?

— Это последний, господин советский генерал.

— Хорошо. Только я не генерал, — говорит Гусаров. Как объяснить, что в Красной Армии нет личных воинских званий ни генеральских, ни офицерских, а есть обращение по занимаемой должности. До сих пор слово «помполит» не встречало никаких затруднений — обращались свои, а тут изволь объяснять представителям другой нации, людям чужой страны, как им тебя величать. В петлицах у тебя три «шпалы», но обращение «помполит» для китайцев трудно и непонятно.

— Зовите меня «комиссар», — говорит Гусаров, вспомнив Деглава и его обращение. Подходит Налетов, и Сергей Ильич добавляет, что это его помощник, которого надо называть «господин советский командир».

У генерала и его переводчика усталые, несчастные лица, но они подобострастно улыбаются Гусарову и Налетову. Что ж, теперь о деле.

— Переведите, — говорит Сергей Ильич, — что сейчас мы составим списки всех находящихся в эшелонах, оружие изыщем, за исключением генерала Су — ему будет оставлено личное оружие, а офицерам — их сабли.

— Или шпаги, господин советский комиссар.

— И шпаги.

— А полицейским вы позволите оставить оружие?

— Нет! — решительно говорит Гусаров. — Мы гарантируем вашу безопасность, и в помощи китайской полиции вы нуждаться не будете. Все!

И он уходит. Дел много, и некогда разводить церемонии, прежде всего надо организовать усиленную охрану границы, и помполит отдает необходимые распоряжения. Потом идет к прибывшим эшелонам. Вокруг них охрана — пограничники с заставы Отпор и спешенные кавалеристы из мангруппы.

Китайские солдаты в рваном обмундировании, плохой обуви. Они складывают оружие в тушике у пакгаузов.

— Гранаты сложить отдельно в ближайшем карьере и взорвать во избежание несчастных случаев, — приказывает Гусаров.

— Есть! — отвечает Налетов.

— Автомобили пусть пока останутся на платформах. Проследите, чтоб их шоферы были при машинах.

— Есть.

В каждом вагоне, в каждой теплушке — своя жизнь. Вот эти купе-ячейки предназначены для генералов (их в поезде оказалось, кроме Су Бен-вена, еще десять), а при них жены, дети, слуги и денщики. В других вагонах-ячейках — полковники (числом 17), в третьих — майоры, в четвертых — поручики, прапорщики, далее — гражданские чиновники и чины полицейские, студенты, семейные женщины и публичные женщины и солдаты. Эти последние — парии этого общества, они дрожат от холода, у них голодные худые лица, они сдают почти негодное оружие и гранаты, опасные прежде всего для их владельцев.

Вот она, частица общества, разделенного классовыми, сословными перегородками. Помполит Гусаров намечает сегодня же провести в подразделениях маньчжурской группы и на заставе Отпор политбеседы, разъясняющие социальный смысл этого пограничного эпизода.

Вот второй поезд. Три классных вагона. Внешне здесь все навыворот: чиновники Мань-жоу-Го, одетые в чистенькие мундиры, почтительно уступают дорогу и кланяются чумазым бравым оборванцам, быстроглазым кули с длинными косами, величественным, чуть не царственной осанки нищим... Все эти люди — маскировавшиеся, вжившиеся в свои роли за десятки лет жизни в чужой стране полковники, майоры, капитаны японской императорской

армии, резидентура, которой так гордится создавший ее генеральный штаб.

Гусаров с командирами идет по вагону. Пытливо вглядывается в настороженные, хлодные, ощупывающие глаза японских резидентов. Сколько из них, этих шпионов, будет впоследствии перенацелено на нашу страну — одному богу известно.

— Ускорьте составление списков резидентов и служащих! — приказывает он командиру из управления отряда.

— Есть!

Получив список — 129 человек, целая шпионская рота! — приказывает снова запретить вагоны и под усиленной охраной отправить на станцию Мациевская, что в семи километрах от Отпора. А всего интернированных четыре тысячи с небольшим, почти дивизия.

Вздохнули свободно все в отряде, когда закончилась наконец эпопея с интернированием маньчжурско-японского воинства, хотя и вспоминали о ней долго.

С начала 1933 года обстановка на государственной границе в полосе отряда стала все больше накаляться. Остро почувствовали все, что за кордоном появился новый неприятель, энергичный, превосходно оснащенный, коварный, напористый и, главное, преследующий какие-то далеко идущие цели.

Многие часы просиживали новый начальник отряда Михаил Зундель и его помощник по политической части Сергей Гусаров, анализируя нелегкую, тревожную обстановку на границе, стремясь «и по службе, и по душе» проникнуть в замыслы так называемого потенциального противника.

Отдельные случаи явно преднамеренного нарушения воздушного пространства японскими самолетами. Цель, без сомнения, разведывательная, возможно, производится аэрофотосъемка оборонительных сооружений. Глубина перелетов — до восьми-десяти километров. Все нарушения оформляются односторонними актами, которые представляются в пограничный округ.

Случаи контрабанды, конокрадства, бандитизма с последующим переходом границы имеют место, но по сравнению с предыдущими годами число их значительно сократилось.

Зато прогрессивно растет количество задержанных шпионов.

Активно помогает в задержании нарушителей местное население, железнодорожники КВЖД (попытка проезда через границу), очень плодотворным оказывается сотрудничество с монгольской пограничной охраной — она передает советским коллегам нарушителей, чья деятельность направлена против нашей страны. Со стороны советских пограничников во всех случаях общения с чинами погранохраны Маньчжоу-Го сохраняется исключительно выдержанное, тактичное поведение.

Иной раз часовой звонит с наблюдательной вышки на заставу: внизу собрались японцы, нарушившие границу, они трясут вышку, вот-вот сбросят его вниз... И даже в подобном случае был приказ не открывать огня по нарушителям — с заставы срочно мчался наряд, который отгонял обнаглевших солдат за кордон. Оттуда они кричали на ломаном русском языке бранные слова, кривлялись, грозили оружием. И все это приходилось терпеть.

Если подытожить все, напрашивается вывод: противник ведет всестороннюю усиленную разведку.

В пограничном поселке Бырка удалось установить нахождение японских разведчиков братьев Домашевых. Они скрывались в доме родственников. Окруженные пограничниками, оказали вооруженное сопротивление. В перестрелке Домашев Никита получил ранение и был задержан, Домашеву Василию удалось скрыться.

Через две недели на участке одной из застав наряд задержал группу нарушителей в составе трех человек во главе с Харламом Черных. Все они белоэмигранты, на нашу сторону шли по заданию японской военной миссии. На суде признались во всем.

Через месяц на участке заставы «Карантин» близ станции Борзя новая попытка прорыва на нашу сторону. По заданию той же японской военной миссии бандгруппа в составе шести человек, возглавляемая Алексеем Якимовым, должна была разведать наш укрепленный район. Из числа оперативного состава отряда заложили засаду на пути нарушителей. Их нельзя было выпустить, хотели даже взять живыми, но они оказали упорное огневое сопротивление, и четверо из них были застрелены в бою; раненый главарь бежал на территорию Маньчжоу-Го, где в степи и умер. С нашей стороны погибло четыре командира.

Со времени конфликта на КВЖД то была самая тяжелая потеря в отряде.

Еще не изгладилась в памяти пограничников трагическая гибель в конце 1932 года любимца отряда, командира отдельного бурятского дивизиона Ивана Пилипенко. То был отличный боец, спортсмен, красивый душой человек. Его ранило в живот. Врач побоялся везти нетранспортабельного раненого в даурский госпиталь, и он лежал в Абагайтуевской комендатуре у своего друга Тимофея Строкача. Умирал в полном сознании и все вспоминал о сыне, тоже Иване, который теперь останется без батьки. Вот оттого-то Иван Пилипенко-старший не хотел умирать. Просил, чтоб сапоги его оставили под кроватью: пока они тут, он, может, и встанет еще, наденет и поедет опять на границу. Скончался — и надели на большие его ноги огромные, сорок пятого размера, сапоги и под оркестр медленно повезли через Абагайтуй, через другие села в Даурию на кладбище — последний приют пограничников, погибших в этом диком, неласковом краю на защите священных рубежей своего социалистического Отечества.

И вот опять погибло четверо!

Медно ревели о невозвратной потере трубы оркестра. Сказал на траурном митинге вслед за другими товарищами горькие, прощальные слова помполит отряда Гусаров. В небо, выцветшее под слепящим солнцем Даурии, троекратно ударили залпы прощального салюта. Ушли строем красноармейцы.

Осталась на могильном холмике под цветами деревянная пока доска:

«Старший уполномоченный отряда Головатых.

Помначшколы младшего начсостава по политчасти Сидоренко.

Нач. библиотеки Кононов.

Пом. нач. заставы «Карантин» Черных».

И тут ударило Сергея Ильича в самое сердце. Так, что едва не упал — поддержала Дора, она обхватила за плечи: «Что ты, что ты, Сережа!..»

Возле свеженасыпанного холмика сидели молодые вдовы. Из тех самоотверженных российских женщин, что за мужьями бесстрашно шли на край света, в пограничные тмутаракани и кого в веселые минуты любовно звал Гусаров «тети-девочки...». И дети тут же сидели. Особенно невыносимо было смотреть на двух беленьких девчушек, совсем несмышленых ничего не понимавших, таращивших глаза на гору здешних неярких полевых цветов. То были дочери Кононова, который после них больше всего на

свете любил книгу. И которому никто не велел идти в этот бой ловить озверевших закордонников. Начальник библиотеки сам вызвался помогать товарищам...

А служба шла своим чередом.

Приезжая в Ново-Цурухайтуевскую комендатуру, Гусаров обязательно справлялся о том, как служит бывший редактор районной газеты Василий Болотин. В очередной приезд показали Сергею Ильичу рукописный журнал, заполненный едва ли не наполовину очерками, зарисовками, рассказами Василия. «Отлично! — сказал скупой на похвалы Гусаров. — Молодец журналист!» Поехал на тактические занятия учебного взвода, где был Болотин, потом на стрельбище. Василий оказался метким стрелком — на «отлично» выполнил упражнения из РПД* и нагана. Распалился тут Сергей Ильич, достал из деревянной кобуры свой верный и вечный маузер, присадил приклад и лег рядом с бойцами учебного взвода. Все пули послал в «яблочко» — хорошо! От мишеней тоже бегом вернулся на огневой рубеж:

— Пойдем поговорим, товарищ Болотин!

Завел разговор о журнале, похвалил сдержанно. Потом сказал, что вот скоро 15 августа, годовщина отряда. А шифры — комсомольцы города Канска — привезли «бостонку», портативную типографию с ручным приводом.

— Вы хотели на газетную работу, вот она вас и нашла.

— Товарищ помполит, разрешите мне окончить школу, — попросил Болотин.

— Вы же считали, что она вам ни к чему.

— Я уже проучился полгода. Вот кончу, тогда и забирайте.

— Молодец! Ладно, сдавайте экзамены. Плохо б учились, не взял бы в отряд. А теперь с удовольствием. Политработник должен быть и отличным строевиком. Не люблю, если человек говорит красно, а смотреть на его работу стыдно.

— Я тоже этого не люблю.

Так стал «крестник» Гусарова, заместитель политрука Василий Болотин, редактором отрядной газеты «Начеку». А чуть позднее — кадровым политработником, и на всю жизнь связал судьбу с пограничными войсками.

Многотиражек в пограничных отрядах еще не было.

* Ручной пулемет системы Дегтярева.

Помполит Гусаров создавал газету и уделял ей много внимания. Когда набирали первый номер, Сергей Ильич не ушел почевать. «Бостонка» что-то разладилась, решили было ребята начать печатание вручную, да помполит засучил рукава, сказал уверенно: «Отремантируем!» — хотя до этого о машине только слышал. И починили. К исходу ночи, усталые, измазанные, голодные, стали печатать. Сергей Ильич умылся, собрался:

— Ну, ребята, мне в отряд. Что вам прислать: что-нибудь поджаренное и чаю, конечно?

— Зачем же, товарищ помполит? — застеснялся Болотин.

Сергей Ильич привез завтрак сам. Взял в руки пахнущий типографской краской листок «Начеку». «Орган партийной и комсомольской организацией энского отряда. Из расположения не выносить». Ребята набросились на еду и на Гусарова не смотрели. А он с повлажневшими глазами, отвернувшись от них, вдыхал запах краски, гладил листок, растроганно рассматривал уже выученные наизусть заголовки...

Тот же самый Болотин с друзьями — Малышевым, Медуновым, Штрайсом, Яковлевым — организовал в отряде коллектив художественной самодеятельности. Дора Гусарова, веселая, экспансивная, ни при каких обстоятельствах не унывающая, не только организовала и вовлекла в самодеятельность жен комсостава, но и сама в меру сил и таланта взялась читать стихи с Василием Болотинным в паре. Оба выходили на сцену в пограничной форме, строгие, собранные:

Лунный ландыш мерцает робко,
В пади стелется тень сосны.
И над самой высокой сопкой
Бродит ветер моей весны, —

тихо, мечтательно начинала она, а он сурово напоминал:

Нападут — из-за каждой пяди
Брызнет ливнем свинца огонь.
А пока на крутом прикладе
Отдыхает моя ладонь.

Популярный номер кончался мелодекламацией обоих чтецов. Рокотало пианино и внезапно смолкло в лирической паузе. А притихший зал вспоминал тех, ради кого они тут стерегут границу.

А дальше польщенные артисты выслушивали долгие аплодисменты и зычные крики «бис!».

Готовили клуб к праздникам: украшали плакатами, лозунгами; женщины — Дора Гусарова, обе Тоси, Михайлова и Сметанкина, — брались мыть полы. Отношения установились товарищеские, самые комсомольские, и звали друг друга Дора, Вася, Тося, без всяких там отчеств. Приезжал перед концертом Гусаров, довольный ходил по отмытому, нарядному клубу.

Иногда агитбригада на машине или санях, с кинопередвижкой («Хотите посмотреть кино — крутите «динамку» поочередно!») уезжала на заставы, и там в холодных, едва протопленных клубах давали концерты и крутили «Чапаева» или «Путевку в жизнь». Время от времени раздавалась команда:

— Кто в наряд, выходи!

Или прямо из наряда, зазябшие, еще не евшие, вваливались в зал бойцы, стуча сапогами и прикладами. И закон твердый был у выездной агитбригады (Василий Болотин строго его соблюдал): хоть пять человек в зале, все равно даем концерт, все равно крутим кинокартину. Пограничная жизнь особая, тут служба круглосуточная, всех сразу собрать невозможно.

Когда шел фильм и меняли катушки с лентой, тоже точно команда раздавалась:

— Кто следующий «динамку» крутить — давай!

Сергей Ильич всегда с нетерпением ждал жену из этих поездок, очень тосковал без нее, но ни разу не сказал: «Останься!»

Расстаться с Даурией Гусарову пришлось, когда предложили уехать на учебу.

После окончания Военно-политической академии имени Ленина полковой комиссар Гусаров служил на южной границе в Туркмении и на западной границе в Киевском округе. В начале Великой Отечественной войны был Сергей Ильич в звании бригадного комиссара и занимал должность военкома войск по охране тыла Ленинградского фронта.

Ленинградский пограничный округ нес в канун вой-

ны охрану сухопутного участка на Карельском перешейке до Финского залива.

Сведения, что за кордоном идет усиленная подготовка к нападению на СССР, стали проникать в штаб пограничного округа еще в конце 1940-го и особенно с весны 1941 года. Разного рода пограничные конфликты, спровоцированные той стороной, грозно учащались. Интенсивно шла заброска одиночных и групповых агентов. Разведчик-финн, знавший больше других, на допросе разоткровенничался: «Скоро опять война, у нас к ней готовятся». А так называемая «маршрутная агентура», которую составляли люди высокой шпионской квалификации, все шла и шла, нацеленная на конкретные оборонные объекты. Появлялись на границе весьма любознательные чины финской и германской армий, не имеющие никакого отношения к охране рубежей. Чужие самолеты все чаще «по ошибке» вторгались в воздушное пространство нашей страны. И вот уже в июне красноречивые, недвусмысленные в своей зловещей сути симптомы — с пограничья финны отселяют жителей в глубь страны...

В субботу, 21 июня, Сергей Ильич и его молоденький помощник старший политрук Федор Коптев, которого в политотделе все любовно звали Григоричем, договорились на завтра с семьями поехать за город, в Сестрорецк. Но с вечера обстановка на границе резко ухудшилась, и к концу ночи военком, не ухोдивший домой, позвонил помощнику:

— Григорич, срочно собирайся и приходи в Управление. И приемник с собой захвати.

— В чем дело, Сергей Ильич? — встревоженно спросил сонный Коптев.

— Приедешь — узнаешь.

В Управлении пограничных войск спешно доставали и навешивали на окна спрятанные после финской кампании светомаскировочные шторы. Гусаров погасил электричество и распахнул окно в своем кабинете; теплый летний рассвет в каменном городе напомнил обоим о запланированном на воскресенье загородном отдыхе.

— Война, Григорич. Немцы напали, на границах идут тяжелые бои. Будет выступать Молотов...

Военком был бледнее обычного, но спокоен, сосредоточен.

— Собирай политотдельцев.

Рванул нервный телефонный звонок.

— Товарищ военком, — зарокотала трубка, — звонят из погранотряда. (То шло сообщение из района Сякьярви на Карельском перешейке.) Задержаны вооруженные нарушители. Дали показания, что вот-вот начнется война...

И вслед за тем новый звонок. Доносил из Элисейваары полковник Донсков, начальник пограничного отряда:

— Заставы готовы к бою. Все попытки финнов проникнуть на нашу территорию будут отбиты.

Полные напряженного ожидания дни и ночи отсчитывал округ: ясно, что нападут, но когда? От Балтийского до Черного моря сотрясало в сражении пограничье, а финны не начинали. Только посылали в радиопередачах угрозы: «Зеленые фуражки советских пограничников мы постараемся их же кровью перекрасить в красный цвет...» Немецкие самолеты налетали с финских аэродромов с первых дней войны, но «формально» она была объявлена через советского посла в Швеции А. М. Коллонтай только 26 июня, а с рассветом 29-го напали на СССР маннергеймовские воители.

Особенно сильный нажим осуществлялся со стороны юго-восточной армии противника — она повела военные действия на Карельском перешейке, на Выборгском и Кексгольмском направлениях.

Донесения с границы поступали лаконичные, суровые. Драматизм положения состоял в том, что на всех направлениях — и в районе Мурманска, где действовала немецкая армия «Норвегия», и на Онежско-Ладожском перешейке в полосе наступления финской полевой армии, и на оперативных участках у Выборга и Кексгольма — у врага было перед пограничниками подавляющее преимущество в силах.

То, что пережили другие округа неделю назад, теперь испытывал Ленинградский пограничный округ. В кабинете трещали телефоны. Доносили погранотряды с Карельского перешейка весь воскресный день, что бои идут непрерывно; на многих участках госграница, нарушенная врагом, восстановлена; на помощь пограничникам подходят регулярные части Красной Армии.

Тяжко приходилось защитникам Ханки и островов на Балтике.

В округе не было зафиксировано ни одного случая отхода пограничников без приказа командования.

Ленинград с первых выстрелов, раздавшихся на территории Карельского перешейка, стал тем центром, отку-

да направлялась вся деятельность пограничных войск округа. Даже в самой сложной обстановке округ осуществлял твердое руководство частями и подразделениями.

Все политработники управления еще задолго до начала военных действий были прикреплены к пограничным частям, за каждым числилось его направление.

И, как верно предположили начальник погранвойск округа генерал Степанов и военком войск бригадный комиссар Гусаров, самым боевым направлением стал Карельский перешеек. Именно туда отправил Сергей Ильич группу политработников, среди них Афанасия Малоивана, Якова Козачка, с ними писателя Льва Канторовича, чье творчество было связано с пограничниками, и теперь он попросился на самый ответственный участок*.

Старший политрук Афанасий Малоиван вопреки своей фамилии был человеком огромного роста. Гусаров уважал и любил его за смелость и деловитость, за то, что всегда тот готов был отправиться на любое задание и дважды никогда не просил повторить распоряжение. За внешней невозмутимостью Малоивана таилась не флегматичность, а выработанное за годы службы в пограничных войсках умение владеть собою.

В воскресенье вечером 22 июня старший политрук Малоиван с женой Ольгой Петровной должны были уехать на юг. Две путевки в ялтинский санаторий «Ореанда» и два билета до Симферополя уже лежали в кармане. А днем собирались еще и в театр сходить. Мальчишки-сыновья оставались на месяц с тещей...

Вместо театра и поездки к теплему морю было срочное командировочное предписание на север, в погранотряд.

— Поезжай, Афанасий Никифорович, к полковнику Донскову, у него нет заместителя по политической части, — сказал Гусаров. — Счастливого тебе пути.

И через полсуток уже воевал он под городом Энсо. Десятидневная командировка растянулась весьма надолго...

Замполит оказался под стать своему командиру. Они были почти ровесниками. Семен Иванович Донсков (хотя носил такую фамилию, был лихим казаком, но не донским, а терским) в свои тридцать с небольшим успел повоевать с басмачами и с белофиннами. Теперь его пограничный отряд во взаимодействии со 142-й стрелковой

* Погиб в бою на границе 30 июня 1941 года в возрасте 30 лет.

дивизией принял на себя удар финского усиленного пехотного корпуса, который поддерживали танки, броневые автомобили и даже бронепоезд. Сто километров границы, прикрытой отрядом Донскова и дивизией Красной Армии, враг одолеть не мог несколько недель.

Правый фланг отряда — как раз на стыке Ленинградского и Карело-Финского пограничных округов — держала 1-я комендатура. Ею руководил опытный боевой командир старший политрук Алексей Гарькавый.

Трижды комендатура оказывалась в полном окружении и столько же раз с боями выходила из вражеского кольца. Противник превосходил пограничников в силах более чем в 10 раз и все-таки разгромить и уничтожить их не сумел. Гарькавый вывел своих людей (среди них сражались его жена и подросток-сын), не бросив ни одного раненого, к северному берегу Ладоги в районе поселка Ланденпохья. Отсюда кораблями Ладожской военной флотилии пограничники были эвакуированы к городу Кексгольму. Сергей Ильич распорядился всем рассказать о подвиге Гарькавого и его бойцов.

К Кексгольму, где шло формирование новых пограничных частей для защиты Ленинграда, приехал бригадный комиссар Гусаров.

Побитая осколками камуфлированная «эмка» военкома примчалась в Сифолово ранним утром. Ехали всю ночь сквозь полумрак северных летних ночей по уже разбитым бомбами фронтным дорогам. Несколько раз Сергей Ильич, давая возможность отдохнуть водителю, сам садился за руль. Но вылез из машины бодрый, свежий. И первым делом спросил Донскова и Малоивана:

— Где наши герои? Где эти железные люди из 1-й комендатуры?

Их выстроили. Сергей Ильич медленно прошел вдоль недлинной шеренги. Многих не оказалось в строю — одни убыли в госпитали, другие погибли... У военкома вдруг начало впервые в жизни подергиваться веко и худое, выразительное лицо закаменело.

— Кланяюсь вам, родные люди, — сказал он хрипло, напряженно. — Ваших подвигов Родина и народ никогда не забудут. Все, кто подал в партию и комсомол во время окружения, получают сегодня кандидатские карточки, комсомольские и партийные билеты. Вы, товарищи, заслужили отдых. Но мы его вам дать не можем. Не имеем права. Враг рвется к Ленинграду, и там сейчас нужен

каждый воин. Ждем от вас новых подвигов. Боевых вам удач, дорогие товарищи!

На пути к новому расположению комендатуры военком спросил Малоивана:

— Афанасий Никифорович, ты разобрался во всем, что рассказывают о Чуднове? О нем ходят легенды, и я, право, не знаю, какая доля вымысла в этом «народном творчестве».

— Все чистая правда! — веско ответил Малоиван. — Расспрашивал его самого, очевидцев. Гарькавого вы знаете — он на похвалы не щедр, но только и говорит о Чуднове. Да он сам сегодня должен возвратиться из разведбата. Поехал отбирать пятерых своих хлопцев, с которыми воевал. Они командиру батальона по душе пришлись — отдавать не хочет.

— У тебя, вижу, какая-то просьба ко мне рвется, — с улыбкой спросил бригадный комиссар. — Я не ошибся?

— Мы с полковником Донсковым ходатайствуем об утверждении Чуднова в должности военкома комендатуры вместо выбывшего старшего политрука Рязанова.

— Вот побеседую с ним, и тогда решим.

— Сомневаетесь в его подвигах?

— Другое. Старая пограничная привычка — лично общаться с людьми.

Чуднов приехал затемно. Сергей Ильич, как ни устал после нескольких полубессонных ночей, разговора с политруком не отложил.

Этот Чуднов воистину чудеса совершал: с группой красноармейцев со своей 3-й погранзаставы он уничтожил раз в пять большее количество врагов, несколько раз пробивался через их заслоны к окруженной комендатуре. И не пешим порядком, а на броневике, который, как бывший шофер, отлично водил. На этом броневике политрук носился по лесу, появляясь в самых неожиданных местах и истребляя врагов десятками.

Гусаров был душевным человеком и опытным политработником, всегда умел уничтожить дистанцию между собой и любым собеседником. Но тут и Сергей Ильич стал в тупик. Едва ли не впервые он видел политработника, не умеющего рассказывать. Чуднов отвечал однозначно, стеснялся, волновался, двух слов связать не мог.

Сначала Сергей Ильич ничего не понимал. Потом рассердился: «Вы что, косноязычны, товарищ политрук?» Наконец сказал смеясь:

— Слушай, товарищ Чуднов. Нашел время краснеть как девица. Другой бы на твоём месте приврал с три короба, ты же такое учудил, а рассказать обо всем не умеешь. Все же происходило на глазах у многих свидетелей. Рейсы на бронемашине наблюдали красноармейцы разведбата и наши пограничники. Ну а бой на лесной дороге подтверждается трофеями и документами, забранными у убитых. Тут все точно. Да я за одну твою выдумку с дымовыми шашками, когда финны без страха вышли к твоей якобы горящей машине, прямо на пулемет, представил бы тебя к награде.

Обнял парня, который и вовсе ступевался, пожал руку:

— Воевал ты героически, спасибо. И мы решили представить тебя к высокому званию Героя Советского Союза! А я даю «добро» твоему назначению военкомом 1-й коммандатуры. Надеюсь, со временем станешь поразговорчивее... Григорич, — сказал Сергей Ильич своему веселому, приветливому адъютанту. — Вооружись утром карандашом и бумагой и постарайся подробно описать подвиг этого политрука. Мы выпустим о нем листовку.

Уже замкнулось кольцо блокады, когда самолет с наградными материалами на Чуднова и его боевых товарищей был сбит и все документы погибли. Позднее все эти пограничники получили боевые награды.

В начале осени переформированные пограничные части (теперь они именовались войсками по охране тыла Ленинградского фронта) были брошены на направление главного удара врага — в район Мги — Шлиссельбурга. Сюда же для организации отпора врагу приехал военком Гусаров и не воротился в управление, пока не стабилизировалось положение.

Обстановка на фронте была тяжелой, не легче приходилось и Ленинграду. Начались бомбежки, после первой из них загорелись и несколько дней пылали Бадаевские склады. По ближним к ним улицам рекой тек расплавленный сахар. Чадным дымом горящего масла завлакивало все вокруг. В вышине, лавируя среди зенитных разрывов, были «юнкерсы» и «хейнкели». Ночами пробравшиеся в город вражеские ракетчики наводили немецкие самолеты на объекты. Дежурившие на крышах и чердаках мальчишки, женщины, студенты, озлобленные предательской деятельностью ракетчиков в штатском, хватали их и сбрасывали с крыш, не ожидая, пока за ними

явятся патрули или милиционеры. «Будем убивать и душировать всякого, кто станет стрелять в небо ракетами!..» И не хватало духу пенять на эту жестокость людям, которые днем работали или учились, а ночи бессонно проводили в подвездах, на крышах, тушили зажигалки, ловили диверсантов, шептунов. Население Ленинграда поддерживало боевой дух в войсках. Выходили копать оборонительные сооружения все от мала до велика. Старики усачи с заводов приезжали в окопы, говорили с бойцами:

— Никак невозможно, чтоб наш пролетарский Питер отдать врагу. В гражданскую этого при нас не было, и не вам, сынки, заводить такую моду. Нам тогда как вопрос ставили старики: «Бросите окопы — мы в вас стрелять будем!» Теперь мы из молодых парней сами стариками стали, но вопрос ставим по-прежнему ребром, по-работному...

У врага хватило сил окружить город, но взять его штурмом оказалось за пределом возможностей. Стиснутый блокадой, изнуряемый бомбежками и обстрелами, обессиленный голодом, Ленинград и не помышлял о сдаче.

На самых ответственных, самых трудных местах обороны великого города стали пограничники: на охране ладожской «Дороги жизни», в Шлиссельбургской цитадели, на Лисьем Носу, у Сестрорецка, у Пулковских высот, близ Кировского завода... Голодные, вымотанные, ослабевшие бойцы и командиры погранвойск, принявших на себя охрану тыла, так же, как до войны на границах, бессонно и непоколебимо несли службу. Под бомбами, снарядами, минами, в гнилые дожди и в лютые обжигающие холода.

Живучая «эмка» военкома войск по охране тыла Ленинградского фронта комиссара Гусарова появлялась всегда в самых накаленных местах обороны.

Никогда Сергей Ильич не отличался богатырским здоровьем — больше на силе духа выезжал, а теперь ему и вовсе было плохо. Когда-то после Сахалина вдруг обнаружили врачи каверны в легких. Но то, что в молодости обошлось, теперь сказывалось. Никому не жаловался военком, даже верному и внимательному Феде Коптеву, да только таял на глазах. На одном табаке держался. Приносили из Смольного «специальный», «генеральский» обед — блокадный, скудный. Но не садился один есть Сергей Ильич:

— Григорич, едим только вместе. Тебе, молодому, надо значительно больше, чем мне, вот мы и делим попо-

дам. Ну, ну, садись, ты же знаешь, один я есть все равно не смогу...

Неистребимый гусаровский юмор одолеть были бесильны голод, и холод, и обстрелы. Если «эмка» на фронтовых дорогах или на улицах города попадала под огневой налет, Сергей Ильич нередко сам садился за руль. Когда близко разрывался снаряд и молоденький адъютант наваливался, стремясь по-мальчишечьи самоотверженно прикрыть комиссара своим телом, Сергей Ильич реагировал только в шуточной форме:

— Григорич, не нависай, не лезь на рожон — осержусь.

— Это, Сергей Ильич, у меня стадный инстинкт, — пытался под свист снаряда улыбаться старший политрук. — Кажется, что возле вас не заденет.

А потом, возвращаясь, они обсуждали чей-то мужественный поступок, чье-то смелое поведение в бою. А их собственная деятельность по сравнению с этими людьми казалась им обыденной, совсем не примечательной и уж вовсе не героической. Однажды на Ладоге они увидели картину: на зенитную пулеметную точку начал пикировать «мессершмитт». Политотдельская «эмка», точно заговоренная, стала на дороге у КПП, с которого начиналась «Дорога жизни». Находясь поблизости от пулеметной «счетверенки», Гусаров точно позабыл, что его самого, и адъютанта, и шофера может той же очередью прошить воюющий самолет. Военком залюбовался бесстрашным пулеметчиком, прикрывавшим КПП. Красноармеец и не думал уходить в укрытие. «Мессер» сделал заход, промазав, пошел на разворот и, злобно завывая, спикировал снова. Но и на этот раз не ушел боец в окоп.

— Получи, гад, за все! — кричал он. — На тебе, на! «Счетверенка» влепила-таки меткую очередь в стервятника, он задымил и пошел на снижение. А пулеметчик закричал от радости и заплясал даже:

— Так всегда с вами будет со всеми, гады, фашисты! А ну, кто еще?!

Когда военком подошел, красноармеец дисциплинированно вытянулся.

— Как ваша фамилия, товарищ, — спросил Сергей Ильич, — какой вы части?

Он оказался комсомольцем-пограничником из подразделения, прикрывающего «Дорогу жизни». Все его товарищи дали клятву — не уходить в укрытия во время

штурмовок и бомбежек, надежно прикрывать машины с продовольствием, идущие по льду Ладоги.

— А я вас знаю, товарищ комиссар, — сказал боец. — Вы к нам приезжали в комендатуру, когда мы через финнов пробились. Вы тогда билеты партийные вручали.

— Не помню вас, товарищ боец, — признался Сергей Ильич.

— Я тогда не подавал в партию, — сказал пулеметчик. — Считал себя еще не подготовленным.

— А теперь?

— Теперь пришло мое время. — И оглянулся. Вдали на льду дымил сбитый им самолет. По ледовой дороге шли нескончаемой цепочкой машины: в Ленинград — с продовольствием, из города — с женщинами и детьми.

— Я бы не раздумывая дал такому человеку партийную рекомендацию, — задумчиво сказал Коптеву бригадный комиссар. — Нет, не зря мы, политработники пограничных войск, ели свой хлеб. Выросли люди, такие, как этот юноша. В него «мессер» хлещет из всех стволов, а он в ответ — меткую очередь, а к ней в придачу — вызов на поединок любому фашисту. Так-то, Григорич! Горжусь и я, что посильный вклад внес в воспитание этого поколения...

Дел у военного комиссара по охране войскового тыла Ленинградского фронта хватало на полные сутки. Только малая часть ночи отводилась на отдых, да и то не всегда.

Писал жене в эвакуацию, в Камышин:

«Я работаю так, как необходимо сейчас».

«Работы много, но она глубоко удовлетворяет, так как чувствуешь свою полезность для народа, родной страны».

Из письма жене в самую тяжкую пору блокады:

«Я никогда не увлекался ни одной местностью, а сейчас, родимая, я люблю (при полном отсутствии в моей натуре сентиментальности), сильно, глубоко люблю этот героический город, его улицы, дома, Неву, людей. Ну, об этом поговорим особо, когда встретимся лично».

Ей же летом сорок второго:

«...Белые ночи начались, кругом зелено. Хотя на 10—15 минут в 3—4 часа ночи выбегаю на улицу и люблюсь Ленинградом. А я действительно глубоко стал любить его, он мне как-то сердечно стал дорог».

Сорок лет Сергею Ильичу исполнилось 8 сентября 1941 года. Именно в этот первый день блокады он ока-

зался в самом пекле сражения за великий город и новое боевое крещение выдержал с честью.

«...Крепко знаю, что немчуру побьем и заживем по-хорошему. А пока трудности пужно воспринимать как способ увеличения нашей злости прогив гитлеровцев».

«Ириска, ох и хотел бы я тебя сейчас увидеть, да враги мешают. Ничего, дочушка, мы их всех излупцуем и будем жить хорошо. Люби маму, слушайся ее, люби свою родную советскую землю, свой народ. Будь умницей, учись».

Сергей Ильич, находясь в разлуке с семьей, оставался ее главою: добрым, верным, заботливым мужем, внимательным отцом-другом, отцом-учителем.

«Родная, любимая и единственная моя Дорушка. Я не особенно говорлив, тем более — не мечтатель, но иногда (именно до острой боли) хочется увидеть тебя, поговорить хотя бы 5 минут... По существу говоря, это простая, человеческая, товарищеская грусть по тебе, любимая моя, моя единственно родная feigele [птичка].

Не сердись, любимая, на безалаберность этого письма. Оно не от мысли, а от сердца (хотя и путано, но я излагаю в нем мою всегдашнюю, глубокую и искреннюю любовь к тебе)... порождение моей вдохновенной влюбленности (по секрету, Донька, это, ей-богу, влюбленность, хотя я люблю тебя не год, а 17 лет).

Будь счастлива, мой дорогой, любимый товарищ!

Твой искренний друг Сергей».

Писал Иринке:

«Учись, люби всем сердцем (как я) маму».

Писал жене — об Иринке:

«Мне так хочется, чтобы из нее вышел достойный нашего большого времени хороший, трудолюбивый, смелый человек».

Когда стало известно, что погиб боевой товарищ, назначивал в письмах помочь его жене:

«Всеми товарищескими мерами поддержи ее в горе».

Подбадривал жену, если падала духом:

«В сегодняшних условиях (когда трудно всей стране) апатия не только вредна, но просто недопустима, ведь она ослабляет людей. Надо быть сильными для победы при всех трудностях».

...В кабинете стоит верная военная спутница — печь «буржуйка», да не всегда есть чем ее топить. Вышибленные взрывной волной окна забиты фанерой. Часто от-

ключается освещение — работать приходится при свечах, да и те лимитированы. Бойцы, сержанты, командиры, политработники по очереди ходят за водой к невиским прорубям. Худой, с коричневой блокадной каймой под глазами, бессонный, неунывающе бодрый военком Гусаров после напряженных рабочих суток пишет семье, которую волны эвакуации забросили из Камышина в Саратов, потом в Омск, свои неизменно оптимистические письма. Залепленные черными или синими штемпелями («Просмотрено военной цензурой»), эти фронтовые безмарочные треугольнички везли работяги шоферы «Дорогой жизни» по ледяной Ладоге, или перелетали письма на Большую землю в транспортных самолетах. Не все послания доходили. В иной грузовик попадала фугаска. В иной «дуглас» вливалась очередь хищного «мессершмита»... Тогда тревогой сжималось сердце женщины, нетерпеливо ждущей очередное свидетельство, что муж ее жив и сражается с врагами, а Иришка не отходила от встревяженной матери, под детски неумело утешая ее...

Вскоре после снятия ленинградской блокады Сергея Ильича отозвали в Москву начальником политотдела войск по охране тыла всей действующей Красной Армии. Неохотно расстался он с Ленинградом. На новой должности проработал всего полгода. Тянуло на фронт, ближе к боевым делам, и очень скоро после приезда в Москву Сергей Ильич в поданном начальству рапорте попросил об откомандировании. Командование пограничных войск ценило Гусарова и не могло не понимать, что по своему характеру он все же будет более полезен как руководитель войск на одном из фронтов. Шла к победному эпилогу Сталинградская битва; особенно «перспективным» для наших грядущих наступлений становилось южное направление. Поэтому вместо откомандирования Гусарова на один из фронтов его послали в инспекторскую поездку на юг. Предстояло побывать на Брянском, Воронежском, Юго-Западном, Донском, Южном фронтах.

Выехал Сергей Ильич со своими спутниками из Москвы в феврале 1943 года. Лишь пять дней назад настала в Сталинграде долгожданная тишина, буря нашего наступления стремительно гнала на запад фашистские армии. Предстояло ехать группе генерала Гусарова по местам, только недавно освобожденным от врага.

Старенький, битый ГАЗ-64, в просторечии неофициально именуемый «козлом», отважно ринулся через Тулу на Во-

ронез по зимнему прифронтовому шоссе. На Верхнем Дону дороги шли в снежных тоннелях, но, чем дальше на юг, все теплее становилось, и очень скоро пассажиры «козлика» испытали, что такое разбитые гусеницами и колесами воронежские проселки в распутицу...

С Сергеем Ильичом ехал его помощник по комсомолу Яков Козачок, энергичный, неунывающий капитан, с которым они служили еще в Ленинграде. В августе сорок первого боевой комсорт из пограничного отряда полковника Донскова был ранен под станцией Хитола в бедро бронезажигательной пулей. В госпиталь ехать отказался, уговорив командование и врачей, что он «отлично вылетится» и в санчасти. Узнав об этом, Гусаров удивился: «Почему Козачка не отправили в тыл, ранение у него тяжелое?» — «Да он уже ходит», — доложил полковник, не хотевший отпускать хорошего политработника. «Тогда пусть явится ко мне в политотдел», — приказал Сергей Ильич, уверенный, что Козачок, прикованный рапной к постели, приехать на Каляева, 19 не сможет. На следующее утро сам Гусаров поехал к Донскову, чей отряд был преобразован в стрелковую дивизию и стоял на передовых позициях. Оказалось, что старшего политрука в расположении части нет — уехал в Ленинград. Вечером Сергей Ильич возвратился в политотдел, и Контев доложил, что его весь день дожидается Козачок...

Гордость за человека, сумевшего не только преодолеть выпавшие на него тяготы и мучения, но и убедившего всех, что он выздоровеет здесь, в условиях блокады, в санбате близ передовой, и на самом деле почти выздоровевшего, переполнила военкома Гусарова. Этот старший политрук, оказалось, автоматом отгонял медиков, хотевших все-таки отправить его на Большую землю.

— Пройди-ка от дверей строевым шагом! — строго сказал Сергей Ильич, и Козачок послушно заковылял к столу. Какой тут строевой шаг, когда человек идет на одном упорстве...

— Ну вот что, Яков Яковлевич, — решил военком, — в дивизии ты обуза. Оставайся в политотделе. Будешь лечиться. И работать инструктором. А оправишься окончательно, станешь моим помощником по комсомолу.

И вот теперь водитель, чертыхаясь, везет Гусарова и капитана Козачка по адовой грязи. Машина проползает в сутки по 20 километров, к тому ж часто выходит из строя. Раздосадованный такой черепашной ездой, Сергей

Ильич приказывает ехать за обочиной — там, возможно, есть мины, но зато нет такой грязи, которая задерживает выполнение им приказа командования. На подъезде к мосту через какую-то невидную речонку подорвалась впереди подвода. Когда они подъехали, помогать было уже некому. Противотанковая мина разнесла повозку, лошадь, пожилого ездового в клочья, в куски. Сняли шапки, постояли несколько минут...

Полдня Гусаров, уступая настойчивости Козачка, терпеливо позволял «козлу» тащиться по грязи, потом не выдержал:

— Товарищ водитель, езжайте по цепнне, так мы до самой победы не приедем в Ростов...

Ехали иззябшие, простуженные, но бодрые. Во-первых, потому что наши наступали. Война повернула вспять, на запад, и теперь уже ничто не могло остановить уверенного победного движения Красной Армии. А во-вторых, хорошее настроение всем поддерживал Сергей Ильич. Хотя и водитель, и комсомольский секретарь видели и понимали, что генерал не железный и ему, как и им, холодно, сыро, да, кроме того, он должен нервничать из-за непредвиденных дорожных задержек, ни разу они не почувствовали, что Сергей Ильич злится, раздражается, выказывает усталость...

Прежде всего он не позволял ни себе, ни им звать женщин «мамаша». «Хозяюшка, можно у вас переночевать?..» «Спасибо вам, хозяйка, за уют и за ласку...» В деликатности этой формы обращения Яков убедился после того, как одну женщину назвал «мамой». В старом тулупе, рваном платке, разбитых рыжих сапогах, усталая, понурая, она на улице глянулась парню старухой. И только в доме, когда она пригласила их войти, разделась, засмеялась гусаровской шутке, капитан понял со стыдом, что перед ним его ровесница...

— Ее горе согнуло, — заметил потом Сергей Ильич. — Как ты, Яков Яковлевич, неосторожно с ней обошелся.

В ее доме с одной-единственной комнатой жило 17 душ — дети, женщины, старики и старухи, среди них несколько обожженных. Враг, отступая, сжег все дома, чудом уцелел среди деревенского пенелища этот дом у дороги. А тут еще ввалилось их трое.

Как ни ужасающе тесно было в доме, их радушно пригласили переночевать: еще бы — приехали свои, родные, советские, и даже генерал, это настоящий праздник!

Хозяйка согрела чай, в чугушке сварила мерзлую картошку. Военные достали консервы, сахар, хлеб. За столом все 20 человек уместиться не могли, и всех досыта накормить тоже оказалось невозможным, но Сергей Ильич всем нашел место: кому на лежанке, кому на полу, и все наличные припасы честно были разделены на всех едоков. А от кровати, предложенной ему, генерал отказался наотрез: пассажиры «козла» легли в углу на плащ-палатках, укрылись шинелями, на рассвете сердечно распростились с жителями, и Яков смущенно под одобрительным взглядом Сергея Ильича попросил прощения у женщины за давешнюю оплошность...

В Ростове, недавно освобожденном от фашистов, разбитом их бомбами и уличными боями, но по-особому красивом, даже величественном, как и всякий не сдавшийся врагу город, долго не задержались, помчались на фронт.

Охрану фронтовых тылов бдительно и неустанно несли пограничники. То была напряженная, бессонная, опасная боевая работа. Она приходилась по душе Гусарову. Без нее он не мыслил в огневую военную пору своего существования. Одни пограничные отряды теперь реорганизованы в стрелковые полки и дивизии, они дерутся на Харьковском направлении, под Ленинградом, в Кавказских горах. Другие отряды, тоже ставшие полками, расставили свои комендантуры и заставы в ближних тылах фронтов, наступающих и стоящих в обороне. Здесь, на юге, всё в движении, в бурном неостановимом порыве на запад, на запад. А пограничники, придерживаясь давнего доброго правила, выработанного при охране государственных рубежей, несуг службу на контрольно-пропускных пунктах, ходят в наряды, в разведывательные дозоры, высылают разведывательно-поисковые группы, устраивают засады на путях возможного движения вражеских диверсантов.

Из Ростова в Таганрог, потом в район Купянска, опять в Воронеж, затем в Брянск... Как моряки, ставшие морской пехотой, свято берегут свои бескозырки и надевают их перед атакой вместо пилоток или шапок, такие милые гусаровскому сердцу зеленые фуражки непременно даже в мороз носят пограничники. Фронтовики, жители освобожденных районов очень любят своих пограничников, оказывают всяческую помощь в вылавливании фашистской агентуры. Гитлеровцы, отступая, оставляют сеть своих агентов. Они маскируются под «выходцев из окружения», «бежавших из плена», «жен советских командиров», «осе-

дают» во время движения фронта на запад; их забрасывают на парашютах в район штабов крупных армейских соединений, на узловые станции, к большим мостам, в города; в лесных массивах после выхода оттуда партизан оказываются не успевшие убраться группы фашистских солдат, власовцы, сбившиеся в бандитские шайки предатели из числа старост и полицаяев, дезертиры, буржуазные националисты...

Возвратившись в Москву, генерал Гусаров получил назначение начальником войск по охране фронтового тыла действующей Красной Армии Южного фронта. «...Немцы драпают, — писал Сергей Ильич жене из Донбасса, — вы слушаете и смотрите салюты, а мы задыхаемся, так как при движении вперед количество работы по очистке тыла расширяется».

Сергея Ильича захватил тот подъем, который испытывали войска, рвущиеся на запад, к Днепру.

«Управлять в этом непрерывном движении — дело не легкое, и все ж у меня получается неплохо, чему я чрезвычайно рад».

Рад генерал Гусаров еще и потому, что, переведенный с политработы на командную должность, он успешно справляется с новой работой и по-прежнему на хорошем счету у командования фронта, у руководства пограничными войсками Союза.

И вдруг «генерал-майору Гусарову явиться в распоряжение начальника Главного управления пограничных войск». Сергей Ильич и боялся этого (хотелось довоевать, дойти до ненавистного Берлина), и желал тоже (ясно, что вызывали ради того, чтобы поручить ему где-то организацию охраны рубежа). Оказалось третье: довоевывать и восстанавливать границу будут другие, а он примет на Кавказе пограничный округ. Сергей Ильич дисциплинированно, по-солдатски ответил: «Слушаюсь!» — и надолго отбыл из Москвы.

Воротился туда лишь летом сорок восьмого начальником Политуправления пограничных войск СССР. Он понимал: этим назначением ему оказали огромное доверие, и, несмотря на приближающуюся грозную болезнь, он на своем последнем посту оставался до конца. С этой должности ушел в отставку. Она была, как у людей такого, как у Гусарова, идейного, нравственного, душевного склада, недолгой. Как и последняя его работа. Но в Политуправлении его уважали и любили все.

И помнят доныне!

Помнят, как много усилий затратил ради того, чтобы был восстановлен Музей обороны Ленинграда.

Помнят, как любил встречаться и беседовать с молодежью, радовался, что парни в пограничные войска теперь приходят почти сплошь со средним образованием. Говорил солдату-туркмену: «Так мы с тобой земляки. Я перед войной у вас служил, город Мары знаешь, на самом краю пустыни? Там однажды мальчишки-колхозники среди тюков хлопка обнаружили шпиона в полном снаряжении. Шел, да не дошел!..» — «Говорят, товарищ генерал, — отвечали Сергею Ильичу, — у вас половина страны земляки». — «В два раза больше! — серьезно замечал он. — В Москве родился, в Смоленске учился и работал. В Белоруссии, на Сахалине, в Даурии, на Кавказе служил, в Ленинграде и на Украине воевал. Да любого старого пограничника спросите — у него в каждой республике земляки...»

Георгий Миронов

Яков Терентьевич снял фуражку и долго стоял в задумчивости, склонив, как перед памятником, голову. Сколько бессонных ночей проведено вот в этих мастерских, где в годы войны ремонтировали зимой катера его 2-го дивизиона «морских охотников». Латали пробонны, моторы, чтобы, когда наступит навигация, не подвели бы в походе или в бою. От их работы зависела жизнь. Запасных же частей в обрез, а то и вовсе нет. Но не привести в боевую готовность малые катера просто нельзя, потому что вся тяжесть охраны водного района у Кронштадта и Ленинграда легла на них, на «морских охотников», на вид вроде бы хрупких, но оказавшихся незаменимыми в сложившихся условиях, наиболее боеспособными судами. Большой флот вынужден был стоять по пирсам и разить врага лишь своей тяжелой артиллерией.

Ему, Якову Резниченко, каждую зиму поручали руководить этими мастерскими. В осажденном Ленинграде это было не так-то легко. Выручало еще то, что опытные инженеры Ионов, Анжилов, Щетнев, Базько многим деталям давали вторую жизнь.

И все же ремонт катеров показался легким, пустяковым делом после того, как зимой 1942/43 года приказали ему возглавить строительство десяти новых «морских охотников».

Задание необычное. Долго советовался с командирами Резниченко, кому можно поручить столь ответственное задание.

— Подучить бы немного людей, — высказал кто-то пожелание, — а так...

«Верно. Не помешало бы», — мысленно согласился Яков Терентьевич, а вслух сказал:

— Каждый день на вес золота. Учиться будем в процессе работы. И потом, не совсем неучи мы, в прошлом году ремонтировали же катера. А это что-нибудь да значит.

Вселял в людей уверенность, что задача посильная, и

себя, заставлял поверить в это, ибо знал: уверенность — половина успеха.

Выполнили и эту казавшуюся невыполнимой задачу. Одиннадцать новых «морских охотников» к началу навигации спустили на воду.

Заботился не только о ремонте и строительстве новых катеров, нужно было думать и об охране зимних ремонтных мастерских. И о том, если во время обстрела возникнет пожар, чтобы люди умело и быстро тушили огонь. Часто приходилось искать и ловить немецких ракетчиков, проникавших в прилегающий к мастерским район. На эти операции почти всегда ходил сам, потому что каждый ремонтник на счету. Еще и потому, что не любил прятаться от опасности и знал: если командир впереди, не отстанут и подчиненные.

Трудными были зимние месяцы: работа сутками, жизнь впроголодь, а зачастую и почти рядом, в объёме, — смерть; но с нетерпением ждали моряки-пограничники, когда очистится ото льда Финский залив и вновь можно будет бить врага.

Пролетели те бурные, как волна за винтом, годы... Оставили лишь седые пряди в волосах да боль в сердце по погибшим боевым друзьям.

Яков Терентьевич надел фуражку, но долго еще продолжал стоять, вспоминая дни, проведенные здесь... Он не спешил. Сегодня он, капитан 1-го ранга, окончивший с отличием Военно-морскую академию имени Ворошилова, назначен заместителем начальника пограничных войск Тихоокеанского округа. Сегодня перед отъездом он прощается с Ленинградом, с теми местами, с которыми связаны многие годы жизни.

Волновала Якова Терентьевича и мысль о новом назначении на Дальний Восток. Он ехал на смену капитану 1-го ранга Александру Ивановичу Дианову, бывшему кочегару крейсера «Аврора», участнику гражданской и Отечественной войн. О Дианове в пограничных войсках слагали легенды. В тридцатые годы, когда Дианов был помощником командира пограничного сторожевого корабля «Пурга», корабль этот прославился мастерским задержанием на Баренцевом море английских тральщиков «Вридлейт» и «Дайн». Моряков-пограничников поблагодарил тогда за умелые действия и смелость Вячеслав Рудольфович Менжинский.

В годы Великой Отечественной войны Дианов уже был

командиром отряда пограничных судов. Моряки отряда совершали поистине героические дела. Так, пограничный сторожевой корабль «Рубин» в первые дни войны открыл боевой счет потопленным вражеским подводным лодкам. Над базой пограничных кораблей за десять минут до начала войны был сбит первый фашистский самолет. Сторожевой корабль «Бриз» в первый день войны впервые таранил подводную лодку врага. Отряд только за первый год войны потопил семь подводных лодок гитлеровцев, сбил девять самолетов противника. И сейчас, через много лет, проходя в районе гибели пограничных сторожевиков «Жемчуг» и «Бриллиант», все советские корабли приспускают флаги, как бы склоняют головы перед мужеством и самоотверженностью моряков-пограничников. Дианова моряки называли «дедом». Обычно на флоте «дедом» величают механика независимо от возраста, уважая его тяжелый труд. Такова давняя традиция, и уж если моряки, самые консервативные приверженцы флотских традиций, называли «дедом» не механика, значит, полюбился им этот человек.

Высокий, широкоплечий, он походил на грубо высеченную глыбу; лицо его было будто продублено солеными штормами и морозом; его голос, если Дианов в гневе не сдерживал его, наводил страх на бывалых «морских волков», а один лейтенант, рассказывали, упал даже в обморок, хотя «разгон» Дианов давал вовсе не ему. Увидев, что офицеру плохо, Дианов к нему.

— Что с тобой, сынок?! — спросил тревожно, подал воды и, когда лейтенант начал приходить в себя, извинился перед ним: — Ты уж прости, браток, что так вышло. Вот ведь беда: мельчает флот, и слова-то громко сказать нельзя. Хлипкий народ пошел.

Вот такой он: горячий и добрый. Многие ему прощали моряки. Не обижались за «разгоны», ценили доброту его и служили так же самоотверженно, как и он, их командир.

Позже один из штурманов, тоже участник Отечественной войны, капитан 3-го ранга Николай Александрович Алатарцев, скажет Якову Терентьевичу:

— На честном слове, на одном энтузиазме ходили, а своего командира ни разу не подвели.

Его и ехал сменить Резниченко. Примут ли его там люди, пойдут ли за ним так же, как за Диановым? Ответ вроде бы прост: найдешь к морякам подход правильный,

пойдут. А так ли просто найти этот подход? Строить отношения с людьми на диановском принципе, привычном для всех? Но любая копия, пусть самая совершенная, остается копией, а значит, хуже оригинала. И другое... Что прощалось Дианову, не простится ему. Ведь он даже моложе иных командиров кораблей. И рост, и сила, перед которой неизменно преклоняются люди, не те. Обычный он человек, в меру высок, в меру силен. И лицо совсем не просоленное и не опаленное морозом. Интеллигентное лицо, а не «морского волка», будто не исходил он сотни миль по знойному Черному и штормовому Балтийскому морям. А может, ничего и не нужно искать? Возможно, остаться самим собой? Ведь шли же люди за ним в бой.

Вот и отвечал он себе на все эти вопросы, прощаясь с Ленинградом. Неторопливо, как говорят моряки, «осматривался по бортам и отсекам», как бы заново проходил через годы своей службы.

Началась она у него намного раньше, чем надел лейтенантские кубики, — в 1931 году, когда он, семнадцатилетний деревенский парнишка, поступил учиться в Одесский мореходный техникум. Хотелось стать штурманом дальнего плавания. Кругом, куда ни кинешь взгляд, море, а он в штурманской рубке прокладывает путь кораблю.

На моряков-пограничников Яков Резниченко смотрел, как и все студенты техникума, с почтением и завистью. Их жизнь, их дела, их служба были окружены ореолом мужества. Из уст в уста передавались героические рассказы о дерзости и бесстрашии пограничников, но иной раз сомневались техникумовские ребята в правдивости этих рассказов. Не скроешь от всевидящего ребячьего ока, на каких судах несли службу пограничники. На рыболовецких шхунах, причем далеко не новых, на небольших катерах, которые одесские остряки обзывали «старыми черепахами». И как же можно на них ловить быстроходные суда контрабандистов? Не выдумки ли все это, не преувеличение ли?

Почти каждый день проникали в техникум слухи о том, что или «турок» задержан, либо местный, одесский контрабандист. И имя называли, известное всей Одессе. Вот что хочешь, то и делай: верь или сомневайся.

Когда же Яков Резниченко учился на последнем курсе, в техникум пришли пограничники. О многом рассказыва-

ли они. На всю жизнь запомнился рассказ о подвиге краснофлотца-пограничника Соколова. Из-за кордона прорвалась вооруженная банда. Намеревалась она уйти в горы. Соколов, сняв с катера бортовую пулемет, высадился на берег и залег на дороге, ведущей в горы. Банду встретил огнем и заставил ее отойти. Двое суток моряк-пограничник отбивал натиск бандитов и не давал им возможности прорваться в горы. Прибывшие на помощь Соколову пограничники уничтожили остатки банды.

И когда после получения диплома штурмана Резниченко предложили служить в морской пограничной охране, согласился сразу.

Закончил курсы морского командного состава НКВД в Ленинграде, получил звание лейтенанта, несколько лет погонялся за нарушителями границы и контрабандистами на Черном море, затем перевели его на Балтику.

На Балтийское море старший лейтенант Резниченко приехал в августе 1940 года на должность командира 1-го дивизиона судов Балтийского морского пограничного отряда. Тревожное было то время, беспокойной — граница. Службу несли почти без отдыха, на износ работали и люди и корабли. Этого требовала обстановка. Агента фашистской Германии, буржуазные националисты Прибалтики лезли через границу, как саранча. Все чаще и чаще стали «сбиваться» с курса и залетать в наши территориальные воды немецкие самолеты. Об этих нарушениях границы сообщали летчики 11-й отдельной пограничной эскадрильи, с которой взаимодействовали моряки, да и сами моряки-пограничники, когда несли службу в дозоре, не раз засекали воздушных нарушителей.

В воздухе пахло грозой. Дивизион жил тревожной жизнью. И он сам, Резниченко, и подчиненные его не все понимали, не на все волнующие их вопросы находили ответ, да иногда и не задавали их, чтобы не прослыть паникерами. Но факты говорили сами за себя. Вот спешно начали покидать наши порты немецкие торговые суда. Да тут еще авиаторы передали, что при появлении пограничных самолетов немцы быстро сменили на флагштоках фашистские флаги на шведские. Для чего этот маскарад? Поняли лишь на следующий день, когда флот подняли по тревоге и пограничники перешли в подчинение командования Краснознаменного Балтийского флота.

Дивизиону пограничных малых кораблей поставлена задача: переоборудовать часть «морских охотников» для

постановки минных заграждений и совместно с кораблями эскадры контр-адмирала Д. Д. Вдовиченко и отрядом легких сил контр-адмирала В. П. Дрозда приступить к минным постановкам.

В боевой аттестации Резниченко всего несколько слов сказано о том, как справился дивизион с этой ответственной задачей, сказано очень скупо: «Часть катеров из дивизиона в количестве 6 единиц были выделены для постановки минных банок в районе Хельсинки, Борго, Эрико. Катера выставили 174 мины. Во всех минных постановках тов. Резниченко принимал личное участие, все операции были проведены скрытно и успешно».

...Белые ночи. Как успел полюбить их Яков Терентьевич! И не только потому, что в такие ночи хорошо было бродить по узким, мощенным несколько веков назад улицам Вышгородского холма, но хорошо и службу нести: все видно. Теперь же предстояло самим идти к вражеским берегам, ставить минные заграждения, и ставить так, чтобы не обнаружил этого враг. Иначе програтит он все мины. В темноте бы пробираться во вражеские шхеры, подходить к их караванным путям, но нет ее: белые ночи.

Ну а если нет темноты, нужны дерзость и точный расчет. «Морские охотники» — небольшие корабли, не сразу их обнаружишь, особенно если волна на море, хоть небольшая. На это и сделали ставку моряки-пограничники дивизиона Резниченко: старались ставить мины в штормовую погоду. Опасно, трудно, но наверняка не будешь засечен врагом. А если появятся вражеские корабли, всегда их обнаружишь раньше и, смотря по обстановке, или бой примешь, или укроешься за банку какую либо островок, пропустишь, чтобы на твои же мины наскочил. Случалось такое. Несколько транспортов врага подорвались и броненосец береговой обороны «Ильмаринен». Чаще, однако, принимали бой пограничники. Сколько было их тогда — неравных, победных?!

И не раз после этих боев шли они не на базу для отдыха, а снова туда, где ставили мины. И так каждый день. За первые полтора месяца войны его корабли побывали в самых неожиданных для противника местах. Маршруты вместе с командирами звеньев Резниченко выбирал самые опасные, зачастую ходили впритирку к вражеским минным полям. Не рассчитай самую малость — взлетишь в воздух. Но подобный риск был оправдан: противник районы своих минных полей контролировал на-

много слабей, и это давало возможность подходить к вражеским берегам незаметно.

Впереди всегда шел корабль Якова Резниченко. Не мог он отсиживаться на берегу. Вернется с одной группой дивизиона с минных постановок, еще не обсохнут поручни командирского мостика от соленых штормовых брызг, а уже отдали швартовы, чтобы встать в голову второй группы. И не потому, что не доверял подчиненным, нет, доверял как самому себе. Опытные у него были командиры звеньев Обухов, Колесник, справились бы с любой задачей, и не подменял их в походах командир дивизиона, а бил с ними вместе врага, сам рвался в бой.

Враг стремился проникнуть с суши и с моря к главной базе Краснознаменного Балтийского флота — Таллину. Но со стороны моря Таллин был защищен надежно. На островах вблизи Таллинского и Коплинского заливов стояли башенные и открытые батареи крупного и среднего калибров. Минные заграждения, выставленные в устье Финского и в Рижском заливах, прикрывались мощными береговыми батареями Моонзундского архипелага, острова Осмуссаар и военно-морской базы Ханко. Подступы со стороны моря во взаимодействии с артиллерией и авиационными соединениями флота защищали и корабли Краснознаменного Балтийского флота, дивизионы переданных во флот моряков-пограничников, отлично знавших Балтику в этом районе. На суше же оборона оказалась слабой. Фашистские войска двигались на Марьямаа, а одна колонна прорвалась на побережье из Пярну в направлении Виртсу, а на приморской дороге частей прикрытия не было. Гитлеровцы, выйдя к морю, начали обстреливать пристань Куйвасту на острове Муху и наши боевые корабли. Военный совет флота принял решение высадить десант в районе Виртсу и выбить фашистов оттуда.

Это была первая операция по высадке десанта, в которой принимали участие «морские охотники» из дивизиона Якова Резниченко. Корабль их командира шел с ними.

Приходилось Якову Терентьевичу за время своей пограничной службы не раз высаживать на берег и принимать на борт наряды. Бывало, и стреляли. Из пистолетов чаще. А сейчас на берегу орудия врага, пулеметы, автоматы. Да и спускать шлюпки нельзя: расстреляют фашисты десант, пока подгребут шлюпки к берегу. Один выход — носом в берег. Пока выпрыгивают десантники, вести огонь из всех видов оружия по врагу.

Спокойней обычного подает Резниченко команды, но только он один мог сказать, каких внутренних усилий стоит ему это спокойствие. Он научился владеть собой. Иначе плохим бы он был командиром. Он так же лишь внешне был спокоен, когда первый раз самостоятельно повел свой пограничный корабль в море, а нервы — как сжатая пружина. И слово «война» встретил, казалось, как привычное, лишь брови чуть-чуть сдвинулись к переносице и появилась на ней бороздка. И распоряжения еще немногословней стали. Так же вел корабли на первые минные постановки к вражеским берегам, ни одного лишнего слова, ни одного ненужного жеста, команды уверенные, четкие. И в первом бою краснофлотцы с тайной завистью и гордостью смотрели на своего командира, который спокойно отдавал тактически грамотные распоряжения. И не повторял. Приучил и себя к этому, и подчиненных еще до войны, а теперь все это помогало в бою и в трудных походах, помогало сжимать в кулак нервы, не отвлекаться на мостике, а думать, думать и думать, как обхитрить врага, как выйти победителем.

Берег приближался. Как все знакомо! Здесь до войны летом всегда было многолюдно и берег напоминал яркую цветущую поляну. Сейчас он дик и безмолвен. Молчит, притаился в полутьме. Возникла мысль успокаивающая: «Не заметят, возможно?» И снова, в какой уже раз, мысленно проходит он все этапы высадки десанта, повторяет про себя команды.

Пулеметная очередь неожиданно разорвала тишину. Ожил берег, заговорил языком смерти.

— Огонь!

Пулеметы и орудия судов десантного отряда обрушились на врага, и вот уже матросы-десантники прыгают в воду у берега, спешат вперед с громким матросским «полундра!».

Самое время перевести ручки телеграфа всех трех машин на «полный назад». А это все равно, что на полном скаку осадить разгоряченную лошадь. Только опытным конникам удастся сделать такое, не вылетев из седла или не свернув шею коню. Резниченко уверен в своих мотористах: «осадят» корабль без аварии. Понимают, что там, внизу, от них зависит судьба корабля, судьба экипажа. Чуть замешкаешься, можно носом берег пропахать, да и снаряд в бок получить недолго, если будешь копошиться у берега.

Прислушался. Работают все три машины. Похвалил мысленно мотористов: «Молодцы».

Корабль быстро отошел от берега, продолжая огнем поддерживать десант и те суда, которые еще стояли у берега. Бой между тем удалялся все дальше и дальше от моря. Уже не нужна огневая поддержка с «морских охотников», только корабли побольше бьют по тылам врага из крупнокалиберных орудий.

С берега сообщили, что выбиты фашисты из Виртсу, отступают в направлении Пярну, и корабли дивизиона Резниченко получили приказ идти в базу. Вернулись благополучно. Только один раз атаковали их вражеские самолеты, но, встреченные дружным огнем, отстали.

Дозаправка горючим, осмотр оружия и технических средств, и снова поход. Прикрыть коммуникацию Таллин — Кронштадт, по которой транспорты вывозили из Таллина раненых. Это уже привычное дело для «морских охотников», успели уже изучить, из каких шхер чаще всего атакуют вражеские торпедные катера наши транспорты с ранеными. А только вернутся с этого задания — получают новое. И так день за днем, неделя за неделей.

Вот скоро два месяца как они в непрерывных походах, два месяца ходят рядом со смертью, похоронили многих боевых товарищей, но ни одной жалобы не слышал Резниченко. Радовались как дети, когда потопили первую вражескую подводную лодку, когда сбили первый самолет, когда узнали, что на их минах подорвался вражеский броненосец, и не горестными, а суровыми были лица людей, когда хоронили погибших в бою моряков. Клялись мстить.

Фашисты свирепели. Подбрасывали все новые и новые резервы. В район Пярну из Курляндии была срочно переброшена 291-я пехотная дивизия; в район Вильянди немецко-фашистское командование выдвинуло из резерва 254-ю пехотную дивизию; во второй половине июля в Эстонию гитлеровцы перебросили последний резерв группы армий «Север». Но, несмотря на эти меры, гитлеровцы еще более месяца не могли сломить сопротивление защитников Таллина. Военно-морская база Краснознаменного Балтийского флота жила и сражалась. И только получив приказ Ставки, 28 августа, взяв на борт защитников столицы Эстонии, флот вышел к островам Найсаар и Аэгна, чтобы переждать совсем не вовремя разразившийся шторм и начать прорыв в Кронштадт.

Уже снялись с якорей корабли первого и второго кон-

воев, вытянулись в линию первые суда отряда главных сил во главе с крейсером «Киров», уже готовился к движению отряд прикрытия, и в это время Яков Резниченко получил команду: совместно с буксирами и катерами снять с полуостровов Виимси и Пальяссаар бойцов, прикрывавших отходы своих частей и не успевших прорваться к пристани и погрузиться на транспорты. Двести пятьдесят человек, прижатых фашистами к берегу, отбивали вражеские атаки и ждали помощи.

С полуострова Виимси подтянутая противником полевая артиллерия открыла огонь по отряду прикрытия, стоявшему у острова Аэгна. Получил попадание лидер «Минск».

«На нас повернут артиллеристы, как только пойдем к берегу. Спасти может только маневрирование», — подумал Резниченко и подал команду:

— По местам стоять, с якоря сниматься!

Снаряды начали ложиться то справа, то слева. Один разорвался совсем рядом, и катер будто встряхнуло, а часть поднятого снарядом фонтана обрушилась на борт и надстройки корабля.

— Что ж наши-то молчат?! — недовольно проговорил рулевой. — Вдарили бы!

Будто слышали эти негромкие слова на «Минске», на эсминцах и сторожевых кораблях: из всех калибров ударили по вражеским батареям. Началась артиллерийская дуэль. Но часть фашистских орудий все же продолжала обстреливать буксиры и катера, направлявшиеся к берегу снять красноармейцев.

Резниченко вел корабль то самым полным, то стопорил ход, менял курс, чтобы не пристрелялся враг. Так поступали и другие суда. А ближе к берегу открыли огонь «морские охотники» и буксиры из своих орудий и пулеметов. Заставили врага притихнуть.

Сняли всех красноармейцев и без потерь перевезли на транспорты и вновь заняли свое место в боевых порядках.

Горячим был и тот вечер, и особенно наступившая вслед за ним ночь. На всю жизнь запомнились они Якову Терентьевичу. Запомнились те смешанные чувства боли, бессильного гнева и желание что-то предпринять такое, чтобы изменить положение, закрыть собой, своим телом гибнущие от авиационных налетов транспорты, защитить подрывающиеся на минах спасательные суда, транспорты

и боевые корабли. Но никто из подчиненных не подозревал о смятении в душе командира. Он уверенно руководил спасением людей с тонущих кораблей.

Остался он самим собой даже в, казалось, безвыходный момент. Застопорил ход корабль возле нескольких красноармейцев, которые держались на воде, ухватившись за один спасательный круг. Начали поднимать на борт. Вот уже один поднялся по штурмтрапу, второй, третий, и в это время слышали все крик матроса:

— Мина!

Она уже совсем близко. Корабль дрейфует на нее. Вот-вот ударится плавающая мина о борт корабля и...

— Оттолкните ее. По кранцам вниз кто-нибудь, — негромко сказал Резниченко, и его спокойный голос вывел моряков из растерянности.

Спустились по кранцам за борт два матроса, оттолкнули мину, а комендоры расстреляли ее. Когда совсем потемнело, повисли по боргам матросы живыми кранцами, чтобы и людей лучше на воде видеть, и мины своевременно отталкивать.

Почти полторы тысячи красноармейцев и краснофлотцев спасли в тот вечер и в ту ночь корабли дивизиона Резниченко. Сами же поход закончили без потерь.

...Кронштадт. Якорная площадь. Суровый строй моряков и слова с трибуны. Тоже суровые, от которых мурашки пробегают по спине и закипает ненавистью душа морская. Как хотелось и ему, Якову Терентьевичу, вместе с ними, молодыми краснофлотцами, идти в бой, бить фашистов, гнать их от стен Ленинграда. Но ему приказано лишь высадить десант в район Петергофа, а затем доставлять туда боеприпасы. Тоже боевая задача. И он, Яков Терентьевич, постарается выполнить ее с честью.

Почти через тридцать лет после той героической октябрьской ночи Маршал Советского Союза Г. К. Жуков (Яков Терентьевич уже не прочтет тех строк) напишет в своих посвященных советскому солдату «Воспоминаниях и размышлениях»:

«В район Петергофа в тыл вражеских войск был высажен морской десантный отряд с целью содействия приморской группе в проведении операции. Моряки действовали не только смело, но и предельно дерзко.

Каким-то образом противник обнаружил подход десанта и встретил его огнем еще на воде. Моряков не смутил огонь противника. Они выбросились на берег, и немцы,

естественно, побежали. К тому времени они уже были хорошо знакомы с тем, что такое «шварце тодт» («черная смерть»), так они называли морскую пехоту».

Немецкая пехота начала поспешно отступать, но артиллеристы (их позиции десантники еще не достали) вели непрерывный огонь по десантным судам. Фонтаны бугрились то справа, то слева, как и тогда, при подходе к полуострову Виимси. «Морской охотник», подчиняясь командам Резниченко, маневрировал, немного отдаляясь от берега, а комендоры продолжали вести дуэль с артиллерией противника.

Поступила команда возвращаться в Кронштадт, в форт Рошаль, где дислоцировался дивизион. Полный вперед, чтобы поскорей выйти из опасной зоны, тем более что бой десанта, как казалось Якову Резниченко, развивался успешно. Корабль уже начал набирать скорость, через несколько минут он будет в безопасности, и в это время Резниченко увидел, что снаряд попал в концевой катер.

— Право на борт! — скомандовал Резниченко. — Приготовить буксир!

Привычно, как это не раз приходилось делать, когда задерживали суда-нарушители и высаживали на них досмотровую группу, ошвартовал Резниченко корабль к потерявшему ход и начавшему крениться катеру. Вначале Резниченко собирался взять катер на буксир и вывести его подальше в море, а там уже перенести к себе на борт раненых, потому что здесь перегружать опасно: два неподвижных корабля — хорошая мишень, и фашисты, если не уйти подальше, могут пристреляться и потопить. Но когда «морской охотник» подошел к катеру, и Резниченко увидел раненых, нуждающихся в помощи, увидел, что катер едва-едва держится на воде и может затонуть раньше того, как выйдут они в безопасный район, решил: «Эвакуировать будем сейчас».

Все работали быстро, не обращая внимания на близкие разрывы снарядов. Раненых перенесли буквально за считанные минуты. Успели, прежде чем он затонул, снять с катера пулеметы.

Когда вернулись в Кронштадт, Резниченко доложил командиру истребительного отряда капитану 2-го ранга Перфилову о походе, а затем добавил:

— Крепкой пограничной закалки народ мой подчиненные.

— Закалка крепкая — это уж точно, — согласился

Перфилов. — Что у командира, то и у подчиненных. — Помолчал немного и приказал: — Взять на борт боеприпасы — и в Петергоф. Выход через пятнадцать минут.

— Есть! — ответил Резниченко.

Точно в назначенное время «морские охотники» отдали концы. И снова Резниченко флагманом вел группу катеров к Петергофу. Шел самым полным, понимал: боеприпасы нужны как воздух.

Позднее об этой операции в аттестации Я. Т. Резниченко будет написано всего несколько строк: «В октябре тов. Резниченко возглавил группу катеров по подброске боеприпасов нашему высаженному десанту в район Нового Петергофа. Катер, на котором находился тов. Резниченко, получил три прямых попадания из полевого 75-мм орудия. Катер загорелся. Благодаря умелому и решительному действию со стороны тов. Резниченко личный состав катера был спасен, оружие, 2 пушки, 2 пулемета и имущество снято и доставлено на базу».

Прочтет эти строки Резниченко и мысленно поспорит с такой оценкой тех смертельно трудных минут боя. Да, он не растерялся ни после первого, ни после второго, ни после третьего попадания. Оставался на мостике и руководил выгрузкой боеприпасов и тушением пожара. Пока не был передан десантникам последний ящик с гранатами, он не давал команды отходить. Но что давало ему такую уверенность? Он видел состояние людей и понимал, что и они не желают уходить, не разгрузившись. Работали самоотверженно все. Комсорг корабля Воеводин первым кинулся на корму, к очагу пожара. Ему на помощь поспешили старшина 2-й статьи Жаворонков, краснофлотец Силуянов, Пинчуков, корабельный кок Михайлов. Все остальные образовали цепочку и начали передавать друг другу ящики с патронами и гранатами. А справа и слева к флагману уже подходили «морские охотники» Григория Червиченко и Александра Анпилова. Разгружаясь, вели огонь по противнику. Анпилов подал буксир. Остальные «морские охотники», поставив дымовую завесу, прикрыли отход флагмана.

...Сменяли друг друга героические и очень трудные дни. Трудные и морально и физически. Десант почти полностью погиб. Фашисты все крепче сжимали кольцо блокады на суше, все упорней в навигацию 1942 года стремились прорваться к Кронштадту и Ленинграду с моря.

А противостояли фашистам на дальних подступах к Кронштадту в основном «морские охотники». Они несли дозорную службу в Финском заливе.

Дозорная служба — название, знакомое пограничникам, знакома и задача: обнаружить и не допустить прорыва противника в наши территориальные воды, в район дислокации кораблей Краснознаменного Балтийского флота. Но схожесть задачи была только внешняя. Ведь в мирное время пограничным катерам приходилось оберегать границу Советского Союза хотя и от вооруженных, но все же одиночных лазутчиков. Теперь же они охраняли водный район против превосходящих сил противника, стремящегося во что бы то ни стало добиться полного господства в прилегающей к Кронштадту части Финского залива, чтобы окончательно закрыть выход в Балтику нашим подводным лодкам и лишить возможности передвигаться нашим транспортам.

Каждый выход «морского охотника» в дозор — это суровые испытания на мастерство, стойкость и преданность Родине. Это бой с катерами и малыми кораблями противника, жестокий неравный бой с фашистской авиацией, пытавшейся взять наши катера «на измор».

Почти непрерывно немецкие самолеты атаковали дозорные корабли, атаковали большими группами, сменяя друг друга.

Для личного состава катеров это было тяжелое время.

Круглосуточное напряжение, непрерывный звон в ушах от стрельбы, воспаленные глаза от бессонных ночей, непрерывный поиск новых тактических приемов в борьбе с противником один на один, радиоперехваты о гибели товарищей на соседних дозорных линиях — вот обстановка, в которой приходилось нести службу матросам, старшинам и офицерам «морских охотников».

Тогда это была обыденная фронтовая работа.

Летели под вой и грохот бомб бессонные дни и ночи, проходили недели и месяцы. Все убывало и убывало наглости у фашистов, и Резниченко часто с радостью думал: «Погоним скоро. Погоним! Как в Сталинграде!» Он, как и все моряки, ждал изменений, ждал, когда поступит приказ высаживать десанты на те же острова и полуострова, с которых в сорок первом снимали они под огнем фашистской артиллерии и самолетов раненых. Ждал с нетерпением. И когда узнал, что корабли флота начали переброску войск на Ораниенбаумский плацдарм, повел

группу «морских охотников» в дозор с особым душевным подъемом. Предупредил командиров кораблей:

— Удвойте, утройте нужно бдительность! Враг не должен даже заподозрить, что в Ораниенбауме накапливаются силы. Иначе лишних жертв не миновать, напустят фашисты авиацию, накроют артогнем.

Только с такой мыслью нес в те дни сторожевую службу личный состав «морских охотников», понимали, как высока их ответственность за сохранение скрытности операции по переброске войск на «пяточок» под носом у немцев. Молили, как говорится, бога, чтобы подольше не сковывало льдом Финский залив, чтобы и они, катера, приняли участие в наступательных боях.

Но не сбылось их желание, наступление началось в январе, когда навигация для «морских охотников» закончилась и многие корабли ремонтировались в мастерских.

Нелегкой оказалась та зима. Авиационных налетов было намного меньше, чем в предыдущие зимы, а вражеских ракетчиков и того меньше, но не стало от этого легче Якову Резниченко. Командиры кораблей его дивизиона, командиры боевых частей, старшины и матросы все просились на передовую. Отвечал Резниченко подчиненным словами, сказанными ему самому: «О летней навигации все думы должны быть. К ней готовьте технику и людей. Наступать станем. Наступать!»

Вроде и соглашаются, а проходит день-другой — просьба та же: «На передовую до весны прошу направить!»

Вновь убеждал подчиненных Резниченко, объяснял обстановку. И себя постоянно сдерживал (а это особенно трудно), чтобы не пойти еще раз к командиру отряда Гуськову с рапортом об отправке на передовую до начала навигации. Работал сам до изнеможения, чтобы не мучила совесть, и находил работу всем. Но рапорты и докладные люди писать не переставали.

Прошла наконец эта зима, показавшаяся Якову Резниченко вечной. Снова море. Манящее и опасное, напипованное минами, исполосованное вражескими кораблями. Первые дни навигации и первые радости побед. Вновь с почтением заговорили об истребительном отряде. Да иначе и не могло быть, ибо в первом же ночном бою четыре «морских охотника» вынудили отступить значительно превосходящего противника в сторону маяка Сомерс. В эту же ночь МО-122 в районе банки Метеор (в шести милях

северо-западной Лавенсари) вступил в бой с тремя вражескими катерами. В моторном отделении возник от попавшего туда снаряда пожар. Катер потерял ход и оказался удобной мишенью для врага. Но пылающий корабль оборонялся мужественно и вынудил врага отступить. Подоспевшие на помощь наши «морские охотники» спасли оставшихся в живых героев.

— Крутое начало, — сказал тогда Резниченко своим командирам, — но это только начало. Впереди покруче волны ждут нас.

И они накатывались стремительно. Бой с подводной лодкой, в результате которого фашистская лодка не всплыла больше на поверхность; бой с воздушными пиратами и сбитый фашистский самолет. Высажен десант впереди наступающих советских войск. Еще один десант. В сложной минной обстановке успевали за стремительно наступающими войсками Советской Армии только малые корабли: торпедные катера и «морские охотники». Вот уже предстоит высадка десанта на острова Найсаар и Аэгна. На те самые острова, возле которых сосредоточивался Краснознаменный Балтийский флот перед легендарным прорывом в Кронштадт. На те самые острова, от которых пошли «морские охотники» при артиллерийской поддержке «Минска» и других военных кораблей к полуостровам Виимси и Пальяссаар, чтобы спасти красноармейцев, прижатых к морю фашистами.

«Морские охотники» уходили последними, подойдут к ним первыми. И пусть какой-то корабль получит пробоину (может быть и это), пусть не одну, но острова будут взяты — в этом Резниченко был уверен.

Он знал и другое, о чем не знали ни матросы, ни командиры его кораблей. Второй дивизион первым войдет в гавань Таллина. Он, командир дивизиона, добровольно, можно сказать, согласился на это. Нужно же кому-то идти первым.

Торпедные катера дивизиона капитана 3-го ранга А. П. Крючкова уже высадили десант морских пехотинцев у Минной гавани и не дали врагу вывезти морем награбленные ценности и взорвать причалы. Теперь в таллинский порт должны войти «морские охотники» и подготовить гавань к заходу больших судов.

Поход нелегкий. Таллинский и Коплинский заливы фашисты буквально нашпиговали минами. Правда, большинство из них установлены против кораблей с глубокой

посадкой и для «морских охотников» не опасны, но много и мин-ловушек, от которых может взлететь на воздух и крейсер, и катер. Все это тревожило.

Резниченко вел корабли дивизиона к островам Найсаар и Аэгна, а сам продумывал, как лучше форсировать минные поля. И тогда еще возникло решение: «Идти в гавань по главному фарватеру. Там меньше вероятности налететь на мины-ловушки, которые наверняка поставлены врагом на более мелких участках. Всех свободных от вахты — по бортам, как тогда, при прорыве на Кронштадт».

А когда десант был высажен и успешно начал освобождение островов, Резниченко сообщил командирам кораблей новую задачу, свое решение и повел их в Таллин. Впереди шел сам.

Все ближе и ближе таллинский порт. Вот уже без бинокля виден военно-морской флаг Советского Союза на здании чуть выше порта, а над старинной башней «Длинный Герман» — красный флаг. Эти знамена водрузили лишь накануне, 22 сентября, морской пехотинец младший сержант Иосиф Юрченко и лейтенант Иоханнес Лумисте из Эстонского стрелкового корпуса. Вот уже и стенка причала. Один за другим швартуются корабли, и сосредоточенная напряженность уступает место безудержной радости. Три года назад вынуждены были они покинуть свою базу. С болью в сердце уходили. И вот вернулись.

— Что ж, скоро, видно, поднимем на гафелях пограничные флаги, — сказал Резниченко. Сказал вслух то, о чем думали все бывшие пограничники. А их в дивизионе было большинство.

— Конечно, — подтвердил кто-то из командиров. — Теперь-то уж скоро.

Они говорили и даже не думали о том, что много еще ожидает их впереди боев и что некоторым из них так и не придется идти в дозор под мирным бело-зеленым флагом морской пограничной охраны. Да они и не могли знать, что ждет их впереди самый трудный и победный бой во время высадки десанта на остров Сааремаа.

Это произошло в бухте Талику. Десант (два стрелковых полка и 50 орудий), посаженный на тихоходные шхуны, тральщики и катера, вышел из Рохукюля к северному побережью острова Сааремаа. Задача десанта: нанести удар по фашистам и наступать в южном направлении, навстречу войскам, наступающим с острова Муху.

Руководил десантом капитан 1-го ранга Е. В. Гуськов, один из эшелонов возглавлял капитан 3-го ранга Я. Т. Резниченко.

Шли ночью, в тумане. Видимость почти нулевая. С одной стороны, это играло на руку десантникам: меньше вероятности, что враг может обнаружить суда, но с другой — повышалась уязвимость от подводных лодок фашистов: пройдет торпеда мимо одной шхуны, другую какую-либо зацепит. Или катера, которые тоже шли почти вплотную к шхунам. Надежда на акустиков. Если они услышат лодку на дальних подступах к эшелону, будет время маневрировать, да и встретить ее раньше, чем она подойдет на дистанцию, удобную для атаки. Резниченко приказал поставить на вахту самых опытных акустиков и беспрерывно прослушивать море.

Вдруг доклад: «На шхуне заглох двигатель». Резниченко чертыхнулся: неприятность вывернулась оттуда, откуда даже не ожидал. Хотел сразу скомандовать, чтобы пересадили людей на другие шхуны и катера. Потерявшую ход шхуну можно оставить и вернуться за ней после высадки десанта, для охраны же от подводных лодок или катеров противника выделить один «морской охотник». Но не дал такого распоряжения, передумал. Перегрузка людей и техники займет много времени, да, кроме того, остальные шхуны, у которых на борту и так сверх нормы людей, получив дополнительный груз, еще сильнее осядут в воду, пойдут еще медленней. Не успеет эшелон своевременно подойти к месту высадки, а этого допустить Резниченко не мог. Выход один: взять на буксир. «Морскому охотнику» буксировать шхуну?! А что предпринять еще?

— Передайте: 72-му взять шхуну на буксир. Идти последним. Дистанция два кабельтовых. 42-му и 173-му идти справа и слева в готовности оказать помощь.

Через несколько минут доложили, что шхуна взята на буксир. Корабли вновь, набирая скорость, пошли к цели.

А вскоре снова доклад о том, что еще одна шхуна потеряла ход.

— 82-му — взять на буксир!

Еще у одной шхуны через несколько миль отказали двигатели.

— Беда в одиночку не ходит, — с досадой проговорил Резниченко и приказал взять шхуну тоже на буксир.

Растянулся десантный эшелон, а видимость, как назло,

стала еще хуже. И чтобы не сбились с курса шхуны, не потеряли друг друга из виду, поставил Резниченко «морские охотники» с боков на малых дистанциях. По ним и ориентировались шхуны. Точно к месту высадки и в срок, указанный командованием, вывел Резниченко эшелон кораблей десанта.

Но шхуны, имеющие большую осадку, не смогли подойти вплотную к берегу и начать выгрузку техники и высадку людей. А враг молчит. Не может быть, чтобы не видел подошедшие корабли, наверняка понял, что останутся шхуны на рейде, и ждет, пока от шхун не отойдут и не начнут приближаться к берегу лодки и катера, а уж тогда ударит. В упор станет расстреливать. Нужно заставить заговорить огневые точки врага раньше, а обнаружив их, уничтожить. Нужно провести разведку боем!

Что ж, решение принято, значит: «Полный вперед!» — а ближе к берегу на самом малом, чтобы подразнить фашистов, соблазнить их хорошей мишенью.

...Взорвалась тишина предрассветная разрывами снарядов, треском пулеметов и автоматов. Вот теперь маневрируй успевай, чтобы борт под вражеский огонь не подставить и чтобы комендорам и пулеметчикам удобно было с корабля вести огонь по берегу. Тут спокойствие и поддержка нужны.

Как только «морские охотники» дивизиона Резниченко начали дуэль с врагом, торпедные катера Героя Советского Союза В. Т. Гуманенко стремительно пошли к берегу. Враг не ожидал такого маневра, и первая группа успешно высадилась и захватила плацдарм. Теперь на этот кусочек берега перебросят со шхун солдат и боевую технику. Чтобы уберечь их от фланкирующего огня, МО развернулись вправо и влево, пошли демонстративно к берегу, вызывая огонь на себя.

За этот бой капитан 3-го ранга Яков Терентьевич Резниченко был награжден орденом Красного Знамени — пятой правительственной наградой. Командиру же 1-го звена капитан-лейтенанту А. А. Обухову и командиру катера лейтенанту П. И. Чалову было присвоено звание Героя Советского Союза.

Вслед за этими боями — бои за Моонзунд. И приказ Верховного Главнокомандующего от 25 ноября 1944 года, в котором в числе отличившихся назван и дивизион капитана 3-го ранга Резниченко. Штурм восточнопрусской

твердыни — Кенигсберга. Десант на косу Фише — Нерунг в районе Вальдхалле — Лембергхакен и последний десант в последние дни войны на датский остров Борнхольм, гарнизон которого насчитывал более 12 тысяч человек.

Первые числа мая 1945 года. Победа. А дивизиону предстоит, возможно, последний бой. Фашистам передали еще одно предложение сдаться без боя. Но они упорно не соглашались капитулировать, непонятно на что надеясь. Не на ту ли береговую артиллерию, которую им дополнительно перебросили из Курляндии? Или ждали англичан, чтобы перед ними склонить свои знамена? Во всяком случае, даже 9 мая, после того как фашистская Германия официально капитулировала, немецкий гарнизон на Борнхольме отказался сложить оружие. Пришлось «морским охотникам» и дивизиону торпедных катеров капитана 3-го ранга Е. В. Осецкого высадить десант. Последний десант Краснознаменного Балтийского флота в район порта Ренне.

Потом долгие месяцы на чужой земле, нетерпеливое желание вновь надеть погоны с зеленой окантовкой. Но разве мог сделать это Резниченко, если ему поручили командовать охраной водного района острова Борнхольм? Лишь в январе 1946 года вернулся Яков Терентьевич в Таллин, а затем в Ленинград. Его назначили заместителем начальника войск Ленинградского пограничного округа. Началась привычная беспокойная жизнь моряка-пограничника. Ночи без сна, тревоги и тревоги.

Активной в те первые послевоенные годы была граница на Балтике. Бандитские группы буржуазных националистов и оставшейся здесь агентуры фашизма продолжали еще существовать. Центры этих бандитских групп, их вдохновители находились за кордоном и пытались пересылать в Прибалтику оружие, инструкции, антисоветскую литературу, и пограничники в те годы принимали все силы к тому, чтобы уберечь границу Прибалтийских республик от агентуры буржуазных националистов.

А сил морских было не так уж и много. «Морские охотники», изношенные за годы войны, часто выходили из строя, а ремонтной базы почти не существовало: фашисты разрушили все мастерские, которые были у пограничников до войны. Приходилось все восстанавливать и с двойным, тройным напряжением нести службу.

Позднее о том времени капитан 1-го ранга Бозько

(он был в те годы у Резниченко заместителем по технической части) расскажет:

«Не легче нам стало после войны, не наступил для нас отдых. Начинали с пустого разрушенного пирса. И границу охраняли. В кратчайший срок создали ремонтные мастерские, оборудовали базы для пограничных кораблей. Каждый вложил немало труда и находчивости, но все же основную роль в восстановлении пограничной морской охраны на Балтике сыграл Яков Терентьевич Резниченко.

Он был человек дела. Говорить много не любил, приказания отдавал коротко и конкретно. Заранее их продумывал, как говорится, до самых мелочей. Невыполнимых приказаний я не помню. Но попробуй не выполни его распоряжение в назначенный срок, достанется так, что надолго запомнится. С крутой меркой подходил он к нерадивым.

Резниченко — человек большого чувства ответственности. Все сколько-нибудь важные вопросы решал сам.

И смелым был. От ответственности не уходил. Где особенно опасно, там и он. Помню, осенью сорок седьмого года один наш катер ход потерял. Шел на ремонт и не дотянул до Кронштадта миль тридцать. А тут шторм. Баллов до семи разыгрался. Опасно в море выходить, а катер спасти нужно. Резниченко сам повел «морской охотник». Меня взял как механика.

Идем полным. Корабль наш бьет встречная волна, окатывает с ног до головы. Того и гляди зароемся носом в волну. Резниченко на мостике. Команды отдает, будто и опасности нет никакой.

Спешил Яков Терентьевич, и правильно поступал. Чуть тише шли бы — не спасли бы катер. Когда мы его увидели, он буквально в нескольких кабельтовых от рифов находился, и довольно быстро сносило его к ним. Смотрим и думаем: «Как подобраться к нему? Сами ведь тоже на банку сесть можем». А Резниченко ручку телеграфа на «самый полный» поставил и повел корабль в разрез между катером и скалами. И спокойно так командует: «Буксир приготовить»...

Когда к Ленинграду подходили и Резниченко ушел с мостика, сказал я ему, что риск большой был и хорошо, что хорошо так все обошлось, а он в ответ: «Без риска жизнь неинтересная. Нельзя жить без риска. Обоснованно

рисковать только нужно. ...Заметил, — спрашивает, — как моряки четко выполняли команды?» — «Да, — говорю, — обратил внимание». — «Вот на это я тоже, — говорит, — расчет сделал: когда грозит опасность смертельная, люди становятся самоотверженными. Только нужно вселить в них уверенность, что они могут совладать со стихией». Вот такой он был — Яков Терентьевич Резниченко, мой командир. Люди смело шли за ним».

Такую оценку давали Якову Терентьевичу подчиненные, так же характеризовали его командиры. В разные годы, по разным поводам, самые разные командиры писали: «Волевыми качествами и командирскими навыками обладает...», «С командованием соединения погрансудов справляется хорошо...», «Настойчив и энергичен в проведении своих мероприятий, обладает хорошими организаторскими способностями...»

Он и сам видел, что подчиненные верили ему, прислушивались к его советам, поддерживали все его начинания, но, как он сам считал, одной из причин дружбы и доверия являлось то, что здесь, на Балтике, он вместе с ними воевал, здесь он вырос от командира дивизиона до заместителя начальника войск округа, а вместе с ним росли и боевые товарищи, которые стали теперь командирами частей, ответственными штабными и политическими работниками. И эти люди, естественно, не могли не уважать его.

А как будет там, на новом месте? Как сложатся взаимоотношения с моряками-тихоокеанцами, командовал которыми прославленный Дианов?

...Первые дни во Владивостоке ушли на знакомство. Еще на Балтике, а потом в академии слышал он о ратных делах тихоокеанских морских пограничников в годы Отечественной войны. Сторожевики и «морские охотники» благодаря своей быстродности и маневренности здесь тоже оказались самыми боеспособными судами. Они первыми врываются в порты Сахалина и Курильских островов, высаживали десанты морских пехотинцев и специальные десантные подразделения армейских соединений, поддерживали их артиллерийским и пулеметным огнем, непрерывно несли дозорную службу. Резниченко знал еще раньше, что сторожевые корабли «Киров», «Дзержинский» и один из дивизионов «морских охотников» награждены орденом Красного Знамени. Теперь же ему, когда знакомили по документам с частями и подразделениями

пограничных кораблей, докладывали об этом с гордостью. Яков Терентьевич хорошо понимал их гордость и мысленно одобрял: «Помнят прошлое, не будут безразличны к сегодняшнему дню, к сегодняшней службе».

А какая она, сегодняшняя служба тихоокеанцев? Вскоре пришлось все увидеть самому.

Приказал готовить корабль для похода на самый «горячий» участок тихоокеанской морской границы. Командование части просил не предупреждать.

— Не нужно, чтобы тратили время на подготовку к встрече.

А моряки-пограничники Малокурильской бригады и не ждали его. Узнали, что в округе новый замнач. Прибыл после окончания академии. Посудили-порядили в кают-компаниях и порешили: не скоро «академик» к ним прийти осмелится, штормов побоится.

В правильности своего вывода курильчане так уверились, что, когда командир БО-328 капитан-лейтенант Георгий Фадеевич Дурманов получил радиogramму, переданную с «морского охотника» условным сигналом «по секрету», что на борту «хозяин» и что намерен он высадиться на его, капитан-лейтенанта Дурманова, корабль, офицеры даже не подумали, что речь идет о новом заместителе начальника войск округа. Настораживало лишь то, что радиogramма предупреждала не официально, а по-приятельски. Командир командира извещал.

— Странно, — прочитав радиogramму, проговорил Дурманов. — Чего ради предупреждает? Кто на борту? Начальник отряда, возможно? Скорей всего так. Новую задачу поставит. Ладно, поживем — увидим.

Стояли они в заливе Измены. Зашли сюда, чтобы немного передохнуть от шторма, а затем вновь выйти в дозор. Большая часть экипажа, свободная от вахты, отсыпалась, и командир решил не поднимать матросов. На корабле, как всегда, прибрано, а вылизывать палубу и кубрики нет смысла ради неизвестного, тем более не морского гостя. Но каково же было удивление всех, когда с пришвартованного «морского охотника» на борт корабля поднялся капитан 1-го ранга Резниченко. Высокий, элегантный, в модной фуражке, в новеньком и хорошо облегчающем стройную фигуру кожаном реглане. Брюки тщательно отутюжены, ботинки начищены до блеска.

Но еще больше удивились и командир корабля, и стар-

пом старший лейтенант Валерий Абрамович Гукасов, и замполит старший лейтенант Владимир Георгиевич Коммунаров, когда Резниченко сбросил с себя реглан и белый шерстяной шарф, и они увидели белоснежную хрустящую рубашку, тужурку без единой морщинки, а на груди орденские планки в несколько рядов.

«Вот тебе и «академик», а орденов полная грудь!» — чуть не вырвалось у командира.

Офицеры корабля стояли в помятых синих рабочих кителях с далеко не свежими подворотничками; их брюки, небрежно заправленные в морские с короткими голенищами «кирзы», давно соскучились по утюгу. По сравнению с Резниченко все трое выглядели неряхами. Но неряшливость эта считалась среди курильчан криком моды. В кителях и сапогах ходили офицеры и на службу, и на танцы в клуб части по воскресным дням. Да и сам «батя» Дианов любил китель и сапоги, может, и подражали ему пограничники, иной раз даже не признаваясь в этом самом себе. Тужурки презрительно называли банкетками, а тех, кто надевал их хотя бы на танцы, — пижонами.

Сейчас они, привыкшие к этакой небрежности в одежде и переставшие замечать ее, почувствовали себя неловко.

О той первой встрече с Яковом Терентьевичем Владимир Георгиевич Коммунаров рассказывал так:

«Когда увидел, что «Нахимов» у него, «Красное Знамя» и «Красные Звездочки», орден Отечественной войны, обругал себя и других офицеров, которые, не зная человека, приклеили ему обидное: «академик». Вот, мол, мы, курильчане, — моряки просоленные, а все остальные... так себе. Оказалось, юнги мы против него.

И одет как истинный морской офицер. Аккуратность в одежде — даже, я бы сказал, щеголеватость — традиция русского флота. Это мы малость расслабились, возомнили о себе, что на краю света живем, значит, особенные какие-то. Подумал я тогда: «Подтянуться нужно». И не у одного меня такое мнение возникло. И другие потом говорили об этом. Перестали, в общем, в сапогах на танцы ходить, да и на корабле только в море надевали. Не сразу, конечно. Кое-кто сопротивлялся, но в конце концов все ошвартовались к одному пирсу».

Нелестные для себя выводы сделали и командир, и старпом в ту первую встречу. Они мысленно ругали себя за то, что, получив предупреждение, не смогли подгото-

виться. Стояли понуриив головы. Напряженная пауза затягивалась. Нарушил ее Яков Терентьевич:

— Что, командир, на обед у тебя?

— Борщ, макароны по-флотски, компот. Крабы из японских сетей, у браконьеров изъятые, и наши челимы. На закуску.

— Что-что? Челимы?! Что ж, отведаем.

Челимы, местное название креветок, понравились Якову Терентьевичу, понравились и крабы, умело приготовленные коком. Первый раз в жизни отведал он и медвежатины. А после обеда, когда вестовой убрал со стола посуду и все закурили, попросил:

— Теперь расскажите о службе. Для меня все интересным будет. Много, думаю, и новым.

— Браконьеры лезут густо, — после небольшой паузы начал капитан-лейтенант Дурманов. — За крабом. Много задерживаем. В сорок шестом первый в отряде счет открыли. Капитан-лейтенант Ветров на своем ПК задержал японскую шхуну. Иногда по две и по три за раз задерживаем, а корабль Героя Советского Союза старшего лейтенанта Владимира Никифорова один раз пять, другой раз сразу восемь шхун задержал.

— Тактику действий подробней, пожалуйста.

— Нахально шхуны себя ведут. Корпус у них крепкий, вот всякий раз и угрожают тараном. Чуть заезаешь — ткнет в бок. Останавливаться они тоже не спешат по нашей просьбе, норвят в нейтральные воды выйти. Вот мы и приспособились так: идешь на него, он не сворачивает, и ты тоже, а метров за двадцать круто вправо или влево на борт ляжешь. Он еще не успеет изменить курс, а мы рядом. На ходу осмотровая группа прыгает. Когда застопорим ход шхуне, тогда уж подходим к борту.

— Были случаи нападения на осмотровые группы?

— Конечно. Если одна шхуна, не сопротивляется, как правило, а если две или больше — тут смотри да смотри. Только быстро их наши ребята в чувство приводят. Недавно на матроса Криушина кинулся японец с ножом, Криушин сгрел его — и за борт. Принял тот холодную ванну — успокоился.

— Как считаете, ни один браконьер безнаказанно не уходит или?..

— Бывает, только сети обнаруживаем, хозяина нет уже. Маловато нас еще.

Сказал Дурманов и осекся. Не принято здесь было

говорить о том, что не хватает все еще кораблей, что и по скорости они начинают уступать новым японским и другим иностранным судам. Традиция здесь такая сложилась: не числом, а умением и пограничной хитростью побеждать врага. С первых лет Советской власти эта традиция, с первых шагов морской пограничной охраны на Тихом океане.

Единицы плавсредств насчитывала тихоокеанская пограничная охрана: «Красный вымпел», «Воровский», «Менжинский», «Смычка», «Тревожный» и еще несколько сторожевых кораблей. Но каждое из этих судов являлось грозой для японских и американских браконьеров. Боевая история каждого корабля — это живая история пограничного флота.

Тихоокеанцы гордились тем, что именно «Воровский» первым из советских военных кораблей совершил большое заграничное плавание с севера на Тихий океан, куда был направлен в 1924 году для усиления охраны дальневосточной границы. Гордо пронес он флаг Советского Союза вдоль берегов Норвегии, Англии, Испании, Египта, Италии, Индии, Китая... Корабль вели прославленные моряки — бывший командующий Балтфлотом после Февральской революции 1917 года, бывший вице-адмирал А. С. Максимов, штурманы Н. А. Сакеллари и Н. Ф. Рыбаков. В составе команды были И. С. Юмашев, будущий адмирал, главнокомандующий Военно-Морского Флота, будущий адмирал Ю. А. Пантелеев и другие курсанты, проходившие на корабле штурманскую практику.

Служба «Воровского» на востоке началась с того, что он принял участие в изгнании японских захватчиков с Северного Сахалина. Вскоре он пресек попытку японцев захватить остров Птичий, а в 1925 году освободил от американских интервентов остров Ратманова. Каждый моряк-пограничник в подробности знал операцию «Воровского» по задержанию в 1930 году восьми японских шхун, среди которых была трехмачтовая шхуна с «профессором» японской разведки и 19 учениками разведывательной школы. Знали и другие столь же сложные и удачные операции, за которые правительство наградило командира корабля Балтийского, командира боевой части Бондаренко, старшина Чашухашвили и Чернуху орденом Красной Звезды.

Десятки моряков-пограничников, которые стали гордостью пограничного флота, прошли школу на «Воровском».

Нисколько не хуже «послужной список» и у «Менжинского», у «Красного вымпела» и других первых кораблей, начавших охрану дальневосточных границ. Традиции, заложенные ими: «малыми силами надежно прикрыть рубежи Отчизны», — жили и сегодня. Вот почему никто здесь не жаловался на недостаток сторожевых судов. Понимали: наберет силы страна, даст пограничникам в достатке новую прекрасную технику, а пока...

Пока тем, кто говорил о необходимости увеличить количество сторожевых кораблей, обычно отвечали известным суворовским изречением: «Не числом, а умением...» Вот и Дурманов, сказав: «Маловато нас еще», — ждал, что Резниченко ответит примерно так же. Но Яков Терентьевич после небольшой паузы проговорил задумчиво:

— Да, маловато. И класс не тот.

— Скорости бы добавить не мешало, радиолокацию не только на большие, но и на малые корабли поставить, — поддержал эту мысль Коммунаров. — Тогда и «Сева-Мару» прихватить смогли бы.

— Переправочная, наверное? — переспросил его Резниченко.

— Много их тут, переправочных, под браконьеров маскируются, — продолжал замполит. — Сразу же после войны корабль Голубева «Туа-Мару» задержал. Крупным хищником оказался. А потом сколько их было! Тут глаз да глаз при досмотре нужен. Недавно вот шхуну задержали, шхуна как шхуна, смотрим, и крабы, и краболовные сети: браконьеры самые обыкновенные. Но синдо — и хозяина, и капитана они так зовут — вроде бы даже рад, что акт на него как на браконьера составляют, все ладошки складывает, в пояс кланяется. Э нет, перепроверить, думаем, нужно. Осмотрели с пристрастием, откиля до клотика — и результат: фотоаппарат, пачки советских денег, карта советских островов с какими-то пометками. Потом уже выяснилось, что два члена команды «краболова» — американские разведчики, а пометки на карте — места возможных высадок.

Или взять хотя бы корабль Долгачева. Он «Отори-Мару-2» разоблачил. Остановил ее в наших территориальных водах, а вблизи в море выловили переметы с радиобуями. Отказывался капитан от перемета, но капитан-лейтенант Журавлев и старшина 2-й статьи Рожков (они были в составе осмотровой группы) заметили на стене

рубки, возле радиопеленгатора, цифры, написанные мелом: 5-Л-122, № 2-1554, 5-Ф-122. Такие же цифры увидели пограничники и в записной книжке, которую нашли под матрасом капитанской койки. Проверили. Оказалось: частота и позывные радиобуя. Против таких улик ничего не сделаешь. Токуда Сигэру, капитан шхуны, признался, что переметы поставил на крабов он. А радиобуй установил, чтобы, вернувшись, по их сигналам найти переметы.

— Много, конечно, обезвредили мы шхун, но, повторяю, не под силу иные шхуны нам, — вновь заговорил командир корабля. — Знаем, что «Фуку-Мару-5» переправочная, а взять не можем. Заштормило море — мы уже не ходоки, а она на полной скорости идет, бурун за кормой нам остается. Или та же «Сева-Мару». Кто из нас не мечтает задержать эту белобокую коварную красавицу, по выв...

— Ясно. Мореходность выше нужна.

Он не стал ничего обещать, говорить офицерам корабля о том, что в принципе уже принято решение о переброске кораблей типа «большой охотник».

Промолчал потому, что знал, насколько труден этот перегон и требует большой подготовки, которая может затянуться на длительное время. Ведь пограничные корабли по своим тактико-техническим данным не рассчитаны на такие длительные походы, поэтому были не только сторонники перегона, но находились и противники. И хотя Якову Терентьевичу уже сказали, что скоро тихоокеанцы должны будут выделить для экипажей кораблей перегона лучших матросов, старшин, мичманов и офицеров, Резниченко не считал еще вправе говорить об этом, пока не будет официального приказа. Все может еще измениться. Сам он, правда, решил, изучая людей в своей первой поездке, сразу же наметить кандидатуры для новых экипажей, причем из числа тихоокеанцев, тем более курильчан, опытнейших, закаленных моряков.

После небольшой паузы, вызванной неопределенностью его ответа, Яков Резниченко начал расспрашивать о навигационной обстановке, о ремонтной базе, о капризах погоды. Он с нескрываемым восхищением слушал рассказы о том, как благодаря мужеству моряков корабли не раз выходили из тяжелых аварийных ситуаций без серьезных повреждений. О том, как старший моторист

старшина 1-й статьи Симсон и моторист Кожевников в полузатопленном машинном отделении, по колени в ледяной воде двадцать часов несли бессменную вахту, и двигатели работали на полную мощность. Благодаря их самоотверженности корабль преодолел внезапно разыгравшийся одиннадцатибалльный шторм и пришел в укрытие. «Такие всегда смогут побороться за живучесть корабля», — думал Яков Терентьевич. О том, как пограничный корабль лейтенанта Смуйловича более восьми часов боролся с ураганом в районе Малой гряды. От сильных ударов волн корпус корабля стал фильтровать воду, и матросы по очереди, привязавшись к поручням рубки, вручную выбирали воду из носовых кубриков. Декабрьская ледяная вода беспрерывно окатывала их.

«Вот они, будущие экипажи перегона!»

Яков Терентьевич внимательно слушал рассказы о состоянии ремонтной базы, переспрашивал, уточнял детали, интересовался, хорошо ли поступают продукты, не бывает ли задержек, как торгует военторг, интересовался всем, что, как он считал, необходимо ему знать, и откровенный разговор затянулся за полночь. Новый замнач сумел расположить к себе людей. Он разговаривал с ними как с равными, не обходя острых вопросов и трудностей, и это подкупало, снимало холодок отчужденности. Это было его первое знакомство с курильчанами на борту одного из лучших по тому времени, передовых кораблей части. Но вместе с тем чувствовал Резниченко, что офицеры хотят услышать, согласен или нет он с тем, что недостаточно еще пограничных кораблей на Тихом океане. Конкретный ответ и, может быть, обещание принять нужные меры. Он мысленно задавал себе вопрос: «Рассказать, может? — Но в конце концов решил: — Нет. Не стоит опережать события».

Больше никто, ни командиры частей, ни командиры кораблей, не говорил так прямо, как Дурманов и его офицеры, Якову Терентьевичу о недостатке судов и слабой мореходности тех, которые есть, но и на Камчатке, и на Сахалине (Резниченко объехал почти все побережье) тоже рассказывали ему о быстроходных переправочных шхунах, о судах-браконьерах, которые по своим мореходным качествам зачастую были выше наших сторожевиков. Увидел Резниченко, что с большой перегрузкой несут службу моряки, обеспечивая неприкосновенность границы. В Управление округа он вернулся твердо убежденным

в том, что следует форсировать подготовку судов к перегону.

Из Москвы ответили на его доклад, что в ближайшее время поступит телеграмма о сроках подбора экипажей для кораблей, которые пойдут в длительный поход. И еще добавили:

— В управлении считают, что отряд должен повести капитан 2-го ранга Евгений Владимирович Филатов. Он до войны перегонял суда. Имеет опыт. Но посоветуйтесь, возможно, порекомендуете другого.

Телеграмма пришла через несколько дней, и Резниченко начал отбор кандидатур. Выбирали лучших из лучших, взвешивали все «за» и «против». За право попасть в команду перегона судов соревновались и офицеры, и матросы. Почти все стремились стать участниками похода.

А вскоре случилось то, что настойчиво продиктовало необходимость быстрее решить вопрос усиления морской пограничной охраны на Дальнем Востоке.

Ноябрь 1953 года. Корабль капитан-лейтенанта Дурманова нес службу в праздничные дни, поэтому особенно длительно, в проливе на стыке двух застав. Штормило. Море горбилось крутыми волнами и пенилось барашками. В такую погоду краболовы не слишком-то рискуют браконьерничать, зато шхунам-переправщицам она в самый раз. Моряки-пограничники знали это и вахту несли особенно старательно. Наблюдали за морем, прослушивали эфир. Вскоре главстаршина А. Сорокин перехватил радиogramму, которую передавала незнакомая радиостанция с суши. Сорокин успел даже запеленговать ее.

Доложили по команде, получили приказ курсировать в проливе, усилить службу наблюдения. Вскоре А. Сорокин перехватил ответную радиogramму с Хоккайдо. Сомнений не оставалось: на берег высажен агент.

На берегу развернулся поиск. Тот район, в котором была запеленгована радиостанция, пограничники блокировали и начали его прочесывать. Корабль же Дурманова утюжил заданный квадрат.

Шторм усиливался. Крутая встречная волна, разбитая форштевнем, обдавала холодными брызгами офицеров и сигнальщиков, стоявших на ходовом мостике.

— Слева 50 — шхуна. Дистанция... — доложил с бака сигнальщик старшина 1-й статьи В. Степанов.

— Полный вперед! — последовала команда.

Вскипел бурун за кормой. Зарываясь в волны, корабль

пошел на сближение с неизвестным судном. Но шхуна тоже прибавила скорость. Расстояние сразу увеличилось. Шхуна как будто играла с пограничным кораблем, то подпускала его поближе, то вновь увеличивала расстояние.

— Вот дьявол! — со злобой выругался Дурманов и приказал идти «самым полным». Опасно по такой волне, но не упускать же шхуны. Разрыв между судами сократился, и Дурманов воскликнул:

— Это же «Сева-Мару»! — И добавил: — Не зря эта старая лиса в такой шторм вышла на охоту. Радиостанция на суше и «Сева-Мару» взаимосвязаны на верняка.

Немедленно о «Сева-Мару» доложили в часть, а от туда в округ. Резниченко приказал послать на помощь еще один корабль и попытаться задержать шхуну. Корабль капитан-лейтенанта Животягина пришел в пролив. Увидев, что ей придется иметь дело с двумя пограничными кораблями, «Сева-Мару» перестала дразнить и выманывать подальше от берега корабль Дурманова, прибавила ходу (завидная для шхуны скорость) и отошла от территориальных вод на почтительное расстояние.

Доложили Дурманов и Животягин, что не смогли задержать шхуну в наших водах, и получили приказ: не допустить подхода ни «Сева-Мару», ни другой какой-либо шхуны к берегу.

«Значит, не взяли еще...» — решили на кораблях. И прозвучала команда по боевой трансляции:

— Открыть радиолокационную вахту, усилить наблюдение.

А на берегу пограничный наряд обнаружил двух агентов. Завязалась перестрелка. Один из них (как выяснилось позднее, Тани Акира) убил своего раненого пограничником напарника (Токукаву Ютаки) и сумел оторваться от наряда. Но понимал: если не пришлют «хозяева» за ним, несдобровать. В отчаянии запросил помощи открытым текстом: «Я обнаружен, немедленно пришлите шхуну».

Перехватили этот радиовопль на пограничном корабле Дурманова, а вскоре услышали и ответ «хозяина» — шефа разведки США в Саппоро капитана Грэй: «Прислать шхуну не можем. В проливе советские пограничные корабли. Уничтожьте вещественные доказательства и молитесь своему богу...»

Карьера еще одного матерого шпиона закончилась. Но «Сева-Мару» осталась. Где и когда она появится? Где и когда появится «Фуку-Мару» и другие быстроходные переправочные шхуны? Нужно создавать еще более плотный заслон на пути японо-американской разведки, и командование пограничных войск и морской пограничной охраны приняло решение ускорить подготовку кораблей к перегону. Командиром отряда кораблей был назначен капитан 1-го ранга Е. В. Филатов.

В начале лета во Владивосток пришло сообщение, что корабли отряда Филатова начали переход.

В те месяцы Яков Терентьевич Резниченко почти не находился в штабе округа. Был там, где нужнее его помощь и поддержка. В этих поездках он не только контролировал, как ремонтировались и расширялись причалы, реконструировались старые и строились новые ремонтные мастерские, но и подбирал экипажи для новых кораблей. Советовался с командирами и политработниками, стремился так укомплектовать экипажи, чтобы смогли они сразу же, без большой подготовки, бдительно и умело охранять границу.

Поездки Якова Терентьевича в части и на корабли имели и еще одно значение, которое Резниченко не сразу понял и оценил, — в этих поездках сблизился он с людьми, и они, почувствовав в нем волевого и целеустремленного командира, опытного моряка, приняли его в свои ряды, в ряды тихоокеанцев. Вопрос: пойдут или нет за ним люди? — беспокоивший Резниченко все это время, отпал. Яков Терентьевич все чаще и чаще стал замечать, что даже тихоокеанская «элита» прислушивается к его советам и выполняет их охотно. А это, в свою очередь, добавляло уверенности в отношениях с подчиненными.

Поздней осенью пришли корабли на Тихий океан. К их встрече почти все необходимое было готово.

— Подмога приличная! — радовались тихоокеанцы.

А Яков Терентьевич сообщил еще одну новость:

— Есть решение на следующую навигацию перегнать к нам еще столько же судов. Это и радостно для нас, но это и необходимость решать многие вопросы. Уже сейчас.

И сразу же, не теряя ни дня, Яков Терентьевич вместе с офицерами округа и командирами частей начал планировать, где и что нужно построить, рассчитывать

свои силы и средства. И снова, как в Прибалтике после войны, он занялся созданием хорошей ремонтной базы для вновь прибывающих кораблей, новых казарм для матросов, жилых домов для офицеров, оборудованием навигационными знаками районов плавания и стоянок судов, расширением и укреплением пирсов.

Но строительство строительством, а служба — главное. Обстановка все время оставалась напряженной. Армады хищников-краболовов (в тот год до 80 вымпелов) лезли в наши воды в Южно-Курильском проливе. Не меньше браконьеров пыталось промыслить в наших территориальных водах и на других участках границы. Много сил и энергии требовала борьба с ними, много внимания. Нахальству браконьеров нужно было противопоставить пограничное мастерство, постоянно меняющуюся тактику.

Но главное, нельзя было забывать о том, что крабовую пугину обязательно использует американско-японская разведка, которая наверняка попытается забрасывать к нам свою агентуру под видом рыбаков. Возможность подобных действий подтверждалась сведениями о том, что один из агентов Си-Ай-Си обосновался на «Фуку-Мару-5», которая после провала агента американско-японской разведки Тани Акира стала чаще появляться вблизи наших берегов. Видимо, заменила она окончательно разоблачившую себя «Сева-Мару».

Нужно было задержать «Фуку-Мару». Но как? Резниченко предложил:

— Сосредоточим кулак в Южно-Курильском проливе. Вероятней всего, она там появится. С сетями придет, чтобы если задержим, то отвечать только за браконьерство. Для руководства операцией выделим моряка-офицера из округа. Попросим и от штаба офицера. А чтобы не в ущерб другим участкам сосредоточивать силы, увеличим там нагрузку на суда. Поймут моряки. Ведь каждый из них обрадуется, если узнает, что шпионка у нашего пирса ошвартована.

В деталях разработали план предстоящих действий, но и руководителей операции, и всех моряков беспокоил теперь один вопрос: не окажется ли крепким орешком «Фуку-Мару» и для прибывших кораблей? Ответ на этот вопрос можно было получить только после встречи со шпионкой. А когда она появится? Завтра или через месяц? Сколько бессонных ночей впереди? Сколько штор-

мовых миль? И все это, может, напрасно: вдруг она где-либо в другом месте вынырнет?!

Но все оказалось до удивления просто. «Фуку-Мару» действительно пришла в Южно-Курильский пролив под видом краболова. Появилась вместе с другими браконьерами в наших водах еще до того, как организаторы операции ввели основные силы. Ее обнаружил корабль капитан-лейтенанта Кулакова и высадил на борт досмотровую группу пограничников во главе с лейтенантом Долгачевым. Потом привел в бухту Широкая.

Маневрировали силами, меняли тактику моряки-тихоокеанцы, и с каждым месяцем увеличивался счет задержанных шхун. Авторитет Якова Терентьевича как умелого и инициативного руководителя рос. Вскоре Якова Терентьевича перевели в Москву. Заместителем начальника пограничных войск.

И снова тревожный вопрос самому себе: «Осילו ли?!» Не округ, а вся граница морская — 47 тысяч километров по Каспию и Черному морю, по Балтике и арктическому Северу, по Тихому океану.

Многих моряков-офицеров Главного управления пограничных войск Яков Терентьевич знал по прежней службе. Вместе с капитаном 1-го ранга Н. Д. Бозько ремонтировал и строил новые «морские охотники» в годы войны, а после разгрома гитлеровцев восстанавливал морские пограничные части со всем их сложным хозяйством. Много тогда инициативы и находчивости проявил Бозько. Видел Резниченко, что еще опытней за те годы, которые они не были вместе, стал офицер.

Или капитан 1-го ранга Г. В. Савельев. Бывший командир части на Балтике. Резниченко помнил первую встречу с ним вскоре после войны.

Трудную часть предстояло принять Георгию Васильевичу Савельеву. Корабли потрепаны войной, некоторые офицеры продолжают жить по принципу: «война все спит», забывая, что война кончилась и они вновь стали пограничниками — полпредами своей страны, и любая их вольность может перерасти в межгосударственный скандал. А в то время буржуазные эмигрантские «правительства» Прибалтийских республик искали такого скандала, чтобы попытаться оправдать свою подрывную деятельность против Советского Союза.

Но, проявляя выдержку, не поддаваясь на провокации, пограничники вместе с тем не имели права хоть в

какой-то мере ослаблять охрану границы. Ведь в первую очередь по морю пытались пробиться связные от эмигрантских «правительств» и империалистических разведок к бандам буржуазных националистов и недобитых фашистских головорезов. По морю же поступало им оружие и боеприпасы. Из этой обстановки и вытекала главная задача моряков-пограничников: непроходимым сделать море для пособников бандитских групп.

Трое предшественников Савельева не смогли в полной мере справиться с этой задачей. Исправить их промахи и упущения предстояло ему.

Подробно познакомил тогда Яков Терентьевич Резниченко нового командира части с обстановкой, рассказал о командирах кораблей и офицерах штаба, способности и недостатки многих из которых узнал сам еще в годы войны, и пожелал ему «семь футов под килем». Савельев вывел часть из прорыва на главный фарватер, уверенно повел людей к главной цели.

Столь же опытные были и другие офицеры управления. Каждый из них хорошо знал свое дело и добросовестно работал. Никто не нуждался в мелочной опеке. Все это давало возможность Якову Терентьевичу сразу же взяться за главные звенья: обновление корабельного состава, совершенствование организационной структуры, подготовку кадров офицеров и младших специалистов.

Когда Резниченко еще служил на Дальнем Востоке, он знал, что по заказу пограничных войск началось строительство новых пограничных кораблей, более быстроходных, оснащенных новейшей техникой. Хотелось тогда, чтобы поскорей их спустили на воду. И вот теперь ускорить строительство этих кораблей предстояло ему.

Резниченко собрал специалистов управления.

— Два вопроса нужно решить, — начал он совещание. — Первый — куда направим новые корабли? Скоро они начнут поступать к нам. Думаю, большую часть тихоокеанцам отдадим.

С этим предложением согласились все.

— Второе, — продолжил Яков Терентьевич, — завтрашний день нашего флота. Корабли, которые строятся по нашему заказу, хорошие. Но уже сегодня нам нужно думать о новых проектах. Флот всего мира развивает сейчас скорость, и мы не можем не учитывать этого. Думаю, нашим специалистам следует более активно

влиять на научно-исследовательские лаборатории и институты, разрабатывающие новые проекты малых судов. Выходить к ним с нашими предложениями нужно. Без спешки, но и не затягивая. Через два-три месяца мы должны определить, что нужно нам на ближайшие годы.

Через неделю я выеду. Посмотрю, какие есть возможности расширить школу младших специалистов. О них тоже загодя нужно подумать. В комплексе все решать следует.

Как в годы войны Яков Терентьевич шел в тот боевой поход. И опять же не оттого, что не доверял подчиненным, а считал это своей обязанностью. Он часто ездил на судостроительные заводы, где строились новые корабли; он лично участвовал в разработке новых проектов, стремясь к тому, чтобы новые корабли отличались и быстроходностью, и хорошими мореходными качествами, могли ходить в любую погоду. А когда пограничники получили первый корабль на подводных крыльях, вице-адмирал Яков Терентьевич Резниченко вышел на нем в поход.

Отдали швартовы. Неторопливо отвалил корабль от пирса, лениво двинулся вперед, но вскоре встрепенулся, будто напрягся всем своим стальным корпусом, и вот уже, словно чайка перед бурей, летит, распластав крылья и едва касаясь ими воды. А море, кажется, стремительно несется голубой бесконечностью навстречу летящему судну.

Никогда еще не испытывал Резниченко такой радости, такого восторга. Даже на первой своей ходовой вахте... И изменил своему правилу — не стал сдерживать своих чувств, своего восторга.

— Таких красавцев да побольше нам! Таких птиц! — Помолчал немного и добавил, вроде убеждая самого себя: — Грамотно их использовать нужно. Во взаимодействии с обычными.

Резниченко и в самом деле убеждал себя. Почти все офицеры управления считали, что корабли должны быть сосредоточены в крупные морские части. Легче тогда наладить их обслуживание и ремонт, особенно новых, со сложной навигационной аппаратурой. Но главное даже не в этом. Как считали моряки, флотский командир, отлично знающий тактико-технические данные кораблей, сможет их более правильно использовать в охране границы. Яков Терентьевич поддерживал это мнение и со свой-

ственной ему последовательностью и упорством проводил его в жизнь. Но иной раз возникало у него сомнение. Думал: возможно, правы те, кто отстаивает старую, уже испытанную тактику небольших подразделений, оперативно подчиненных сухопутному отряду. Ведь надежно же моряки-пограничники охраняли морскую границу, чем и завоевали заслуженную славу. Никто не знал об этих сомнениях Якова Терентьевича, да и сам он отгонял их, но они нет-нет да и возникали. После похода на крылатом окончательно убедился: нельзя новую технику использовать по старинке.

Прощаясь с командиром, спросил:

— В подготовке младших специалистов есть упущения? Возможно, дополнить что нужно в программу?

— Нет. Хорошие ребята из школы приходят.

Похвала эта приятна была для Резниченко: много времени и энергии вложил он в то, чтобы школа младших специалистов не отставала от требований времени. Сам следил за подбором и воспитателей, и преподавателей. Не раз бывал у главкома Военно-Морского Флота, просил помощи от флота. Его правилом стало: постоянно изучать новое в работе школы. Благодаря усилиям Якова Терентьевича школа за последние годы выросла почти вдвое. Пополнилась она и новой учебной техникой. И вот результат: «Хорошие ребята из школы приходят». Еще раз мысленно приказал Резниченко себе: «Школа — вот моя главная забота и впредь!»

До последних дней жизни Резниченко был верен этому приказу. Последний раз поехал он в школу после тяжелой болезни, не совсем еще окрепший.

— Не следовало бы в этом году ездить, — советовали ему сослуживцы и подчиненные.

— Нет. Не могу изменить правило. Там смена наша растет, а кто, как не мы, должен о ней заботиться?!

И поехал. Может, хотелось ему взглянуть последний раз на свое детище, на молодых парней, здоровых и сильных, которым предстояло взять в свои руки дела и судьбы флота пограничных войск.

На обратном пути написал в вагоне письмо сыну, который служил солдатом в Воронежской области. Свое последнее письмо.

«Скоро подъезжаю к Воронежу, все мысли, конечно, о тебе. Хочется увидеть тебя в форме защитника Родины. Я возвращаюсь из командировки, был у своих воинов.

Должен тебе сказать: я весьма горжусь молодежью, она умело и очень трудолюбиво осваивает технику, и у меня полная убежденность, что дело защиты Родины находится в надежных руках.

В моем хозяйстве успеваемость хорошая и отличная. Только буквально единицы — лоботрясы, но и они перестраиваются, ибо не в силах сопротивляться нажиму товарищей.

...Желаю тебе, родной, добрых солдатских успехов. Очень скучаю. По-прежнему работаю с напряжением, не могу иначе...»

Он не мог жить иначе. Он привык к напряженному матросскому труду, к благородному труду защитника морских границ своей страны, к труду, который требует от человека всех сил и способностей без остатка.

Геннадий Ананьев

СОДЕРЖАНИЕ

Николай Быстрых	А. МАРЧЕНКО	6
Андрей Коробицын	М. СЛОНИМСКИЙ	31
Иван Масленников	А. ЧЕХОВ	63
Григорий Степанов	Д. ЖУКОВ	108
Кузьма Синилов	М. СМИРНОВ	151
Тимофей Строкач	Г. МИРОНОВ	204
Алексей Лопатин	В. БЕЛЯЕВ	266
Сергей Гусаров	Г. МИРОНОВ	302
Яков Резниченко	Г. АНАНЬЕВ	345

П43 **Пограничники.** Сборник М., «Молодая гвардия», 1977.

384 с. с ил., фотогр. (Жизнь замечат. людей. Серия биогр. Вып. 10(532).)

На обороте тит. л. сост.: Г. Ананьев, М. Смирнов.

Эта книга рассказывает о жизни выдающихся героев пограничников, руководителей и организаторов наших славных пограничных войск. Краткие биографии героев подобраны так, что перед читателем проходит вся история погранвойск страны.

П ~~70302—290~~ без объявл.
~~078(02)—77~~

355.78

ИБ № 1375

ПОГРАНИЧНИКИ Сборник

Редактор **Г. Сальникова**

Серийная обложка **Ю. Арндта**

Рисунок на обложке **Г. Пондопуло**

Художественный редактор **А. Степанова**

Технический редактор **Н. Баранова**

Корректор **З. Харитонова**

Сдано в набор 27/VI 1977 г. Подписано к печати 3/XI 1977 г.
А00780 Формат 84×108^{1/2} Бумага № 1 Печ л 12 (уст
20 16) + 24 вкл. Уч изд л 24 Тираж 100 000 экз Цена
1 р 80 к Заказ 1019

Типография ордена Трудового Красного Знамени издательства
ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия» Адрес издательства и типогра-
фии 103030, Москва, К 30, Сущевская 21.